

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛГОВ»
СТАВРОПОЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ФГАОУ ВО «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЯЗЫК. ТЕКСТ. ДИСКУРС

НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 17

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации
серийных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN)
с присвоением международного стандартного номера ISSN 2224-0810

Ставрополь 2019

УДК 801
ББК 881.0
Я 41

Редакционный совет альманаха:

Манаенко Г.Н., д. филол. н., проф. (Ставрополь, Россия) – председатель;
Алимурадов О.А., д. филол. н., проф. (Пятигорск, Россия) – зам. председателя;
Факторович А.Л., д. филол. н., проф. (Краснодар, Россия) – зам. председателя;
Градинарова А.А., Ph. D., Prof. (София, Болгария);
Екшембеева Л.В., д. филол. н., проф. (Алматы, Казахстан);
Златев Йордан, Ph. D., Prof. (Лунд, Швеция);
Красса С.И., доц., к. филол. н. (Ставрополь, Россия);
Манаенко С.А., доц., к. филол. н. (Ставрополь, Россия);
Норман Б.Ю., д. филол. наук, проф. (Минск, Белоруссия);
Осташевский А.В., д. филол. наук, проф. (Краснодар, Россия);
Панде Хем Чандра, M.A., Prof. (Нью Дели, Индия);
Рябов В.Н., д. филол. наук, проф. (Краснодар, Россия);
Селиванова Е.А., д. филол. наук, проф. (Черкассы, Украина);
Тамерьян Т.Ю., д. филол. наук, проф. (Владикавказ, Россия);
Ходус В.П., д. филол. наук, проф. (Ставрополь, Россия).

Редакционная коллегия:

Манаенко Г.Н. (Ставрополь, Россия) – главный редактор;
Алимурадов О.А. (Пятигорск, Россия) – зам. главного редактора;
Факторович А.Л. (Краснодар, Россия) – зам. главного редактора;
Манаенко С.А. (Ставрополь, Россия) – ответственный секретарь;
Красса С.И. (Ставрополь, Россия); *Лату М.Н.* (Пятигорск, Россия);
Патюкова Р.В. (Краснодар, Россия); *Ходус В.П.* (Ставрополь, Россия)

Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского
Я 41 отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 17.
Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019. 296 с.

ISSN 2224-0810

Материалы альманаха размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной библиотеки (<http://elibrary.ru>) и на странице официального сайта Российской коммуникативной ассоциации (<http://www.russcomm.ru>).

УДК 801
ББК 881.0

ISSN 2224-0810

© Научный альманах Ставропольского
отделения РАЛК «Язык. Текст. Дискурс», 2019

Содержание

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА, ТЕКСТА И ДИСКУРСА

<i>Карасик В.И.</i> СЕМИОТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСА	6
<i>Манаенко Г.Н.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТЕ: ПРЕДИКАЦИЯ И ПРЕДИКАТИВНОСТЬ	22
<i>Дементьев В.В.</i> КОНЦЕПЦИЯ КОСВЕННОСТИ А. ВЕЖБИЦКОЙ И ИЗУЧЕНИЕ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ	32
<i>Манаенко С.А.</i> ЭТИЧНОСТЬ ТЕКСТА КАК ОСНОВА ДИСКУРСИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	63
<i>Сигал К.Я.</i> КОНТРАСТИВНАЯ ПУНКТУАЦИЯ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА ..	69
<i>Красса С.И.</i> РАМКИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ...	79
<i>Пономаренко Е.А., Герасименко Ю.А.</i> РОЛЬ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ В ФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА В КОНЦЕПЦИИ МИШЕЛЯ ФУКО)	89

РАЗДЕЛ II. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА, ТЕКСТА И ДИСКУРСА

<i>Воркачев С.Г.</i> ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ГИМНОДИЯ РЕСПУБЛИК БЫВШЕГО СССР	97
<i>Романова Т.В.</i> ИДЕОЛОГЕМЫ И АКСИОЛОГЕМЫ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	105
<i>Кондратьева О.Н., Маликова Ю.В.</i> ДИСКРЕДИТАЦИЯ ФЕНОМЕНА РЕВОЛЮЦИИ В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	115
<i>Дэжиоева В.П., Рахматулаева Т.Г., Тамерьян Т.Ю.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: БИЛИНГВАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	124
<i>Каменева В.А., Горбачева О.Н.</i> КОНТРАДИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В АСПЕКТЕ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ ЖЕНСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ГРУППЫ	131
<i>Каневская Т.Д.</i> КОНЦЕПТ «ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	141

РАЗДЕЛ III. ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСНЫХ ФОРМАЦИЙ И ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

<i>Селиванова Е.А.</i> КОГНИЦИЯ И ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ В РУССКИХ КРОССВОРДАХ	155
<i>Бредихин С.Н., Бабаянц В.В.</i> СТРУКТУРНО-ЭКСПЛИКАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ТРАНСЛЯЦИИ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ВИРТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА	169
<i>Мальшичева Е.Г., Егояшкина В.А.</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСКУРСИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ВЕДУЩЕГО РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЙ РАДИОПРОГРАММЫ	180
<i>Сидорова Т.А.</i> ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ ПОЛИТИКА СЕРГЕЯ МИХЕЕВА	188
<i>Руденко К.Н.</i> ФЕНОМЕН ПОВЕСТКИ ДНЯ В СМИ, ЕЕ ФУНКЦИИ И ИНСТРУМЕНТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ	197
<i>Чирва Н.И.</i> ОБРАЗЫ КИНОСОБЫТИЙ В ДИСКУРСЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИА	202
<i>Какзанова Е.М.</i> ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ДИСКУРС (на примере писем Моцарта)	205
<i>Михайлова Е.В., Герасимова Н.А.</i> УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ВУЗЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ	214

РАЗДЕЛ IV. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

<i>Нильсен Е.А., Воложанина Т.С., Талашова Н.Г.</i> К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ФЕВРАЛЬ. ДОСТАТЬ ЧЕРНИЛ И ПЛАКАТЬ! ...» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ	224
<i>Хем Чандра Панде</i> СВИДАНИЕ СО СМЕРТЬЮ: ОТРАЖЕНИЕ ПРИБЛИЖАЮЩЕЙСЯ СМЕРТИ В ПОВЕСТИ «ПОСЛЕДНИЙ СРОК» ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА	230
<i>Луке И.Г., Рябов В.Н.</i> ОБРАЗОВАНИЯ, ПОСТРОЕННЫЕ ЧЕРЕЗ ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЙ ИХ СТРУКТУРИРОВАНИЮ, КАК ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ – АСИСТЕМНОСТИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ ПОВЕСТИ А.Н. ТОЛСТОГО «ГАДЮКА»	236
<i>Хисимова Г.Г.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВОПРОСНО-ОТВЕТНОЙ ФОРМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА ...	243

Калинина Л.В. КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ СИНОНИМЫ АДЪЕКТИВА НЕУЛОВИМЫЙ КАК СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ЕГО СЕМАНТИКИ	251
Кузнецова Т.Б., Борисова Т.Г. ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ В РАННИХ РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА	258
Михайлова Е.В., Назарко Е.В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ДИСКУРСА В ТЕКСТАХ НА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ТЕМЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ- МУЗЫКАНТОВ	264

РАЗДЕЛ V. РЕЦЕНЗИИ

Васильев Л.Г. КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К АРГУМЕНТИРУЮЩЕМУ ДИСКУРСУ / Res ad op.: В.С. Григорьева. Интегративность форма- та речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе (на примере бытовых дискурсивных жанров): Дисс. ... д. филол. н. / 10.02.19 – теория языка. – Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2018. – 350 с.	282
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	286
---------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНОМ АЛЬМАНАХЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАЛК «ЯЗЫК. ТЕКСТ. ДИСКУРС»	294
---	-----

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА, ТЕКСТА И ДИСКУРСА

УДК 811.1

В.И. Карасик

СЕМИОТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСА

Аннотация. Предложен семиотический подход к моделированию дискурса, представляющий собой его характеристику с позиций 1) соотношения его формы и содержания 2) определения типов содержания. В первом случае можно выделить три уровня манифестации дискурса на основании признака контекстуализации – высказывание, жанр и тип дискурса. Во втором случае уточняются семиотически релевантные признаки его содержания. Осмысление дискурса как сигнального, иконического или символического знакового образования дает возможность осветить 1) его фатическое осуществление, 2) его тематику в связи с обстоятельствами общения и 3) правила, лежащие в основе его организации. Объяснение дискурса с позиций соотношения его семантики, прагматики и синтактики сориентировано на раскрытие 1) его тематики, 2) личностно-ситуативных характеристик общения (особенно значимы в этом плане различные типы неассертивных смыслов – эмблемы, аллегории и символы) и 3) дискурсивной комбинаторики, интердискурсивных связей и эволюционных изменений дискурса. Семиотическое моделирование дискурса раскрывает его многомерную природу и дает возможность учесть его структурные, тематические, социально-психологические, тонально-прагматические и ситуативно-режимные параметры.

Ключевые слова: дискурс, модель, семиотика, жанр, смысл.

В науке противопоставляются феномены (явления, подлежащие изучению) и конструкты (модели этих явлений, построенные исследователями). К числу таких моделей относятся схемы, отражающие совокупности подходов к изучению дискурса. Изучение дискурса привлекает к себе внимание многих современных исследователей (Арутюнова, 1990; Борботько, 1998; Водак, 1997; ван Дейк, 2000; Демьянков, 2005; Кибрик, 1994; Кубрякова, 2000; Макаров, 2003; Манаенко, 2011; Седов, 1999; Серию, 1999; Степанов, 1995; Чернявская, 2001;

Brown, Yule, 1983; Coulthard, 1985; Faircough, 1992; Schiffrin, 1994; Slembrouck, 2002; Stubbs, 1983). Основные подходы к осмыслению этого феномена сводятся к моделированию его структурных, функциональных, культурно-исторических и личностно-ситуативных характеристик. Соотношение феномена и конструкта в гносеологическом плане соответствует принципам познаваемости мира, полиаспектности явлений и вытекающей отсюда множественности моделей и асимптотическому приближению конструкта к реальности, т.е. мир познаваем, допускает множество измерений, и наши представления о реальности постоянно приближаются к ее сути.

В данной работе предлагается модель изучения дискурса, в основу которой положены его семиотические характеристики. Дискурс понимается как текст, погруженный в ситуацию общения (уточненная формулировка известного определения «Речь, погруженная в жизнь», по Н.Д. Арутюновой).

В семиотическом плане, как известно, противопоставляются форма и содержание знака, и если дискурс рассматривается как семиотический феномен, то мы вправе выделить его формальные и содержательные признаки. Форма знака представляет собой его чувственно воспринимаемую оболочку, то, что называется телом знака. Применительно к языковым единицам мы говорим о трехуровневом понимании формы языкового знака. На первом уровне (это фонетические или графические знаки) перед нами чувственно воспринимаемые сигналы. На втором уровне – сигналы сигналов, речь идет о значении как знаке, для которого содержание чувственно воспринимаемой оболочки превращается в форму, такова семиотическая природа слов и словосочетаний, а также автосемантических высказываний, взятых вне контекста. На третьем уровне происходит усложнение знаковых характеристик языковых единиц, которые становятся единицами общения и в которых значение приобретает статус смысла, привязанного к ситуации и личностям участников коммуникации, схематически это сигнал сигнала сигнала, здесь имеет место двойное переворачивание формы и содержания с переходом этих сущностей на новую ступень. Контекстуализация – это переход знака на его высший уровень. Двигаясь в обратном направлении, мы можем сказать, что контекстуализованный знак открыт нам для непосредственного восприятия и осмысления, далее мы можем установить его значение как абстрактный конструкт и, наконец, определить его форму (тип).

Применительно к дискурсу как ситуативно и культурно обусловленному коммуникативному феномену его контекстуальная ипостась сво-

дится к тексту и релевантным признакам ситуации, позволяющим понять этот текст в его конкретном воплощении. Абстрагируясь от конкретного текста, мы приходим к текстотипу, и, обобщая ситуативные характеристики коммуникации, мы говорим о дискурсивном жанре. Самой абстрактной ступенью представления дискурса становится в таком случае определение его типа. Например, сталкиваясь с устным телевизионным выступлением политика, мы понимаем, что перед нами жанр предвыборных дебатов и относим это явление к политическому дискурсу. Это справедливо и в отношении любого типа дискурса: мы видим конкретный текст рассуждений, оформленных по канонам научной статьи, понимаем, что перед нами статья, и оцениваем ее как соответствующую или не соответствующую научному дискурсу в той или иной его тематической предметной разновидности. Таково содержательно-формальное измерение дискурса.

Уточнение содержательных семиотических характеристик языковых знаков представлено в трех типах знаков, по Ч. Пирсу: иконических, сигнальных и символических (Пирс, 2000). Первые являются изобразительными и, замещая реальность, содержат узнаваемые характеристики этой реальности (таковы идеограммы и звукоподражания), вторые принципиально условны и связаны с реальностью только произвольно (подавляющее большинство языковых знаков), третьи включают программу интерпретации (знак превращается в ориентир поведения, например, этикетное приветствие требует ответного этикетного приветствия). Заметим, что третий тип знаков не вписывается в строгую дихотомическую модель соответствия либо несоответствия знака и референта, предполагает качественно иное осмысление знака, и поэтому представляет собой переход от семантики к прагматике знака.

Применительно к дискурсу противопоставление иконических и сигнальных знаков, т.е. противопоставление иконического и сигнального общения, может быть осмыслено как информативное либо фатическое общение, в первом случае в коммуникации есть связь между тематическим содержанием и обстоятельствами коммуникации, во втором случае такой связи нет. Символическое осмысление дискурса (в семиотическом понимании символа) предполагает поведение его участников в соответствии с дискурсивными нормами. В научном дискурсе его конститутивными признаками считаются рациональная аргументация и доказательность, в рекламном дискурсе – эмоциональное воздействие на адресата и персуазивность, включающая отсылки к авторитету и допускающая манипулятивность. Отметим, что в реаль-

ном общении эти простые схемы осложняются, поскольку имеет место размывание дискурсивных границ, с одной стороны, и каждый тип дискурса и каждый жанр представляет собой полевое образование, включающее типичные и менее типичные разновидности, с другой стороны. Например, в жанре научного доклада могут появиться включения, относящиеся к политической полемике, рекламному продвижению своей позиции или к несерьезному общению. Так, в научном докладе, посвященном специфике понимания лингвистики и филологии, один авторитетный ученый недавно разбил наше научное сообщество на лингвистов (тех, кто изучает язык как систему), филологов (тех, кто исследует и описывает различные тексты) и «ренегатов от лингвистики» (тех, кто претендует на строгое научное моделирование языковых единиц, но занимается истолкованием их употребления в речи). Такая полемика вызвала улыбки аудитории, но в свое время квалификация тех или иных научных конструктов как примеров буржуазной лженауки приводила авторов этих конструктов к весьма печальным последствиям.

Важнейшей семиотической моделью содержания знаков является противопоставление трех функциональных характеристик этих явлений – семантики, прагматики и синтактики, т.е. отношения знака к реальности, к интерпретатору и к другим знакам (Моррис, 1983). Обычно в качестве иллюстрации приводится средний уровень бытования языковых знаков – лексические знаки. Так, мы понимаем, что слово «цирк» в его прямом значении относится к развлекательному учреждению, в котором работают акробаты, укротители, иллюзионисты, клоуны и т.д. (*«Давайте сходим в цирк в воскресенье?»*), в переносном смысле может означать нечто несерьезное (*«Это было не торжественное заседание, а цирк»*), и системно соотносится с другими словами, обозначающими развлечения либо нечто предосудительное (*«Я не очень люблю цирк, лучше сходим в театр»*; *«Надоел этот цирк по телевизору на одну и ту же тему, этот бесконечный балаган»*). Дискурсивное осмысление функциональных знаковых характеристик содержания общения позволяет раскрыть его семантические, прагматические и синтаксические особенности.

Семантика дискурса – это его тематическая отнесенность с ситуативно-личностными уточнениями. Таковы, например, типичные проявления медицинского дискурса в жанре рекомендации:

«Евгений Алексеевич, Вам нужно сбалансировать диету, больше гулять на свежем воздухе и отказаться от вредных привычек.

Выходите на прогулку каждый день, лучше в парке. У вас неплохие показатели для вашей возрастной группы. Постарайтесь поменьше нервничать, смотрите по телевизору передачи о животных. Вот вам рецепт, это новое лекарство, у него нет побочных эффектов. Всего Вам доброго!».

Тема дискурса – состояние здоровья пациента. Ситуативно-личностное уточнение темы – кабинет врача, указание на возраст пациента, некоторое сокращение дистанции между участниками общения, установление доверительных добрых отношений между врачом и пациентом. Дополнительная информация – намеренное либо ненамеренное продвижение определенных медицинских препаратов. Дополнительная культурно-ситуативная информация – характеристика телевизионных передач. Читатель, знакомый с современным российским телевидением, знает, что достаточно часто по основным каналам идут различные политические ток-шоу, вызывающие рост тревожности у широкой аудитории, особенно у людей старшего возраста.

Прагматическое измерение дискурса позволяет установить характеристики воздействия участников общения друг на друга, этот аспект речевой деятельности выдвигает на первый план не тематическую предметную специфику коммуникации, а лично и ситуативно обусловленные установки коммуникантов.

Личностные установки участников общения дают возможность определить и описать типичные векторы моделирования дискурса как интерактивного события. В такой интеракции можно противопоставить лично и статусно-обусловленное общение. В первом случае участники дискурса ведут себя так, как хорошо знающие друг друга партнеры по коммуникации, во втором случае они выступают в качестве представителей тех или иных социальных групп (Карасик, 2002). Это противопоставление основано на известной модели коммуникативных дистанций, предложенных Э. Холлом (Hall, 1969). Разграничиваются четыре типа таких дистанций – интимная, дружеская, социальная и публичная. Эти дистанции соответствуют возможностям физического контакта и, что важно в коммуникативном плане, влияют на способы общения. Интимная дистанция (ребенок на руках у матери либо обнимающиеся влюбленные) вряд ли интересна для лингвистического описания. Дружеская дистанция (люди, которые держатся за руки или могли бы это делать) характеризуется специфической манерой речи: быстрый темп, не очень четкое проговаривание, наличие жаргонизмов и, в ряде случаев, сниженной лексики, обрывы фраз в случаях, когда

собеседник уже понял сообщение, а главное – установка на то, что пресуппозиции собеседника совпадают с пресуппозициями говорящего, и поэтому нет необходимости в пояснениях. Социальная дистанция (общение на расстоянии, предполагающем, что собеседник услышит сказанное с нейтральной громкостью голоса) ориентирует коммуникантов на общение с незнакомыми или полужнаемыми людьми и отличается отчетливостью речи, стремлением использовать только единицы нейтрального стиля, допущением того, что пресуппозиционный фонд собеседника не совпадает с таким фондом говорящего. На этой дистанции осуществляется общение в различных социальных институтах и люди ведут себя в соответствии с институциональными нормами. Публичная дистанция в этом ряду отличается от всех предшествующих вариантов общения, поскольку расстояние между коммуникантами столь велико, что отправителю речи приходится форсировать голос, контролировать мимику и жесты, при этом общение перестает быть симметричным, поскольку слушающие преимущественно молчат и могут лишь демонстрировать понимание или непонимание и ту или иную степень поддержки по отношению к говорящему.

В лингвистическом плане наибольший интерес представляют дружеская и социальная дистанции общения. Первая характеризует общение между своими, вторая – между чужими. Общение между своими распадается, в свою очередь, на коммуникацию бытовую и бытийную, бытовое общение обеспечивает нормальное функционирование первичных малых групп общества, это коммуникация в семье и между друзьями, бытийное характеризует эмпатическое проникновение во внутренний мир другого человека, пусть и незнакомого, но как бы своего, и относится к художественной литературе, а также к некоторым разновидностям общения с самим собой (личный дневник) или религиозного диалога (исповедь). На уровне личностно обусловленного дискурса на первый план выступает соотношение между сказанной и подразумеваемой информацией. Отметим, что в семиотике этот вопрос трактуется с двух позиций.

Первая состоит в фундаментальном свойстве любого знака, который лишь частично передает некоторое содержание: всякое высказывание есть иносказание, по Л.С. Выготскому (Выготский, 1999). Любое сообщение представляет собой нечто, подобное айсбергу, и невысказанная часть смысла в нем превалирует. Как только пресуппозиция озвучивается, этот айсберг переворачивается, и адресат вынужден конструировать то, что не высказано:

У людей есть глаза, чтобы видеть. – Простите, я не заметил, что это место занято.

В приведенном диалоге первая реплика представляет собой констатацию общеизвестного положения дел, но содержит упрек адресату, который не обратил внимания на то, что некоторое место было занято. Такие высказывания часто оказываются прагматически нагруженными. Можно согласиться с тем, что в таких высказываниях проявляется «принцип некооперации» (Николаева, 1990), осознанное стремление говорящего выйти на конфликт.

Выражение неассертивной, скрытой части высказывания преследует разные цели, в том числе делает такое предложение необычным и запоминающимся. Такова, например, реклама на одном из кафе:

Мы кормим людей!

Первая реакция при прочтении такого текста – удивление: кого же еще можно кормить в кафе? Пресуппозиция, лежащая в основе предназначения любого предприятия общественного питания – столовой, кафе или ресторана, состоит в том, что посетителями этих заведений являются люди. Дальнейшее тема-рематическое движение мысли при прочтении этого занятого объявления фокусирует наше внимание на акцентированном выражении субъекта: оказывается, что только в этом кафе кормят людей. Третий вариант осмысления этого текста связан с действием, соответственно, возникает мысль о том, что в других подобных заведениях с посетителями делают что-то иное. В целом же можно констатировать, что рекламная цель этого объявления выполнена, такой текст запоминается и привлекает внимание посетителей к этому кафе.

Вторая позиция отражает естественное различие между высказываниями, предназначенными для выражения прямого или непрямого смысла. В обиходной и необходимой речи высказывания, не требующие глубинного осмысления, представлены достаточно широко:

По пути домой купи хлеб; У меня голова болит; Заходите, садитесь. На что жалуетесь? и т.д.

Наряду с этими коммуникативными образованиями в общении широко представлены различные виды непрямого общения (Дементьев, 2006). Можно выделить два основных подхода к моделированию знаков непрямого общения: в первом случае нас интересует соотношение между выраженным и невыраженным смыслами, во втором случае – интерпретативный вектор смысла.

Говоря о соотношении между невыраженной и выраженной информацией, отметим бинарное единство пресуппозиции и ассерции, под-

разумеваемого и эксплицированного компонентов знания. Содержательные характеристики этих компонентов знания весьма различны, в пресуппозициях разграничиваются знания о мире и о нормах поведения, но выделяются и другие основания для построения типологии невыраженного знания, например, общечеловеческие и этноспецифические пресуппозиции. Этноспецифические неассертивные установки образуют совокупность фоновых знаний (Верещагин, Костомаров, 1980; Шмелёв, 2002). Такие неассертивные части смыслов могут быть нейтральными либо маркированными для той или другой группы людей. Например, по неписанному кодексу заключенных им нельзя поднимать с пола упавшую ложку.

В прагмалингвистике традиционно выделяются импликации и инференции, т.е. невыраженный смысл высказывания, соотносимый с позициями отправителя либо получателя речи. Такое распределение интерпретативных позиций соответствует известной модели Дж. Остина (Остин, 1986), в которой противопоставляются локуция, иллокуция и перлокуция (то, что сказано, то, что вкладывается в текст, и то, что воспринимается). Соглашаясь с этой схемой, подчеркнем, что во многих элементарных ситуациях иллокутивный и перлокутивный смыслы совпадают, и, более того, принцип диалогичности общения, сформулированный М.М. Бахтиным (Бахтин, 1996), нивелирует различия между отправителем и получателем речи. Тем не менее, в ряде случаев импликация и инференция не совпадают:

Едет такси. Сзади сидят двое пассажиров и разговаривают.

- *Представляете – я вчера был в ресторане, так у официанта, когда он наливал вино, не было салфетки на руке.*

- *Да что вы говорите... Я тоже недавно был в ресторане с дамой, так официант меню подал сначала мне!*

- *Да не может быть!*

Водитель не выдержал и спрашивает:

- *Джентльмены, ничего, что я к вам спиной сажу?*

Беседуя о нарушениях этикетных манер поведения, участники общения стремятся подчеркнуть свой статус светских людей и вкладывают в свои высказывания информацию о том, что эти нормы следует знать. Присутствующий при этом третий участник диалога иронически комментирует их беседу, показывая им, что они ведут себя претенциозно.

В лингвистике выделяется также особый тип невыраженной информации – подтекст, т.е. эмоционально-стилевое содержание, вытекающее из коммуникативной ситуации и содержания текста (Гальперин, 1981).

Обычно о подтексте говорят применительно к художественному тексту, но этот тип невыраженной информации можно установить в обиходном дискурсе, а также в любом виде институционального общения – политического, педагогического, медицинского и т.д. Например:

Перебежал улицу на красный свет и был сбит встречным пешеходом (М. Жванецкий).

Мы знаем, что нельзя переходить дорогу при красном свете светофора, но известно также, что многие в нашей стране нарушают это правило. В ироническом наблюдении известного сатирика сталкиваются несколько информационных пластов: фактическое содержание, парадоксальные сведения о происшествии (обычно пешеходов сбивает транспортное средство), эмоциональный подтекст, в котором выражена мягкая ирония по поводу недостаточного уважения к правилам нашими соотечественниками.

Аналогичный подтекст можно увидеть в примечании, которое обычно делает мой друг, уважаемый российский лингвист, сообщая коллегам в информационной рассылке о предстоящих конференциях:

Дедлайн на самом деле до (указывается дата).

Подразумевается, что мы обычно надеемся на то, что можно немного опоздать.

Интерпретативный вектор смысла акцентирует внимание не на содержании некоторого текста, а на тех установках интерпретатора, которые обеспечивают понимание высказывания. Можно выделить три разновидности таких установок: эмблематическая, аллегорическая и символическая интерпретация дискурса (Карасик, 2010). Эмблематическое понимание дискурса выводит на первый план характеристики личностей коммуникантов. Например:

Ты как с матерью разговариваешь?

Человек должен знать, что с матерью следует общаться с уважением.

Entre nous, спектакль не очень интересен.

Говорящий использует французское выражение («между нами (будь сказано)») для того, чтобы показать свой образовательный статус и продемонстрировать собеседнику, что относит его к людям своего круга.

Моделирование коммуникативных эмблем представляет собой обширное поле для исследований. Сюда относятся, в частности, определенные дискурсивные образования, позволяющие сразу же определить, кем является или кем хочет себя показать собеседник:

Я как историк считаю, что...; Ты чё, типа сачкуешь?; Помоги, милоч!

Подобные эмблемы представляют собой ориентиры для построения коммуникативных установок в любом диалоге.

Аллегорическая организация общения представляет собой намеренное использование знаков, требующих поиска подразумеваемой информации и обычно, хотя и не всегда, допускающих единственное прочтение. Это использование пословиц, цитат, аллюзий, притч и басен или их фрагментов с целью назидания, выражения иронического отношения к чему-либо или для создания определенной атмосферы общения:

Извините, я забыл указать издательство на титульной странице. – Человеку свойственно ошибаться.

Отвечающий даёт понять, что не считает проблему серьезной.

Ничего я не доказал начальнику... Против лома нет приёма.

Оправдываясь, говорящий констатирует ограниченность своих возможностей и, по всей видимости, несправедливость мироустройства.

Символическое осмысление дискурса нацелено на поиск сверхценной информации и допускает множественность интерпретации смысла (Аверинцев, 1983). Отметим, что в данном случае семиотическое понимание символа как программы интерпретации знака уточняется: перед нами прагматический символ. Например:

Нашедший грош и не поднявший его не стоит даже этого гроша (Мидраш).

В этом изречении говорится о том, что следует ценить те возможности, которые открываются перед нами, какими бы малыми они ни казались вначале. Другое толкование обращает наше внимание на то, что человек сам виновен в том, что с ним происходят те или иные неприятности. Третья интерпретация напоминает нам о том, что не следует отчаиваться, какой-нибудь шанс появится. Список можно продолжить. В этом состоит специфика интерпретации символов: они принципиально открыты для дальнейших толкований. Вместе с тем подчеркнем, что один и тот же текст может быть проинтерпретирован в прямом смысле либо в переносном, а в переносном в ряде случаев воспринят эмблематически, либо аллегорически, либо символически.

У ситуативно-обусловленных установок есть внешние и внутренние характеристики регуляции взаимоотношений между коммуникантами. Внешние характеристики сводятся к пониманию особенностей коммуникативного режима, который может быть устным либо письменным, контактным либо дистантным, протокольно-документальным либо

естественным. Эти и другие характеристики режима общения детально охарактеризованы в известном исследовании М. Халлидея (Halliday, 1978). Внутренние характеристики коммуникативного режима представляют собой выбор определенной коммуникативной тональности, т.е. эмоционально-стилевого формата общения. Такая тональность весьма разнообразна и может быть содержательной либо фатической, информативной либо фасциативной, серьезной либо несерьезной (доброжелательно шутливой, иронической, саркастической, ернической), идеологически нейтральной либо маркированной, обиходно-естественной либо ритуальной и т.д.

Приведу примеры несерьезной коммуникативной тональности. В интернете размещено множество шуток о специфическом одесском отношении к жизни:

Одесса. В фойе театра висит заботливое объявление: «Администрация за оставленные вещи переживает, но ответственность всё равно не несёт».

Юмористическая тональность этого объявления состоит в том, что стандартная информация о снятии с себя ответственности за пропавшие вещи сопровождается парадоксальным выражением сочувствия к пострадавшим.

- *На рынке толкучка. Женица примеряет шляпы. Вдруг громкий возглас продавщицы:*

- *Где это чучело, что шляпу меряло?! Сбежала что ли?!*

- *Да тут я, тут.*

- *Ой, мадам, вас просто не узнать! Богиня, красавица, ну настоящая графиня!!!*

Юмористический эффект диалога заключается во внезапном радикальном изменении отношения продавщицы к покупателю (чучело – богиня). Мы понимаем, что на самом деле это отношение не изменилось, но такое коммуникативное сальто заставляет читателя или слушателя улыбнуться.

В одесском автобусе. Напротив Мони села девушка с метлой в руках. Он еле удержался, чтобы не спросить: — Что, не заводится?

В этой потенциальной реплике видна прямая аллюзия: на метле летают ведьмы, и понятно, что такой вопрос, если бы он прозвучал, стал бы прямым оскорблением. Дополнительная информация осознаётся не сразу: и у ведьмы может случиться поломка, тогда ей приходится ехать в общественном транспорте с простыми людьми. Ситуация приобретает нелепый характер и поэтому вызывает улыбку.

Юмористическая тональность характеризует ситуации, которые произошли с известными одесситами:

Однажды Утёсов и его друг Набатов зашли в одесскую парикмахерскую. — Будьте добры, постригите меня, — попросил Леонид Осипович мастера. Тот отмахнулся: — У меня обеденный перерыв. — Ну что ты мелешь! — возмущился Набатов. — Ведь перед тобой сам Леонид Утёсов! — Ну да. Так я и поверил. Нашли дурака. — Спой ему, — предложил Илья Семенович Утёсову. И тот исполнил куплет известной песни об Одессе. — Ух ты! — восторженно произнес парикмахер. — Вы и вправду Утёсов. — Ну вот и постриги меня. — Сейчас не могу, у меня обеденный перерыв.

Юмористический эффект этой ситуации заключается в нарушении пресуппозиции. Предполагается, что встреча с великим популярным певцом изменит отношение парикмахера к своему посетителю. В результате оказывается, что обеденный перерыв важнее, чем любое другое событие. Такая иерархия ценностей представляется нам комичной. Этот текст в определенной мере технологичен: последовательность реплик программируется.

Синтактика знака в семиотике характеризует соотношение этого знака с другими знаками в системе и их множественную взаимосвязь. Применительно к дискурсу можно говорить дискурсивной комбинаторике, с одной стороны, и интердискурсивных связях, с другой стороны. Эти два направления синтактики дискурса в полной мере соответствуют синтагматике и парадигматике языковых знаков, по Ф. Сосюру. Уместным представляется и третье измерение дискурса, вытекающее из эпидигматики языкового знака, по Д.Н. Шмелеву (Шмелев, 1973), т.е. эволюция того или другого дискурса.

Существуют определенные типовые комбинации конкретных высказываний, либо жанров, либо типов дискурса. Так, медийный дискурс смыкается с рекламным, развлекательным и политическим, научный — с педагогическим и просветительским, жанр статьи предполагает связь с жанром рецензии, проповедь связана с исповедью, жалоба — с утешением, оскорбление — с ответным оскорблением и т.д. Отметим, что комбинаторика жанров и конкретных высказываний в составе жанров может носить однородный либо разнородный характер, т.е. жанры могут линейно комбинироваться в рамках одно и того же дискурса либо сочетаться с жанровыми образованиями, относящимися к другому дискурсу (например, экзаменаторы порой начинают объяснять экзаменуемым суть вопросов, превращая экзамен в лекцию, но иногда всту-

пают с ними в полемику, не относящуюся к теме собеседования, переводя общение в бытовую плоскость).

Интердискурсивные характеристики общения представляют собой ассоциативные отсылки того или другого конкретного высказывания к иной коммуникативной ситуации (цитирование, аллюзия или пародия) либо к иному речевому жанру или типу дискурса.

Стихотворение Н. Басовского является откликом на замечательный поэтический текст Д. Самойлова «Давай уедем в город» («Давай уедем в город, где мы с тобой бывали»):

*Давай уедем в город, где не были ни разу,
нисколько не похожий на виденные прежде,
а разве что на мельком услышанную фразу
о снова обрётённой нечаянной надежде.
Давай уедем в город, не думая о плате, –
платить придётся завтра, а нынче всё неважно:
душа плывёт над миром кабинкой на канате,
и вниз глядеть так остро – и весело, и страшно.
Давай уедем в город, устроим на день праздник,
порадуемся молча пока зелёным веткам,
а городов немало стеснительных и разных,
и что такое праздник? –
листок, летящий с ветром!..*

В этом тексте, ритмически совпадающем с исходным стихотворением, содержится прямая аллюзия ко множеству текстов о летящем с дерева листке, от «Последнего листа» О. Генри до «Опавших листьев» Жака Превера.

В пародии М. Ахтямова «Сальери и Моцарт» ёрнически обыгрываются содержание и форма известной маленькой трагедии А.С. Пушкина:

*Все говорят – нет правды на земле,
Но нет ее и выше – поглядите,
Кому Господь дает и власть и деньги?
Тем неучам бездарным, что и званья
Великого – певец иль композитор,
Не заслужили всей своей халтурой,
И смеют за музЫку выдавать
Бездарные и пошлые творенья.
Тому пример – приятель мой Сальери,
Когда-то мы с ним вместе постигали
Великие, пленительные тайны,*

*Которые открыл великий Глюк...
Но глюк другой, ужасный с ним случился -
Увы и ах! Его пленили деньги.
И вот он в кабаках шансон голимый
Лабает для окрестной козаностры.
И вот уже попой своей бездарной
Он уши телезрителей калечит.*

Обличительный пафос речи Сальери из исходного текста карнавал-но переворачивается в цитируемых словах Моцарта. Прямая цитата «Нет правды на земле, но нет ее и выше» открывает драматическое действие, а затем происходит резкое снижение стиля. Макароническое соединение лексики высокого стиля с современным жаргоном (глюк, голимый, лабать, попса), использование итальянского обозначения мафии *cosa nostra* в русской транскрипции превращает эту развернутую аллюзию в буффонаду, карикатурное изображение события.

Производность, эпидигматическое измерение дискурса, показывает варианты развития различных коммуникативных образований. Известно, что все жанры институционального дискурса возникают на базе повседневного общения: бытовая жалоба в определенной ситуации превращается в официальную жалобу на правонарушителей, обиходная угроза становится дипломатически закрепленным протокольным текстом, обещание превращается в присягу, похвала переходит в приказ о поощрении сотрудников. Интересны случаи не только жанровой эволюции, но и инволюции (распада коммуникативного образования, не востребованного в изменившихся условиях общения). Например, весьма распространенные на определенном этапе развития общества заклинания, представляющие собой обращение к высшим силам, постепенно превратились в присловья и затем почти исчезли.

Подведём основные итоги.

Семиотическое моделирование дискурса представляет собой его характеристику с позиций 1) соотношения его формы и содержания 2) выделения и описания типов содержания. В первом случае противопоставляются три уровня манифестации дискурса на основании признака контекстуализации – высказывание, жанр и тип дискурса. Во втором случае уточняются семиотически релевантные признаки его содержания. Осмысление дискурса как сигнального, иконического или символического знакового образования дает возможность осветить 1) его фатические условия, 2) его тематику в связи с обстоятельствами общения и 3) правила, лежащие в основе его организации. Объясне-

ние дискурса с позиций соотношения его семантики, прагматики и синтактики сориентировано на раскрытие 1) его тематики, 2) личностно-ситуативных характеристик общения (особенно значимы в этом плане различные типы неассертивных смыслов – эмблемы, аллегории и символы) и 3) дискурсивной комбинаторики, интердискурсивных связей и эволюционных изменений дискурса. Семиотическое моделирование дискурса раскрывает его многомерную природу и дает возможность учесть его структурные, тематические, социально-психологические, тонально-прагматические и ситуативно-режимные параметры.

Библиографический список

Аверинцев С.С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С.607-608.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С.136–137.

Бахтин М.М. Философия поступка. М.: Лабиринт, 1996. 183 с.

Борботько В.Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 48 с.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. Благовещенск: Благовещ. гуманитар. колледж, 2000. 310 с.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.

Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: Сборник к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С.34-55.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.

Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. №5. С.126-139.

Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятель-

ность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С.7–25.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Манаенко Г.Н. Лингвистические координаты понятия «дискурс» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. №4. С.83-92.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С.37-89.

Николаева Т.М. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С.225-235.

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып.17. Теория речевых актов. М., 1986. С.22-129.

Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. М.: Логос, 2000. 448 с.

Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 180 с.

Серюо П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999. С.14–53.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20-го века: Сб. ст. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С.35–73.

Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. С.11–22.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. 288 p.

Coulthard M. An introduction to Discourse Analysis. London: Longman, 1985. 212 p.

Fairclough N. Discourse and Text: Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis // Discourse and Society. 1992. N 3. P.192–217.

Hall E.T. The Hidden Dimension. New York: Anchor, 1969. 217 p.

Halliday M.A.K. Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning. London: Arnold, 1978. 256 p.

Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford: Oxford University Press, 1994. 314 p.

Slembrouck S. What is meant by “discourse analysis”? // <http://bank.rug.ac.be/da/da.htm> 2002.

Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Blackwell, 1983. 272 p.

V.I. Karasik

SEMIOTIC MODELING OF DISCOURSE

***Abstract.** The paper deals with semiotic representation of discourse treated as text immersed in communicative situation. In this respect discourse may be analyzed from the point of view of 1) its form and content correlation and 2) types of its content. The first approach makes it possible to single out three contextually relevant levels of discourse manifestation: 1) a concrete situationally bound utterance or text, 2) a text genre and 3) a discourse type. The second approach is aimed at description of semiotically relevant contentive types of discourse. Three types of signs as proposed by Ch. Pierce allow us to describe signal, iconic and symbolic types of discourse corresponding to 1) phatic communion conventions, 2) topic and situation correlation and 3) programs of behavior as implanted in discourse. Three types of sign meaning (semantic, pragmatic and syntactic sign dimensions) as postulated by Ch. Morris focus on 1) the meaning of discourse (its topic), 2) personal and situational characteristics of interactions (non-assertive components of meaning – emblems, allegories and symbols - are especially important in this respect), 3) inter-discourse combinations, correlations and evolution patterns. Semiotic modeling of discourse enables us to see its multidimensional nature and describe its structural, topical, social, psychological and situational qualities.*

***Key words:** discourse, model, semiotic, genre, meaning.*

УДК 811.1

Г.Н. Манаенко

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТЕ: ПРЕДИКАЦИЯ И ПРЕДИКАТИВНОСТЬ

***Аннотация.** На основе анализа понятий информация и коммуникация устанавливается специфика содержания понятия пропозиции. Рассмотрение соотношения предикации и предикативности позволяет определить соотношение единица информации – единица языка и представить коммуникативную значимость и актуальность единиц информации.*

Ключевые слова: коммуникация, информация, пропозиция, предикация, предикативность.

Основным содержанием коммуникации как специфической формы взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности является передача информации посредством языка и других знаковых систем, вследствие чего неизбежно возникает вопрос о соотношении единиц информации и единиц языка. Отвечая на данный вопрос, авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» принимают в качестве допущения положение о том, что «единица информации получает выражение в предикативной единице», и далее, анализируя различные явления «усложнения» информативной и грамматической структур предложения, приходят к следующим выводам: «Иногда терминологически противопоставляют полипредикативности сложного предложения полипропозитивность простого осложненного. Но поскольку под пропозицией понимается единица, содержательно соответствующая сообщению, она не может не быть предикативной. Очевидно, различия в именовании объясняются тем, что в предикатах простых предложений, организующих сложное предложение, категории модальности, времени и лица выражены, как правило, грамматически, наглядно, а в пропозициях такой наглядности нет» [Золотова и др. 1998: 218]. Явные противоречия в теоретических построениях и интерпретации фактического материала, которые встречаются в указанном научном издании, на наш взгляд, обусловлены тем, что здесь нет обоснования и раскрытия таких исходных, лежащих в основе предлагаемой концепции теоретических понятий, как *коммуникация*, *информация*, *пропозиция*, *предикация* и некоторых других, так что анализ их содержания все же представляется необходимым.

Согласно словарю О.С. Ахмановой, *коммуникация* – это сообщение или передача при помощи языка некоторого мыслительного содержания [Ахманова 1966: 200-201], соответственно, *информация* – это сведения, содержащиеся в данном речевом сообщении и рассматриваемые как объект передачи, хранения и переработки [Ахманова 1966: 184]. Аналогичное представление информации мы находим в «Советском энциклопедическом словаре» [СЭС 1986: 499], «Кратком словаре когнитивных терминов», где наряду с пониманием информации как содержания сообщения, отмечается, что это *знание*, репрезентируемое и передаваемое языковыми формами в коммуникации [Кубрякова и др. 1996: 36]. Подобное встречаем и в «Логическом сло-

варе: ДЕФОРТ»: «Информация ... – знание, представленное в форме объективного сообщения, формализованное знание» [ДЕФОРТ 1994: 60]. В соответствии же с современными научными воззрениями одной из форм хранения знаний в человеческой психике выступает *пропозиция* [Кубрякова и др. 1996: 137]. Заметим, что, скорее всего, пропозиция – это минимальная единица ментальных репрезентаций (знаний), поскольку содержание других ментальных репрезентаций – фреймов, скриптов, сценариев – вполне разложимо на отдельные пропозиции [Кубрякова и др. 1996: 135], а образная форма репрезентации знаний может интерпретироваться в пропозициональных терминах [Кубрякова и др. 1996: 136]. Предикация в словаре О.С. Ахмановой определяется как «отнесение данного содержания, данного предмета мысли к действительности, осуществляемое в предложении (в отличие от словосочетания)» [Ахманова 1966: 346]. Таким образом, здесь прежде всего подчеркивается акт отнесения предмета мысли к действительности. Однако еще П.Ф. Стросон писал: «Одна из главных целей употребления языка – это констатация фактов о предметах, людях и событиях. Чтобы достичь этой цели, мы должны каким-то образом ответить на вопрос «О чём (ком, котором из них) вы говорите?», а также на вопрос «Что вы говорите об этом (нём, ней)?». Ответить на первый вопрос – задача референции (или идентификации). Ответить на второй вопрос – задача предикации (или характеристики)» [Стросон 1982: 75]. Очевидно, что дефиниция, приведенная из словаря О.С. Ахмановой, скорее соответствует сути референции, нежели предикации. В более позднем издании подобного рода – «Лингвистическом энциклопедическом словаре» – предикация определяется как акт соединения двух независимых предметов мысли, которые выражены самостоятельными словами, для того чтобы отразить «положение дел», событие или ситуацию действительности, и тем самым предикация представляется как акт создания пропозиции [ЛЭС 1990: 393]. Данный подход к трактовке предикации также вызывает существенные возражения.

Общеизвестно, что восприятие человеком действительности («внешнего мира») не сводится к простому, зеркальному отражению. Несомненно и то, что окружающий мир представляется человеку не в хаотическом континууме, а как последовательная смена своеобразных комплексов ситуаций. В связи с чем В.А. Звегинцев писал: «К ситуации следует отнести и все то, что вокруг человека, и все то, что находится в его сознании, «внутри» человека.... Таким образом ситуация – это все то, что человек и наблюдает, и воспринимает, и думает, и со-

чиняет, и предполагает. Короче говоря, ситуация – это все, что может быть содержанием коммуникативного процесса. Именно в этом смысле ситуация глобальна. Однако только в этом смысле. Но мир действительности – не ситуация. Это мир действительности, не прошедший через человеческое сознание. *Ситуация возможна только тогда, когда есть человек* (выделено мною – Г.М.). Попробуем убрать из мира действительности человека, и этот мир остается, а никаких ситуаций не будет» [Звегинцев 1996: 188]. Точное замечание о «человеческой» природе ситуации, по существу, дезавуирует и представление цели предикации как отражения «положения дел» в действительности, и последующие теоретические выкладки, предложенные в рассматриваемой словарной статье Ю.С. Степановым, о разделении предикации на два этапа (первый – создание пропозиции, или «незавершенной» предикации) и существовании так называемой «завершенной» предикации, которая представляет собой «утверждение или отрицание (истинности или ложности) пропозиции относительно действительности» [ЛЭС 1990: 393]. Как уже было показано, утверждение или отрицание пропозиции («объективного» содержания высказывания) относительно действительности является задачей референции, но не предикации. В выделении же первого этапа предикации как акта создания пропозиции (предикация в узком смысле) содержится внутреннее противоречие, поскольку даже в этом издании (в статье, написанной Н.Д. Арутюновой) пропозиция определяется как *семантический инвариант*, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций): «В состав П. входят термы, способные к *референции*, и предикат, способный приобретать модальные и временные характеристики» [ЛЭС 1990: 401]. Представление пропозиции как предиката и соположенных ему актантов не отвечает пониманию предикации как акту соединения двух предметов мысли, пусть даже и выраженных данным предикатом и каким-либо его актантом, так как «семантический инвариант» по своей сути соответствует *номинативному* аспекту предложения (высказывания), противопоставленному в языке по функции предикации. Отсюда следует, что принять представление предикации как акта создания пропозиции («незавершенной» предикации) невозможно, потому что это акты различной функциональной природы, хотя, конечно, присутствуют в процессе порождения речи. Что же касается второго этапа предикации («завершенной» предикации), то репрезентированная в таком виде она не только более отвечает задачам референции, но и поразительно

соответствует чисто грамматическому понятию – предикативности, которую трактуют следующим образом: «синтаксическая категория, определяющая функциональную специфику основной единицы синтаксиса – *предложения*; ключевой конституирующий признак предложения, относящий информацию к действительности и тем самым формирующий единицу, предназначенную для сообщения...» [ЛЭС 1990: 392]. Сущность предикации непостижимым образом исчезает в синтаксических сочинениях, поскольку у лингвистов понятия предикации (акта предикцирования) и предикативности, как правило, тождественны.

Может быть, понятие «предикативность» просто выступает лингвистическим (синтаксическим) коррелятом логического понятия «предикация»?

Однако современная синтаксическая наука действительно испытывает большую потребность в применении понятия предикации, поскольку, как замечает А.Е. Кибрик, «информация о внеязыковой действительности неотделима от личности, сознания и воли говорящего. Его речевая деятельность состоит не только в творческом осмыслении действительности, но и творческом преобразовании континуального представления о действительности в его дискретный двухмерный (линеаризованный) образ-текст» [ЛЭС 1990: 201]. Именно поэтому представляется необходимым, во-первых, прояснить содержание понятия предикации как логической категории, во-вторых, установить релевантность понятия предикации задачам исследования языка и речи, и, в-третьих, внести, если потребуются, коррективы в содержание лингвистических понятий пропозиции и предиката, обусловленные их совместным использованием с понятием предикации при построении синтаксической теории.

В «Логическом словаре: ДЕФОРТ» при определении предиката как части высказывания отмечается, что согласно современным семантическим представлениям, любой предикат не только указывает на то или иное свойство или отношение, но и на особое бинарное логическое отношение, и, соответственно, любой предикат разделяется на собственно *логический предикат*, который обозначает (по сути, называет) конкретное свойство или отношение, и логический оператор «Ь», обозначающий *отношение предикации* [ДЕФОРТ 1994: 190]. Отношение же предикации, по данному словарю, является отношением между индивидуальным концептом и предикатным концептом некоторого суждения. При этом указанное отношение нерелексивно, нетранзитивно и несимметрично и является особым родом отношением, которое «не может быть сведено к каким-либо другим логич. отношениям, в том числе к отношению импликации или отношению конъюнкции» [ДЕФОРТ 1994:

171 – 172]. Иными словами, предикация – это и есть логическая операция *притисывания* установленного и отобранного мыслящим субъектом конкретного свойства или отношения абстрактному предмету.

В теории внутренней речи выделение в качестве единицы универсального предметного кода так называемого «внутреннего слова» [Выготский 1996: 317, 352 – 354] соответствует идее «внутреннего (глубинного)» предиката. Подчеркнем, акт глубинной предикации не равен предикату суждения в логике и предикации в предложении языка. Причем в качестве внутреннего слова (глубинного предиката) может выступать любая по своей природе ментальная репрезентация, которая как единица универсального предметного кода, вне всяких сомнений, является квазизнаком – условной номинацией ситуации «для себя»: «Внутреннее слово – это условный знак ситуации «для себя», сгусток личностных смыслов, целый семантический комплекс, который на стадии его озвучивания, перевода во внешнюю речь и выведения во внешнее высказывание должен быть расчленён на части, соответствующие (в целях нормального общения) конвенциональным языковым значениям, обнаруживаемым в телах определённых языковых знаков. Внутреннее слово, этот зародыш будущего высказывания, ещё лишён грамматических признаков, это может быть и не слово естественного языка, а лишь его кусочек, намёк на него» [Человеческий фактор 1991: 64].

Выделение внутреннего слова и перевод его в конвенциональный код соответствуют этапу дискретизации целостного фрагмента картины мира говорящего на отдельные пропозиции. И если «глубинный» предикат представляет выбор и нерасчлененное название говорящим ситуации, задающей и ее участников, то пропозиция – это номинация уже структурированного конкретного «положения дел», с заполненными местами участников. Справедливо утверждается, что мы видим мир в модальности субъекта, поэтому пропозиция – это отнюдь не «положение дел» в действительности, а «взгляд» говорящего на действительность, так как именно он создает ситуацию, выбирая глубинный предикат, именно он включает или исключает участников ситуации – как predeterminedными свойствами предиката, его семантическими валентностями (актантов), так и не обусловленных ими (сирконстантов). В то же время говорящий испытывает давление со стороны языка, поскольку «предикат, лежащий в основе пропозиционной структуры, несёт на себе следы структуры конкретного языка. Он обладает определённым, характерным для данного языка лексическим значением, допускающим или запрещающим связь с тем или иным количеством аргументов, или актан-

тов, и регулирующим распределение «ролей» между ними. Пропозиционная структура – это лингвистический ген, содержащий «генетическую информацию» о способах развёртывания предложения» [Звегинцев 1996: 204]. Таким образом, пропозиция есть результат номинации и является семантической структурой, обозначающей ситуацию в представлении говорящего. Элементами этой структуры выступают предикат и соположенные ему актанты и сирконстанты.

Но процесс порождения речи не ограничивается расщеплением холистического представления фрагмента картины мира говорящего на дискретные пропозиции. Для коммуникации необходимо линеаризовать пропозиции, трансформировать их в информацию, подлежащую высказыванию, выведению вовне: «Механизм компоновки, «упаковки» информации требует учета многих факторов, в частности квалификацию событий по важности, новизне, желательности, близости и т.п. как в отношении себя, так и в отношении слушающего» [Кибрик 2001: 201]. Важнейшей операцией в этом процессе и выступает собственно предикация – преобразование многомерной, но не ориентированной структуры пропозиции в линейную, речемыслительный акт выделения индивидуального концепта в качестве предмета мысли и предикатного концепта как его проявления, а также установления (выявления) как самой связи между ними, так и ее вектора. Следовательно, предикация не столько акт создания пропозиции, сколько закономерный акт ее «перевода» для коммуникации. Именно поэтому предикат «как часть высказывания» есть результат акта предикации пропозиционной структуры (пропозиции). И в том случае, если пропозиция является единственной в диктумной части содержания высказывания, предикаторная пропозиция обязательно оформляется на поверхностном уровне в синтаксических категориях модальности, времени и лица, т.е. наделяется предикативностью, которая есть не что иное как «форма приписывания признака предмету в соотносительности с моментом коммуникации» [Левицкий 2001: 49]. Отсюда следует, что простое предложение – это языковая форма, выражающая в коммуникации пропозицию и отношение предикации как единицу информации *приоритетно*, и именно данное знание является коммуникативно значимым для говорящего, или, в другой концепции, именно это знание говорящий «навязывает» слушающему. Так что если мы определяем в качестве «сообщающих» иные синтаксические конструкции, то действительно должны установить, что их делает коммуникативными и чем они отличаются друг от друга.

Безусловно, коммуникативная единица должна выражать пропозицию, но не только: пропозициональная структура ментальной репрезентации предстает в коммуникации знанием только тогда, когда это знание приписывается, т.е. сохраняется отношение предикации и происходит «навязывание» знания. Если в коммуникации пропозиция представлена словом, как правило, предикатным, это не «навязываемое» знание, а «разделенное», входящее в общий фонд знаний участников коммуникации и не являющееся объектом обмена и передачи, т.е. *информацией*. Пропозиция может быть выражена различными языковыми единицами, и предикативная единица основная, но лишь одна из них. Как отмечает Р.М. Фрумкина, принципиальным свойством человеческой психики является пластичность: в отличие от машины человеческий интеллект может оперировать различными по объему ментальными блоками, которые могут укрупняться или разукрупняться (иными словами, определять «масштаб» создаваемой ситуации, которая станет предметом коммуникации), и формирует эти блоки в зависимости от контекста [Фрумкина 1995: 112-113]. Именно поэтому так называемые предикатные актаны, определители, номинализации, содержащие в «свернутом виде» элементы пропозиции, но не элементы предикации, как утверждается в той же «Коммуникативной грамматике русского языка», не выступают в качестве отдельного знания (предикативной пропозиции), а включаются в структуру других пропозиций, которые приписываются в коммуникации, тем самым выступая в качестве единиц информации.

Добавим, предикативность отличает от слова не только предложение, но и некоторые другие синтаксические конструкты. Такие языковые единицы, как деепричастные, причастные, адъективные обороты, приложения, сравнительные, поясняющие конструкции, компоненты с авторизирующим, оценочным значениями, а также адресата побуждения, являются не носителями «вторичной предикативности», т.е. языковой *формы*, а носителями «вторичного» *отношения предикации*, что и находит свое проявление в реализации ими при функционировании в простом предложении (предикативной единице) таксисных значений. Следовательно, это не «предикативные» единицы, а скорее, «предикативные» [Манаенко Г.Н. 2006: 45 – 54]. Весьма показательным в этом плане функционирование причастных оборотов в простом предложении русского языка: если оборот занимает препозицию по отношению к определяемому слову, то обозначаемый им признак осознается в коммуникации как постоянный, не приписываемый. При этом таксисные значе-

ния нейтрализуются и данное знание выступает как «разделенное», не становящееся предметом коммуникации, но включаемое в выражение другого знания (пропозиции) – информационного (сообщаемого). Коммуникативные синтаксические единицы – простое предложение, сложное предложение и различные осложняющие, в том числе «полупредикативные», конструкции – в своей семантике заключают не только пропозицию / пропозиции, но и отношение предикации (приписывания), которое и определяет их статус. Неслучайно в синтаксической теории утверждается наличие «логических пропозиций», реализованных в сложном предложении: в пропозициональную форму легко вписываются содержательно более крупные ментальные блоки, т.е. места актантов могут занимать другие пропозиции (ситуации), а отношения между ними и выступает объектом приписывания в коммуникации.

И если в дискурсе текст выступает как информационно завершенная конвенциональная репрезентация замысла речи (образа фрагмента «картины мира») говорящего, дискретно организованная и линейно структурированная в соответствии с общим контекстом и на основе языковых значений, то коммуникативной сверхзадачей говорящего является реализация потенциала значений языковых выражений в максимальном соответствии со своим замыслом (см., например: [Манаенко Г.Н. 2013; Манаенко С.А. 2012]). Однако полное раскрытие этого потенциала возможно только при правильной интерпретации текста слушающим, поэтому говорящий априори стремится к «прояснению» своего замысла в тексте, используя весь арсенал имеющихся языковых средств для придания последнему полифоничности и многомерности. Преодоление ограничений, накладываемых значениями языковых выражений в силу их конвенционального характера на репрезентацию замысла, возможно с помощью значений других языковых выражений при «комментарии» говорящим своего замысла в тексте. Комментарий может относиться как к онтологии выражаемого фрагмента «картины мира», так и ее оценкам говорящим (которые при соответствующих интенциях субъекта коммуникации могут быть представлены в качестве онтологических сущностей).

Осуществление комментария есть основная функция системы осложняющих (преддицирующих, но не предикативных) категорий, в первую очередь обозначающих коммуникативный ранг информации в тексте в соответствии с личностными смыслами и ее коммуникативной ценностью с позиции говорящего. При этом выбор говорящим предикативной преддицирующей единицы показывает, какая именно информация яв-

ляется для него коммуникативно приоритетной. Однако языковая система не только позволяет указывать *степень приоритетности* знания в «картине мира» говорящего через номенклатуру своих единиц, но и подчеркивать его *актуальность* через их комбинаторику. Тот же выбор говорящим синтаксической структуры – простого, сложного и осложненного предложений – «подсказывает» другим участникам коммуникации, что наиболее *актуально* в том или ином высказываемом образе фрагмента «картины мира» говорящего, соответственно: 1) отношение между участниками ситуации, 2) отношение между ситуациями, 3) отношение либо между коммуникативно неравнозначными ситуациями, либо между репрезентируемой ситуацией и говорящим. Таким образом, использование предидирующих единиц различного синтаксического статуса позволяет говорящему наиболее полно и точно предъявить в тексте свой образ фрагмента «картины мира».

Библиографический список

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования. – М.: Лабиринт, 1996. – 416 с.

Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 336 с.

Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – 528 с.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 336 с.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – 246 с.

Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. – Пермь, 2001. – 236 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Логический словарь: ДЕФОРТ / Под ред. А.А. Ивина, В.Н. Перверзева, В.В. Петрова. – М.: Мысль, 1994. – 268 с.

Манаенко Г.Н. Осложнение предложения как прием автокомментария замысла говорящего в коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 44 – 46.

Манаенко Г.Н. Осложненное предложение в отношении к категориям информации и дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1 (6). С. 45 – 54.

Манаенко С.А. Способы отображения коммуникативных интенций публициста: вводно-модальные конструкции // Язык. Текст. Дискурс. 2012. № 10. С. 432 – 438.

Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. - 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1986. – 1600 с.

Стросон П.Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. Х111. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М.: Радуга, 1982. – С.55 – 86.

Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. С. 74 – 117.

Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.

G.N. Manaenko

PRESENTATION OF INFORMATION IN THE TEXT: PREDICTION AND PREDICATIVELY

***Abstract.** Based on the analysis of the notions of information and communication sets the content specificity of the notion of proposition. The analysis of relation between the predicate and predication allows to determine the ratio of the information unit is a unit of language, and to present the communicative value and relevance of the information units.*

***Key words:** communication, information, proposition, prediction, predicatively.*

УДК 81'37

В.В. Дементьев

КОНЦЕПЦИЯ КОСВЕННОСТИ А. ВЕЖБИЦКОЙ И ИЗУЧЕНИЕ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

***Аннотация.** Изучение косвенных речевых жанров и косвенности в целом в разных культурах относится к наиболее актуальным и сложным проблемам современной лингвистики и культурологии. Однако еще не принято единое и общепризнанное определение косвенности / непрямой коммуникации, не даны ответы на наиболее принципиальные вопросы: существует ли непрямая коммуникация только в паре с соответствующей прямой коммуникацией, существуют ли универсальные закономерности, общие для непрямой коммуникации во всех культурах, существуют ли закономерности, общие для всех структурных типов непрямой коммуникации, и могут ли они быть сформулированы в терминологии, сопоставимой по строгости с традиционной структурно-лингвистической.*

В статье показано, что для решения этих проблем может быть успешно использована разработанная А. Вежбицкой модель изучения непрямой коммуникации и ее национального своеобразия через культурные сценарии. Данный подход позволяет противопоставить две разновидности непрямой коммуникации: планируемую и непланируемую – и сформулировать общее для данных разновидностей определение непрямой коммуникации.

В частности, с этой точки зрения рассматривается ряд культурных сценариев, значимых для своеобразия непрямой коммуникации в разных культурах: английские moderate expressing opinions, японское enryo, яванское etok-etok. Особое внимание уделяется оппозиции персональности ~ имперсональности в русской культуре: рассматриваются основные лингвосемiotические механизмы осуществления и интерпретации косвенной коммуникации как с точки зрения традиционной русской культуры, так и в связи с актуальными процессами в современной русской речи: косвенные директивы и манипуляция; системы вежливости и речевого этикета; системы организации неинформативного фатического общения типа small talk.

Ключевые слова: *А. Вежбицкая, косвенность, планируемая и непланируемая непрямая коммуникация, культурные сценарии, оппозиция персональности ~ имперсональности.*

Введение. Систематическое исследование косвенных высказываний, косвенных речевых жанров и косвенности / непрямой коммуникации в целом в отдельных культурах (в частности, в русской) до сих пор не было осуществлено, не разработана «теория национальной косвенности», несмотря на то, что данные проблемы относятся к наиболее актуальным в лингвистике и культурологии. Большое количество исследований (включая сопоставительные) осуществлено по отдельным аспектам косвенности.

К наиболее актуальным **прикладным** аспектам проблемы косвенности относятся риторический и педагогический: рассматривается косвенность как средство гармоничного, эффективного, ответственного общения, косвенность в этикете, вежливости, деловой коммуникации (например, small talk в деловых переговорах), политической, дипломатической, рекламной коммуникации. Авторы прикладных программ, тренингов, мастер-классов и пособий ищут наиболее эффективные способы обучения косвенности – как детей на уроках риторики, так и взрослых – будущих специалистов: политиков, дипломатов, журналистов, маркетологов. С другой стороны, учат эффективно распознавать манипуляцию, демагогическую аргументацию (тоже как разновидности непрямой коммуникации) и противодействовать им.

Что касается **теоретических** работ по косвенности, очень большое количество их (без преувеличения – тысячи) появилось в последние три десятилетия в рамках прагмалингвистики и теории речевых актов (косвенных речевых актов), в последние пятнадцать-двадцать лет, прежде всего в отечественной лингвистике, к ним добавилось довольно большое количество работ по косвенным речевым жанрам¹.

---

¹ См. далеко не полный список работ, в том числе диссертаций, непосредственно посвященных косвенности / непрямой коммуникации и ее жанрам, выполненных в последние 10-15 лет (полужирный курсив в названиях наш. – В.Д.): кандидатские диссертации: *Булатова Э.В. Прямая и косвенная коммуникация* в современной российской печатной рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005; *Федорова Т.В. Аргументация в контексте непрямой коммуникации* (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009; *Марюхин А.П. Непрямая коммуникация* в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010; *Саакян Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010; *Паремущавили Э.Э. Речевая агрессия в непрямой коммуникации* (на материале русской классической и современной литературы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013; статьи: *Филиппова М.М. Непрямая коммуникация* и средства создания двусмысленного дискурса // *Язык, сознание, коммуникация*: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных. Вып. 28. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 75–89; *Григорьева Е.Г. Телевизионный дискурс в аспекте теории прямой и непрямой коммуникации* // *Лингвистика. Перевод. Межкультурная коммуникация*: межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2006. С. 104–108; *Козлова Л.А. Национально-культурная и индивидуально-личностная специфика непрямой коммуникации* // *Университетская филология – образованию: регулятивная природа коммуникации*. Барнаул: Изд-во АлГУ, 2009. С. 399–406; *Тахтарова С.С. Митигативные стратегии в непрямой коммуникации* // *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре*: сб. науч. тр. М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 482–493; *Клушина Н.И. Непрямое информирование* в современных СМИ // *Жизнь и словом* присягаючи. К 90-летию М.Е. Тикоцкого. Минск: БГУ, 2012. С. 288–293; *Гуревич Т.М. Непрямая коммуникация* в межкультурных контактах // *Межкультурная коммуникация: современная теория и практика* / отв. ред. А.В. Мальгин. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 57–59; *Омельченко Е.В. Фасцинативная составляющая в непрямой коммуникации* // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2013. № 1. С. 136–139; *Покальохина М.В., Кулинич М.А. Непрямая коммуникация* в рекламных аннотациях (на материале англоязычных научно-популярных книг) // *European Social Science Journal*. 2014. № 6-3 (45). С. 222-229; *Нестерова Т.В. Непрямая коммуникация* в обиходной сфере (русскоязычное общение) // *Филологичес-*

кие науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-1 (47). С. 156-162; *Космодемьянская В.И. Непрямая коммуникация* в рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы научного знания // Успехи современной науки. 2017. Т. 3. № 4. С. 155-158; *Михальчук Н.А. Непрямая коммуникация* в художественном тексте: вопросы теории // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. 2017. № 2 (50). С. 88-93; *Бабкина П.С.* Этнолингвистическая специфика *непрямой коммуникации* (на материале китайского и русского языков) // Сборник работ 74-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета : в 3х частях. Минск: БелГУ, 2017. С. 14-18; *Леонтьева Т.И.* Анализ конфликтного общения в рамках *теории непрямой коммуникации* // Стереотипность и творчество в тексте / Под ред. М.П. Котуровой. Пермь: ПермГУ, 2015. С. 187-201; *Бельская Н.С.* *Речесановые стратегии непрямой коммуникации* в судебной лингвистической экспертизе по делам, связанным с противодействием исламскому экстремизму // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-4. С. 36-38; *Бочкарев А.И.* О некоторых гендерных особенностях *непрямой коммуникации* (на примере рекламного ролика ВТБ 24) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3-2 (45). С. 33-37; *Степанов В.Н.* Provocative *речевые жанры* как инструменты *непрямой коммуникации*: лингвистические признаки и анализ // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 89-99; *Самигуллина А.С.* Метафора в контексте *непрямой коммуникации* (Oratio Obliqua) // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 4. С. 1205-1208; *Крайник Л.В., Рассоха М.Н.* Лингвокультурные аспекты *непрямой коммуникации* (на примере understatement в английском языке) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2012. Т. 2. № 11. С. 43-50; *Иванова Т.В.* *Прямой и непрямой шантаж*: пространство сопряжения // Magister Dixit: Научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2013. № 4 (12). С. 31-36; *Нестерова Т.В.* *Косвенные речевые акты* в обиходном общении русских // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т. 2. № 6. С. 26-34; *Нестерова Т.В.* *Непрямое* выражение коммуникативных смыслов в обиходном общении русских // Русская грамматика 4.0 Сборник тезисов Международного научного симпозиума. Под общей редакцией В.Г. Костомарова. М., 2016. С. 494-498; *Гурочкина А.Г.* Механизмы интерпретации *скрытых* смыслов в ситуациях *непрямого* политического взаимодействия // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 241-244; *Рыбалкина В.А.* Признаки *косвенных речевых жанров* в политической речи // Молодежь и наука: проблемы современной филологии и методики преподавания филологических дисциплин материалы Международной молодежной научно-практической конференции. М. 2017. С. 128-131; *Михальчук Н.А.* *Косвенные речевые акты* как средство создания художественного образа в произведениях Владимира Набокова // Русский язык за рубежом. 2017. № 5 (264). С. 57-63.

В современной западной дискурсивной, коммуникативной, когнитивной и т.д. лингвистике актуальными являются проблемы коммуникативных неудач, обусловленных косвенностью: ищутся способы устранения непонимания [Anolli 2001; Hinnenkamp 2003; House, Kasper, Ross 2003; Verdonik 2010], повышения эффективности не прямой коммуникации [Wu, Keysar 2007], в том числе интенсивный мониторинг адресата для лучшего понимания [Clark, Krych 2004], более активная интерпретация [Kecskes 2010; Linell 2009; Sperber, Wilson 2002], попытки адресата избежать влияния [Brennan, Schober 2001], избегание двусмысленности и неопределенности [Ferreira, Slevc, Rogers 2005; Jucker, Smith, Ludge 2003]. Наконец, следует подчеркнуть круг проблем, непосредственно касающихся базовых свойств НК (с использованием термина *непрямая коммуникация* или без него): прочтение анекдотических и др. «непрямых» ситуаций [House, Kasper, Ross 2003; Sperber, Wilson 2002; Berger 2007], в том числе фатических типа small talk [Raevaara 2010]; изучается их обусловленность языком [Janicki 2010].

Представляется, что отечественная и западная традиции изучения не прямой коммуникации / косвенности совпадают в главном: определяющим считается наличие смыслов, которые выводятся не из буквального значения слов и синтаксических правил в высказывании, а откуда-то еще. Это «откуда-то еще» охватывает чрезвычайно широкий диапазон явлений разной семиотической природы. При этом в отечественной традиции изучения не прямой коммуникации эта разнородность и обширность поля НК постоянно подчеркивается. Тогда как в западной традиции косвенность обычно связывается с более ограниченным кругом явлений, и прежде всего – интертекстуальностью. А именно: знание, память говорящего о том, что его высказыванию предшествовали чьи-то другие, похожие на него или нет, но обязательно каким-то образом с ним связанные, заставляет говорящего и слушающего в чем-то иначе интерпретировать это высказывание, а в чем-то – и иначе строить (например, какую-то часть, которую помнят из этих чужих предшествующих высказываний, можно просто опустить). Эта традиция хорошо представлена, например, в работах Деборы Таннен [Tannen 1981; 1986; 2000; 2010].

Главными препятствиями на пути решения названных теоретических и практических проблем косвенности следует признать отсутствие в современной лингвистике, филологии, культурологии единого и общепризнанного определения косвенности / не прямой коммуникации: существует ли не прямая коммуникация только в паре с соответству-

ющей прямой коммуникацией, как ее ситуативная функционально нагруженная «замена», тем самым непрямая коммуникация вторична, или возможны другие отношения НК ~ ПК, например, вторична и даже вообще необязательна может быть не НК, а ПК? Существуют ли закономерности, общие для всех структурных типов и жанров непрямой коммуникации, и если да, могут ли они быть сформулированы в терминологии, сопоставимой по строгости с традиционной структурно-лингвистической? Существуют ли такие же универсальные закономерности для национально-культурной непрямой коммуникации и если да, входят ли они в единую систему правил и норм соответствующей речевой коммуникации или же системы «русской косвенности», «английской косвенности», «японской косвенности» и т.д. существуют по отношению к данной общей системе изолированно и автономно?

Представляется, что для ответа на эти вопросы очень много сделала А. Вежбицкая и ее последователи в рамках созданной ею лингвокультурологической школы в Канберре, рассматривающие косвенность в разных культурах в связи с национально-культурными сценариями [Wierzbicka 1983; 1987; 1990; 1991; 2005; 2006; 2009; Goddard & Wierzbicka 1997; Peeters 2009; 2016; Besemeres 2004].

1. Косвенность по А. Вежбицкой. Анна Вежбицкая дала общетеоретическое обоснование национально-культурного изучения своеобразия косвенности / непрямой коммуникации (главы в книге: “Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction” [Wierzbicka 1991: 67-72, 88-104]; русский перевод был опубликован в виде статьи А. Вежбицкой «Культурная обусловленность категорий “прямота” vs. “непрямота”» [Вежбицкая 2003]; в дальнейшем страницы приводим по русскому изданию).

А. Вежбицкая исходит из того, что за использованием тех или иных форм в разных культурах могут стоять разные принципы общения и ценности, например, те смыслы, которые считается недопустимым выражать прямо в одной культуре, вполне допустимо выражать в другой, и, наоборот, те смыслы, которые обязательно должны быть выражены в речи для нормального протекания коммуникации в рамках одной культуры, могут быть несущественными в другой. Кроме того, в разных культурах вообще не могут передаваться в общении людей одни и те же смыслы. Невозможно оценивать то или иное явление культуры с точки зрения другой культуры. Точно так же нельзя определять речевое явление как «непрямое» только на том основании, что оно считается таковым в другой культуре.

Положения принципиального труда А. Вежбицкой представляются нам очень значимыми. Остановимся на них подробнее.

По мнению А. Вежбицкой, этноцентрическим заблуждением, свойственным многим современным (особенно англо-американским) лингвистам, является недооценка степени различий в речевых правилах, предпочтениях, способах говорения между разными языковыми коллективами. Точно таким же заблуждением является утверждение, будто бы особенности речи на английском языке белых американцев представляют собой «естественные человеческие способы говорения» и что, не считая незначительных отличий, эти же особенности должны превалять в любом другом человеческом обществе [2003: 136].

Хотя эти идеи связывают с именами Джона Серля, Пола Грайса, Джорджа Лича, Брауна и Левинсон и их последователей, сосредоточивших внимание как будто бы на универсалиях использования языка, по сути, подчеркивает А. Вежбицкая, поиск универсалий осуществляется отнюдь не с позиций действительно универсалистских, культурно-независимых. Напротив, основные положения и инструментарий, которые вводят и на которые опираются названные исследователи – представители теории речевых актов и логики речевого общения – имеют в действительности сильный англоцентрический уклон.

«В англоцентризме <...> можно обвинить множество <...> предположительно универсальных “максим” и принципов человеческого разговорного поведения и взаимодействия, которые выдвигались в литературе. Рассмотрим, например, максимы “скромности” и “одобрения», описываемые Личем [Leech 1983: 132]:

Максима одобрения

(a) Преуменьшай неодобрение других, [(b) Преувеличивай похвалу других].

Максима скромности

(a) Преуменьшай похвалу себя; [(b) Преувеличивай неодобрение себя].

Leech понимает, что важность максим, таких как эти, может варьировать от культуры к культуре, но он утверждает, что, за исключением количественных различий, они по сути являются универсальными. Однако практические данные наводят на мысль, что это попросту неверно.

Например, Kochman [1981] показал, что в культуре черных американцев норма “скромности” не имеет применения и что похвала самому себе вовсе не понимается как нечто отрицательное. Kochman упоминает в этой связи название автобиографии Мохаммеда Али “I am

the greatest” («Я самый великий») и обсуждает значение таких ценностных категорий черного населения, как “rapping” ‘чтение рэпа’, “grandstand-ing», “showboating” ‘выпендрей’.

Подобным образом Mizutani & Mizutani [1987] показывают, что “одобрение” или “восхваление других” не поощряется в японской культуре; они посвящают целый раздел [1987: 45-46] “воздержанию от прямой похвалы». Nonna & Hoffer также подчеркивают, что “восхваление других” рассматривается как проявление надменности и грубости в японской культуре, где “даже когда [говорящий] должен или хочет выразить похвалу в адрес людей своего круга, он часто начинает с фразы типа “На самом деле я не собираюсь хвалить...” или “Я знаю, хвалить – это слишком грубо...». Таким образом он пытается произвести впечатление человека, в действительности не высокомерного” [1989: 74].

То же самое применимо к предположительно универсальным максимам гармонии: “преуменьшайте разногласие, преувеличивайте согласие” [Leech 1983: 132]. Например, как показала Schiffrin [1984], израильская культура демонстрирует явное предпочтение разногласия: в этой культуре люди показывают свою связь с другими людьми и свой интерес к другим людям, когда говорят “нет”, а не “да». В израильской культуре спор ценится как форма общения, и скорее несогласие, чем согласие, рассматривается как нечто, сближающее людей» [2003: 137-138].

А. Вежбицкая видит причину неудовлетворительности таких терминов, как «прямота» или «непрямота» (а также «солидарность», «непосредственность», «искренность», «общественная гармония», «сердечность», «самоутверждение», «интимность», «самовыражение» и т. д., через которые обычно объясняются различия в способах говорения в исследованиях по контрастивной прагматике), в том, что эти термины применяются к совершенно разным явлениям, которые формируются разными культурными нормами и ценностями: «Подразумеваемые значения часто не только различны, но и взаимно несовместимы. В результате одни и те же способы говорения описываются одними авторами как “прямые”, а другими как “непрямые”; как демонстрация “самоутверждения” или отсутствие “самоутверждения”; как выражение индивидуальности или подавление индивидуальности. Это ведет к отсутствию какой-либо согласованности даже в основных положениях» [Там же].

«Например, в литературе о японской культуре и обществе японские способы говорения часто описываются как “непрямые” и противопоставляются английским способам говорения, которые считаются более “прямыми”. Также утверждают, что английские спо-

события говорения характеризуются высокой степенью самоутверждения, в то время как в японском языке самоутверждения избегают и подавляют его. Утверждают также, что английские способы говорения отражают большую значимость искренности и непосредственности, в то время как японские способы говорения не поощряют искренность и непосредственность, отдавая предпочтение любезности и умеренности.

С другой стороны, в литературе о языке черных американцев “стандартный” английский белого населения представлен в совершенно ином виде. Здесь утверждают, что стандартный английский является скорее “непрямым”, чем “прямым”, что в нем избегают самоутверждения и не поощряется искренность и непосредственность. Подобным образом в литературе по израильской культуре иврит и идиш представлены как “прямые”, с уклоном в сторону самовыражения и самоутверждения, как поощряющие искренность и непосредственность, в то время как английский представлен как язык, подавляющий все эти ценности.

Можно подумать, что противоречащие друг другу утверждения такого рода возникают исключительно из-за разницы в степени проявления ценностей: возможно, английский язык (т. е. стандартный английский белого населения) является более “прямым” и более “самоутверждающим”, чем японский, но наделен этими качествами в меньшей степени, чем английский черного населения или израильский вариант иврита. Изучив данные, представленные в качестве доказательств противоречивых заключений, можно обнаружить, что это не так и что фактически различия носят скорее качественный, чем количественный характер. Например, то, что называется “self-assertion” ‘самоутверждение’ в исследованиях английского языка черных американцев, означает не то же самое, что подобный термин в исследованиях японского языка. То же можно сказать о “самовыражении”, “искренности”, “непосредственности”, “солидарности” и т. д.» [2003: 140].

В частности, в терминах «прямо» ~ «непрямо» часто описывают израильскую культуру в сравнении с американской.

«По мнению Blum-Kulka & Danet & Gheron [1985: 133], “с межкультурной точки зрения общий уровень прямоты в израильском обществе, вероятно, является относительно очень высоким”. Что же конкретно подразумевается под словами “высокий уровень прямоты”? Один наглядный пример приводится как доказательство

широкого использования “голых” императивов в общественном взаимодействии, включая общение на публике:

(Пассажир водителю в автобусе)

Пассажир А: ptaḥ et hadelet, nehag

(Откройте дверь, водитель.)

(Нет ответа.)

Пассажир В: nehag, delet axorit.

(Водитель, заднюю дверь.)

(Согласие.) [Blum-Kulka & Danet & Gherson 1985: 129].

По-видимому, в речи на английском языке в подобной ситуации использовался бы вопросительно-указательный прием (*Could you* или *Would you*), и авторы расценивают это как явный пример *прямоты vs. непрямоты*» [2003: 142-143].

Что же означает «прямота» в случаях такого рода? По мнению А. Вежбицкой, она означает, что на иврите можно достаточно свободно сказать нечто, что имеет значение:

Я хочу, чтобы ты сделал (сказал) X

В английском же так говорить, скорее всего, нельзя, так как это противоречило бы требованию личной независимости адресата:

Я хочу, чтобы ты сделал X

Я не знаю, хочешь ли ты делать это

За этими формулами стоят чрезвычайно существенные для израильской и американской культур ценности и коммуникативные сценарии, которые могут быть сформулированы следующим образом:

В израильской культуре:

Мы все можем сказать друг другу:

«Я хочу это», «Я не хочу это», «Я не думаю так»

Мы не будем чувствовать ничего плохого (по отношению друг к другу) из-за этого

В англо-американской культуре:

Я думаю: я могу сказать: «Я хочу это», «Я думаю это»

Я знаю: другие люди не обязаны хотеть того же/думать так же

Никто не может сказать: “Я хочу, чтобы ты хотел это», «Я хочу, чтобы ты думал так»

Интересно, что, описывая так англо-американскую культуру (в сравнении с израильской), А. Вежбицкая сознает, что противоречит точке зрения многих японских ученых, которые рассматривают японскую культуру как культуру «гармонии», а англо-американскую культуру как поощряющую «прямую борьбу и противостояние» – но это «просто

еще раз показывает, что общие ярлыки, такие как “гармония”, используются разными авторами в разных значениях» [2003: 145].

Что же касается очень часто отмечаемой исследователями «непрямоты» японской культуры (по мнению Mizutani & Mizutani [1987], Honna & Hoffer [1989] и многих других авторов, пишущих о японском языке и культуре, при вежливом разговоре на японском чрезвычайно важно «звучать непрямо»), то она чаще всего означает, что человек не говорит, чего он хочет; вместо этого он посылает «скрытые сообщения» в надежде, что адресат ответит на них. За этой тенденцией японской коммуникации скрывается важная ценность японской культуры, принципиально отличная от всех названных выше ценностей и сценариев других культур, что, в частности, решительно не позволяет описывать этот японский речевой феномен посредством того же термина «непрямота», что в англо-американской и израильской культурах:

Я хочу чего-то

Я не хочу говорить этого

Поэтому я скажу что-то другое

Я думаю, этот человек поймет, чего я хочу

Кроме того, тем же термином «непрямота» в литературе обозначается намеренная неточность и недостаточная конкретность при указании референтов или использовании чисел. Например, покупая яблоки, японцы скажут: *Mittsu-hodolgurailbakari kudasai* (‘Пожалуйста, дайте мне около трех штук’) вместо того, чтобы сказать *Mittsu kudasai* [Mizutani & Mizutani 1987: 33].

Очевидно, что теперь речь идет о совершенно другом явлении, отражающем другую культурную ценность – *enryo*, которая в значительной степени отличается от англо-американской ценности личной автономии:

Я говорю: Я хотел бы что-то вроде этого

Я не хочу говорить “Я хочу это”

Особенно интересно сравнение ценности *enryo* японской культуры и сценариев греческой культуры и яванской культуры. Эти сценарии, как показывает А. Вежицкая, стоят за правилами греческой и яванской речи, которые другие группы исследователей называют «непрямыми», пожалуй, так же часто, как первая группа – японскую. Так, согласно Blum-Kulka, «греческие социальные нормы требуют более высокого уровня непрямоты в социальном взаимодействии, чем американские» [1982: 30], а согласно Geertz’у [1976: 244], косвенность, или «непрямота», является доминантой в поведении яванцев.

В греческой культуре:

Я хочу что-то

Мне не надо говорить это

(Я думаю, он/она сделает это в любом случае)

«Непрямые» высказывания такого типа часто используются греческими мужчинами в разговорах с женщинами, поэтому А. Вежбицкая называет эту ценность «греческой (типично мужской) самоуверенностью» [2003: 152].

«Непрямота» яванской речи связана с культурной нормой *etok-etok*:

Я не хочу говорить, что я думаю / знаю

Мне не нужно говорить это

Я могу сказать что-то другое

«Характерной чертой etok-etok, по сравнению с нашими моделями притворства, является не только то, что она превалирует и широко одобряется, но и то, что ей не требуется никакого очевидного оправдания, т. к. она просто беспричинна. <...> В общем, вежливые яванцы избегают добровольной правды» [Geertz 1976: 245-246]. Geertz цитирует следующее определение etok-etok, предложенное информантом: «Он сказал: Предположим, я уйду на юг, и вы видите, как я иду. Позже мой сын спрашивает вас: “Вы не знаете, куда ушел мой отец?” И вы говорите: нет, etok-etok, вы не знаете. Я спросил его, почему я должен etok-etok, ведь причин для лжи нет, и он сказал: “А вы просто etok-etok. Необязательно иметь причину» [Там же: 246].

Таким образом, А. Вежбицкая подчеркивает, что не только разные культуры требуют разного использования косвенных средств, но и сами понятия «прямо», «непрямо» не являются универсальными и не могут быть отнесены к числу тех самопонятных неразложимых семантических примитивов, посредством ограниченного набора которых, согласно А. Вежбицкой, можно выразить значения всех языковых единиц (лексических и грамматических) во всех человеческих языках, коммуникативные правила (прагматические значения) и жанры и вообще все разнообразие рожденных человеком идей. Поэтому исследовательница предлагает вообще «отказаться от различия “прямых” и “непрямых” речевых актов в целом – по крайней мере, до тех пор, пока не будет дано четкого определения данных терминов. Также следует отказаться от различия “прямых” и “косвенных” способов говорения в целом и изучать по отдельности различные явления, связанные с этим ярлыками» [2003: 142].

Переходя к изучению **косвенных речевых жанров** в разных национальных культурах, отметим, что Анна Вежбицкая очень много сделала для развития ТРЖ в ее современном виде, в частности, в России².

Более того: по нашему убеждению, предложенный и разработанный А. Вежбицкой подход к сравнительному изучению речевых жанров в разных культурах («Речевые жанры, выделенные данным языком, являются <...> одним из лучших ключей к культуре данного общества» [Wierzbicka 1983: 125]) является единственным по-настоящему новым и оригинальным направлением современной теории речевых жанров, который не был в том или ином виде предвосхищен, отмечен и развит М.М. Бахтиным либо его непосредственными последователями (см. историографический очерк о периодизации теории речевых жанров, тенденциях в ней и т.д. в нашей монографии: [Дементьев 2010: 17-76]). Идея сравнения национальных культур через посредство наборов разных универсальных и национально специфических речевых жанров является востребованной в целом ряде современных сопоставительных, типологических, кросс-культурных, а также общетеоретических исследований.

2. Планируемая и непланируемая непрямая коммуникация

На наш взгляд, подход А. Вежбицкой к изучению косвенности / непрямой коммуникации через культурные сценарии позволяет, с учетом отмеченных исследовательницей сложностей, связанных с мно-

---

² Как редактор журнала «Жанры речи», не могу не отметить многолетнее плодотворное сотрудничество с А. Вежбицкой: целый ряд ее статей был опубликован в журнале (в 1997–2013 гг. – сборнике) «Жанры речи» (а также сборнике «Прямая и непрякая коммуникация»): *Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи.* – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 99-112; *Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи.* – Саратов: Колледж, 1999. – Вып. 2. – С. 112-133; *Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи.* – Саратов: Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 118-157; *Вежбицкая А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» // Прямая и непрякая коммуникация.* – Саратов: Колледж, 2003. – С. 136-159; *Вежбицкая А. Универсальные семантические примитивы как ключ к лексической семантике (сфера эмоций) // Жанры речи.* – Саратов: Колледж, 2005. – Вып. 4. Жанр и концепт. – С. 156-182; *Вежбицкая А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // Жанры речи.* – Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. – С. 131-159. (См. страничку Анны Вежбицкой на сайте журнала: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/ru/node/432>).

гочисленностью и разнообразием содержательных категорий, сценариев, обуславливающих использование не прямой коммуникации в разных культурах (как и разные цели данного использования), противопоставить две разновидности не прямой коммуникации: **планируемую** и **непланируемую** (а отсюда – два типа косвенных речевых жанров) – и сформулировать общее для данных разновидностей **определение** не прямой коммуникации.

Так, определяем не прямую коммуникацию как содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата).

Различаются два типа использования НК в речи:

- НК-1 (непланируемая не прямая коммуникация) как неизбежная неточность в передаче и приеме смыслов вследствие непредсказуемости коммуникации, интерпретативной деятельности слушающего (а также вследствие недостаточной четкости и однозначности языковой системы, того, что язык «пронизан» НК – ср. понятия: *актуализация* Ю *вариативность* (Ш. Балли), *смысл № значению* (Г. Фреге, К. Бюлер), *асимметрия языка* (С. Карцевский), *семантическая* (Э. Бенвенист), *политропия* (П. Фридрих), *полиморфизм* (В.В. Налимов), *фасцинация* (Ю.В. Кнорозов), *неформализованность* (А. Соломоник));

- НК-2 (планируемая не прямая коммуникация, собственно косвенность) как прием, имеющий целью программировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта. Это сознательное использование тех свойств языка и речи, которые являются НК в других условиях.

НК-2 есть явление уже гораздо более простое и поддающееся систематизации в лингвистической терминологии. В языке нет средств, которые специально обслуживали бы НК-1, но язык может иметь средства для выражения НК-2. Во всех речевых культурах существуют особые риторические приемы использования не прямой коммуникации, эксплуатации ее свойств для достижения различных эффектов. Именно такие эффекты, т.е. приоритеты в коммуникации, и способы их достижения при помощи косвенных средств (а точнее, языковых средств, считающихся косвенными в данной культуре) и исследует А. Вежбицкая и ее школа. Ср. уже приводившиеся данные о культурных сценариях, требующих использования средств НК-2: английские *moderate expressing opinions, shared dislike for going to extremes*, японское *enryo*, яванское *etok-etok* и др.

Для реализации трех важнейших общественных функций языка: общение, сообщение, воздействие (по В.В. Виноградову) используются как прямые, так и не прямые коммуникативные средства.

Соответственно при изучении косвенных речевых жанров в разных национальных культурах на первый план выходят жанры непрямого общения, непрямого сообщения, непрямого воздействия, а при изучении данных жанров – факторы, побуждающие адресанта непрямого воздействия выражаться таким образом.

Так, нам кажется, что среди важнейших причин обращения к неопределенным средствам **воздействия** следует выделить следующие:

1. Во-первых, начальники при общении с подчиненными используют намеки, эллипсис или некий код, известный либо неизвестный адресату, для изозированной демонстрации своей власти. Так, Атос в романе А. Дюма «Три мушкетера» приучил своего слугу Гримо исполнять свои требования по легкому движению губ. Если же слуга ошибался, Атос без малейшего гнева колотил его и бывал в такие дни несколько разговорчивее:

Sa rüserve, sa sauvagerie et son mutisme en faisaient presque un vieillard; il avait donc, pour ne point düroger a ses habitudes, habituü Grimaud a lui obüir sur un simple geste ou sur un simple mouvement des luvres. Il ne lui parlait que dans des circonstances suprkmes. Quelquefois Grimaud, qui craignait son maotre comme le feu, tout en ayant pour sa personne un grand attachement et pour son günie une grande vünüration, croyait avoir parfaitement compris ce qu'il düsirait, s'ulanzait pour exücuter l'ordre rezu, et faisait prücisüment le contraire. Alors Athos haussait les üpaules et, sans se mettre en colure, rossait Grimaud. Ces jours-la, il parlait un peu.

2. Адресант может обращаться к неопределенным средствам воздействия, чтобы не быть уличенным в побуждении совершить неблагоприятный поступок. Ср. косвенный приказ убить, относящийся к распространенным сюжетам мировой литературы. Вспомним сцену из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: прокуратор Понтий Пилат косвенным образом приказывает начальнику тайной стражи Афранию убить Иуду из Кириафа, формально отдавая совсем другой приказ – охранять его, а ночью доложить (!). Выполнив приказ, начальник тайной стражи ночью приходит к прокуратору, докладывает, что Иуда убит, требует себя судить, но получает, как и следовало ожидать, не выговор, а щедрую награду. Впрочем, для приказа Пилата, хотя он и отдается в косвенной форме намек, характерна коммуникативная точность (а значит, и невысокая степень НК): Пилат точно знает, что он имеет в

виду, и добивается точного понимания от своего подчиненного. Во внешне похожих ситуациях, изображенных Ф. Достоевским (разговоры Ивана Карамазова со Смердяковым в «Братьях Карамазовых» и Николая Ставрогина с Федькой Каторжным в «Бесах» – в обоих случаях это косвенное побуждение убить) задействованы гораздо более сложные механизмы интерпретации. Ставрогин, отдавая пятьдесят рублей Федьке, вначале сам не осознает, что отдает их за то, чтобы тот зарезал капитана Лебядкина и Марию Тимофеевну. И лишь услышав о двойном убийстве, он понимает, что, оказывается, договаривался с наемным убийцей. Еще более высокая степень НК в разговоре Карамазова со Смердяковым. Этот разговор загадочен – соглашение осуществляется на уровне тайных, глубоко скрытых (даже подсознательных) мотивов. В итоге, даже после прямого объяснения со Смердяковым, Иван так и не может до конца поверить в то, что это именно он приказал убить своего отца.

3. Адресант может отдавать приказ, дающий возможности для двоякого толкования, надеясь на исполнение всех явных и неявных аспектов выраженного таким образом пожелания. Заменить одно неопределенное побуждение несколькими более точными приказами он не хочет из соображений экономии речи или по другим причинам. Ср. пример из «Войны и мира» Л. Толстого:

Наполеон чуть поворотил голову назад и отвел назад свою маленькую пухлую ручку, как будто желая взять что-то. Лица его свиты, догадавшись в ту же секунду, в чем дело, засуетились, зашептались, передавая что-то один другому, и паж, тот самый, которого вчера видел Ростов у Бориса, выбежал вперед и, почтительно наклонившись над протянутой рукой и не заставив ее дожидаться ни одной секунды, вложил в нее орден на красной ленте. Наполеон, не глядя, сжал два пальца. Орден очутился между ними. Наполеон подошел к Лазареву, который, выкатывая глаза, упорно продолжал смотреть только на своего государя, и оглянулся на императора Александра, показывая этим, что то, что он делал теперь, он делал для своего союзника. Маленькая белая рука с орденом дотронулась до пуговицы солдата Лазарева. Как будто Наполеон знал, что для того, чтобы навсегда этот солдат был счастлив, награжден и отличен от всех в мире, нужно было только, чтоб его, Наполеонова, рука удостоила дотронуться до груди солдата. Наполеон только приложил крест к груди Лазарева и, пустив руку, обратился к Александру, как будто он знал, что крест должен прилипнуть к

грудь Лазарева. Крест действительно прилип, потому что и русские и французские услужливые руки, мгновенно подхватив крест, прицепили его к мундиру...

4. Однако чаще всего основная цель обращения к непрямым средствам воздействия связана с вежливостью. На вежливости как значимом аспекте непрямого воздействия мы хотим остановиться подробнее.

Большая вежливость обращения к непрямым средствам воздействия по сравнению с прямыми средствами состоит, прежде всего, в том, что уже само обращение к побудительному речевому акту содержит в себе противоречие с принципом вежливости.

Согласно традиционной точке зрения, косвенные директивы более вежливы, так как слушающему предоставляется более приемлемая возможность «выйти из игры» [Searle 1975: 60-69].

Относясь к НК-2, косвенные побуждения эксплуатируют для повышения эффективности воздействия одно из свойств НК, а именно: отсутствие четкого разграничения смыслов. Косвенный речевой акт типа *Can you open the window?* можно понять и как вопрос, и как просьбу. Именно эта возможность одновременного прочтения двух коммуникативных смыслов составляет большую, чем у прямых просьб, вежливость косвенных побудительных РА. Очевидно, однако, что в самом по себе неразличении смыслов нет ничего вежливого. Подобные средства лишь считаются вежливыми в результате принятого общественного соглашения. Сам принцип вежливости в значительной степени обусловлен национальной культурой. Существуют культуры, в которых вежливым является не обращение к неопределенным средствам и побуждение адресата совершить дополнительные интерпретативные усилия, которые необходимы для того, чтобы понять, что имеется в виду, а, наоборот, точное выражение своей мысли и избавление адресата от необходимости делать ненужные умственные усилия. См. выше рассуждения А. Вежбицкой о израильской культуре, которой присуща «прямота» как ценностная ориентация.

Именно вежливость прежде всего связывала с культурными сценариями А. Вежбицкая, когда говорила о возможном культурном разнообразии косвенности.

Таким образом, мы выделяем три разновидности непрямого воздействия:

1. Непрямое воздействие как НК-1. Неопределенность присуща интенциональным состояниям адресанта и адресата. Высказывания содер­жательно многомерны, множественную интерпретацию адресата (и

наблюдателей) вызывает именно неопределенность интенционального состояния адресанта, поэтому относить подобные высказывания к директивам можно лишь с долей неуверенности, например:

(А. ВХОДИТ В КОМНАТУ, ГДЕ НАХОДЯТСЯ Б. И В., ПОГРУЖЕННЫЕ В РАБОТУ)

А. Кто как хочет / но время обеденное //

Б. Угу // *(А. МОЛЧА СОБИРАЕТСЯ И УХОДИТ ОБЕДАТЬ)* [Китайгородская, Розанова 1999: 360].

Высказывание *Кто как хочет / но время обеденное* можно истолковать как предложение пойти пообедать вместе, но предложение неопределенное. Никак нельзя быть уверенным в том, какую именно цель преследовал адресант, на основании последующих действий собеседников – А. не пытается уговорить коллег, а кроме того, ее вполне удовлетворяет уже совсем неопределенная ответная реплика Угу. Последняя, возможно, свидетельствует о том, что высказывание *Кто как хочет / но время обеденное* понимается адресатом как чисто информативное (сообщение неизвестной слушающим информации о времени) и не содержащее побуждения. Неясна, однако, цель первой части реплики А. *Кто как хочет*, которая как будто бы должна заставить адресата понять эту реплику скорее как предложение. По-видимому, перед нами непрямая коммуникация, где неопределенность присуща самому интенциональному состоянию адресанта, и этот факт понимается адресатом. Ответная реплика Угу является и определенным сигналом о том, что определенная информация принята к сведению (*время обеденное*), и неопределенным отказом на неопределенное предложение.

2. Непрямое воздействие как НК-2. Здесь можно выделить две подгруппы:

(а) косвенные директивные иллокутивные акты. То, что высказывание является побуждением, понимают и адресант, и адресат. Неопределенности фактически нет, но с точки зрения формы высказывания возможна множественная интерпретация. Обращение к такой форме (свойственной средствам НК) диктуется экстралингвистическими факторами, и прежде всего – требованием вежливости: хотя бы формальная неопределенность, хотя бы теоретическая возможность двойного прочтения, согласно общественной конвенции, считается более вежливой, чем прямое воздействие. Можно сказать, что неопределенность присуща такому высказыванию с точки зрения наблюдателя («наадресата»);

(б) манипуляция. Интенциональное состояние адресанта вполне определено, но форма высказывания сознательно избирается такой,

чтобы НЕ сигнализировать адресату об истинном интенциональном состоянии адресанта. Если в случае косвенного директивного иллюкутивного акта просьба остается просьбой (эксплицируемые часто «условия успешности», по Дж. Серлю, сигнализируют именно о том, что это просьба – о способности адресата выполнить ее или о том, что адресант действительно заинтересован в том, о чем он косвенно просит, типа *Ой, как дуем!*, только форма высказывания взята не от просьбы, а от “чужого” иллюкутивного акта), то в случае манипулирования адресант как раз делает вид, что никакой просьбы нет. Поэтому можно сказать, что в случае манипулирования неопределенность присуща интенциональному состоянию адресата и не присуща интенциональному состоянию адресанта.

Разницу между косвенными директивными иллюкутивными актами и манипулированием можно продемонстрировать на следующем примере, где на одного и того же адресата Игоря непрямо воздействуют сначала посредством косвенного директивного иллюкутивного акта (Вадим), а затем посредством манипуляции (Петр Шмаков):

– В какие края? – покровительственно спросил он <Игорь> нас.

– На пляж, в Химки.

– Нашли куда ехать! – засмеялся Игорь. – Толкучка! Я еду в Серебряный бор. Пляж – мечта! У меня там встреча с друзьями.

Вадим вздохнул:

– Тебе хорошо – у тебя машина.

В голосе Вадима слышалась просьба взять и нас с собой. Игорь сделал вид, что не понял.

Чего не сумел добиться Вадим, сразу добился Шмаков Петр. Что значит практическая сметка! Шмаков Петр иногда просто меня поражает.

– Не доедешь, – равнодушно проговорил Шмаков.

– Почему?

– Бензопровод засорится.

– Ты думаешь? – встревоженно спросил Игорь и поехал медленнее.

Я сразу понял тактику Шмакова Петра и подхватил:

– Конечно. В баке мусор. Где гарантия, что опять не забьется?

Игорь ничего не ответил. Молча ехал до самого метро. С одной стороны, ему не хотелось брать нас с собой. С другой стороны, боялся ехать один. Вдруг что в дороге случится? Что он будет делать без нас? То, что делают все неумехи. Останавливают проходящую машину и просят шофера помочь. (А. Рыбаков. Приключения Кроша).

Но мы полагаем, что и косвенные директивные иллокутивные акты, и манипулирование относятся к одному и тому же полю НК-2, и в этом отношении разница между ними все же гораздо менее значима, чем разница между ними и непрямым воздействием как НК-1 (собственно НК), когда неопределенность присуща интенциональным состояниям и адресанта, и адресата, и наблюдателя.

(О средствах непрямого общения и сообщения см.: [Дементьев 2006: 189-232; 2014].)

3. Изучение планируемой не прямой коммуникации в отдельных культурах (на примере русской). Использование подхода А. Вежбицкой к изучению не прямой коммуникации / косвенности в разных национальных культурах в связи с разными культурными национальными сценариями продемонстрируем на примере русской планируемой не прямой коммуникации. В частности, проверим распространенную гипотезу об ограниченном использовании или даже противопоказанности не прямой коммуникации / косвенности в русской речи (*«маргинальность косвенных директивов», «тиррова победа манипуляций»*).

Относим к культурным сценариям, сильно обуславливающим использование косвенных речевых средств в русской коммуникации, оппозицию **персональности ~ имперсональности**.

Данная оппозиция в общих чертах может быть охарактеризована как противопоставление (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) начала в целом персонального, личностного и межличностного – и начала социального, неличностного (официального, ритуального).

Левый член оппозиции оценивается через призму русской «межличностной» системы ценностей (это прежде всего нравственная оценка). Здесь присутствует идея огромности мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого интуитивно, через призму сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно многообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный. Правый член оппозиции принадлежит внеличностной сфере жизни и взаимоотношений людей, где человек воспринимается как абстрактный носитель социальной функции. На первый план выходит идея социального института, ограничений, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное, регламентированное взаимодействие с людьми. На правый член оппозиции не распространяется нравственно-личностная оценка – и в то же время в русском речевом сознании данное явление оцени-

вается отрицательно за сам факт отказа от нравственной оценки, выбор в пользу неличностного типа отношений, то есть, с точки зрения русской картины мира, как бы сознательное уклонение от естественных человеческих обязанностей и законов.

Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, P (personal), то наличие P, [P] представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие P, [-P] оценивается отрицательно.

Действие названной оппозиции проявляется в организации русской лексики. Ср. лексические пары в современном русском языке: *правда* ~ *истина*; *воля* ~ *свобода*; *совесть* ~ *нравственность*, *этика*; *интеллигент* ~ *интеллектуал*; *жалеть* ~ *сочувствовать*, *соболезновать*; *справедливый* ~ *законный*, *легитимный*, *правовой*; *мастер* ~ *профессионал*; *очень плохо* ~ *крайне неудовлетворительно*; *убийца* ~ *киллер*; *родной* ~ *казенный*; *начальник* ~ *руководитель*; *муж* ~ *супруг*; *любимый* ~ *сожитель*; *везение* ~ *успешность*; *вожак* ~ *лидер*; *любить*, *жалеть* ~ *уважать*; *злиться* ~ *негодовать*; *работа* ~ *деятельность*; *душевный* ~ *бездушный*... – при всем разнообразии и разнородности, есть некоторая тенденция к тому, что лексемы, представляющие правый член оппозиции, в целом гораздо уже, беднее по значению и сферам употребления, гораздо меньше способны к экспрессии, меньше способны к словообразованию и почти не образуют глагольные производные, резко ограничена их дистрибуция, особенно с глаголами; что правый член в какой-то степени тяготеет к официально-деловому стилю; что левый член несколько чаще представлен исконным словом, правый – заимствованным; что правый член чаще имеет отрицательную оценку, левый – нейтральную или положительную, однако данная тенденция почти никогда не прослеживается до конца. Следует подчеркнуть, что среди лексических оппозиций / пар антонимов, охватываемых общей оппозицией [P] ~ [-P], есть такие важные для русской культуры, как *правда* ~ *истина*, *душа* ~ *разум*, *воля* ~ *свобода*. В то же время не все эти концепты встают в четко лексически оформленные оппозиции с другими концептами / лексемами – например, для *дружбы* отсутствует адекватное соответствие с значением члена [-P]: выражение *партнерские отношения* – двусловное, описательное (ср. англ. *partnership*), а лексемы *партнерство*, *корпоративность* – малоупотребительные.

В оппозицию [P] ~ [-P] вступают не только лексемы, но и другие единицы русского языка и речи, в частности, в данную оппозицию вступают **речевые жанры**: так, значимой для русского языка и речи

является речежанровая оппозиция *разговора по душам* и *светской беседы*. Члены данной оппозиции – антонимичные в русской речевой культуре жанры, – представляя разные нормы выражено гармонического общения (даже разные коммуникативные идеалы), задают совершенно разные коммуникативные ориентации, взгляд на мир через призму противоположных оценочных «речежанровых картин мира» (подробнее см. в наших монографиях: [Дементьев 2013; 2016]).

Исследование русских прямых и косвенных форм в этом аспекте почти не осуществлялось (отмечалось лишь, что русские нормы, русский «коммуникативный стиль» более «прямые» по сравнению с английскими [Ларина 2009; Нестерова 2015]). Пожалуй, можно говорить о представлении (но не строгом требовании) о нежелательности чрезмерной риторической выстроенности, а значит, в каком-то смысле «прямоты» в типах общения, на которые распространяется действие главных ценностных доминант русской коммуникативной культуры в целом, – например, нежелательности ортологической сверхправильности при выражении наиболее сущностно значимых, «выстраданных» мнений в *разговоре по душам* [Стернин 2003; Фенина 2005]. Большинство же высказываемых мнений (прежде всего оценочных, особенно – нравственно-оценочных) выражаются точно и прямо (ср. данные русской фразеологии и паремиологии, выявленные Л.В. Балашовой: *резать правду-матку* и подоб. [2014: 358-389; 2017]).

В этом смысле идеи, обуславливающие выбор косвенных средств, сближаются в сознании говорящих с очень важным для русского ценностного национально-языкового сознания содержанием правого члена оппозиции персональности ~ имперсональности. Отсюда действительно может проистекать некоторое недоверие к непрямой коммуникации, к косвенным речевым средствам в целом в русском языковом сознании, причем не только к манипуляции, но и к косвенным речевым актам.

Рассмотрим русский аналог примера, который относится к хрестоматийным в англоязычной теории косвенных речевых актов, опирающейся на идеи Дж. Серля, – *Can you open the window?* ‘Вы можете открыть окно?’.

Как известно, *Can you open the window?* определяется в данной теории как конвенциональный косвенный речевой акт, причиной использования которого считается требование вежливости, точнее – представление о вежливости, принятое в англоязычной коммуникации.

Дж. Серль, Дж. Грин и др., пытавшиеся теоретически обосновать причины распространенности и эффективности таких формул в функции косвенных директивов, решили, что, будучи по форме вопроса-

ми, они предоставляют адресату большую свободу: хотя бы гипотетическую возможность реагировать на них как на вопросы, то есть недирективы, «более приемлемую возможность выйти из игры» [Searle 1975: 60-69; Green 1975: 128-130].

Вряд ли можно считать такое объяснение удовлетворительным. Так, Серлю и Грину убедительно возразил Р. Конрад, указавший на то, что для вопросов типа *Can you open the window?* «простой ответ “нет” является точно в той же степени невежливым, что и для соответствующих прямых просьб» [Conrad 1983: 345-354].

Думается, что ближе к истине точка зрения А. Вежицкой, которая отказывается искать общие для всех культур причины использования «косвенных формул», объяснять их распространенность какими-то объективными и универсальными свойствами данных формул – «рациональностью», «эффективностью». Все решается в конечном счете системой сценариев данной культуры, подчеркивает Вежицкая, которые полностью обуславливают представление о вежливости, принимаемое в данной культуре.

Относясь к НК-2, косвенные побуждения эксплуатируют для повышения эффективности воздействия одно из свойств НК, а именно: отсутствие четкого разграничения смыслов. Косвенный речевой акт типа *Can you open the window?* можно понять и как вопрос, и как просьбу. Именно эта возможность одновременного прочтения двух коммуникативных смыслов составляет большую, чем у прямых просьб, вежливость косвенных побудительных речевых актов. Как уже было показано выше, в самом по себе неразличении смыслов нет ничего вежливого.

Рассуждения о неуниверсальности причин обращения к косвенным средствам лучше всего доказывает, на наш взгляд, тот факт, что в русском языке у *Can you open the window?* нет точного эквивалента: ближайшее функциональное соответствие *Не могли бы вы открыть окно?* принципиально отличается по форме: это *отрицание*.

Думается, это не случайно.

Рассмотрим теперь русскую форму *Не могли бы вы открыть окно?*

Как и английское соответствие, это конвенциональный косвенный речевой акт – директив, использующийся в косвенной форме вопросительного предложения. Как и в английском, обращение к косвенной форме продиктовано требованием вежливости.

В то же время есть по крайней мере два серьезных отличия.

Повторяем, в обоих языках это конвенциональный косвенный речевой акт, но в английской речи, собственно, нет выбора: прямая форма в таких вежливых просьбах фактически исключена, так как воспри-

нимается грубо. А раз нет выбора, это, так сказать, не совсем косвенный речевой акт. Но зато с точки зрения формы «все в порядке»: точно такую же форму *Can you open the window?* имеет недирективный речевой акт – вопрос, и у слушающего хотя бы гипотетически остается возможность прореагировать на эту реплику как на вопрос.

Но выбора как такового нет и в русском языке (несмотря на то, что прямые просьбы в русском языке, в отличие от английского, не находятся под запретом): дело в том, что форму *Не могли бы вы открыть окно?* имеют только просьбы, и никогда – реальные вопросы: вопрос может иметь только неотрицательную форму типа *Вы можете открыть окно?* или *Можете ли вы открыть окно?* В этом смысле в русском языке не выполняется даже формальное требование, предъявляемое к косвенным речевым актам в теории Серля – Грина: на «вопрос» *Не могли бы вы открыть окно?* нельзя даже гипотетически прореагировать как на не-директив (как и на вопрос *Можете ли вы открыть окно?* нельзя прореагировать как на просьбу), ситуации такого «непонимания» выглядят настолько курьезно, что обыгрываются в юмористических текстах – ср. рассказ М. Зубкова «Трешка», который начинается так: *Вот подходит недавно один: – Слушай, ты не мог бы одолжить трешку? – Мог бы, – говорю. И иду своей дорогой. <...>*

Выскажем предположение, что отрицательная форма избрана в русской коммуникации именно для того, чтобы вежливый директив типа *Не могли бы вы открыть окно?* нельзя было спутать с не-директивами типа *Можете ли вы открыть окно?*, то есть чтобы это были **не** косвенные речевые акты, восприятие которых в русской коммуникации сопряжено с некоторым недоверием.

О.Б. Сиротининой выявлены почти невозможные для западной коммуникативной картины случаи, когда обращение к косвенным средствам для выражения просьбы (с точки зрения адресанта – обычно пожилого человека – они выражаются таким образом в более вежливой форме: *Надо бы за хлебом сходить; Форточку бы открыть*) обижало адресата речи – молодого человека, воспринималось как «изошренный диктат» [Сиротинина 1999: 27]³.

³ У Деборы Таннен комментируется пример, который показывает, что и американцев могут раздражать и обижать косвенные РА, когда в них прочитывается возможное «скрытое неодобрение». Молодая женщина, придя домой из колледжа, готовит салат, а ее мать спрашивает: «Ты собиралась резать эти помидоры на четыре части?» Дочь отвечает: «Что-то не так с ними?» – «Нет, нет, – отвечает ей мать, – просто лично я нарезала бы

С манипуляцией, в отличие от косвенных речевых актов, «все ясно»: ее этическая недобросовестность не раз разоблачалась в мировой филологии и философии начиная с античности (см. обзоры литературы в: [Дементьев 2006: 15-55; Налимов 2003: 14-46]); и все же выскажем осторожное предположение, что в русской коммуникации манипуляции еще труднее одержать победу, чем в других культурах.

Как говорится по этому поводу в известном пособии по риторике [Клюев 1999], в современной России не получили большого распространения формы косвенного воздействия, поскольку имплицитные, выводные смыслы, присущие не прямой коммуникации, обычно ассоциируются с некой опасностью, в них подозревают «камень за пазухой» (хотя за пазухой, так сказать, далеко не всегда камень – иногда там может оказаться цветок!). Как остроумно заметил автор пособия Е.В. Клюев, «ситуаций, в которых прямые формулировки предпочтительны, всего десять – и все десять формулировок уже очень давно предложены Христом в виде заповедей» [Там же: 24].

Несмотря на это, Е.В. Клюев утверждает, что косвенное воздействие более эффективно и воздейственно, чем прямое (хотя не доказывает этого на речевом материале). По мнению исследователя, прямое воздействие задает «вертикальные» отношения типа «начальник подчиненный» и не предполагает никакой иной реакции адресата, кроме исполнения или отказа («как в армии»): «<...> прямая тактика речевого воздействия, в сущности, тем действеннее, чем более пассивная роль остается на долю слушателя» [Там же: 155]. Напротив, косвенное воздействие требует от адресата «со-беседования», сотворчества: «<...> результативность и в конечном счете эффективность речевой тактики – прямая производная от степени творческой активности слушателя. Творческая же активность его несовместима со слепым подчинением пусть даже самой благородной и надежной концепции говорящего» [Там же: 156]. Такой со-беседник способен «на ходу» перерабатывать информацию, хотя может сделать это за счет отрицания «самых дорогих нам установок» [Там же]. Таким образом, Е.В. Клюев понимает косвенное воздействие именно как НК (в соответствии с риторической направленностью исследования – как НК-2), и это совпадает с нашим пониманием непрямого воздействия.

их кольцами». Дочь продолжает резать помидоры, но потом она рассказала, что подумала про себя: «Я не могу ничего сделать без того, чтобы мама сказала, что она сделала бы это по-другому?» [Tannen 2010: 311].

Следует отметить, однако, что косвенное воздействие как НК-2 составляют не только косвенные иллюкутивные директивные акты (Е.В.-Клюев говорит только о них), но и манипулирование, которое отнюдь не предполагает «со-беседования». При прямом воздействии не только задаются «вертикальные» отношения типа «начальник → подчиненный», но и прямо («честно») сообщается об этом. Косвенное же воздействие задает неопределенные отношения (кстати, это вполне могут быть и отношения «начальник → подчиненный»). Манипулятор хочет занять позицию начальника хитростью.

Есть еще одна сфера русской фатической коммуникации, по-своему имеющая несколько не меньшее ценностное содержание, чем этикет, где существует ярко выраженная национальная специфика использования косвенных средств, – это **диссонансная** фатика, порождаемая **конфликтным**, агрессивным коммуникативным поведением.

Особенность русского агрессивного коммуникативного поведения, неоднократно отмечаемая представителями других (прежде всего западных) культур, состоит в отсутствии запрета на «грубые слова». Следует отметить, что в формально-коммуникативном, семиотическом смысле это во многом универсальное качество, если за «грубыми словами» не стоит настоящая агрессия, т.е. если это косвенные фатические речевые жанры, выражающие симпатию при внешней грубости, фамильярности. Однако в русской культуре, в отличие от многих других, как будто бы отсутствует и запрет на некоторые прямые ситуации агрессивного коммуникативного поведения – если обращение к «грубым словам» продиктовано *дружескими* чувствами – ср. паремии типа *милые бранятся – только тешатся*. Это дружеское чувство обязательно: без него такое же по форме агрессивное поведение однозначно осуждается – ср. в русской литературе образы Ноздрева у Гоголя, Дикого у Островского, Тарантьева у Гончарова.

Оппозиция [P] ~ [-P] в области агрессивного коммуникативного поведения проявляется в закреплённом исторически и широко отраженном в русской лексике и идиоматике (ср. данные Л.В. Балашовой [Балашова 2014; 2017]), пословицах, а также русской литературе **предпочтении** «человеческого» выплескивания агрессии (вплоть до рукоприкладства) обращению для этой цели к закону, органам власти. Ср.:

– Вы же не слышали, как он тут обзывался...

– *Это ваше мужское дело! <...> Вышли в тамбур и выяснили отношения. Нет, вы приводите милиционера, отвлекаете его тем самым от прямых обязанностей, да еще и внушаете работникам сель-*

ского хозяйства недоверие к форме уважаемых сотрудников общественного порядка... (В. Шукшин. Печки-лавочки);

Валиков подал в суд. Но так как дело это всегда кляузное, никем в деревне не одобряется, то Ефим тоже всем показывал палец и пояснял:

– Оно бы – по-доброму, по-соседски-то – к чему мне? Но она же шибко грамотная!.. Она же слова никому не дает сказать: самозагорание, и все! (В. Шукшин. Суд).

Данный факт, кстати, скорее подтверждает, что манипулятивное агрессивное поведение в русской культуре встречает более серьезное сопротивление, чем в других культурах, – большее, чем открытая агрессия, а потому манипуляции могут одержать лишь временную победу... пиррову победу.

Таким образом, представляется неоправданным говорить об однозначном запрете на непрямую коммуникацию в русской культуре, особенно в таких подчеркнута семиотических сферах, как этикет, а также наиболее противопоставленные ему инвективные высказывания, или однозначно называть русскую культуру «прямой», как это делают некоторые исследователи. В то же время несомненно, что есть области и сферы применения (планируемой) непрямой коммуникации в русской культуре, в которых отношение к данному явлению значительно отличается от других культур (например англо-американской), существуют ограничения на использование непрямой коммуникации в определенных ситуациях.

Заключение. Итак, нами были рассмотрены несколько аспектов изучения непрямой коммуникации / косвенности в разных культурах, прежде всего русской, а также выделены и отчасти обсуждались некоторые пути их будущего развития в сопоставительной лингвокультурологии на теоретической основе, которая была разработана в трудах А. Вежбицкой и ученых ее Семантической школы: изучение косвенности в разных культурах через национальные культурные сценарии (такие как английское *moderate expressing opinions*, японское *enryo*, яванское *etok-etok* и др.).

Было показано, что в русской коммуникации одним из культурных сценариев, в значительной степени обуславливающим использование косвенных речевых средств, выступает оппозиция персональности ~ имперсональности ([P] ~ [–P]).

В других культурах данная оппозиция может значительно трансформироваться, например в других славянских культурах, или отсутствовать (в англо-американской, японской).

В дальнейшем список культурных сценариев, обуславливающих использование косвенных речевых средств, конечно, может и должен быть дополнен, как и список аспектов уже рассмотренных сценариев, тоже обуславливающих использование косвенных речевых средств. Концепция А. Вежбицкой дает для этого хорошие основания.

Библиографический список

Балашова Л.В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. 632 с. (Studia Philologica).

Балашова Л.В. Речевые жанры в русской идиоматике (семантический и концептуальный аспекты) // Жанры речи. 2017. №1(15). С. 6–29.

Вежбицкая А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: Колледж, 2003. С. 136-159.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.

Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).

Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 338 с. (Studia philologica).

Дементьев В.В. Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013 // Жанры речи. 2014. №1-2(9-10). С. 22-49.

Дементьев В.В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78-107.

Дементьев В.В. Речезанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. 396 с.

Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.

Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М.: ПРИОР, 1999. 272 с.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

Нестерова Т.В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-1 (47). С. 156-162.

- Прямая и непрямая коммуникация.** Саратов: Колледж, 2003. 354 с.
- Стернин И.А.** Почему русский человек не любит светское общение? / Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: Колледж, 2003. С. 278-283.
- Фенина В.В.** Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 253 с.
- Anolli L.** MaCHT Miscommunication as Chance Theory : Toward a unitary theory of communication and miscommunication // Say Not to Say : New perspectives on miscommunication / eds. L. Anolli, R. Ciceri, G. Riva. Amsterdam : IOS Press, 2001. P. 3–43.
- Berger Ch. R.** A tale of two communication modes : When rational and experiential processing systems encounter statistical and anecdotal depictions of threat // Journal of Language and Social Psychology. 2007. № 26. P. 215–233.
- Besemeres M.** Different Languages, Different Emotions? Perspectives from autobiographical literature // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2004. Vol. 25, # 2 and 3, pp. 140-158.
- Blum-Kulka S.** Learning to say what you mean in a second language: A study of the speech act performance of learners of Hebrew as a second language // Applied Linguistics, 3(1), 1982. Pp. 29-59.
- Blum-Kulka S., Danet B., Gheron R.** The language of requesting in Israeli society. Forgas (ed.), 1985. 113-139.
- Brennan S. E., Schober M.** How listeners compensate for disfluencies in spontaneous speech // Journal of Memory and Language. 2001. № 44. P. 274–296.
- Clark H. H., Krych M. A.** Speaking while monitoring addressees for understanding // Journal of Memory and Language. 2004. № 50. P. 62–81.
- Conrad R.** Fragesdtze als indirekte Sprechakte // Studia Grammatica XXII: Untersuchungen zur Semantik. R. Růřhnik und W. Motsch (Hrsg.). Berlin: Akademie Verlag, 1983, S.343-367.
- Ferreira V. S., Slevc L. R., Rogers E. S.** How do speakers avoid ambiguous linguistic expressions? // Cognition. 2005. № 96. P. 263–284.
- Geertz C.** The religion of Java. Chicago: Chicago University Press, 1976. 392 p.
- Goddard C. & Wierzbicka A.** Discourse and Culture // Teun A. van Dijk (ed.) Discourse as Social Interaction // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. L.: Sage, 1997. Vol. 2. P. 231-259.
- Hinnenkamp V.** Misunderstandings : Interactional structure and strategic resources // Misunderstandings in Social Life : Discourse approaches to

problematic talk / eds. J. House, G. Kasper, St. Ross. L. [etc.] : Longman, 2003. P. 57–81.

Honna N., Hoffer B. (Eds.). An English dictionary of Japanese ways of thinking. Yuhikaku, 1989.

House J., Kasper G., Ross S. Misunderstanding talk Juliane House // Misunderstandings in Social Life : Discourse approaches to problematic talk / eds. J. House, G. Kasper, St. Ross. L. [etc.] : Longman, 2003. P. 1–21.

Janicki K. Lay people's language problems // International Journal of Applied Linguistics. 2010. № 20, pt. 1. P. 73–94.

Jucker A. H., Smith S. W., Lodge T. Interactive aspects of vagueness in conversation // Journal of Pragmatics. 2003. № 35, pt. 12. P. 1737–1769.

Kecskes I. The paradox of communication : Socio-cognitive approach to pragmatics // Pragmatics and Society. 2010. № 1, pt. 1. P. 50–73.

Linell P. Rethinking Language, Mind and World dialogically : Interactional and contextual theories of human sense making. Charlotte, NC : Information Age Publishing, 2009. 155 p.

Mizutani O., Mizutani N. How to be polite in Japanese. Tokyo: Japan Times, 1987.

Peeters B. APPLIED ETHNOLINGUISTICS is cultural linguistics, but is it CULTURAL LINGUISTICS? // International Journal of Language and Culture, 3 (2), 2016, pp. 137-160.

Peeters B. Language and cultural values: the ethnolinguistic pathways model. *Flinders University Languages Group Online Review*. Vol. 4, iss. 1, November 2009. Pp. 90-117.

Raevaara L. Accounts at convenience stores : Doing dispreference and small talk // Journal of Pragmatics. 2010. № 43, pt. 2. P. 556–571.

Searle J.R. Indirect Speech Acts // Cole Peter, Morgan Jerry L. (eds.). *Syntax and Semantics*. Vol. 3: Speech Acts. New York; San Francisco; London: Academic Press, 1975, pp. 59-82.

Sperber D., Wilson D. Pragmatics, modularity and mind-reading // *Mind & Language*. 2002. № 17, pt. 1–2. P. 3–23.

Tannen D. Indirectness in Discourse : Ethnicity as Conversational Style // *Discourse Processes*. 1981. № 4, pt. 3.

Tannen D. That's Not What I Meant! : How Conversational Style Makes or Breaks Relationships. N.Y. : Harper Perennial, 1986. 224 p.

Tannen D. Indirectness at Work // *Language in Action : New Studies of Language in Society*, Festschrift for Roger Shuy / ed. by J. Peyton, P. Griffin, W. Wolfram, R. Fasold. Cresskill, NJ : Hampton Press, 2000. P. 189–212.

Tannen D. Abduction and Identity in Family Interaction : Ventriloquizing as Indirectness // Special issue of Journal of Pragmatics / ed. by S. Kiesling. 2009. № 10 (1016). P. 50–75.

Verdonik D. Between understanding and misunderstanding // Journal of Pragmatics. 2010. № 42, pt. 5. P. 1364–1379.

Wierzbicka A. Genry mowy // Tekst i zdanie. Zbior studiow / Red. T. Dobrzyska, E. Janus. Wroclaw itd.: PAN, 1983. S. 125-137.

Wierzbicka A. A semantic metalanguage for a cross-cultural comparison of speech acts and speech genres // Language in Society. 1985. 14: 491-514.

Wierzbicka A. Different cultures, different languages, different speech acts: Polish vs. English // Journal of Pragmatics. 1985. 9: 145-178.

Wierzbicka A. Does language reflect culture? Evidence from Australian English // Language in Society. 1986. 15: 349-373.

Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A semantic dictionary. Sydney: Academic Press, 1987. 367 p.

Wierzbicka A. Podwojne zycie czlowieka dwujezycznego // Jezyk polski w swiecie. Warszawa, 1990. S. 71-104.

Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. P. 67-72; 88-104.

Wierzbicka A. In defense of ‘culture’. Theory and Psychology. Special issue on ‘culture’ edited by H.J. Stam. 15(4) 2005.

Wierzbicka A. Anglo scripts against ‘putting pressure’ on other people and their linguistic manifestations // Cliff Goddard (ed.) Ethnopr pragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context. Mouton de Gruyter, 2006. P. 31-63.

Wierzbicka A. Overcoming Anglocentrism in Emotion Research // Emotion Review. 2009. Vol. 1, No. 1. P. 21-23.

Wu S., Keysar B. The effect of information overlap on communication effectiveness // Cognitive Science. 2007. № 31. P. 169–181.

V. V. Demytyev

THE CONCEPTION OF INDIRECTNESS BY A.WIERZBICKA AND STUDY OF INDIRECT SPEECH GENRES IN DIFFERENT CULTURES

Abstract. *The study of indirect speech genres and indirectness in general in different cultures refers to the most actual and complex problems of modern linguistics and culturology. However, the common and generally recognized definition of indirectness / indirect communication has not yet been accepted, there are no answers to the most fundamental questions: is an indirect communication obligatorily paired with the corresponding direct*

communication, are there universal regularities common to indirect communication in all cultures, are there regularities common for all structural types of indirect communication, and whether they can be formulated in terms that are comparable in rigor with the traditional structural-linguistic ones.

The article shows that to solve these problems, the model developed by A. Wierzbicka for the study of indirect communication and its national identity through cultural scenarios can be successfully used. This approach allows us to oppose two types of indirect communication: planned and unplanned – and formulate a common definition for these varieties of indirect communication.

In particular, from this point of view, a number of cultural scenarios are considered that are significant for the specificity of indirect communication in different cultures: English moderate expressing opinions, Japanese enryo, Javanese etok-etok. Particular attention is paid to the opposition “personality ~ impersonality” in Russian culture: the basic linguo-semiotics mechanisms for the implementation and interpretation of indirect communication are examined both from the point of view of traditional Russian culture and in connection with actual processes in modern Russian speech: indirect directives and manipulations; system of courtesy and speech etiquette; system of organization of non-informative phatic communication such as small talk.

Key words: *A. Wierzbicka, indirectness, planned and unplanned indirect communication, cultural scenarios, opposition “personality ~ impersonality”*

УДК 811.1

С.А. Манаенко

ЭТИЧНОСТЬ ТЕКСТА КАК ОСНОВА ДИСКУРСИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *В статье предлагается рассматривать этическую составляющую текста как необходимое условие коммуникации, разделенной в пространстве и времени. При этом этичность текста определяется соответствием типу дискурса, в рамках которого он порождается. Именно условия дискурса детерминируют использование тех или иных языковых средств, служащих координации сознаний коммуникантов и обеспечивающих их взаимодействие.*

Ключевые слова: *этичность текста, дискурс, взаимодействие, языковые средства.*

Этика может характеризовать речевую деятельность человека, опосредованную в первую очередь языком и проявленную в коммуникации как смысловом аспекте общения, т. е. взаимодействия людей, при-

надлежащих к определенному социуму. Вполне очевидно, что этической будет любая деятельность, в том числе и речевая, наиболее полно соответствующая интересам не только одного человека (говорящего), но и всего социума в целом, при этом протекающая в таких формах, которые обеспечивают ее эффективность на основе взаимодействия и взаимопонимания. Для речевой деятельности подобной основой выступают социально выработанные стратегии и приемы организации речи и отбора языковых средств, предназначенные для решения определенных задач в той или иной сфере человеческой деятельности. В этом плане уместно сослаться на вывод У. Матураны, согласно которому: «Языковые взаимодействия ориентируют слушателя в его собственной когнитивной области, не специфицируя при этом хода его поведения. Основная функция языка как системы ориентирующего поведения заключается не в передаче информации или описании независимой вселенной, а в создании консенсуальной области поведения между системами, взаимодействующими на языке, путем развития кооперативной области взаимодействий» [Матурана 1996: 131 – 132].

Языковые выражения, представляющие кооперативную консенсуальную область взаимодействий между говорящим и слушателем, основанную на общей системе отчета для изменения поведения коммуникантов, можно рассматривать в качестве носителей информации, а человеческую коммуникацию как обмен и передачу информации, определенную социальным контекстом и условиями речевой деятельности в той или иной сфере человеческих отношений, свойственных отдельному социуму на данном этапе его развития. В соответствии с этим положением разновидности речевой деятельности во всей совокупности факторов, определяющих их специфику, можно рассматривать в качестве различных дискурсов, которые в зависимости от целей и задач коммуникации осуществляются в различных модификациях, или, по М.М. Бахтину, различных речевых жанрах: «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает относительно устойчивые типы таких высказываний (скорее, текстов – Г.М.), которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин 1996: 159]. Отсюда следует, что текст (высказывание) выступает единицей общения: «... Можно утверждать, что основной единицей коммуникации является текст, ибо только в тексте развертывается целая конкретная коммуникация, а само общение приобретает законченный информационный акт» [Колшанский 1984: 49].

Понимание процесса коммуникации как определенного вида речевой деятельности исключает возможность сведения содержания общения к коммуникации и существенно раздвигает границы осмысления языковых явлений в теоретическом плане: «Деятельность членов общества – это форма существования общества, и в то же время в деятельности формируются мотивы общения. В общении коммуниканты являются объектами речевого воздействия друг на друга, а цель каждого – побуждение собеседника к некоторой активности. Следовательно, общение – это такая форма преимущественно знакового взаимодействия коммуникантов, в структуре которого разворачивается их речь, подчиненная целям общения. Таким образом, общение по отношению к тексту стало играть роль интерпретативной системы, детерминирующей сам текст» [Диалектика текста 1999: 23]. Соответственно, на первый план выходят цели, мотивы общения и коммуникативного взаимодействия, стремление собеседников к сотрудничеству, а также интенции говорящего (см., например: [Манаенко 2006; Манаенко 2013]). Следовательно, коммуникация – это не только смысловой аспект общения, но и поле взаимонаправленной деятельности, основанной на принципе кооперации, а текст представляет собой не только результат определенного дискурса, но и проявляет, заключает в себе пространство, организованное коммуникативным сотрудничеством. Именно поэтому этичность текста можно рассматривать как реализацию взаимного ориентирования собеседников. В этом плане известные максимы П. Грайса предстают в качестве этических императивов, определяющих эталонную модель коммуникации. Постулаты количества, качества, релевантности и способа выражения [Grice 1975: 45], по существу, являются правилами поведения социального человека при осуществлении определенного рода деятельности – коммуникативной. Отсюда следующее предположение: всё в тексте, что обеспечивает совместное взаимодействие, сотрудничество общающихся и способствует максимально успешной коммуникации, как раз и несет в себе этическую нагрузку, то есть выполняет этическую функцию.

Как отмечает К.Ф. Седов, успех коммуникации зависит не только от языковой компетенции участников общения, но и от их жизненного опыта, знания законов социального взаимодействия людей в той или иной области, от социально-психологической компетенции, которая является основой жанровой интерпретации [Седов 2002: 42]. Вне учета данных позиций лингвистический анализ текста представляется ущербным, поскольку в таком случае языковые выражения рассмат-

риваются как самодостаточные сущности независимо от того, будь это уровень отдельного предложения (высказывания), сегмента текста (ССЦ, КРФ и т.п.) или текста в целом. Если подходить к письменному тексту не только как результату общения, но и как отображению определенного дискурса, то, безусловно, в таком ракурсе текст предстает как «языковое бытие» дискурса, упорядоченное в соответствии с коммуникативными приоритетами деятельности человека в некоторой сфере социальной жизни правилами речевого поведения и знаниями приемов взаимодействия, опосредованных типами жизненных ситуаций, социальными ролями общающихся, степенью и качеством их участия в коммуникации, уровнем их знаний и культуры.

При этом отметим, что все указанное выше имеет исторический характер, то есть определяется общим развитием социума и всеми условиями его существования, поэтому то, что было свойственно определенному дискурсу, к примеру, двадцать лет назад, не является обязательно его спецификой сегодня. Наиболее очевидно изменение видов дискурса в эпоху перемен, например, достаточно сравнить публицистический дискурс советского и постсоветского периодов жизни российского общества. Поэтому текст, в том числе и письменный, не перестает быть единицей общения, но имеет свои особенности в самых разнообразных планах, включая и этический. Кстати, никакие presuppositions и речевые импликатуры дискурса не индуцировались текстом, если бы не было этой специфики. Пожалуй, в этом смысле можно говорить, подобно позднему Витгенштейну, что значение языкового выражения есть его употребление, а оппозиция *язык – речь* преодолевается лишь в живой практике общения. Именно поэтому употребление единиц языка можно определить как дискурсивное, поскольку в конкретном высказывании (тексте) они не только трансформируют свою семантику, но и выполняют самые разнообразные функции, обеспечивая как реализацию целей говорящего, так и создавая «территорию взаимодействия и взаимопонимания».

В синтаксических трудах последних лет все чаще используется термин *назначение* языкового выражения, в частности, синтаксической конструкции, что, на наш взгляд, отражает наиболее обобщенное значение языковой единицы, ее предрасположенность к определенному использованию (функционированию). Так как осуществление комментария в тексте и есть основная функция-потенция осложняющих (преддицирующих) категорий, в первую очередь обозначающих коммуникативный ранг представляемого содержания в соответствии с лично-

стными смыслами образа «картины мира» говорящего и ее коммуникативной ценностью. Этот комментарий может относиться как к онтологии выражаемой «картины мира», так и ее оценкам говорящего, которые в случае реализации других его информационных и коммуникативных интенций, способны предстать в акте общения в качестве обозначения онтологических сущностей [Манаенко 2001: 59]. О других каких-либо аспектах функционирования осложняющих конструкций вне конкретного употребления, видимо, говорить бессмысленно, поскольку только в тексте как отображении определенного дискурса мы действительно можем выявить всю специфику применения языковых единиц, увидеть логику их отбора и организации в непосредственном коммуникативном взаимодействии.

Постановка же вопроса об этической составляющей функционирования осложненных предложений в текстах аналитико-публицистического дискурса, не просто «повышает» информационную значимость данных конструкций как важнейшего компонента в содержании текста или постулирует деятельностную природу таких языковых форм, но проявляет механизм человеческих взаимодействий, дает основания для объективной оценки коммуникации либо как ложной, по Ю. Хабермасу, т.е. ориентированной на достижение только корыстных целей, либо подлинной, направленной на взаимопонимание, действительное обеспечение взаимодействия, на диалог. Текст не просто отображение вида дискурса (например, публицистического), но и его воплощение в исторически выработанных и социально закрепленных формах межличностного взаимодействия как относительно устойчивых тематических, композиционных и стилистических типах совокупностей высказываний, то есть *речевых жанрах*, по М.М. Бахтину. Приведем в этой связи очень интересное наблюдение, принадлежащее К.Ф. Седову, которое, на наш взгляд, опровергает узкое понимание коммуникации как обмена информацией и свидетельствует о включенности коммуникации в общение как социальное взаимодействие людей: «Жанровое мышление, как это ни парадоксально, начинает формироваться значительно раньше первых вербальных проявлений, задолго до начала формирования у ребенка языковой структуры [Седов 2002: 43].

Определяя этический аспект текста как проявление принципа сотрудничества в общении, мы должны последовательно учитывать при описании функций языковых единиц сферу человеческой жизни, в которой осуществляется коммуникация, типовые цели и задачи общения в ней, принятые формы социальных взаимодействий для их реализации,

социо- и лингвокультурные обстоятельства общения, специфику условий осуществления коммуникации в определенных типах ситуаций общения в данной сфере, стандартизированные вплоть до клиширования приемы и способы организации речевого общения, типизированные наборы коммуникативных действий (решений коммуникативных задач) при выражении тематически устойчивого содержания – словом, всего того, что детерминирует отбор и организацию языковых средств в речевом произведении. Взаимопонимание коммуникантов в пространстве текста возможно только тогда, когда в нем есть ориентиры и «инструкции» для сотрудничества, когда структура и языковое выражение письменного текста как речевого произведения обращены к собеседнику, иначе говоря, когда языковые единицы *этично* подобраны и организованы в полном соответствии с нормами и правилами речевого поведения при том или ином типе социального взаимодействия. В таком случае в письменном тексте преодолевается раздельность пространством и временем общающихся и он действительно становится отображением деятельности «двоих».

Исследование этической стороны речевого взаимодействия закономерно детерминирует в качестве взаимосвязанных сущностей систему ценностей и мировоззренческих установок отдельного социума, мотивы и цели социальных взаимодействий в той или иной сфере его бытия, темы информационных потоков в различных сферах информационного пространства, способы их организации как институциональных дискурсов, жанры как устойчивые тематически, композиционно и стилистически структуры высказываний, высказывания как собственно различные социальные взаимодействия индивидов, индивида и социальной группы, индивида и социума, социальной группы и социума и т.п., языковые выражения как средства обеспечения социальных взаимодействий.

Библиографический список

Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М., 1996.

Диалектика текста: В 2 т. Т. 1 / Под ред. проф. А.И. Варшавской. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М., 1984.

Манаенко Г.Н. Диалектика смысла и значения: осложнение предложения как прием реализации замысла говорящего // *Язык и куль-*

тура: тезисы международной научной конференции. – М.: Институт иностранных языков, 2001.

Манаенко Г.Н. Осложнение предложения как прием автокомментария замысла говорящего в коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 44 – 46.

Манаенко Г.Н. Осложненное предложение в отношении к категориям информации и дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1 (6). С. 45 – 54.

Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.

Седов К.Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи: Сборник научных статей. Вып. 3. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002.

Grice H.P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts / Eds. P. Cole, J. Moran. New York 1975.

S.A. Manaenko

THE ETHICS OF THE TEXT AS THE BASIS FOR DISCURSIVE INTERACTION

Abstract. *The article proposes to consider the ethical component of the text as a necessary condition of communication, separated in space and time. The ethics of the text is determined by the type of discourse in which it is generated. It is this discourse determines the use of these or that language means serving to coordinate the minds of the communicants and providing their interaction.*

Keywords: *ethics text, discourse, interaction, language tools.*

УДК 81'35

К.Я. Сигал

КОНТРАСТИВНАЯ ПУНКТУАЦИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Аннотация. *Целью данной теоретической статьи является описание положения дел, сложившегося к началу XXI века в области сопоставительного исследования пунктуации. В статье показано, что контрастивная пунктуация является важной составляющей контрастивной лингвистики. Автор поддерживает точку зрения, согласно которой в европейских языках представлены два типа пунктуационных систем: «французская» и «немецкая». В статье развернута программа исследований в области контрастивной пунктуации в начале XXI века. Отмеча-*

ется, что контрастивная пунктуация крайне важна для изучения письменной речи на иностранных языках и для стилистических исследований в сфере перевода.

Ключевые слова: *пунктуация, тип пунктуации, письменная речь, контрастивная лингвистика.*

Новейший этап развития пунктуации как специальной отрасли лингвистической науки характеризуется тем, что пунктуация перестает выполнять исключительно предписывающую функцию и начинает выполнять также описательную и объяснительную функции, без чего невозможно уже представить современную лингвистику.

Благодаря исследованиям последних лет удалось преодолеть отношение к пунктуации как к «придатку» синтаксиса, как к чему-то формальному во внешней организации синтаксических единиц и единств (вплоть до целого текста) в письменной речи и, наоборот, обосновать включенность пунктуационного компонента в речемыслительную деятельность пишущего и глубинную взаимосвязь пунктуации со всеми разноуровневыми средствами реализации коммуникативных установок языковой личности (см., в частности, [Валгина 2004]). Вероятнее всего, вследствие этого обстоятельства в общей массе новейших исследований по пунктуации доминируют труды, посвященные реконструкции пунктуационного «слоя» идиолектов и идиостилей.

При этом почти не обращается внимание на контрастивный анализ пунктуационных систем разных языков, без чего, однако, не представляется возможным ни обнаружить отличительные особенности пунктуации изучаемого иностранного языка (а равным образом и характерологические свойства пунктуации родного языка), ни обосновать те или иные мотивационные решения при переводческой трансформации пунктуационного оформления конкретного текста, ни определить типологические тенденции собственно пунктуационного характера, подчас не совпадающие с типологическими сближениями / расхождениями в сфере грамматики или с объединениями языков по степени родства.

Более того, сам термин «контрастивная (или сопоставительная) пунктуация», спорадически встречающийся в научной литературе, пока не осознается как наименование особого раздела ни в контрастивной лингвистике, ни в теории пунктуации.

Если в 1820-е гг. Е. Филомафитский, находясь под влиянием идей всеобщей грамматики, «высказывался в пользу *единой* системы пунктуации *для всех языков* (курсив мой. К.С.)» [Шапиро 2006: 26], то

в наши дни, т.е. спустя два столетия, приходится констатировать, что при всей унифицирующей доминанте культуры письменной коммуникации единая пунктуационная система не сложилась даже в языках европейского ареала (в том числе и в языках, довольно близких по степени родства, каковыми являются, например, русский и сербский; хотя, например, известны факты намеренного копирования принципов и правил русской пунктуации при разработке пунктуации ранее бесписьменных языков в бывшем СССР, в частности селькупского языка, синтаксическая структура которого во многом требует, по мнению специалистов, иных пунктуационных решений [Кузнецова 2006]).

Обычные наблюдения над родной (русской) и иноязычной письменной речью показывают, что пунктуационное оформление текста не менее специфично, чем его грамматическое построение. Это может относиться к внешней форме пунктуационных знаков, их локализации и количеству (ср., например, дублирование вопросительного знака, но в перевернутом виде, в абсолютном начале вопросительного предложения в испанском языке или количественные вариации восклицательного знака в свободной русской или английской письменной речи в Интернете и т.д.), а может охватывать такие значимые для пунктуации параметры, как принципы пунктуации, функции пунктуационных знаков, их дистрибуцию и т.д.

Так, например, в английском языке на границе предикативных частей бессоюзного сложного предложения с отношениями противопоставления, как правило, ставится двоеточие: *Man proposes: God disposes* [Трасс 2006: 111], тогда как в русском языке подобная пунктуационная ситуация требует постановки тире: *Человек предполагает Бог располагает*. В английском языке запятая может маркировать пропуск синтаксически значимого компонента в условиях неполного предложения, тогда как в русском языке эту функцию выполняет исключительно тире. Ср.: *Annie had dark hair; Sally, fair* и *У Энни были темные волосы, у Салли светлые* [Там же: 85].

В своей книге «Английская пунктуация» Н.А. Кобрин и Л.В. Малаховский отмечают несколько десятков только основных отличий английской пунктуации от русской. Например, в английском языке в начале предложения обособленное дополнение, как правило, отделяется запятой: *For materialism, thought is a product of matter and a reflection of matter*; однородное соподчинение придаточных предложений посредством сочинительных союзов *and* или *or* не исключает использования запятой в разделительной функции; для обозначения незакончен-

ности высказывания в конце предложения обычно ставится не многоточие, а тире и т.д. [Кобрин, Малаховский 1961: 65, 90–94].

Уже из этих примеров следует, что если перед носителем русского языка стоит задача овладеть идиоматичной формой английской письменной речи (а равным образом и любой другой), то он не может не быть заинтересован в установлении пунктуационных различий между родным и изучаемым языками.

Переноса в письменную речь на иностранном (и шире – на неродном) языке пунктуационную норму и узус родного языка, пишущий обнаруживает свое «иноязычие» даже при весьма неплохих речепродуктивных навыках в области изучаемого языка. Так, в частности, при порождении письменной речи на русском языке как иностранном пишущие довольно часто не ставят пунктуационные знаки, требуемые соблюдением структурно-грамматического принципа пунктуации, поскольку в их родных языках действие этого принципа может быть ослаблено, а функционально более нагруженным оказывается смысловой принцип пунктуации.

Из этого следует, что необходимость разработки контрастивной пунктуации вызвана самой практикой овладения иноязычной письменной речью.

Необходимо отметить, что размышления над элементами контрастивной пунктуации занимали прежде всего тех лингвистов, в сферу научных интересов которых входили проблемы методики обучения иностранным языкам. Поэтому не случайно то, что, пожалуй, наиболее ценные замечания по данному вопросу принадлежат Л.В. Щербе. В «Литературной энциклопедии» (т. IX. М., 1935) в специальной статье «Пунктуация» Л.В. Щерба обосновал выделение двух типов пунктуационных узусов в рамках европейской письменной традиции: «французского (английского, итальянского и т.д.)» и «немецкого (чешского, польского, русского и т.д.)». По наблюдениям Л.В. Щербы, «первый реже, чем второй, ставит тире, употребляет гораздо меньше запятых и стремится выражать ими смысловые нюансы...; второй широко признает тире и злоупотребляет запятыми, ставя их более или менее по формальным признакам» [Щерба 1974: 243].

Пунктуационная типология Л.В. Щербы заострила внимание на том, что наблюдаемые в письменной речи различия, отражающиеся, например, в частотности тех или иных средств пунктуационного оформления, обусловлены не чем иным, как преобладающей ориентацией пунктуационного узуса либо на отражение смысловой информации, либо на маркирование формально-грамматического членения предложения-высказывания.

Безусловно, ни во «французском», ни в «немецком» типе эти ориентации не становятся абсолютным законом, однако их действие обуславливает видимые пунктуационные различия письменных речевых произведений на языках обоих типов.

В частности, Л.В. Щерба рассматривает такой случай. «В первом типе, например во французском, относительные придаточные предложения только тогда выделяются запятыми, когда пропуск их искажает общий смысл фразы; напротив, во втором, например в русском, запятые ставятся в этих случаях всегда. Например, русской фразе *она знала человека, который ей поклонился* во французском языке соответствует фраза *elle connaissait l'homme qui l'avait saluée*, где запятой никак нельзя поставить, так как *который ей поклонился* является для слова *человек* необходимейшим определением, без которого вся фраза теряет свой смысл» [Там же].

Совершенно очевидно, что в плане пунктуационного оформления мы сталкиваемся здесь с разными способами (типами) анализа одного и того же речевого отрезка, причем в одном случае все внимание пишущего как бы сосредоточено на пунктуационном маркировании внутренних предикативных границ сложного гипотаксиса, а в другом на стремлении подчеркнуть смысловую компенсацию прономинального по своей семантике контактного слова в первой предикативной части.

По-видимому, осуществленная Л.В. Щербой пунктуационная типология европейских языков вполне может быть использована в контрастивной пунктуации, хотя, подчеркнем еще раз, что «чистых» типов здесь, как и всюду в языке, скорее всего, нет и в письменной речи как «французского», так и «немецкого» типов представлены поразному организованные иерархии пунктуационных принципов, правил, средств и их функций.

Контрастивная пунктуация должна тем самым не только и не столько выявить и каталогизировать видимые различия пунктуационного оформления письменной речи на двух (или более) языках, сколько обосновать типологически значимые иерархии пунктуационных категорий разного уровня обобщения.

Представляется, что описание различий функциональных диапазонов одного и того же пунктуационного знака (запятой, тире и т.д.) в сопоставляемых языках образует лишь тот минимальный уровень обобщения, на котором может остановиться лингводидакт (да и то лишь в пропедевтическом курсе), но который недостаточен для лингвиста, стремящегося воссоздать полномасштабную картину межъязы-

зыковых пунктуационных дифференциаций, способную раскрыть не только феноменальную сторону пунктуационной деятельности пишущего, но и мотивационную.

К сожалению, в современной контрастивной пунктуации, пока еще не сформулировавшей своих теоретических оснований, единичны глубокие исследования, охватывающие какой-либо фрагмент пунктуационных систем двух языков и выявляющие его специфику как на уровне прескрипций (т.е. предписаний, регламентирующих правилосообразную деятельность пишущих), так и на уровне реализаций.

В качестве добротного и заслуживающего внимания труда по контрастивной пунктуации назовем диссертационное исследование И.Е. Ивановой, посвященное контрастивному анализу сербской и русской пунктуации простого предложения [Иванова 2005]. Ценность его определена прежде всего тем обстоятельством, что до сих пор славянские языки почти не рассматривались в аспекте контрастивной пунктуации (см. также из публикаций последних лет [Иванова, Градинарова 2015: 533–566]). радиции письменной культуры и кого

Каковы же главные результаты этого контрастивно-пунктуационного исследования?

Прежде всего оказалось, что сербская пунктуация (в отличие от русской) является преимущественно смысловой и что грамматический принцип реализуется здесь внутри простого предложения в весьма ограниченном числе позиций: при перечислении однородных членов и между повторяющимися словами [Иванова 2005: 19].

Для сербской пунктуации характерно, например, выделение запятой сочинительных союзов, выполняющих текстообразующую функцию (хотя это в большей степени явление реализации, чем прескрипции), ср.: *Али, тако мора да буде и Но так должно быть* [Там же: 15].

Примечательно, что в практике русского письма тоже встречается выделение запятой инициальных сочинительных союзов, но лишь омонимичным вводным словам (ср., например, *однако*), хотя применение запятой в подобных случаях однозначно трактуется как пунктуационная ошибка (по рекомендации Г.И. Блинова, «негрубая» [Блинов 1990: 94]).

Было обнаружено, что даже полное совпадение пунктуационных прескрипций, в частности регулирующих обособление / необособление деепричастных оборотов в сербском и русском языках, не гарантирует идентичности результатов пунктуационной деятельности. «На практике в сербской письменной речи не выделенных пунктуационно деепричастных оборотов значительно больше, чем в русских текстах» [Иванова 2005: 11].

Все эти и иные подобные факты позволили И.Е. Ивановой отнести сербскую и русскую пунктуацию к разным типам – соответственно к свободному (смысловому) и грамматическому [Там же: 2], а говоря словами Л.В. Щербы, к «французскому» и «немецкому» соответственно.

Отсюда следует, что ни генетическое родство и типологическое сходство сербского и русского языков, ни многовековые культурные взаимосвязи обеих национальных письменных традиций не стали достаточными условиями для единообразия сербской и русской пунктуационных систем (во всяком случае, в сфере пунктуации простого предложения).

Но что же предопределило их разнотипность (в смысле Л.В. Щербы)? Прямого ответа на этот вопрос в исследовании И.Е. Ивановой нет, однако на основании имеющихся в нем косвенных указаний можно предположить, что несовпадение пунктуационных прескрипций и практик у сербов и русских обусловлено преимущественно социолингвистическими и прагматико-коммуникативными факторами, в частности степенью строгости усваиваемых в школе формулировок пунктуационных правил, мерой педагогической и – шире – общественной лояльности к нарушениям норм пунктуации, социально-речевой привычкой отображать «этапность» коммуникативно-текстового процесса за счет пунктуационных средств и, соответственно, отсутствием такой социально-речевой привычки и т.д.

Иными словами, попытки ввести в контрастивную пунктуацию объяснительную функцию, ставшую требованием «нормальной науки» (по Т. Куну) в современной лингвистике, неизбежно приводят к целесообразности социолингвистических и прагматико-коммуникативных мотивировок наблюдаемых в контрастивно-пунктуационном описании значимых типологических различий.

Кстати говоря, наблюдения показывают, что совпадение пунктуационных прескрипций в двух языках редко бывает безысключительным. Так, в русской и английской пунктуации правила маркирования однородных членов предложения большей частью совпадают, однако, например, так называемая «оксфордская запятая», т.е. запятая перед соединительным союзом, вводящим последний однородный член предложения (*The flag is red, white, and blue*), отличающаяся вариативным использованием и в английской письменной практике [Трасс 2006: 81–82], русской пунктуации просто неизвестна.

Важно отметить, что наработка различающихся прескрипций в сфере пунктуации и их кодификация характерны даже для близкородственных языков. Так, например, в белорусском языке в пунктуационной позиции

между субстантивно-номинативными подлежащим и присвязочным членом составного именного сказуемого с нулевой связкой не ставится тире, если между этими предикативными членами размещается обособленное определение: *Хлопец, апрануты ў салдацкі шынель, наш зямляк* [Савко 2009: 172], тогда как в русском языке здесь обязательна постановка тире, приводящая к сочетанию знаков «запятая (правый элемент двойной запятой) + тире»: *Парень, одетый в солдатскую шинель, наш земляк*. Правда, в условиях внешкольного белорусско-русского двуязычия подобные пунктуационные различия в основном «нейтрализуются».

Представляется, что именно такие различия на фоне сходства должны в первую очередь интересовать контрастивную пунктуацию и именно на них следует обращать особое внимание при обучении иноязычной письменной речи, так как интерференция охватывает преимущественно те зоны пунктуационной компетенции на иностранном (неродном) языке, которые характеризуются значительным сходством с соответствующими зонами пунктуации родного языка.

Безусловно, при изучении иностранного языка сведения о его наиболее типичных пунктуационных отличиях от родного языка так или иначе сообщаются. Однако, как показывают наблюдения, делается это от случая к случаю, никакой систематической работы в этой области не проводится.

При ознакомлении с элементами контрастивной пунктуации избирается обычно такой путь: от знака препинания, его позиции и функции в иностранном языке к аналогичным параметрам одноименного знака препинания в родном языке. Является ли такой путь оптимальным? Полагаем, что нет.

Ведь пунктуация — это сложноорганизованная знаковая система, в которой существуют системные отношения (например, омонимия, синонимия и т.д.), значимые и незначимые альтернативы, материально выраженные и нулевые знаки, облигаторные / факультативные правила их употребления и пр.

Достаточно ли поэлементного сопоставления пунктуационных знаков родного и иностранного языков (пусть даже с учетом их позиций и функций) для сознательного освоения значимых различий между двумя пунктуационными системами? Разумеется, нет.

Иногда высказывается мысль о том, что в процессе регулярного чтения на иностранном языке пунктуация запоминается визуально и затем имитируется в актах порождения иноязычной письменной речи. Вероятно, в реальной практике так и происходит, однако ни в каких пунктуационных «тонкостях» как узуального, так и тем более окказионального пла-

на таким путем разобраться нельзя, да и имитация, т.е., проще говоря, подражание не может являться тем механизмом, который исключительно управляет формированием пунктуационных навыков.

При пользовании иноязычной письменной речью пунктуация в действии результат не только и не столько подражания, сколько обобщения тех учебных операций, в которых происходила отработка значимых отличий иноязычной пунктуационной системы от пунктуационной системы родного языка.

Именно поэтому важнейшей задачей теории пунктуации является разработка такой модели контрастивного описания пунктуационных систем, на основании которой можно было бы исчерпывающим образом определить все подобные учебные операции.

Ограничиваясь здесь лишь эксплицитной формулировкой такой задачи, считаем необходимым отметить, что построение контрастивной пунктуации (в том числе и прежде всего в учебных целях) должно опираться на идею Л.В. Щербы о двух пунктуационных типах среди европейских языков.

При этом в качестве единиц сопоставления разумно использовать не исключительно номенклатуру пунктуационных знаков, как это делается обычно, а либо разновидности пунктуационно релевантных синтаксических явлений (для контрастивного описания пунктуационных систем «немецкого» типа, с одной стороны, и пунктуационных систем «немецкого» и «французского» типов, с другой), либо смыслоформирующие пунктуационные действия пишущего (для контрастивного описания пунктуационных систем «французского» типа).

Однако в условиях контрастивного анализа пунктуационных систем конкретных языков, скорее всего, придется обращаться так или иначе к обеим единицам сопоставления, поскольку пунктуация ни одного языка не строится на основе абсолютной реализации какого-либо единственного принципа.

Тип пунктуации это констатация доминирующей тенденции в пунктуационном маркировании, выработанной в письменной традиции того или иного национально-языкового сообщества. Наблюдения, сделанные в том числе в русле контрастивной стилистики [Сигал 2014], со всей очевидностью демонстрируют, что даже индивидуальные пунктуационные практики писателей и переводчиков не способны преодолеть тип пунктуации как таковой: поэтико-смысловая ценность иного пунктуационного знака или вообще отсутствия необходимого пунктуационного знака осознается читающими только на фоне нормы и узуса, которые обусловлены во многом типом пунктуации.

Библиографический список

1. **Блинов Г.И.** Методика изучения пунктуации в школе. 2-е изд. М.: Просвещение, 1990. 208 с.
2. **Валгина Н.С.** Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М.: Высшая школа, 2004. 259 с.
3. **Иванова Е.Ю., Градинарова А.А.** Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки славянской культуры, 2015. 632 с.
4. **Иванова И.Е.** Функционирование системы свободной пунктуации (сербская пунктуация простого предложения в сопоставлении с русской). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. 21 с.
5. **Кобрин Н.А., Малаховский Л.В.** Английская пунктуация. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1961. 118 с.
6. **Кузнецова А.И.** Что сказал бы Шварц о пунктуации в селькупском языке? // Язык и мы. Мы и язык: Сб. статей памяти Б.С. Шварцкопфа. М.: РГГУ, 2006. С. 273–283.
7. **Савко И.Э.** Обучение пунктуации с учетом различий в новых редакциях правил белорусской и русской пунктуации // Русский язык: система и функционирование. Сб. материалов IV Международной научной конференции. Ч. II. Минск: БГУ, 2009. С. 172–174.
8. **Сигал К.Я.** Пунктуация как средство создания эмоционального подтекста (на материале рассказа М.А. Шолохова «Судьба человека» и его переводов на английский язык) // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 73. № 6. 2014. С. 38–50.
9. **Трасс Л.** Казнить нельзя помиловать. Бескомпромиссный подход к пунктуации. М.: Р. Валент, 2006. 192 с.
10. **Шапиро А.Б.** Современный русский язык. Пунктуация. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2006. 296 с.
11. **Щерба Л.В.** Пунктуация // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 241–245.

K. Ya. Seagal

CONTRASTIVE PUNCTUATION AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Abstract. *The purpose of this theoretical article is to describe the situation in the field of contrastive research of punctuation at the beginning of the XXI century. The article shows that contrastive punctuation is an important part of contrastive linguistics. The author supports the point of view that in European languages there*

are two types of punctuation systems: the «French» and the «German» ones. In the article the program of researches in contrastive punctuation at the beginning of the XXI century is presented. It is noted that contrastive punctuation is very important for the studying of written communication in foreign languages and for stylistic researches in the sphere of translation.

Keywords: punctuation, type of punctuation, written speech, contrastive linguistics.

УДК 81'33

С.И. Крацца

РАМКИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация: Судебная лингвистическая экспертиза рассматривается в рамочном формате, который предполагает выбор таких видов лингвистической экспертизы и ее характеристик, которые служат ограничителями названных рамок или же их расширителями. Поскольку экспертное заключение является доказательством, то критериями ограничения и расширения рамок могут выступать свойства доказательств: относимость, допустимость, достаточность, достоверность и проверяемость, которые исследуются в языковом и правовом аспектах. Критически рассматриваются типичные экспертные задачи и их расширение в современной практике лингвистических исследований с правовой целью.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, свойства доказательств, рамочный форма.

Прежде чем анализировать рамки экспертизы, необходимо остановиться на критериях оценки вхождения лингвистического исследования в эти рамки или выхода за их пределы. Поскольку экспертное заключение (а также заключение специалиста по УПК РФ) являются доказательствами, то такими критериями могут выступать свойства доказательств: относимость, допустимость, достаточность, достоверность и проверяемость. В соответствии с правилами оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ) каждое из доказательств по делу должно обладать свойствами относимости, допустимости и достоверности, а все доказательства по делу в совокупности должны также обладать свойством достаточности для разрешения уголовного дела.

Не все свойства доказательств имеют одинаковое специальное (лингвистическое) и правовое содержание. Так, относимость доказательств связь полученных сведений с предметом доказывания, наверное, будет главной в случае исследования протоколов допроса на предмет того,

чья речь зафиксирована в них, а также в автороведческой экспертизе. Допустимость доказательств соответствие полученных сведений требованиям процессуального закона, очевидно, полностью лежит в правовой сфере. Это же следует отнести и к достаточности, хотя лингвист в каждом исследовании проговаривает это свойство, когда оценивает материал исследования, и делает это примерно следующим образом: *«Данный объект пригоден для лингвистического исследования, демонстрирует цельность и связность текста, достаточную для выявления лингвистических признаков в решении поставленных вопросов»*. То есть суд оценивает достаточность доказательства, тогда как эксперт – достаточность материала как объекта исследования.

Понятие достоверности доказательств в уголовно-процессуальном законе (да и в других процессуальных законах) не раскрывается. Вместе с тем статья 8 закона о судебно-экспертной деятельности гласит: *«Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме»* [Федеральный Закон № 73-ФЗ от 31.05.2001]. Приведенный абзац статьи закона говорит о достоверности исследования, если оно выполнено на строгой научной основе (практической, конечно, не относится к лингвистике). *«Всесторонне и в полном объеме»* являются показателями достаточности в языковом аспекте. Интересным является применение критерия относимости не в правовом, а в специальном смысле. В этом случае характеризуется связь предмета доказывания (объекта и вопроса) с предметной областью специалиста. Лингвист или признает отнесенность вопросов к его компетенции, или применяет формулировку вроде следующей: *«Эксперт не может ответить на поставленный вопрос, поскольку он выходит за пределы компетенции лингвиста и является правовым»*. Естественно, необходима мотивация такого решения.

Второй абзац указанной выше статьи: *«Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»*, относится к свойству проверяемости. Данное свойство, конечно же, полностью находится в сфере специальных познаний.

Отметив свойства доказательств в их правовом и специальном аспектах, перейдем к набору типичных экспертных задач, решаемых судебной лингвистической экспертизой. Причем, типичность этого набора рассматривается как в понимании заказчиками исследований (су-

дом, органами дознания и следствия, сторонами судопроизводства), так и в научном сообществе, которое занимается вопросами лингвистической экспертизы, в том числе судебной, юрислингвистики, лингвоэкспертологии, лингвокриминалистики и иных областей на стыке языкознания и правоведения. В этом плане выявляется реальный, состоявшийся круг задач, решаемых лингвистической экспертизой, и соотносимость этого круга с прикладными вопросами языкознания, с одной стороны, и действующим законодательством и практикой лингвистических исследований, с другой.

Интересно, что исследователи в докторских диссертациях в качестве типовых задач рассматривают довольно узкий их круг. Так, К.И. Бринев исследует оскорбление, клевету, защиту чести, достоинства и деловой репутации, экспертизу по делам о разжигании межнациональной, религиозной, социальной розни и призывам к экстремистской деятельности, угрозу, информацию на предмет ее отношения к наркотическим и психотропным веществам [Бринев, 2009; Бринев, 2010]. М.А. Осадчий также исследует решение экспертных задач, близких названным: клевета, оскорбление, призыв, возбуждение ненависти и вражды, угроза.

Нет сомнения, что названные задачи являются (по крайней мере некоторые из них) модельными, с исследования этих речевых деликтов и берет свое начало современный этап лингвистической экспертизы. В то же время уже за первое десятилетие XXI века этот список значительно расширился. Так, например, «Типовая методика судебной лингвистической экспертизы» (2009 год) наряду с упомянутыми выше задачами, предлагает примерные вопросы и методики исследования по следующим преступлениям, предусмотренным УК РФ:

- ст. 228 незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств;
- ст. 191 незаконный оборот драгоценных металлов;
- ст. 110, 119, 120, 131, 162, 163, 179, 213, 221, 226, 227, 229, 240, 296, 302, 318, 321, 333 угрозы, шантаж, вымогательство;
- ст. 150, 151, 163, 221, 226, 229, 230, 239 ч. 2, 240, 280, 304, 354 призывы, пропаганда, подстрекательство, провокация, вовлечение, склонение, вымогательство;
- гл. 7 соучастие в преступлении;
- ст. 290 получение взятки.

Таким образом, спектр типовых задач, предлагаемых только экспертно-криминалистическим центром МВД РФ, значительно шире тех, что рассматривают исследователи в квалификационных работах и монографиях.

В современной судебной лингвистике имеют место разнообразные виды экспертных исследований, не входящих в состав типовых, тем не менее применяемых с той или иной частотой в юридической практике.

К таким направлениям, в частности, можно отнести анализ протоколов допроса свидетелей, значительная часть которых выполнена «под копирку» и имеет аналогичные ошибки. Такие экспертные задачи смыкаются в определенной мере с автороведческой экспертизой, в том смысле, что выясняется, кто автор текста – свидетель (потерпевший, подозреваемый) или следователь (дознатель) – лицо, составившее протокол. В экспертной практике автора около 10 заключений, в которых первый вопрос «Имеются ли в тексте А и в тексте Б идентичные (тождественные) фрагменты?», и второй вопрос «Имеются ли в тексте А и в тексте Б аналогичные ошибки?». Для ответа на первый вопрос используется метод сопоставительного анализа, а также статистический анализ. Для ответа на второй вопрос метод эрративного анализа (выявления ошибок и их интерпретации). Анализ показывает, что доля идентичных (тождественных) фрагментов текста в протоколе может достигать 90 %. Примерно схожей задачей является и установление процента идентичности судебного решения (приговора) и обвинительного заключения.

Непонятно почему из поля зрения аналитиков лингвоэкспертного процесса выпали «документальные» споры (ср.: ГЛЭДИС – Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам). Толкование текста, в данном случае текста договора или судебного решения – с позиций языка и речи, составляет прямую задачу прикладной лингвистики. Вообще говоря, языкознание как наука возникла из толкования священных текстов, и герменевтическая функция языкознания никоим образом не должна игнорироваться в лингвистической экспертизе. Близкой к упомянутой является задача установления соответствия документа официально-делового стиля законам «О языках Российской Федерации» и «О государственном языке Российской Федерации».

В экспертной практике автора имеются случаи постулирования правил оформления заявок по государственным контрактам, выходящих за рамки нормативной орфографии и пунктуации. На основе метода функционально-стилистического анализа, лексико-семантического и грамматического анализа делается вывод: «Инструкция рекомендует совместное употребление разделительных союзов (или, либо), знака препинания точка с запятой и символа косая черта, которое не имеет целостного, единого значения выбора одного из ряда. Рекомендация

инструкции о том, что «это означает, что требуется один из товаров», не основана на предлагаемых способах оформления, которые не соответствуют нормам современного русского литературного языка». Иными словами, составители инструкций берут на себя функцию Правительства Российской Федерации, утверждающего правила орфографии и пунктуации, разрабатываемые Орфографической комиссией Российской академии наук.

Установление дословного содержания спорных фонограмм относится к задачам фоноскопической экспертизы, однако, по нашему мнению, это вполне может выполнить лингвист и лучше, чем инженер, к функциям которого относится акустический анализ образцов голоса и установление их принадлежности, а также наличия признаков монтажа фонограммы. В рамках следственных действий специалист-инженер часто устанавливает и дословное содержание спорной фонограммы, однако его результат будет несравненно хуже того, что сделает лингвист с помощью перцептивного (аудитивного) анализа речи. Если фонограмма признана допустимым доказательством, качество записи приемлемое, отсутствуют признаки монтажа фонограммы, то вполне разумно, на наш взгляд, ставить вопросы по содержанию, а лингвист, отвечая на них, переводит спорный текст в письменную форму.

Отдельную проблему представляет форма фиксации устной речи, которая подробно разработана в исследовании русской разговорной речи. Однако в правоприменительной практике используется оформление речи по правилам орфографии и пунктуации, что в определенной степени огрубляет речевую реальность. Например, в тексте протокола осмотра предметов предлагалась следующая фиксация [зачем неценз.] *я людей держу, они в рейс не уехали, [неценз.], сутки уже стоят, [неценз.] свет, что ты аккумулятор решишь? Решай, [неценз.], я сказал решай с ними вопрос. Мы [зачем неценз.] собрались? Выяснить отношения среди вас?*

Методами грамматического и функционально-прагматического анализа были выявлены структура и значение фразы *что ты аккумулятор решишь* в контексте диалога между В и С. В данном высказывании *что* является частицей, с которой начинается самостоятельное предложение, а не союзом или относительным местоимением, соединяющим части сложного предложения. Многие модальные частицы многозначны, особенно это относится к простым частицам, какой и является здесь частица *что*. «Частица что – одна или в сочетании с

другими простыми частицами – может вносить значение вопроса, осуждающего поиска причины, основания, несущественности и отстраненности, протеста, возражения» [Русская грамматика 1980, с. 729]. В исследуемом контексте высказывание *Что ты аккумуляторы решишь?* выполняет функцию анафорической отсылки к реплике С: *Ну, сейчас я это поеду и решу эти аккумуляторы, как я с Ванькой договаривался*. Частица *что* в высказывании В синкретично вносит значение вопроса, несущественности пропозиции в высказывании другого участника диалога («решу эти аккумуляторы»), возражения, неодобрения, несогласия с семантикой, передаваемой пропозицией. Таким образом, фраза *Что ты аккумуляторы решишь?* представляет собой отдельное высказывание, передающее значения вопроса, а также несогласия, неодобрения действия С, заключающегося в решении вопроса с аккумуляторами.

Кроме того, автору, чтобы ответить на вопросы по содержанию диалога, приходилось в приложениях к исследованию приводить скорректированный текст спорной фонограммы, который значительно отличался от исходного, составленного в ходе фоноскопического исследования.

К новым направлениям лингвоэкспертных исследований можно отнести и речевые проявления неискренности. Лингвистика лжи, берущая свое начало от работы Х. Вайнриха [Вайнрих 1987], получает развитие в исследованиях отечественных языковедов, например А.В. Ленец [Ленец 2010], Т.В. Чернышевой [Чернышева 2013]. В то же время научные разработки еще не достигли уровня их применения в лингвистической экспертизе (см. например [Баранов 2007]).

Мы также обращались к этой проблеме, решая ее по-разному. В одной из статей предлагаемый нами подход к выявлению неискренности основывается на результатах интен-анализа, проведении процедур анализа речевых актов, пресуппозиций и постулатов Грайса [Красса 2015]. Обращение к опыту и языковой компетенции респондентов, по справедливому мнению М.А. Осадчего, в экспертизе вряд ли уместно, поскольку «к разбирательству фактически привлекаются лица, процессуальный статус которых не установлен: в терминах процесса участника эксперимента не являются ни свидетелями, ни потерпевшими, следовательно, апеллировать к мнению данных лиц невозможно. Кроме этого, проведение эксперимента может быть квалифицировано судом как попытка эксперта собрать какие-либо доказательства самостоятельно, что прямо запрещено действующим процессуальным законодатель-

ством: эксперт оценивает лишь те материалы, которые переданы ему следствием либо судом [Осадчий 2012, с. 23]. Между тем в заключении специалиста, представляющего собой суждение по поставленным вопросам, такие методы вполне уместны, в том числе в качестве средства формирования позиции специалиста по вопросу, а также развития лингвоэкспертной методологии.

Лингвистическими средствами обман выявляется на разных уровнях: лексическом, синтаксическом, текстовом, для его выявления также привлекается экстралингвистический компонент текста. На лексическом уровне выявляется использование в речи слов с семантикой обмана. Для этих целей применяется концептуальный анализ для интерпретации смысла текста; определения вербальных представителей ключевого понятия и интерпретации смысла текстового фрагмента. Для определения значения слов, словосочетаний, предложений в контексте высказывания и сверхфразового единства может быть использован семантико-синтаксический и лексико-семантический анализ.

С помощью указанной выше методики в нашей экспертной практике были выявлено, что С. неоднократно демонстрирует речевые проявления обмана, которые заключаются в использовании слов с семантикой обмана и применении речевой тактики обмана, сообщении неочевидных сведений как нечто само собой разумеющегося, противоречиях в значениях слов и высказываний, неоправданных обобщениях.

В отечественной традиции в оценке экспертизы суды, как правило, исходят из того, является ли методика утвержденной, принята ли в данной научной области. Опора на доверие к эксперту остается за рамками этой оценки. Такой подход исключает целый ряд статей материального права, по которым рекомендуется проведение лингвистических экспертиз. В связи с этим нами была предложена классификация судебных лингвистических экспертиз по степени стандартности / нестандартности применяемых в них методов. Выделяются экспертизы (1) с использованием стандартных методов, (2) модифицирующие стандартный метод, (3) развивающие метод на основе аналогичной процедуры, (4) с пробным арсеналом методик, а также (5) вводящие новые методы исследования [Красса 2012].

Динамичный и развивающийся характер проблематики в определенной мере накладывает, в том числе в виде ограничений, на типологию лингвоэкспертных исследований, представленных в виде заключений эксперта, заключений специалиста (консультативных заключений, лингвистических экспертных исследований) и рецензий на заключения

экспертов и специалистов – своего рода метаэкспертиз. Несмотря на непроцессуальный статус, этот (последний) вид исследований все чаще используется в качестве аргумента сторон в оценки экспертного заключения. Обычно такого рода заключения отвечают на вопрос *«Соблюдены ли в заключении эксперта (номер дата) общие требования к экспертизе, а также рекомендации и методики проведения лингвистической экспертизы?»* Постановка подобного вопроса в определенной степени формальна, поскольку основная задача специалиста в этой ситуации – оценить наличие специальных знаний для производства исследования, то, как эксперт установил и охарактеризовал объект исследования, подвергнуть тщательному анализу его методику. Важную роль играет мотивированность рассмотрения вопросов как подлежащих лингвистическому анализу, так и исключаемых из исследования эксперта. Методика и методы должны быть рассмотрены максимально подробно – не только их указание, но и описание их применения. Не менее важны формулировки выводов в их соотношении с поставленными вопросами и проведенным исследованием. В целом специалист выявляет возможные процессуальные, гносеологические и деятельностные (операциональные) ошибки эксперта.

Процессуальные нарушения могут быть сформулированы следующим образом: «Эксперт не проводит различия между процессуальным действием и письменным отражением хода и результатов исследований, что делает представленный им документ юридически ничтожным и лишает его статуса доказательства, поскольку в нем нарушены нормы ФЗ №73 и ст. 204 УПК РФ».

Гносеологические (наряду с процессуальными) нарушения могут быть проиллюстрированы таким примером. Эксперты, проводящие исследование, утверждают, что «в представленных на исследование материалах не содержатся» лингвистические и психологические признаки унижения достоинства (оскорбления) человека по признаку его религиозной принадлежности. В таком случае делается отрицательный вывод об отсутствии описанного в вопросе значения. Если использованные языковые средства неоднозначны, то эксперт отмечает в выводах, что не представляется возможным установить это в связи с недостаточностью данных. В выводах же данной экспертизы дается отрицательный ответ по поставленному вопросу и положительный ответ по вопросу, который не ставился перед ними.

Таким образом, судебная лингвистическая экспертиза, находясь на стыке права и языкознания, имеет как ограничивающие аспекты, так

и расширяющие область ее применения в двух исходных областях – языка и права. Ограничения и расширения рамок судебной экспертизы связаны со свойствами доказательств: относимостью, допустимостью, достаточностью, достоверностью и проверяемостью, которые исследуются в языковом и правовом аспектах. Заключение специалиста обладает большей свободой использования в качестве тестового пространства для отработки новых экспертных задач и новых методов, которые также имеют свою градацию в отношении традиционности / новаторства.

Библиографический список

1. **Баранов А.Н.** Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
2. **Бринев К.И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / под редакцией Н.Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
3. **Бринёв К.И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 42 с.
4. **Вайнрих Х.** Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 44-87.
5. **Галяшина Е.И.** Ошибки назначения и производства судебной лингвистической экспертизы // Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.И. Россинской. М.: Проспект, 2013. С. 95-127.
6. **Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации».**
7. **Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста?** Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридический Мир, 2006. 112 с.
8. **Красса С.И.** Методы судебной лингвистической экспертизы: практическая типология // Сборник научных трудов Sworld по материалам международной научно-практической конференции. 2012. Т.40. №4. С. 88-91.
9. **Красса С.И.** Лингвистическое эксплицирование неискренности // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: Материалы межд. науч. конф. (Екатеринбург, 27.11.2015). ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2015. С. 150-153.

10. **Ленец А.В.** Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 42 с.
11. **Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан и юридических лиц» №3 от 24.02.2005 г.**
12. **Русская грамматика.** М.: Наука, 1980. Т.I. 783 с.
13. **Осадчий М.А.** Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками: автореф. дис... докт. филол. наук. Кемерово, 2012. 72 с.
14. **Спорные тексты СМИ и судебные иски:** Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / Под ред. М.В. Горбаневского. М.: Престиж, 2005. 200 с.
15. **Типовая методика судебной лингвистической экспертизы /** Под ред. В.Ф. Статкуса: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2009. 80 с.
16. **Федеральный Закон №73-ФЗ от 31.05.2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**
17. **Федеральный закон № 53-ФЗ от 01.06.2005 года (ред. от 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации».**
18. **Чернышова Т.В.** Вербальные маркеры неискренности в диалоге (по материалам спорных фонограмм, попавших в сферу судебного разбирательства) // Филология и человек. 2013. №3. С. 70-80.

S.I. Krassa

THE SCOPE OF THE FORENSIC LINGUISTIC ANALYSIS

***Abstract:** Forensic linguistic analysis is considered in a framework format that includes the choice of types of linguistic investigation and its characteristics that restrict or expand the given scope. Since the expert opinion is evidence, the limitation and extension criteria may be the properties of evidence: referability, acceptability, sufficiency, reliability and verifiability, which are examined in terms of language and law. Typical expert tasks and their expansion in modern linguistic research practice for legal purposes are critically considered.*

***Key words:** forensic linguistic analysis, properties of evidence, framework format.*

**РОЛЬ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ В ФОРМИРОВАНИИ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ (НА ПРИМЕРЕ
МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА В КОНЦЕПЦИИ МИШЕЛЯ ФУКО)**

***Аннотация:** В статье обосновывается применимость понятия «парадигмы» в медицинском дискурсе. Понятие «парадигма» понимается как система научных достижений, которые в период определённого времени формируют модель постановки проблем и их решений. В статье приводятся исторические данные, отражающие эволюцию клинического знания. Отмечается, что смена научных парадигм и утверждение сциентизма, повлекшее ряд революционных научных открытий, привели к переоценке роли и положения медицины в обществе. В работе демонстрируется, что традиционное представление о медицине как более широкой области, чем сфера науки, Мишель Фуко переосмыслил в рамках теории дискурсов. Профессиональный дискурс, базирующийся на предпосылках патологической физиологии, вытеснил патерналистическую идею как форму душевного и духовного контакта между врачом и пациентом, что привело к редуцированию речевых жанров.*

***Ключевые слова:** медицинский дискурс, парадигма, нозологическая парадигма, клиническая парадигма.*

Освоение представителями социума различных профессиональных сфер речевого общения и соответствующих им стереотипов социального поведения сыграло важную роль в исследовании процесса диалогового взаимодействия участников институциональных дискурсов. В настоящее время активно изучается медицинский дискурс. Об этом свидетельствует стремительно возрастающее число публикаций. В центре внимания учёных оказываются лингвопрагматический и когнитивный аспекты (С.В. Вострова, Ю.В. Рудова, Э.А. Столярова), проблемы медицинского терминообразования (С.И. Маджаева, О.В. Нашиванько, В.Ф. Новодранова). Весьма продуктивным представляется аспект исследования, ориентированный на выявление закономерностей продуцирования устного медицинского дискурса врачом и пациентом, отражённых в дискурсивном знании врача (М.И. Барсукова Л.С. Бейлинсон, Р. Водак, Н.В. Гончаренко, В.В. Жура).

Цель настоящей статьи – представить исторические факты, способствовавшие формированию парадигмальных связей в структуре профессионального медицинского дискурса.

Первоначально понятие «парадигма» использовалось в лингвистике и риторике. Позже оно получило широкое распространение в методологии науки. В 1962 году американский учёный Т. Кун опубликовал работу «Структура научных революций», где отмечал, что «формирование парадигмы <...> является признаком зрелости развития любой научной дисциплины» [Кун 2002: 36]. Медицинский дискурс как неотъемлемая часть медицинской практики должен обнаруживать прямую зависимость от современной ему научной парадигмы. В теоретически обобщённом виде возможно говорить о двух исторических парадигмах: **нозологической** и **клинической** (включающей и деонтологическую).

Нозологическая парадигма. В настоящее время универсальным методом диагностики, применяемым во всех областях медицины, является *сбор анамнеза*. В медицинской науке *анамнез* определяется как «совокупность сведений, получаемых при медицинском обследовании путём расспроса самого обследуемого и/или знающих его лиц. Изучение анамнеза, как и расспрос в целом, не просто перечень вопросов и ответов на них. От стиля беседы врача и больного зависит та психологическая совместимость, которая во многом определяет конечную цель – облегчение состояния пациента» [Энциклопедический словарь медицинских терминов 1982: 53]. Очевидно, что основополагающим для составления картины заболевания и достижения терапевтической цели выступает медицинский дискурс, то есть живое непосредственное речевое взаимодействие врача и пациента. Следует отметить, что данный принцип медицинской науки наших дней явился результатом длительного процесса формирования современной научной парадигмы. Как утверждает французский врач и крупнейший философ XX века Мишель Фуко (1926 – 1984), «принцип, согласно которому медицинское знание формируется у самой постели больного, датируется не ранее чем концом XVIII века» [Фуко: 93].

Как известно, в основу средневековой медицины были положены учения Гиппократ, Аристотеля, Галена и Авиценны. Только на рубеже XV-XVI вв. этой парадигме была противопоставлена «спагирическая» медицина Парацельса. Медицина эпохи Возрождения обязана Парацельсу актуализацией учения Гиппократ, способствовавшего обновлению научной парадигмы. Проанализировав особенности медицинских систем, бывших до Нового времени, можно заключить, что на протяжении двух с половиной тысяч лет объектом медицины было тело человека, знания о котором ещё не были сведены в стройную систе-

му и которое рассматривалось в отрыве от индивидуального психоэмоционального опыта пациента. «Корпус Гиппократов» способствовал становлению медицинской этики и деонтологии, совершенствованию хирургических инструментов, развитию жанра «истории болезни», описанного Гиппократом как последовательность стадий до кризиса и, в случае выживания, после него. Однако при обследовании больного методы Гиппократов, применяющиеся и поныне, – перкуссия, аускультация и пальпация – не подкреплялись сбором анамнеза.

Таким образом, парадигма медицинской науки вплоть до эпохи Просвещения была преимущественно *нозологической*, опыт врача основывался на своде знаний о той или иной болезни, нарушающей здоровье организма, о структурно-функциональных взаимосвязях нарушений при патологии, о причинах и механизмах развития болезней, выздоровления или смерти. «Но то, что модифицировалось беспрестанно, это решётка, следуя которой, опыт про-являлся, артикулировался в анализируемых элементах и находил дискурсивную формулировку. Не только названия болезней, не только объединение симптомов не оставались прежними, но менялись также фундаментальные перцептивные коды» [Фуко: 93].

Клиническая парадигма. Антропологизм культуры Нового времени оказал безусловное влияние на появление социокультурного феномена клиники. По утверждению М. Фуко, «антропологическая структура» послужила «философской коннотацией для организации позитивной медицины» [Фуко: 294]. В работе «Рождение клиники» переход от *нозологической* парадигмы к *клинической* характеризуется следующими факторами: «реорганизация элементов, образующих патологический феномен (грамматика знаков заменила ботанику симптомов), определение линейных серий болезненных событий (в противоположность запутанному клубку нозологических видов), артикулирование болезни в терминах организма (исчезновение общих заболеваний, группировавших симптомы в логическую фигуру к выгоде идеи *status localis*, размещавшей бытие болезни с её причинами и результатами в трёхмерном пространстве)» [Фуко: 21]. Появление клиники как исторического факта, подчёркивал М. Фуко, «должно быть удостоверено системой этих реорганизаций. Эта новая структура отмечается, но, конечно, не исчерпывается, мелким и решительным изменением, замещающим вопрос: “Что с Вами?”, с которого начинался в XVIII веке диалог врача и больного с его собственной грамматикой и стилем, другим, в котором мы узнаём игру клиники и принцип всего дис-

курса: “Где у Вас болит?”. Начиная с этого момента, все связи означающего и означаемого перераспределяются на всех уровнях: между симптомами, которые означают, и болезнью, которая означается; между описанием и тем, что оно описывает; между событием и тем, что оно прогнозирует; между повреждением и болью, которая о нём сигнализирует, и т.д.» [Фуко: 21].

Для нас весьма существенным представляется перераспределение речевых средств в соответствии с новой системой знаний, на которое обращает внимание М. Фуко. Так, в некоторых художественных произведениях сохранились фрагменты диалогов доктора с больным, из которых очевидно, что до появления клиники в общении врача с пациентом преобладали *фатические* речевые жанры, речевой жанр *медицинского предписания*, речевой жанр *доказательства* (в частности, по отношению к авторитету медицины), речевой жанр *сентенции*, речевой жанр *постановки диагноза*, иногда мнимонаучного, оформленного с помощью терминов средневековой медицины. Речь доктора изобилвала греческими и латинскими терминами – наименованиями болезней и анатомической лексикой, что считалось признаком «учёности» и, следовательно, профессиональной компетенции. По мнению М. - Фуко, это придавало профессии «некоторый медицинский эзотеризм <...> что заставлял говорить на латыни медиков Мольера: тогда речь шла только о том, чтобы не быть понятым и сохранять на уровне доходов языка корпоративные привилегии профессии...» [Фуко: 178].

В период становления парадигмы Нового времени невозможно говорить и о сугубо институциональном дискурсе, поскольку, как правило, при посещении врача имел место бытовой дискурс с элементами профессионального, относящимися к этиологии, патогенезу и идентификации болезни согласно общепринятой номенклатуре и классификации. Подобная доминировавшая нарративно-нозологическая модель речевого поведения врача безусловно не отвечала достижениям медицины Нового времени и требованиям, выдвигаемым новой парадигмой. В связи с этим отношение к доктору-нозологу становилось ироническим, а иногда даже сатирическим (например, в сцене постановки диагноза в IX явлении пьесы Мольера «Мнимый больной»). Отсутствие сложной схемы анамнеза исключало возможность тесного сотрудничества между доктором и пациентом. При этом игнорирование собственных патологических переживаний больного, неучитывание имманентной стороны патологического процесса предполагало полную пассивность пациента и, независимо от доверия или недовере-

рия к доктору, вверение своего здоровья его профессиональной компетенции. Вопрос, типичный для пациента XVII века, был не «*Чем я болен?*», а, например, известный нам по упомянутой пьесе Мольера: «*Скажите, доктор, как вы меня находите?*». Такой элемент псевдоинституционального дискурса свидетельствует о том, насколько нозологически описательной была медицина до становления клиники.

Становлению института клиники в Европе способствовали социальные изменения в эпоху французской Республики. Это было связано не только с наследием деятелей Просвещения, тенденцией к антропологизму и развитием естественнонаучных, следовательно и медицинских знаний, но и с официальной антиклерикальной политикой. Были упразднены «богоугодные заведения» при монастырях – в отличие от частнопрактикующих врачей, это было единственное место, где населению оказывалась медицинская помощь, пусть даже не вполне квалифицированная. На смену им пришли муниципальные госпитальные учреждения, позволившие наблюдать, диагностировать и оказывать лечение множеству пациентов, находящихся на лечении одновременно и сгруппированных по болезням одного типа, что значительно увеличило статистическую обработку историй болезни и результативность лечения. В процессе патоморфологических исследований выяснилось, что одно следствие (например, локализованная боль) может иметь не одну причину (например, патологические процессы в разных органах и тканях), и что каждая болезнь имеет аутентичную конфигурацию симптомов. Выявлению этих симптомов должна была служить уже не *нозология* и не патологическая анатомия, а *анамнез*. В рассматриваемую эпоху стал актуален принцип: «Лечить надо не болезнь, а человека». Объектом исследования отныне является «знание на уровне непосредственного использования чувств» [Фуко: 186]. Усиливается внимание к невербальным признакам патологии до их вербализации; этим, по мнению М. Фуко, определяется «истинно глубокая реорганизация не только медицинских взглядов, но и самой возможности дискурса о болезни» [Фуко: 21]. Ссылаясь на труды французских врачей и философов (Жорвизара или «*Nosographie philosophique*» Кондильяка), М. Фуко постулирует высказывание природных последовательностей, которые «синтаксис языка <...> воссоздаёт в своей исходной артикулированности» [Фуко: 150]. Поскольку «болезнь существует лишь в элементе видимого и, следовательно, излагаемого», «клиника вводит в обращение фундаментальную для Кондильяка связь перцептивного акта с элементом языка» [Фуко: 150]. Таким образом, факты воспри-

ятия патологических процессов должны быть представлены в «своей необходимой и высказываемой, то есть *дискурсивной* форме» [Фуко: 150]. Эта обновлённая парадигма медицины как науки, подкреплённая натурфилософией, сформировала, по мнению исследователя, принцип нового дискурса: «*Где у Вас болит?*». Уже в «*Plan general de l'enseignement dans l'Ecole de Sante de Paris (Paris, an III)*» в обязательном порядке был установлен расспрос пациента, который только дополняется нозологическими процедурами: «У постели каждого больного профессор будет останавливаться на время, необходимое, чтобы его *хорошо расспросить* (выделено нами – Авт.), надлежащим образом осмотреть» [Цит. по Фуко: 117].

Таким образом, *клиническая* модель общения врача и больного представляет собой результат *научной* парадигмы Нового времени, и формой её выражения стал медицинский дискурс. Индивидуализация является основным признаком этой разновидности институционального дискурса. Как отмечает М.Фуко, «нет иной болезни, кроме индивидуальной» [Фуко: 256]. «Концептуальный разворот» парадигмы «предоставляет клинической области новую структуру, где обсуждаемый индивид есть по меньшей мере больной человек, которого поражает патологический фактор, бесконечно воспроизводимый у всех похожих больных; где большинство констатаций более не являются просто опровержением или подтверждением, но возрастающей и теоретически бесконечной конвергенцией» [Фуко: 153]. Следует отметить, что в процессе становления новой парадигмы происходят изменения и в обслуживающих её единицах речи и языка: например, дивергенция языковых единиц, конвергенция по аналогии и др. Индивидуализацией медицинского дискурса, по М. Фуко, объясняется «новая гибкость, приданная медицинскому языку. Речь не идёт более о переводе видимого в читаемое благодаря установлению двузначного соответствия и переводу видимого в знаковое за счёт универсальности кодифицирующего языка. Речь идёт, напротив, о выходе слов к чему-то тончённо качественному, всегда более конкретному, более индивидуальному, более рельефному; значению цвета, консистенции, зернистости, предпочтительности меры согласования с метафорой (величиной с..., размером как...), оценки лёгкости или трудности простых операций (разорвать, раздавить, надавить); значению интермодальных качеств (гладкость, маслянистость, шероховатость); эмпирическому сравнению и ссылке на обычность или на нормальность (более тёмный, чем в естественном состоянии...))» [Фуко: 256].

Особо значимым с появлением клиники представляется формирование продуктивных моделей современной медицинской терминологической лексики. «В эпоху Лаеннека, – отмечает Фуко, – Алибер пытается в соответствии с химической моделью установить медицинскую номенклатуру: окончание *оз* указывает на общие формы поражения (гастроз, лейкоз, энтероз), окончание *ит* указывает на раздражение тканей, окончание *рея* – на выпот, разлитие и т.д.» [Фуко: 203]. Среди разных способов пополнения терминологической лексики наиболее продуктивным был морфологический способ, при котором образование терминов шло посредством словосложения и аффиксации. Использование различных комбинаций основ и аффиксов и существующих в языке словообразовательных моделей – как чистых (греческих или латинских), так и смешанных (греко-латинских и латино-греческих), давало возможность не только обозначать отличительные признаки нового понятия, но и отражать его место в системе существующих понятий. Словообразовательные средства, определяя границы содержания данных понятий, получали, в свою очередь, более строгую семантическую специализацию. Как отмечает В.Ф. Новодранова, «При формировании терминологии именно словообразовательные возможности языка помогают свёртыванию описательных терминологических оборотов в более короткие производные наименования. Словообразующие морфемы выполняют в терминологии классифицирующую функцию. <...> В процессе дифференциации разделов медицины происходит размежевание аффиксов, специализация их в пределах одного раздела терминологии – в каждом преобладают характерные для него средства, отражая его собственную упорядоченность и систему» [Новодранова: 18].

Любое изменение (коррекция) содержания дисциплины, обусловленное прогрессом в науке (научными открытиями, усовершенствованием методов исследования, новыми лабораторными данными) необходимо влечёт за собой изменение в языке, обслуживающем эту науку, в частности непосредственно изменяемый её сегмент. Структурирование институционального дискурса предполагает нивелирование лишнего (неактуального) речевого материала. При этом расспрос пациента представляется в форме некоего алгоритма. Таким образом, следует отметить, что современная тенденция в медицине сводится к тому, чтобы исключить субъективный фактор (врача) из процедуры диагностики и доверить её медицинской технике. Это даёт повод ещё раз вспомнить слова философа о том, что появление клиники позволяет

говорить «о полном повороте языка к той области, где воспринимаемое, в своей особенности, рискует ускользнуть от словесной формы и стать окончательно невоспринимаемым из-за невозможности быть высказанным» [Фуко: 256].

Библиографический список

Кун Т. Структура научных революций. М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. 608 с.

Новодранова В.Ф. Латинские основы медицинской терминологии : именное словообразование : автореф. дис. на соискание учёной степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «теория языка». М., 1990. 38 с.

Фуко М. Рождение клиники. М. : Смысл, 1998. 310 с.

Энциклопедический словарь медицинских терминов: Т.3 / [гл. ред. Б.В. Петровский]. М.: Советская энциклопедия. Т. 3. 1982. 464 с.

E.A. Ponomarenko, U.A. Gerasimenko

ROLE OF SCIENTIFIC OF PARADIGM IN FORMATION OF INSTITUTIONAL DISCOURSE AT THE EXAMPLE OF MEDICAL DISCOURSE IN THE CONCEPTION OF MICHEL FOUCAULT

Abstract. *The article justifies the applicability of the concept of “paradigm” in medical discourse. The term “paradigm” is understood to mean a system of scientific developments which, during a certain period of time, form a problem setting and solution model. The article provides historical record reflecting evolution of clinical expertise. It is noted that the shift of scientific paradigms and establishment of scientism followed by a number of scientific breakthroughs resulted in the re-evaluation of medicine role and position in the society. The article shows that traditional vision of medicine as a wider sphere than science was re-thought by Michel Foucault within the framework of the discourse theory. Professional discourse based on premises of physiopathology superseded the paternalistic idea as a form of emotional and spiritual contact between a doctor and a patient which resulted in the reduction of speech genres.*

Key words: *medical discourse, paradigm, nosologic paradigm, clinical paradigm.*

РАЗДЕЛ II.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА, ТЕКСТА И ДИСКУРСА

УДК 81'27

С.Г. Воркачев

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ГИМНОДИЯ РЕСПУБЛИК БЫВШЕГО СССР

***Аннотация.** Анализируются национальные гимны республик бывшего Советского Союза, устанавливается, что, несмотря на «синхронность» признания в качестве официального символа государства, эти гимны различаются жанровым происхождением, тематикой и семантическими признаками. Устанавливается, что в текстах гимнов присутствует хронотоп страны, образованный сведениями о её истории и ландшафте. Аксиологический блок в семантике национального гимна образован семантическими признаками любви и сопровождающих её «каритативных чувств», прагматологически-императивный блок – семантическими признаками, связанными с прославлением родной страны, желанием ей процветания, заботой о её благополучии, верностью и защитой её свободы. В тексте гимнов регулярно воспроизводятся положительные авто-стереотипы народа, населяющего страну гимна. Специфика гимнов отдельных стран образуется сочетанием присутствующих в них конкретных признаков.*

***Ключевые слова:** гимн, государственный гимн, дискурс, жанр, речевая функция, семантический признак, семиотический ряд, семантический блок.*

Как представляется, проблема множественности классификационных признаков видového деления дискурса может быть решена через использование в качестве основания подобного деления базовых дискурсообразующих лингвокультурных концептов: семантических доминант, вокруг которых строится дискурс и которые, тем самым, выполняют функцию его организующего начала, когда политический дискурс организуется вокруг концептов «власть» и «политик», религиозный – вокруг концептов «вера» и «Бог», презентационный – вокруг концепта «театральность». Организующим началом выделяемого в лингвистических исследованиях патриотического дискурса (см.: [Декленко 2004]) будет, конечно, патриотизм, т. е. любовь к родине. Этот дис-

курс составляют различные речевые и литературные жанры: стихи и песни о родине, речи и обращения к народу политиков, статьи о патриотизме в СМИ, афоризмы, лозунги и пр., однако наиболее значимым в этом ряду представляется государственный (национальный) гимн как своего рода «концентрат» идеи патриотизма.

Национальный гимн как торжественная песня или мелодия, прославляющая единство и мощь государства и исполняемая в официальных случаях, наряду с флагом и гербом, является неременным атрибутом государственности любой страны. Эти гимны имеют различный дополнительный жанровый «окрас» (лирического стихотворения, боевого марша, одической поэмы) – и различную длину.

Национальный гимн в первую очередь выступает опознавательным знаком государства, выполняя тем самым идентифицирующую функцию – функцию соотнесения мелодии и текста с образом определенной страны. Государственный гимн выполняет объединительно-охранительную функцию – содействует сплочению народа, способствует укреплению гражданской солидарности и стабильности существующей власти (см.: [Безрукова: 174]). Гимн выполняет аксиогенную функцию: он предназначен для формирования в сознании граждан представлений о высшей ценности нации – Родине. Присуща государственному гимну и «оптимистическая» функция – формирования и сохранения народной веры в стабильность существующего строя и «светлое будущее» нации. Также он представляется носителем идеологической функции – в нем отражается то, что нация думает о себе и хочет, чтобы о ней так думали и другие, он формирует мировоззрение. И неслучайно с изменением общественного строя страны меняется её гимн, достаточно вспомнить эволюцию российского гимна (см.: [Зотева: 140–143]). От религиозного гимна гимн государственный унаследовал лаудативную функцию – прославления в данном случае Родины, от него же идет экспрессивная функция – выражения в ритуализованной форме любви к родине (см.: [Судаков: 98]). В то же самое время прослушивание гимна вызывает целую гамму патриотических чувств: уважения к своей стране и гордости за неё, воодушевления (см.: [Зотева: 134]). Опять же от культового песнопения государственный гимн унаследовал магическую функцию. И, наконец, в хоровом пении национального гимна реализуется «перформативная» функция – присяги на верность родной стране и признания патриотического долга.

Базовые концепты идеи патриотизма – это, конечно, родина (см.: [Воркачев 2013]) и народ (см.: [Воркачев 2013a]), которые сами по

себе обладают «атомарно-матрешечной» смысловой структурой: в качестве семантических признаков включают в себя другие концепты.

В семантическом составе идеи патриотизма выделяются три ряда признаков (см.: [Воркачев 2013: 47]): 1) соотносимые с её «предметной», денотатной частью – какая у нас родина и какие мы сами; 2) соотносимые с её эмоционально-оценочной частью – как и за что мы любим родину; 3) соотносимые с императивно-праксеологической частью – как нужно поступать и что нужно делать, чтобы доказать свою любовь к родине.

Гимны 12-ти из 15-ти республик бывшего СССР (см.: [*Гимны]), за исключением стран Балтии, Армении и Азербайджана, которые восстановили свои гимны 1919-1920 годов, были приняты в качестве официальных где-то в один и тот же исторический период – с 1987 (Литва) по 2006 (Казахстан) год. Свою независимость 14 республик обрели без особой борьбы, практически получили в дар, и, соответственно, без боевых песен. Тем самым, теоретически, эти гимны должны быть выполнены в одном ключе: хвалебных песен о родине. В то же самое время, несмотря на «синхронность» признания в качестве официального символа государства, эти гимны различаются по своему происхождению: если гимны Белоруссии, Грузии, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана были созданы «с чистого листа» именно как гимны, то гимны Армении, Молдавии и Украины возникли в результате «транспозиции» в политикоритуальный дискурс поэтических произведений, написанных намного раньше обретения независимости, а гимн Грузии скомпонован из стихотворений классиков грузинской поэзии.

Опознавательная, идентифицирующая функция национального гимна в отсутствие мелодии реализуется в его тексте через употребление этнонимов и (само)названий страны и народа: *Россия – священная наша держава; Литва, отчизна наша; Ще не вмерла України і слава, і воля; Вперед, кыргызский народ; Родина моя – мой Казахстан; Вечна живі і квітней, Беларусь; Свободная, независимая Армения; Мой свободный Таджикистан; Во веки веков живи, мой Туркменистан; дорогой Узбекистан.*

Если в тексте гимна нет упоминания имен страны и народа (Грузия, Эстония, Молдавия), то, очевидно, опознавательную функцию выполняет сам его язык, тем более что «язык» исторически синонимичен «народу»: «язык – народ, земля с одноплеменным населением своим, с одинаковой речью» [Lfkм 1968: 674]. Особенно значим в

этом отношении гимн Молдавии, в основу которого положено стихотворение «Наш язык» – *Limba noastră*.

Практически в текстах всех гимнов присутствует «предметная часть» – хронотоп страны, образованный сведениями о её истории, ландшафте и политическом устройстве.

Текст гимна обычно отправляет к славным образам прошлого: *Предками данная мудрость народная* (Россия); *Духом предков отважных славы сыны* (Туркменистан); *Ты символ надежды наших предков* (Таджикистан); *В седой древности / Родилась наша слава* (Казахстан); *Наследье отцов наших передадим / На благо народа потомкам своим* (Киргизия); *И сыны Твои на прошлом / Свое величье строят* (Литва). Как известно, без прошлого нет и будущего, и совместное будущее присутствует в гимнах чуть ли не в обязательном порядке: *Широкий простор для мечты и для жизни / Грядущие нам открывают года* (Россия); *У меня простор неоглядный / И дорога, открытая в будущее* (Казахстан). И, конечно, это будущее непременно счастливое: *Как извечного друга / Встречает новое время / Наша счастливая страна, / Наш народ!* (Казахстан). Тема счастливого будущего особенно интенсивно «педалируется» в гимне Украины: *Ще нам, браття молодії, усміхнеться доля; Ще у нашій Україні доленька наспіє*.

В гимнах представлены отличительные признаки географической «колыбели народа» – наиболее значимые элементы ландшафта: *От южных морей до полярного края / Раскинулись наши леса и поля* (Россия); *Чорне море ще всміхнеться, дід Дніпро зрадіє* (Украина); *Освещенные горы и долины, / Разделенные меж равными Богу* (Грузия); *Золотые эти долины – дорогой Узбекистан; Высокие горы, долины, поля – / Родная, заветная наша земля* (Киргизия).

Свобода в текстах национальных гимнов выступает наиболее значимым атрибутом государственности: *Отечество наше свободное* (Россия); *Душу й тіло ми положим за нашу свободу* (Украина); *Родина наша, свободная, независимая* (Армения); *Держава родная, суверенный край* (Туркмения); *Вставай, моя свободная страна* (Узбекистан); *Да здравствует моя Родина, / мой свободный Таджикистан!* (Таджикистан); *Вперед, кыргызский народ, / Путем свободы вперед!* (Киргизия).

Предполагается, что суверенитет обеспечивает единство народа: *Земля Кыргызстана, родная страна / Лучами согласия озарена* (Киргизия); *У меня независимый, / Сплочённый, единый народ* (Казахстан); *В честь судьбы той Литвы – Единенье наше!* (Литва).

Любовь к земле предков уже «встроена» в семантику имен родины (см.: [Воркачев 2013: 28; Воркачев 2011: 66]), отсутствие этого семантического компонента превращает родину в «эту страну» (см.: [Воркачев 2013: 126]).

Аксиологический блок в семантике национального гимна образован семантическими признаками любви и сопровождающих её «карикативных чувств»: гордости, восхищения и благодарности. Так, в текстах гимнов регулярно появляются имена родины сами по себе или в сопровождении «любобных» эпитетов: *Отечество, Отчизна, родная земля, любимая наша страна* (Россия); *родная зямля, родны парог, наша любімая маці-Радзіма* (Белоруссия); *Родина наша Մեր Հայրենիք* (Армения); *родимый очаг erkana yurdum* (Туркмения); *наша любимая страна диёри ар-манди мо* (Таджикистан); *дорогой Узбекистан» жон Ўзбекистон* (Узбекистан); *славное отечество şanlı Vətəni* (Азербайджан); *жерім менің, моя страна менің елім* (Казахстан); *родина ата-бабалар, родная, заветная наша земля элибиздин жань менен барабар* (Киргизия); *отчизна наша тѐвупе тї̄сц* (Литва); *дорогая отчизна mīš' dārgo tēvju* (Латвия). Родная страна – предмет гордости и восхищения: *Мы гордимся тобой!* (Россия); *свечок и песня души vaşlaryň täji sen, diller senasy* (Туркмения). Родине как высшей ценности метафорически приписывается сакральный, культовый характер: *священная наша держава* (Россия); *земля моя свята garaşsyz topragun nurdur* (Туркмения); *моя икона – это моя родина ზედი ხატოს სამშობლო* (Грузия).

Праксеологически-императивный блог национальной гимнодии образуется семантическими признаками, связанными с прославлением родной страны, желания ей процветания, заботой о её благополучии, верности ей и преданности, защитой её свободы: *Славься, Отечество наше свободное;* (Россия); *Слаўся, зямлі нашай светлае імя* (Белоруссия); *Пусть слава твоя сияет вечно!* (Узбекистан); *Живи счастливо под трёхцветным знаменем, Стань цветущим садом* (Азербайджан); *Вечна жыві і квітней, Беларусь!*; *Пусть твое счастье и благополучие будет всегда* (Киргизия); *Во веки веков ты живи, процветай!* (Туркмения); *О родина, вечно цвети!* (Узбекистан).

Патриотическое чувство проявляется в преданности родной стране: *Нам силу даёт наша верность Отчизне* (Россия); *Мы по-прежнему верны тебе* (Таджикистан); *Вечно буду благодарен тебе / и верен до смертного часа!* (Эстония); *Мы, беларусы – мірныя людзі, / Сэрцам адданыя роднай зямлі* (Белоруссия).

Важнейшим проявлением патриотического чувства выступает готовность защищать свободу и независимость родины, готовность приносить

ей в жертву даже собственную жизнь: *Мы готовы отдать за тебя наши сердца и наши жизни* (Азербайджан); *Жизнь отдать я готов за родимый очаг* (Туркменистан); *Но блажен тот, кто погибает / За свободу своего народа* (Армения); *Душу й тіло ми положим за нашу свободу* (Украина). И лишь в тексте гимна Украины присутствует образ врага (*Згинуть наші вороженьки, як роса на сонці*), конкретизировавшийся в первоначальной версии гимна: *Ой, Богдане, Богдане, / Славний наш гетьмане! / На-що віддавъ Україну / Москалямъ поганимъ?!*

От религиозного гимна в некоторые национальные гимны перешло искание божественного покровительства: *Да хранит тебя Бог, / дорогая отчизна моя! / Да будет он твоим заступником / и благословит тебя / во всех делах твоих* (Эстония); *Господь, благослови Латвию, / Нашу дорожую отчизну.*

Регулярно в текстах национальных гимнов появляется упоминание другого символа государственности – флага: *И знамя свободы возносится ввысь* (Киргизия); *Мы стоим под твоим флагом* (Таджикистан); *В мире реет мой флаг – / Символ великой нейтральной страны* (Туркмения); *Вот тебе, брат, флаг, / Который я связала своими руками* (Армения); *У бітвах за волю, бітвах за долю / Свой здабывалі сцяг перамог!* (Белоруссия).

В тексте гимна регулярно воспроизводятся положительные автостереотипы населяющего страну гимна народа, который велик, силен, героичен, мужественен, горд, мудр, великодушен, миролюбив, дружелюбен, усерден и трудолюбив и пр.: *Извечно народ наш для дружбы открыт* (Киргизия); *Горд и силен / Мой казахский народ!*; *Сила великого народа, земля героев* (Литва); *Славное отечество сынов-героев* (Азербайджан); *Не угаснет вера великодушного узбека* (Узбекистан); *Мы, беларусы – мірныя людзі, Мы ў працавітай, вольнай сям'і* (Белоруссия); *А завзяття, праця щира свого ще докаже* (Украина); *Предками данная мудрость народная* (Россия).

Семантические признаки гимнодии бывших республик Советского Союза в целом рассредоточены по всему корпусу гимнических текстов, специфика же гимнов отдельных стран образуется сочетанием присутствующих в них одних конкретных признаков и отсутствием других. Так, лишь в гимнах России и Белоруссии упоминается союзное устройство государства: *Братских народов союз вековой* (Россия); *Слаўся, народаў братэрскі саюз* (Белоруссия). Лишь гимн России имеет «классическую» трехкуплетную с припевом структуру (см.: [13: 99]), лишь в нем отмечаются размеры территории страны: *От южных морей до по-*

лярного края. Лишь гимны Латвии и Эстонии взывают к благословению и покровительству Господа: *Господь, благослови Латвию; Да хранил тебя Бог, / дорогая отчизна моя! / Да будет он твоим заступником* (Эстония). В гимне Молдавии страна и народ метафорически отождествляются с языком, что само по себе двусмысленно, поскольку молдавский и румынский язык в лучшем случае – диалектные варианты одного и того же языка. Весьма метафоричен гимн Грузии.

Агональностью и жертвенностью отмечены гимны стран, не имевших на момент создания своего государства: «Повсюду смерть одна, / Человек умирает только раз, / Но блажен тот, кто погибает / За свободу своего народа» (Армения); «Душу й тіло ми положим за нашу свободу» (Украина). В гимне Украины нет признаний в любви к родине, но есть тоска по будущему и воинственность.

Итак. Национальные гимны республик бывшего Советского Союза, несмотря на историческую синхронность принятия в качестве государственных символов и общность идентифицирующей функции, отличаются своим жанровым происхождением, тематической направленностью и набором семантических признаков.

Практически в текстах всех гимнов присутствует хронотоп страны, образованный сведениями о её истории и ландшафте. Текст гимна обычно отправляет к славным образам прошлого и совместному будущему. Свобода выступает наиболее значимым атрибутом государственности, предполагается, что суверенитет обеспечивает единство народа и что независимость страны. Аксиологический блок в семантике национального гимна образован семантическими признаками любви и сопровождающих её «каритативных чувств»: гордости, восхищения и благодарности, в текстах гимнов регулярно появляются имена родины сами по себе или в сопровождении «любовных» эпитетов, а родине как высшей ценности метафорически приписывается сакральный характер. Праксеологически-императивный блок национальной гимнодии образуется семантическими признаками, связанными с прославлением родной страны, желанием ей процветания, заботой о её благополучии, верности ей и преданности, защитой её свободы. Важнейшим проявлением патриотического чувства выступает готовность защищать свободу и независимость родины, готовность приносить ей в жертву даже собственную жизнь, а от религиозного гимна в национальные гимны перешло искание божественного покровительства. Регулярно в текстах национальных гимнов появляется упоминание другого символа государственности – флага. В тексте гимна регулярно

воспроизводятся положительные автостереотипы народа, населяющего страну гимна.

Библиографический список

1. **Безрукова В. С.** *Основы духовной культуры. Энциклопедический словарь педагога.* Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2000. 937 с.
2. **Воркачев С. Г.** Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре. М.: ИНФРА-М, 2013. 151 с.
3. **Воркачев С. Г.** Singularity tantum: идеологема «народ» в русской лингвокультуре. Волгоград: Парадигма, 2013а. 254 с.
4. **Воркачев С. Г.** Родина, правда, смысл жизни: опыт русской лингвоидеологии. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 575 с.
5. **Гимны всего мира со словами, текст, перевод.** URL: gimn.su/category/gimny-stran/
6. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. СПб: Диамант, 1998. 688 с.
7. **Декленко И. В.** Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 21 с.
8. **Зотеева Т. С.** Государственный гимн как жанр политического дискурса // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 133–143.
9. **Судаков Г.В.** Концепты Государственного гимна России // Русский язык в школе. 2004. № 3. С. 97–101.

S.G. Vorkachev

PATRIOTIC DISCOURSE: THE HYMNS OF THE FORMER USSR REPUBLICS

***Abstract.** The national hymns of ex-republics of the Soviet Union are analysed, it is found that despite of simultaneous acknowledgement as official symbol of the state these hymns differ in genre origin, themes and semantic features. It is also established that the hymns texts contain information about history and geography of the country. Axiological module of national hymn is formed by semantic features of love and caritative feelings accompanying it, imperative module is formed by semantic features relative to glorification of homeland, to wishing its prosperity and well-being, to faithfulness and to defense of its freedom. The positive self-stereotypes of the people inhabiting the country are regularly reproduced in the hymn texts. Specificity of the individual country hymn is formed by combination of concrete semantic features in it.*

Key words: hymn, national hymn, discourse, genre, speech function, semantic.

ИДЕОЛОГЕМЫ И АКСИОЛОГЕМЫ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

***Аннотация.** На материале дискурса власти в статье выявляются частотные идеологемы и аксиологемы современного политического дискурса. В результате автоматического сбора и обработки текстовых данных получен материал для лингвистического анализа: выявлены конкретные случаи реализации идеологем и аксиологем, определен актуализируемый говорящим аксиологический модус каждой из реализуемых единиц и речевые способы реализации идеологем и аксиологем.*

***Ключевые слова:** идеологема, аксиологема, институциональный политический дискурс.*

Внимание к политической сфере жизни общества, столь возросшее в наши дни, не может не влечь за собой внимание к институциональному политическому дискурсу с точки зрения языкового отражения актуальных для политической жизни ценностей. Как отмечают исследователи, особенностью политики как области человеческой деятельности является ее преимущественно дискурсивный характер, так как основная масса политических действий имеет речевую природу [6: 28]. Плюрализм, характеризующий современную политическую жизнь, снабжает институциональный политический дискурс разнообразием концептуальных идей и ценностей. Будучи «речью, погруженной в жизнь» [1], дискурс транслирует данные ценности в сознание общества и закрепляет их в языковой картине мира его представителей. Неслучайно современная политология имеет тенденцию рассматривать язык не как средство отображения политической реальности, а в качестве важного компонента политического поля [4: 147].

Функцию встраивания в массовое сознание идеологических квантов смысла выполняют идеологемы [3: 56], ибо они являются одной из содержательных форм проявления ментальности. Воплощая концептуальные идеи и ценности, идеологемы создают базу для формирования аксиологических категорий, единицами выражения которых являются аксиологемы. Таким образом, именно в идеологемах и аксиологемах заключены основные концептуальные сущности, формирующие распространяемые в обществе политические установки. Понятие институционального политического дискурса предполагает обращение к об-

ласти текстов, созданных политическими деятелями. Для наиболее адекватной репрезентации российского политического дискурса необходим анализ текстов, созданных политическими деятелями, принадлежащими к разным политическим течениям. В связи с этим набор источников для анализа¹ в исследовании, результаты которого представлены в данной статье, охватывает тексты, созданными представителями следующих партий: Единая Россия; КПРФ; ЛДПР; Справедливая Россия. Все тексты собраны с официальных сайтов политических партий. Основными типами текстов в корпусе являются выступления на различных заседаниях, записи из блогов политических деятелей, а также их обращения к гражданам по различным вопросам. Всего в результате применения методов автоматического сбора и обработки текстовых данных было собрано 2025 текстов; общий объем корпуса составил 1194301 слово.

В ходе предварительного изучения структуры и содержания веб-сайтов были определены следующие рубрики: рубрика «Точка зрения» (<https://er.ru/news/speech>) на сайте партии «Единая Россия»; рубрика «За что борются коммунисты» (<https://kprf.ru/activity>) на сайте КПРФ; рубрики «Выступления» (<https://ldpr.ru/leader/speech>) и «Слово депутата» (https://ldpr.ru/ldpr_talks/deputys_word) на сайте ЛДПР; рубрика «Заявления фракции по актуальным социально-экономическим, политическим и иным вопросам» (<http://www.spravedlivo.ru/5334616-2>) на сайте партии «Справедливая Россия». Все собранные тексты были обработаны: все слова во всех текстах были лемматизированы с использованием функциональности библиотеки с открытым исходным кодом rumystem3 [8], а также rumorphy2 [7] для Python 3.

В результате применения метрики хи-квадрат для выявления ключевых слов созданного корпуса текстов получен список статистически значимых слов корпуса российского институционального политического дискурса, который содержит 7972 единицы. Выделенные значимые единицы корпуса российского институционального политического дискурса были вручную объединены в 13 тематических групп:

1. Власть (*госзащита, модерация, урегулировать, властимуций, управленчество, межэлитный, подавляющий, агитпродукция, журиновщина, поствыборный* и т.д.);

---

¹ В статье использованы данные, полученные студенткой образовательной программы «Фундаментальная и прикладная лингвистика» НИУ ВШЭ-Нижний Новгород Алёшиной А.А. в процессе выполнения курсового проекта под руководством Т.В. Романовой.

2. Народ (*малонаселенность, краудфандинговый, флэшмоб* и т.д.);
3. Обман (*госизмена, псевдоборец, навариваться, ошельмовывать, лжеимпорт, хамелеонство, замыливать, кибермошенник* и т.д.);
4. Война (*щахидизм, перевооружать, евромайдан, травлять, кибертеррорист, информатака, завербовываться* и т.д.);
5. Образование (*вебинар, учительская, педколлектив, тьюторство, сверхобразованный* и т.д.);
6. Природа (*догхантер, экоцид, лесозащитник, животнoлюб, живодерский, природосбережение* и т.д.);
7. Закон (*конституционально, законноизбранный, пролицензировать, антизаконный, делегитимизация* и т.д.);
8. Финансовое положение (*супербедный, небогатость, денежки, навариваться, обездоленный* и т.д.);
9. Взаимодействие (*ассоциированно, соратничество, побратимский, невзаимный, сепарироваться, соисполнение* и т.д.);
10. Толерантность (*межполовой, неотличимость, сексист, недискриминация, несоизмеримо, многоконфессиональность* и т.д.);
11. Семья (*сынуля, родители* и т.д.);
12. Разрушение (*обрушать, самораспускаться, руинировать, невосстановленный, изгаживать, забракованный* и т.д.);
13. Индивидуальность (*антиофшорный, субъектность, локальщик, полицентричный, широкоохватный* и т.д.).

Данные группы представляют собой ключевые тематические группы российского институционального дискурса. Согласно выдвинутой гипотезе, выводы о наиболее важных темах, представленных в текстах исследуемого дискурса, должны быть соотнесены с выводами о ключевых идеологемах и аксиологемах данного дискурса.

Лингвистический анализ позволил выявить конкретные случаи реализации идеологем и аксиологем, определить актуализируемый говорящим аксиологический модус каждой из реализуемых единиц, а также определить речевые способы реализации идеологем и аксиологем.

Результаты лингвистического анализа текстов были обобщены, а выделенные идеологемы и аксиологемы были объединены в следующие типологические группы: 1) формирующие образ России; 2) формирующие образ политической ситуации в России и мире; 3) отражающие общечеловеческие ценности.

«Флагманом» первой группы можно считать идеологему *русский/российский*, актуализируемый аксиологический модус которой в аб-

солютном большинстве случаев является положительным. Основной схемой реализации идеологемы *русский/российский* и актуализации ее положительного аксиологического модуса является создание антонимии «свой – чужой», в которой представлено бинарное распределение качества аксиологических модусов: «свой» означает ‘хороший, правильный’, «чужой» напротив – ‘плохой, неправильный’. Рассмотрим реализацию данной схемы на примере следующих текстовых фрагментов:

(1) *Поэтому сегодня Крым – это наша с вами жемчужина и нам неприятно, что 23 года они были под оккупацией чуждого режима, режима, который близок к нацистам, к тем, кто вчера маршировал по улицам Риги* (https://ldpr.ru/leader/speech/vasilyevsky_spusk_in_honor_of_the_second_anniversary_of_the_reunification_of_russia_and_the_crimea).

(2) *Поэтому Россия сделала единственно правильный выбор в пользу отстаивания своих интересов и сохранения, защиты своего суверенитета* (<https://kprf.ru/activity/education/151249.html>).

(3) *И в этой связи мне хотелось бы сказать и правительству, и Министерству образования и науки, как заказчикам <...>, что нужно изучить заказ: правильно ли он исполняется, чему там учат, не имеет ли место формирование западного, европейского, англосаксонского мышления в таких высших учебных заведениях?* (<https://kprf.ru/activity/derevnya/179653.html>).

В приведенных примерах аксиологема *русский/российский* выражена не через свою прямую номинацию, а через языковые единицы, отражающие концептуальные признаки данной идеологемы в исследуемом дискурсе. Понятия *мы, свой, русский* и *российский* в текстах российского политического дискурса связаны единым референтом, что дает нам возможность рассматривать данные единицы как связанные компоненты языковой картины мира представителей данного дискурса.

Так, в примере (1) в антонимии «свой – чужой» явно усилен отрицательный аксиологический модус «чуждой/чужой стороны»: политический режим другого государства (в данном контексте – Украины) в оценочном плане сближается говорящим с идеологией нацизма, что является общекультурной отрицательной аксиологемой, «антиценностью». Отрицательный аксиологический модус, таким образом, переносится на компонент «чужой» и усиливает модусный контраст антонимии.

В текстовом фрагменте (2) для реализации аналогичной стратегии применена обратная тактика: актуализируется положительный аксио-

логический модус компонента «свой», то есть *российский*. Ассоциация «свой = российский» устанавливается с помощью лексического повтора местоимения *свой*, референтом которого является Россия. Также «выбор в пользу своих интересов» охарактеризован прилагательным *правильный* с усиливающим его наречием *единственно*, что подчеркивает однозначную положительную оценочность аксиологического модуса идеологемы *русский/российский*.

В текстовом фрагменте (3) в однородном ряду перечислены «составляющие чужой стороны»: *западный, европейский, англосаксонский*. В данном контексте приведенные выше компоненты можно рассматривать как отдельные единицы реализации идеологемы *чужой*, являющейся в данном контексте антонимичной парой для идеологемы *русский*.

Реализация идеологемы *русский* как единицы, несущей в себе однозначно положительный аксиологический модус, часто встречается в контексте рассуждений о языке. Так, представители партии ЛДПР особенно часто поднимают тему русского языка как единственно «правильного», логичного для представителей русского этноса:

(1) *Это правильное слово - «беженцы», бегущие от войны. У нас есть отдельное слово «переселенцы». Беженец – это более русское, конкретное слово* (https://ldpr.ru/leader/speech/The_speech_of_Vladimir_Zhirinovskiy_at_a_meeting_with_students_Russian_school_policy_17_APR_2017).

(2) *Мне понравилось название «Аллея правителей». Царь – не русское слово. Генеральный секретарь – не русское слово. Президент – не русское слово. Давайте говорить – правители России. От русского слова «править»* (https://ldpr.ru/leader/speech/at_the_opening_of_the_Alley_of_the_Rulers_of_Russia_September_22_2017).

В фрагменте (1) представлено яркое и эффективное средство реализации описательной идеологемы в тексте: прилагательное *русский* переходит из разряда относительных прилагательных в качественные, что выражается окказиональным использованием составной формы сравнительной степени *более русский*. Следовательно, прилагательное *русский* в данном контексте используется для оценочной характеристики в качестве синонима прилагательного *правильный*.

В текстовом фрагменте (2) представлено прямое выражение субъективной оценки говорящим определенных языковых единиц. Одновременно с тем, как говорящий разделяет группы слов по принципу субъективной симпатии, он также применяет бинарный крите-

рий «русский – не русский». Поскольку распределение слов по группам «нравится – не нравится» и «русский – не русский» полностью совпадает, можно сделать вывод, что для говорящего признак ‘хороший’ абсолютно идентичен признаку ‘русский’. При этом, как отмечает Ван Дейк [5: 193], несмотря на то, что в своей речи каждый говорящий иссизует индивидуальные когнитивные установки, специфика политического искурса состоит в том, что представитель партии, высказывая определенное мнение, одновременно отражает взгляды всей политической партии, всего института, то в данном случае идеологему *русский* можно отнести именно к политическому дискурсу, а не к дискурсу определенного автора.

Наблюдение за функционированием других идеологем и аксиологем данной тематической группы позволило выявить тесную взаимосвязь трех идеологем: *русский*, *народ* и *единство*. В абсолютном большинстве случаев реализации любой из перечисленных идеологем другие единицы также в той или иной степени актуализованы. Например, в силу специфики исследуемого дискурса идеологем *народ* имеет в своем составе концептуальный признак ‘русский’. Следовательно, тесная взаимосвязь данных когнитивных единиц очевидна, что позволяет считать их фундаментом конструирования образа России.

В российском политическом дискурсе распространен прием представления России как общности относящихся к ней людей, что позволяет создать образ России через перечень качеств, характерных для ее народа. Рассмотрим данный прием на примере следующего текстового фрагмента:

Он означает, что даже стоя уже у края, стоя у стен Кремля, наш народ может собраться с силами, дать отпор, причем, не только физически, как это было в 1941-м, речь идет и о том состоянии, которое Россия испытывает сегодня: мы должны давать отпор (<https://er.ru/news/149495>).

В данном фрагменте персонификация России реализована с помощью приема синекдохи, где целое (*Россия*) представлено как его часть (*народ*). При этом в данном фрагменте реализован второй уровень синекдохи: существительное *народ* в форме единственного числа выражает значение собирательности, характерное для ситуации выражения целого (*народ*) через его части (отдельные люди), что актуализирует концептуальный признак ‘единство’. Следовательно, в данном примере идеологем *народ* с ключевым концептуальным признаком ‘единство’ выступает как ядерный компонент образа России.

Что касается идеологем и аксиологем второй группы, то, с когнитивной точки зрения, политические взаимоотношения как внутри страны (между действующей властью и оппозицией, между политической элитой и народом), так и на мировой арене можно представить внутри единого акционального (по классификации С.А. Жаботинской [2:151-152]) фрейма *борьба*. Внутри политического дискурса фрейм *борьба* представлен такими конституентами, как *противники, противостояние, идеология, политическая партия, народ, политическая элита, критика, война* и т.д.: *Пока все силы партии власти брошены на дискредитацию Грудинина, противниками Путина (скорее всего, из «либерального» лагеря) уже явно запущено финансирование производства и расклейки антипутинских агитматериалов* (<https://kprf.ru/agit/otvet/172155.html>).

Согласно результатам статистического анализа на первый план в политическом дискурсе выходят аксиосферы *власть* и *народ* как основные компоненты политического поля жизни любого общества. В институциональном политическом дискурсе данные понятия становятся комплементарными антонимами: отрицание одного является подтверждением другого, что сказывается на наборе концептуальных признаков соответствующих идеологем.

Ввиду того, что темы равенства, дискриминации, толерантности являются одними из наиболее важных и широко обсуждаемых во всех социальных институтах, логично, что по материалам российского политического дискурса в третьей тематической группе находятся такие декларируемые ценности и антиценности, как *личность, равенство, закон, фашизм, расизм*.

Итак, типичным для институционального политического дискурса является прямое именование ценностей, которых придерживается политическая партия (в текстах программ партии, в структуре официального веб-сайта и т.д.), а анализ реализации идеологем и аксиологем позволяет выстроить более полную картину мира политической партии как социального института.

Результаты лингвистического анализа идеологем и аксиологем в российском институциональном политическом дискурсе и способов их реализации представлены в таблице ниже. В список ключевых единиц входят те идеологемы и аксиологемы, общая доля случаев реализации которых превышает 3% от общего количества случаев реализации идеологем и аксиологем в исследуемом дискурсе. Также обяза-

тельным критерием включения когнитивной единицы в список ключевых является наличие случаев использования средств художественной выразительности для реализации данной единицы.

**Ключевые идеологемы и аксиологемы российского
институционального политического дискурса**

Идеологемы аксиологемы	и реализация, %	Преобладающий аксиологический модус
Идеологемы и аксиологемы, формирующие образ России		
Идеологема <i>русский</i>	10.8	Положительный
Идеологема <i>народ</i>	13.1	Положительный
Идеологема <i>единство</i>	7.5	Положительный
Идеологемы и аксиологемы, формирующие образ политической ситуации в России и мире		
Идеологема <i>борьба</i>	9.3	Смешанный
Идеологема <i>взаимодействие</i>	8.6	Положительный
Идеологема <i>власть</i>	10.2	Отрицательный
Идеологемы и аксиологемы, отражающие общечеловеческие ценности		
Аксиологема <i>равенство</i>	8.0	Положительный
Аксиологема <i>индивидуальность</i>	4.9	Смешанный
Аксиологема <i>закон</i>	3.1	Смешанный

Наиболее распространенными и эффективными способами реализации представленных выше групп идеологем и аксиологем являются следующие приемы:

- Антонимия, компоненты которой имеют противоположные качества аксиологических модусов (например, «свой – чужой»);
- Ассоциация, в результате чего качество аксиологического модуса переносится с ассоциирующего на ассоциируемый объект (например, «русский = правильный»);
- Конструирование акциональных фреймов (например, *борьба* и *игра*);
- Фразеологические единицы (например, *вешать лапшу на уши*, *бросить все силы, знать цену*);
- Метафора (преобладает социоморфный тип);
- Синекдоха (преобладают приемы выражения целого вместо его частей).

Библиографический список

1. **Дискурс** // Лингвистический энциклопедический словарь URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения: 24.12.2018).
2. **Жаботинская С.А.** Концептуальный анализ: типы фреймов // На стыке парадигм лингвистического знания в начале 21 века: грамматика, семантика, словообразование: Материалы международной конф. Москва, октябрь, 2002 г. – Калининград: Изд. Калининград. Гос. Ун.-та, 2003. – С. 140-159.
3. **Клушина Н.И.** Теория идеологем // Политическая лингвистика. – 2014. – №4. – С. 54-58.
4. **Никулина Д.Е.** Политический дискурс как объект лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №9. – С. 147-149.
5. **Тён А. ван Дейк.** Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ.. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
6. **Шейгал Е.И.** Семиотика политического дискурса: Монография. М.-Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
7. **Морфологический анализатор rymorphy2** URL: <https://rymorphy2.readthedocs.io/en/latest/> (дата обращения: 12.12.2018).
8. **rymystem3**: A Python wrapper of the Yandex Mystem 3.1 morphological analyzer // GitHub – nlpub URL: <https://github.com/nlpub/rymystem3> (дата
9. **Выступление Владимира Жириновского на встрече со слушателями Российской школы политики. 17 апреля 2017 года** // Официальный сайт ЛДПР URL: https://ldpr.ru/leader/speech/The_speech_of_Vladimir_Zhirinovsky_at_a_meeting_with_students_Russian_school_policy_17_APR_2017/ (дата обращения: 08.01.2019).
10. **Выступление Владимира Жириновского на открытии Аллеи Правителей России/ 22 сентября 2017 года** // Официальный сайт ЛДПР URL: https://ldpr.ru/leader/speech/at_the_opening_of_the_Alley_of_the_Rulers_of_Russia_September_22_2017/ (дата обращения: 08.01.2019).
11. **Выступления** // Официальный сайт ЛДПР URL: <https://ldpr.ru/leader/speech/> (дата обращения: 07.12.2018).
12. **За что борются коммунисты** // Официальный сайт КПРФ URL: <https://kprf.ru/activity/> (дата обращения: 07.12.2018).
13. **Заявления фракции по актуальным социально-экономическим, политическим и иным вопросам** // Справедливая Россия URL: <http://www.spravedlivo.ru/5334616-2> (дата обращения: 08.12.2018).

14. Из выступления В.В.Жириновского на митинге на Васильевском спуске в честь 2-ой годовщины воссоединения России и Крыма. // Официальный сайт ЛДПР/URL: https://ldpr.ru/leader/speech/vasilyevsky_spusk_in_honor_of_the_second_anniversary_of_the_reunification_of_russia_and_the_crimea/ (дата обращения: 08.01.2019).

15. **И.И. Никитчук**: Так что ждет российское образование? // Официальный сайт КПРФ URL: <https://kprf.ru/activity/education/151249.html> (дата обращения: 06.01.2019).

16. **К Международному дню сельских женщин (15 октября)** // Официальный сайт КПРФ URL: <https://kprf.ru/activity/derevnya/179653.html> (дата обращения: 06.01.2019).

17. **Сергей Обухов про официальную социологию, «распил» денег на кампании «Анти-Грудинин», образ Грудинина как «правильного Путина»** // Официальный сайт КПРФ URL: <https://kprf.ru/agit/otvet/172155.html> (дата обращения: 06.01.2019).

18. **Слово депутата** // Официальный сайт ЛДПР URL: https://ldpr.ru/ldpr_talks/deputys_word/ (дата обращения: 07.12.2018).

19. **Точка зрения** // Единая Россия официальный сайт Партии URL: <https://er.ru/news/speech/> (дата обращения: 08.12.2018).

20. **Шолохов: Празднование 75-летия Битвы за Москву важно для нашего национального самосознания** // Единая Россия официальный сайт Партии URL: <https://er.ru/news/149495/> (дата обращения: 03.01.2019).

T.V. Romanova

IDEOLOGEMES AND AXIOLOGEMES OF THE RUSSIAN INSTITUTIONAL POLITICAL DISCOURSE

***Abstract.** The article identifies frequent ideologemes and axiologemes of the modern political discourse throughout the analysis based on the material of government one. The research textual material was automatically collected and processed and then obtained for linguistic analysis: specific examples of the implementation of ideologemes and axiologemes were identified, the axiological modi (updated by the speaker) of every example were specified and verbal ways of implementing ideologemes and axiologemes were defined.*

***Key words:** ideologeme, axiologeme, institutional political discourse.*

ДИСКРЕДИТАЦИЯ ФЕНОМЕНА РЕВОЛЮЦИИ В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00202 «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ»

***Аннотация.** Предметом статьи является проблема модификации и дискредитации российскими масс-медиа одного из ключевых политических концептов, имеющих особое значение для российской лингвокультуры, – концепта «революция». В исследовании демонстрируется, как изменение метафорических моделей, используемых в медиадискурсе, приводит к изменению содержания и оценки рассматриваемого концепта. Методы метафорического моделирования и контент-анализа позволяют продемонстрировать значительный рост количества метафорических моделей с негативным прагматическим потенциалом, создающих негативный образ мировых революций. В итоге созидательная метафорическая модель, характерная для советского периода, сменяется в современных российских масс-медиа деструктивными метафорическими моделями стихийного бедствия, тяжелого заболевания, жестокого божества, требующего жертвоприношений. Большинство метафор акцентирует внимание на открытой конфронтации, кровопролитии и даже гибели участников революционных событий. При восприятии подобных метафор в сознании читателей формируется устойчивое отрицательное отношение к насильственным способам свержения власти, страх перед ними, стремление не допустить аналогичных событий на новом витке развития общества в своей стране.*

***Ключевые слова:** медиадискурс, медиатизация, дискредитация, концептуальная метафора, метафорическая модель, революция.*

Многочисленные и разнообразные преобразования, произошедшие в конце XX - начале XXI века во всех сферах жизни российского общества, определили изменения национальной политической концептосферы: часть концептов, востребованных в советскую эпоху, уходит на периферию, входят в обиход новые концепты, часть из них продолжает функционировать, переживая при этом процессы семантической модификации, а также зачастую и переоценки (см., например, Валгина 2003, Вепрева 2005, Кондратьева 2016, Складневская 2001,

Юдина 2005 и др.). Сказанное определяет необходимость изучения реального концептуального содержания и экспликации связанных с модифицированными политическими концептами оценок, бытующих в современном обществе.

Одним из наиболее ярких примеров концептуальной трансформации в XXI веке становится концепт «революция», являвшийся сосредоточием коммунистической идеологии советского времени и по-прежнему востребованный в современном мире. Однако, как отмечает Л.М. Алексеева, трактовки революции в различные исторические периоды значительно отличаются друг от друга: «они описывают разные типы устройства общества и предлагают разные модели социального развития. В самом общем виде процесс семантического варьирования метафоры РЕВОЛЮЦИИ можно сравнить с маятником: в ходе развития истории ее смысл несколько раз отклонялся от исходного и менялся на противоположный [Алексеева 2004: 8]. В. Соловей также указывает, что «слово *революция* пережило в России любопытные метаморфозы. По его употреблению и отношению к стоящему за ним понятию можно смело изучать историю страны последних ста лет» [Соловей 2016: 16].

Экспликация реального содержания концепта «революция» на данном этапе имеет принципиальное значение: во-первых, 2017 год ознаменовался важным событием – столетием Октябрьской революции, что сопровождалось многочисленными публикациями, дискуссиями и оценками столь важного для нашей страны события; во-вторых, событиями на Украине, называемыми «оранжевой революцией», революцией достоинства, а также «майданом», в-третьих, чередой «цветных революций», волна которых прокатилась по миру. Во всех случаях случае политики, политологи, представители масс-медиа стремятся определить статус произошедших событий: революция или переворот, благо или трагедия и т.п.

Важную роль в интерпретации революционных событий, происшедших в разных странах и в разные эпохи, играют масс-медиа, которые не только передают информацию, но и задают вектор ее интерпретации, формируют общественное мнение, что в итоге приводит к модификациям и трансформациям национальной концептосферы (см. подробнее в Володина 2003, Гришаева 2015, Добросклонская 2006 и др.). Одним из инструментов подобной интерпретации и оценки в масс-медиа становится концептуальная метафора, устанавливающая в сознании адресатов аналогии между новой информацией и уже имеющейся, помогающая осмыслить происходящее в терминах иных понятий-

ных областей, формирующая соответствующее эмоциональное отношение читателей к обсуждаемым проблемам.

Использование концептуальных метафор в медиадискурсе позволяет авторам избежать прямого декларирования своей позиции, навязывания своей точки зрения, оно оставляет возможность читателю интерпретировать происходящее самостоятельно (но в заданном масс-медиа направлении), т.е., по сути, создает у читателя иллюзию объективности изложения, соответственно, процесс влияния на читателя становится имплицитным, неявным, а потому и более эффективным.

Анализ российских масс-медиа XXI показал, что наблюдается существенная разница между метафорическими характеристиками революции в советских СМИ и в медиа-пространстве современной России. Центральные для коммунистической пропаганды метафоры «*Революции – локомотивы истории*» (К. Маркс), «*Революции – праздник угнетенных и эксплуатируемых*» (В.И. Ленин), «*Русская революция – цепь ярких и радостных явлений разумности*» (М. Горький) сменяются в масс-медиа интерпретацией революции как главной трагедии народа, разрушительной стихии, неизлечимой болезни, подточившей силы государственного организма. Соответственно, ведущий концептуальный вектор в оценке революции как движения к светлому будущему уступил место представлениям о жестокости и бессмысленности революции.

В публикациях, посвященных теме революции, масс-медиа регулярно используют метафоры, тем самым выстраивая аналогии между революцией и такими концептуальными сферами как «стихия», «религия», «болезнь», «театр», «война» и некоторыми другими.

Использование **метафоры стихии** позволяет масс-медиа показать спонтанность, стихийность революционных событий, а также эксплицитировать внимание на её опасности и разрушительной силе. Для этого используются метафоры, связанные со стихией огня, воздуха и воды.

Актуализировать **огненную метафору** помогают лексемы, обозначающие действия данной стихии (*вспыхнуть, гореть, пылать*), а также её проявления (*пламя, огонь, пожар*). Следует отметить, что в публицистике и литературе начала XX в. революционный пожар был мечтой пришедших к власти коммунистов, надеждой на глобальную перестройку общества, он обладал очистительной силой и уничтожал пережитки прошлого: *Мы на горе всем буржуям. / Мировой пожар раздуем, / Мировой пожар в крови - / Господи, благослови!* (А. Блок «Двенадцать»).

Современные масс-медиа отказываются от данной традиции, эксплуатируя исключительно темы разрушительности и опасности революционных пожаров: *Слишком умные умрут, они не способны выстоять в огне революций (Вечерняя Москва, 2019); Политикам, раздувающим пожар «цветной революции», против набирающей силу России (Московский комсомолец, 2019).*

Воздушные метафоры используются в масс-медиа, когда необходимо показать фатальность происходящего, бессилие человека, и представлены в масс-медиа лексемами, обозначающими движение воздушной массы разной силы – *ветер, вихрь, ураган: Режимы в 2000е годы сыпались как карточные домики от ветра «оранжевых революций» и всевозможных «весен» (Известия, 2014); А в 1906-м грайворонские крестьяне, взбунтовавшись, разгромили и сожгли имение. Революционный ураган довершил черное дело. Потомкам осталось лишь «круглое здание», которое в советское время использовалось под склад ядохимикатов (Труд-7, 2003).*

Метафорическая репрезентация революции через *водную стихию* показывает её неуправляемость и опасность для всего живого. Репрезентантами становятся субстантивы *море, океан, болото, волна, потоп, цунами* и глаголы *хлынуть, затопить, разлиться* и т.д.: *Новая революционная волна сметает врагов-исламистов (Комсомольская правда, 2013). Сирия стала форпостом, падение которого открывает шлюзы для «революционного» цунами, которое остановить будет практически невозможно (Новые ведомости, 2017).*

Метафоры стихии актуализируют такие признаки революции, как разрушительность, смертоносность, огромный масштаб действия, быстротечность. Все эти смысловые элементы не содержатся в словарном значении основного репрезентанта данного концепта, а значит, являются дополняющими, создающими определенный эмоциональный фон, выстраивающими систему оценок, которую масс-медиа транслируют читателям.

Одной из наиболее частотных метафор, характеризующих революцию, является *метафора болезни*, используемая еще в советской публицистике и продолжающая активно эксплуатироваться современными российскими масс-медиа. В советской публицистике государство, охваченное давно развивающимся заболеванием, спасается революцией как горьким лекарством, неприятным, имеющим серьезные побочные эффекты, но единственно действенным в данной ситуации. Например, Максим Горький, её сторонник, писал: *«Теперь, когда вскрыл-*

ся гнилотный нарыв полицейско-чиновничьего строя и ядовитый, веками накопленный гной растекался по всей стране, — теперь мы все должны пережить мучительное и суровое возмездие за грехи прошлого» (М. Горький. «Несвоевременные мысли»). Аналогичную интерпетацию происходящего можно встретить и у В. Набокова: *«Великое Откровение может оказаться опасней Великого Отворения Крови, сиречь Революции»* (В. Набоков. «Ада, или радости страсти»).

Современные масс-медиа, напротив, представляют революцию как тяжелейшую болезнь, угрожающую нормальному функционированию государственного организма. В метафорическом значении используются лексемы, обозначающие инфекционные заболевания: *вирус, инфекция, бактерия, бацилла, зараза, эпидемия: «Бациллы» революций разработаны в лаборатории под названием “Соединенные Штаты Америки”* (ТАСС, 2018); *«Революционную инфекцию» подхватили в Баку. Революционный вирус, метаящийся по бывшим странам СНГ, с маниакальной настойчивостью осваивает новые территории. ...В Азербайджане прошли массовые столкновения оппозиции с правоохранителями* (Newsinfo, 2005); *Вирус революции стал разрушать ткань Украины сразу во многих населённых пунктах* (Известия, 2014); *Невосприимчивость Ирана к бацилле «цветной» революции, очень заразной в других местах, вызывает у её создателей заметную неприязнь* (Евразия, 2018).

Также метафорическое значение при характеристике революции приобретают лексемы, обозначающие психические отклонения: *паранойя, шизофрения, безумие* и др.: *В начале XX века, в период глобальной революционной шизофрении, каждый, кто отказался от своего прошлого в угоду светлому будущему, оказался огретым той самой кочергой* (Русский пионер, 2019); *Поставил диагноз радикалу Бирюкову Параноидальная революционная шизофрения (Коммерсант, 2001); Ибо тяжелейшие последствия Великой Отечественной стали логическим следствием революционного безумия 1917-го* (Новостной фронт, 2018); *Таким образом, США оказались штабом мировой перманентной революции, революционная паранойя сверхдержавы стала внешней угрозой для всего мира* (Известия, 2018). Больные паранойей отличаются нездоровой подозрительностью, склонностью к выстраиванию «теорий заговора», перманентным ощущением враждебности мира. В случае, когда подобный недуг овладевает такой огромной территорией как США, возникает серьезная угроза безопасности планеты, потому что подозрения могут выливаться в ак-

тивные действия. Именно об этой особенности революционной паранойи говорится в приведенных контекстах.

Таким образом, использование метафоры болезни по отношению к революции позволяет авторам масс-медиа выстроить систему оценок, демонстрирующих опасность явления для государства, его разрушительный потенциал.

По наблюдениям политологов и культурологов, интерпретация революции посредством **религиозной метафорической модели** также имела место уже в советскую эпоху, в частности, как отмечает В. Соловей, «большевистская революция подавалась как начало новой эры человечества. Явление в мир нового Христа – Ленина – с большевистскими вождями в роли апостолов и коммунистической партией в качестве новой церкви [Соловей, 2016]. После распада Советского Союза в обществе изменилось отношение к революции и ее ценностям, соответственно, изменились и репрезентирующие ее метафоры, в современных масс-медиа революция регулярно ассоциируется с языческим божеством, требующим верных служителей-рабов и регулярных жертвоприношений: *Порожденный благими намерениями **молох Революции** еще долго не мог насытиться человеческими жертвами – и этот закон надо усвоить России на многие века* (Известия, 2017); ***Революции обязательно нужны жертвы:** «Узники Блошной» прекрасно выполняют эту функцию.* (Известия, 2014).

Метафоризируя сторонников революции как адептов, служителей жесткого божества, масс-медиа характеризуют их как одержимых идеей служения революционным идеалам фанатиков: *Я сделал свой выбор еще в 2005 году, когда **адепты Померанчевой Революции** разменяли нашу страну на заокеанские нищаки* (Горловка, 2019); *Он прочел **служителям революции** лекцию, напирая при этом на свою принципиальную аполитичность* (Известия, 2014).

В современных российских масс-медиа при характеристике революции метафоры православия постепенно вытесняются метафорами язычества, что позволяет эксплицитно разрушительный характер революции, заставляет обратить внимание на многочисленность принесенных на ее алтарь жертв и огромное количество разрушенных судеб.

Театральная метафорическая модель, задействованная в концептуализации революции в новом столетии, формируется в российских СМИ за счет активного использования для характеристики революционных процессов театральной лексики, метафорическое значение приобретают лексемы *спектакль, постановка, сценарий, акт* и др.

Исход революционного спектакля всегда известен заранее, и какое-либо стихийное внесение коррективов, не предусмотренное сценарием, не имеет шансов на воплощение. Показывая, как власти создают революционные сценарии, реализовывать который приходится политикам, масс-медиа высвечивают постановочность революционных преобразований, зачастую их заказной характер: *На Эрдогана идет очевидная атака по сценарию оранжевой революции и он вынужден защищаться такими крайними мерами* (Комсомольская правда, 2014); *Очнувшись и выйдя на сцену посреди чужой революции, Москва обнаружила себя в ситуации, где комфортных решений уже не было* (Известия, 2014).

Масс-медиа часто подчёркивают наличие скрытых сил, являющихся инициаторами происходящих событий: *Авторы этого проекта собираются рассказать о том, что происходило в России в феврале-октябре 1917 года, кто стоял за кулисами революционных событий* (Газета.ру, 2017); *Однако, еще не факт, что в итоге в выигрыше окажутся те силы, которые стоят за кулисами «революционного процесса»* (Московский комсомолец, 2005).

Именно за политическими кулисами прячутся постановщики сценического представления, политические кукловоды, в роли которых выступают американские политтехнологи: *Началась очередная «цветная революция», подогреваемая кукловодами из Вашингтона* (Аргументы и факты, 2018); *Все это происходит, прямо по книгам Джина Шарпа – американского колдуна, сценариста оранжевых революций (Колокол России, 2015)*; Интересно, а не связано ли с этим то, что *«главный сценарист оранжевой революции» на Украине (экс-советник президента США) Майкл Макфолл сейчас является послом США в РФ* (The Moscow Post, 2012); *США – активный постановщик «цветных революций» и колониальный управляющий* (На линии, 2016).

Народу при этом отводится роль массовки или зрителей: *Ведь основная массовка этих революционно-политических спектаклей – отвязанные дети, подростки и молодежь* (Наше время, 2016); *Революционная массовка – это не главный двигатель революций. Нет, массовка – это своего рода оформление измены элит. Декорация – важная, но декорация* (Новостной фронт, 2017). Во втором примере появляется дополнительная метафора декорации, подчеркивающая вторичность роли таких участников, их несамостоятельность, использование подобных участников для создания необходимого политического эффекта.

Характер революционных процессов в масс-медиа описывается метафорами разных типов представления (от театра до балагана) и представле-

ний разных жанров (от драмы до фарса), что позволяет оценить степень серьезности намерений протестующих, а также возможные последствия происходящего. В частности, события на Украине зачастую характеризуются как балаган, фарс, трагикомедия: *На практике все превращается в революционный балаган* (Ракурс, 2016); *Киев живым примером агитирует Россию против революционного фарса и позора* (Взгляд.ру, 2019).

Для характеристики тяжелых революционных последствий (Сирия, Египет, Украина, Россия) российские масс-медиа используют метафоры драмы и трагедии: *Украина пишет сегодня свои страницы революционной драмы* (Украина.ру, 2018); *Трагедия революции 1990-х в том, что она была не антикоммунистической, как это провозглашалось, а по сути антирусской, антигосударственной* (Комсомольская правда, 2002).

Подводя итоги, отметим, созидательная метафорическая модель, характерная для советского периода, сменяется в современных российских масс-медиа деструктивными метафорическими моделями стихийного бедствия, тяжелого заболевания, жесткого божества, требующего жертвоприношений. Большинство метафор акцентирует внимание на открытой конфронтации, кровопролитии и даже гибели участников революционных событий.

Превалирование метафор с негативным прагматическим потенциалом доказывает наличие у современных масс-медиа установок на создание отрицательного образа революции, т.е. на ее дискредитацию. При усваивании подобных текстов в сознании реципиентов, читателей и зрителей, формируется устойчивое отрицательное отношение к насильственным способам свержения власти, страх перед ними. В итоге политический концепт «революция» получает в официальных масс-медиа репутацию катастрофического явления, грозящего безопасноти государства. Таким образом, используя метафоры, масс-медиа имплицитно формируют изменения в оценке российским обществом революции, что в итоге приводит к модификации и дискредитации соответствующего политического концепта.

Причиной подобной стратегии масс-медиа является чёткая установка на предостережение общества от ошибок прошлого и ошибок, сделанных на данном этапе развития другими странами (Украиной, Сирией, Грузией и т.д.), а также установка на недопустимость повтора подобных событий на современном этапе, стремление сохранить существующий политический порядок.

Библиографический список

1. **Алексеева Л.М.** Метафоры революции как средство категоризации в политической лингвистике (на материале работ Н. А. Бердяева) // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. Т. 12. С. 5–13.
2. **Валгина Н.С.** Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.
3. **Вепрева И.Т.** Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олмапресс, 2005. 384 с.
4. **Володина М.Н.** Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 9–31.
5. **Гришаева Л.И.** Как в медиадискурсе информирование становится манипулированием // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 6 (717) С. 179–191.
6. **Добросклонская Т.Г.** Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33.
7. **Кондратьева О.Н.** «Словарь политических терминов с СМИ» как новый лексикографический продукт // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6(44). С. 38-50.
8. **Скляревская Г.Н.** Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. № 6. Сеул, 2001. С. 177–202 // URL <http://philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm>
9. **Соловей В.** Революtion! Основы революционной борьбы в современную эпоху. В. Соловей. М.: Эксмо, 2016. 131 с.
10. **Юдина Н. В.** Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?: монография. М.: Гнозис, 2010. 293 с.

O.N. Kondratyeva, Yu.V. Malikova

DISCREDITATION OF THE PHENOMENON OF REVOLUTION IN THE RUSSIAN MEDIADISDISCOURSE

The research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-012-00202

Abstract. Subject matter of article is the problem of modification and an discredit the Russian mass-media of one of the key political concepts having

special value for Russian linguoculture, – concepts «revolution». In research it is shown, as variation of the metaphorical models used in a mediadiscourse, leads to variation of a content and an assessment of considered concept.

Methods of metaphorical modelling and content-analysis allow to show significant growth of quantity of metaphorical models with the negative pragmatological potential, world revolutions creating a negative image. As a result the creative metaphorical model, characteristic for a soviet-era, is replaced in modern Russian mass-media destructive metaphorical models of act of nature, heavy disease, the rigid deity requiring sacrifices. The majority of metaphors brings to a focus to the open confrontation, bloodshed and even death of participants of revolutionary events.

With the perception of such metaphors in the minds of readers, a steady negative attitude is formed towards violent methods of overthrowing power, fear of them, the desire to prevent similar events in a new round of development of society in their country.

Key words: *media discourse, mediatization, discredit, conceptual metaphor, metaphorical model, revolution.*

УДК 811.22/161

В.П. Джисоева, Т.Г. Рахматулаева, Т.Ю. Тамерьян

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: БИЛИНГВАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 19-512-07002 (10-МК/19).

Аннотация. В статье на основе данных сайта парламента Республики Южная Осетия и текстов выступлений и встреч первых лиц государства анализируется билингвальная языковая специфика политического дискурса в Республике Южная Осетия и выявляются особенности осетинско-русского билингвизма на уровне стратегического переключения языковых кодов. В данной работе описываются формы и причины проявления интерференции на лексическом и морфологическом уровнях и причины интеркаляции. Определяется стратегическая и функциональная дифференциация языков, вариативность реализации которых обусловлена этнически. Рассматриваются основания проявления ритуальности в югоосетинском политическом дискурсе и факторы, определяющие вектор интерференционных явлений в билингвальной коммуникации.

Ключевые слова: *билингвизм, политический дискурс, языковая личность, коммуникативная личность, стратегия, тактика, интерференция.*

Введение. Политический дискурс рассматривается как разновидное институциональное образование, наиболее значимыми формами которого являются предвыборный, президентский, парламентский типы дискурса. Становление политического дискурса государств, возникших на постсоветском пространстве характерно сохранение национально-русского двуязычия, сложившегося исторически. В новом государстве – Республике Южная Осетия – осетино-русский билингвизм, закрепленный законом государства, активно функционирует в общественно-политической сфере и в области образования и внешних контактов.

Целью настоящей статьи является социолингвистическое исследование особенностей осетино-русского двуязычия в Республике Южная Осетия как актуального явления, влияющего на формирование национальной политической коммуникации.

Материалы и методы. Данное исследование проведено на основе материалов, фиксирующих деятельность парламента Республики Южная Осетия с привлечением текстов выступлений и встреч первых лиц государства. Ведущими методами исследования послужили семантико-когнитивный, контекстуальный подходы и приемы морфемного анализа.

Обсуждение. Югоосетинский политический дискурс развивается по модели российского политического дискурса. Политическая коммуникация в РЮО осуществляется на русском языке и на кударском говоре иронского диалекта осетинского языка. Функциональная дистрибуция русского и родного языков напрямую зависит от типа целевой аудитории и стратегической направленности общения. Несмотря на то, что в Южной Осетии сложился координативный билингвизм, интеркаляция или же интерференция в устной речи как простых носителей осетинско-русского двуязычия, так и политических деятелей стали нормой как следствие важной роли русского языка в становлении словарного фонда осетинского [Тамерьян 2009; Качмазова Тамерьян 2017; Tameryan et al.2018].

Понятие языковой личности сложилось на стыке философских, социологических и психологических взглядов на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность. Язык, по мнению И.Л. Вайсгербера, является наиболее всеобщим культурным достоянием; поскольку никто не овладевает им только благодаря собственной языковой личности, а только благодаря принадлежности к определенному языковому сообществу [Вайсгербер 2004: 81].

Языковая личность – это «углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще. Последнее сотка-

но из противоречий между стабильностью и изменчивостью, устойчивостью мотивационных предрасположений и способностью поддаваться внешним воздействиям и самовоздействию, трансформируя их результаты в перестройке отношений элементов на каждом из уровней – семантическом, когнитивном и мотивационном; между своим существованием в реальном времени и “нерелевантностью” временного параметра для идентификации личности» [Караулов 2010: 38].

Ю.Н. Караулов полагает, что «собственно языковая личность начинается не с нулевого, а с первого, лингвокогнитивного (тезаурусного) уровня, потому, что только начиная с этого уровня оказывается возможным индивидуальный выбор, личностное предпочтение, одного понятия другому. Нулевой же уровень - слова, вербально-грамматическая сеть, стереотипные сочетания (паттерны) - принимается каждой языковой личностью как данность, и любые индивидуально-творческие потенции личности не в состоянии изменить эту генетически и статистически обусловленную данность» [Караулов 2010:53].

В.И. Карасик замечает, что языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность. Коммуникативная личность – это языковая личность в ходе процессе коммуникации, в течение во взаимодействии с иной другой личностью [Карасик 2002].

Интерес к изучению языковой личности политика основывается на том, что лидер в современной политической коммуникации представляется как «метонимический знак, заменяющий группу» [Шейгал 2004: 105].

В лице одного политика может быть репрезентирована политическая партия или организация, расовая или этническая группа, социальное объединение, он может выступать как представитель сторонников определенных концепций или политических шагов. Кроме того, идиостиль и стратегические предпочтения субъекта политического дискурса реализуют систему культурно обусловленных значений, отражающих разделяемые членами социума знания, пресуппозиции и ценности.

В качестве базовых коммуникативных стратегий в политической сфере следует отметить такие стратегии, как: информационно-интерпретационная, самопрезентация, дискредитация, стратегия на понижение, стратегия на повышение и стратегия театральности. Их выделение обусловлено характерным для политического дискурса стремлением личности осуществить саморекламу, привлечь к себе внимание, необходимостью ярко представить свою политическую платформу на фоне менее эффективных, с его точки зрения, позиций других политических деятелей.

Поскольку основная функция политики - это борьба за власть, то вербальная реализация данной коммуникативной задачи направлена на привлечение наибольшего количества сторонников, что достигается посредством манифестации общих с народом идеалов.

Отметим, в частности, что словарный запас осетинского языка активно пополняется из русского. Заимствованные лексические единицы адаптируются под влиянием морфологических норм родного языка или же калькируются: *закъонджтжжг орган* «законодательный орган», *политикон партии* «политическая партия» *конституцион тжрхондон* «конституционный суд».

Диалог культур в сознании билингвов представляет собой общение образов разных культур в рамках одного сознания. Целостная картина мира осетин-билингвов и русских-монолингвов представлена двумя зонами культуры – осетинской и русской. Языковая картина мира осетин получает двуязычное выражение [Тамерьян 2010, с. 61-73].

В речи югоосетинских политиков языковые системы обоих языков иногда гибридируются, что приводит к быстрому переключению кодов с русского на осетинский во время одного и того же выступления или вклиниванию слов и фраз на другом языке.

Так, на заседании парламента при рассмотрении вопроса о запрете на ведение игорного бизнеса в республике спикер парламента манифестирует заботу о будущем молодёжи, отождествляя себя со средним и старшим поколением граждан республики:

Я выслушал: есть два аспекта, определяющих, нужно принимать закон или не нужно. <...>сама составляющая того, что наши ребята просто убивают себя, это налицо и в этом плане мах джр («мы тоже»), если честно, ныййарджытж стжм, махжн джр ис сывжлжлтж («мы тоже родители, у нас тоже есть дети»), я не могу себе позволить не реагировать на то, что завтра мой сын, возможно, пойдёт в тотализатор<...> [Парламент Республики Южная Осетия. www.parliamentroso.org.]

Анализ языковой ситуации позволил проследить и особенности выбора языка общения и тип применяемой стратегии политическим деятелем в зависимости от этнической и социальной вариативности определенных групп населения республики, с которыми он общается. Во время выступления перед осетиноговорящей аудиторией предпочтение отдается этническому языку, апеллирующему к гражданской и этнической идентичности осетин. При смешанном этническом составе функционирует русский языковой код, маркирующий неразрывную общность двух народов. Кроме того, говорящий может осуществлять пе-

реключение с осетинского языкового кода на русский, сигнализируя таким образом перенос внимания на другую этническую группу.

На одном из школьных мероприятий, посвящённых дню празднования победы в Великой отечественной войне, А.И. Бибилов, будучи спикером парламента, поблагодарил детей за праздник в честь памятной даты: на осетинском языке, не переходя на второй государственный язык, русский.

Махжн та нж сомбон, ацы ржсугъд сомбон цы нукуы уал фена хжст, жмж алы хатт джр сабырдзинады цы цжрой, цы кусой, цы архайой, уыцы амонд радтжт Хуыцау. Жмж мжнж плакатыл федтон ахжм ныхжстж. (Я желаю всем счастья в будущем! Дай Бог, чтобы мы все жили, трудились под мирным небом. Ветераны уходят, победа остаётся!). Я бы хотел, чтобы память о ветеранах осталась у нас в сердцах. И победа чтобы была за нами!) [Парламент Республики Южная Осетия. www.parliamentroso.org.]

Особенностью осетинского дискурса является ритуальность, связанная с глубинными проявлениями этнической традиции на всех уровнях коммуникации, в том числе политической. При встречах на национальных мероприятиях, независимо от общественно-политического статуса, произносится тост-молитва обращенный к покровителю мужчин – **ФХндагсар Уастырдж** в надежде на его покровительство, помощь и защиту в дороге. Данная молитва всегда проносится старшим мужчиной на осетинском языке, даже в смешанной этнической аудитории: **ФХндагсар Уастырдж, табу дХхицХн! НХ гыццыл Ирыстоны фХндХгты ХнХфыдбылыз, ХнХмаст куыд уой, хХстон машинаы цалх съл куыннХ тула ахХм арфХ дХ курХм.** (О, Покровитель путников, Уастырдж! Даруй нам такую милость, чтобы дорог Осетии не касались колеса военных машин).

Поздравление президента народу Республики Южная Осетия с Днем независимости также сопровождается традиционным для осетин благопожеланием:

Желаю нашему народу мира, единства и благополучия! Дунесфжелдисжг Стыр Хуыцау жмж Сызгъжрин Уастырджийы фжджжхст ужд нж Ирыстон жмж нж аджм! (Да благословят Великий Бог и Золотой Уастырдж нашу Осетию и наш народ!) [Агнаев 1999:147].

Газета «Хурзжрин» («Заря»), освещающая основные события жизни страны, на осетинском языке и не имеет переводной версии. Важнейшими сведениями для жителей Южной Осетии является информация о работе и состоянии Транскавказской магистрали, единственной дороги, связывающей республику с внешним миром: *Жмж та мжнж ныр джр*

Транскамы фжндаг, цжмжй жмбжлон уавжры уа, уый тыххжй жнжхъусдурд нж зайы ацы организациы жрдыгжй.- И в данный момент содержанию дороги Транскам в надлежащих условиях, эта организация уделяет особое внимание [Цалцжг цжуы Транскамы фжндаг. Хурзжрин. Как возрождается Южная Осетия.Хурзарин. [http:// new.xurzarin.ru](http://new.xurzarin.ru) > calcaeg-caeuy-transkamya-faendag. Дата обращения 30.04.2016 г.].

Празднование дня независимости Республики Южная Осетия ознаменовано билингвальным выступлением президента, характеризуемой типичными для осетинско-русского друязычия вклиниваниями фрагментов речи на русском, то на осетинском языках. Такие стратегические приемы имеют целью подчеркнуть значимость государственной независимости для южноосетинского народа и важность содействия, оказанного Россией. В речи президента реализуется стратегия самопрезентации:

Поздравляю всех вас и весь народ Республики Южная Осетия с замечательным праздником – Днем независимости! Желаю нашему народу мира, единства и благополучия! Дунесфждисжг Стыр Хуыцау жмжж Сызгъжрин Уастырджийы фждзжхст ужд нж Ирыстон жмжж нж аджм! (Да благословят Великий Бог и Золотой Уастырджи нашу Осетию и наш народ!).

Стратегия отождествления в речи политика, как правило, сопровождается билингвальной тактикой, применяемой с целью отождествления определенного политического деятеля с югоосетинским субэтносом, определенной партией или организацией, а также с гражданами РФ.

Другим обоснованием тактики вклинивания фрагмента на русском языке в речь на осетинском служит придание выразительности выступлению оратора с целью реализации стратегии единения с народом страны.

Так, зафиксировано попеременное употребление следующих осетинских и русских общественно-политических терминов и общеупотребительных выражений: *паддзахадон хицауады къабаз/ ветвь государственной власти; практически/ иууылджр; – осет.зжгъжн ис, иууылджр.- «практически наречие заимствовано из-за отсутствия эквивалента в осетинском языке, иууылджр- переведено»; махимж иумж/ в том числе; мах джр/ мы тоже; раст у /правильно, справедливо).*

На морфологическом уровне в устной речи процесс адаптации происходит в следующем направлении - к русскому корню могут прикрепляться суффиксы и окончания осетинской языковой системы, так, например: *списоктжй* (суффикс *-т-* показатель множественного числа, окончание – *жй* указывает на родительный падеж в осетинском языке); *Верховный суджн*, где *-жн* служит окончанием дательного падежа.

Закключение. Подытоживая проведенное исследование, отметим, что югоосетинский политический дискурс реализуется в различных языковых режимах в зависимости от типа аудитории и стратегических задач политика с учетом специфики осетинской традиционной культуры: коммуникация осуществляется на осетинском или русском языках, на обоих языках попеременно, и кроме того, параметры коммуникации допускают интерференцию и интеркаляцию на морфологическом и лексическом уровнях.

Библиографический список

- Агнаев Г.* Осетинские обычаи. Владикавказ: Урсдон, 1999. 172с
- Вайсгербер Л.* Родной язык и формирование духа. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 232 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7 е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Качмазова А.У., Тамерьян Т.Ю.* Этническое пространство стереотипизации «свой-чужие-свой». Владикавказ: СОГУ, 2017. 227 с.
- Парламент Республики Южная Осетия.** – URL: www.parliament/roso.org (доступно 29.07.2016)
- Тамерьян Т.Ю.* Взаимодействие культур в сознании билингвов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 61-73.
- Тамерьян Т.Ю.* Овладение вторым языком в поликультурных регионах // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2009. № 1. С. 12-18.
- Tameryan T.Yu., Zheltukhina M.R., Slyshkin G.G., Shevchenko A.V., Katermina V.V., Sausheva Y.V.* New country's political discourse: formation of speech technologies // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Т. 8. № 8. . P.11-18.

V.P. Dzhioeva, T.G. Rakhmatulaeva, T.T. Tameryan

POLITICAL DISCOURSE OF THE POST-SOVIET SPACE: ABILINGUALASPECT

The reported study was funded by RFBR and MES RSO according to the research project № 19-512-07002 (10-MK/19).

Abstract. The article analyzes bilingual language specificity of the Republic of South Ossetia political discourse and identifies features of Ossetian-Russian bilingualism at the level of strategic switching of language

codes based on the Parliament website data and the texts of speeches and meetings of the state top officials. This paper describes the forms and causes of interference manifestation at lexical and morphological levels and the causes of intercalation. Ethnically determined strategic and functional differentiation of languages is revealed. Causes affecting rituality in the South Ossetian political discourse and the factors determining the vector of interference phenomena in bilingual communication are considered.

Key words: bilingualism, political discourse, linguistic linguistic, communicative personality, strategy, tactics, interference.

УДК 811.161.

В.А. Каменева, О.Н. Горбачева

КОНТРАДИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В АСПЕКТЕ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ ЖЕНСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ГРУППЫ

Аннотация. В данной статье приведены результаты анализа лингво-визуального контекста актуализации женской гендерной группы в статичной российской социальной интернет-рекламе. Основной целью исследования ставилось доказательство невольного поддержания русскоязычной социальной рекламой устоявшихся стереотипов о женской идентичности и роли в обществе. Для верификации гипотезы были проанализированы 250 текстов статичной русскоязычной интернет-рекламы. Было доказано, что в русскоязычной социальной рекламе, направленной на борьбу с широким кругом социальных проблем, начиная от защиты окружающей среды и заканчивая соблюдением правил дорожного движения, актуализируется стереотипный образ женщины. В статье показано, как на визуальном и вербальном уровне актуализируются стереотипные, социально-значимые характеристики женщины. Результаты проведенного исследования подтвердили гипотезу о том, что в русскоязычной рекламе актуализируются устоявшиеся стереотипы «женщина-мать», «женщина-красавица» и «женщина-жертва». Данные стереотипы получают репрезентацию на вербальном и визуальном уровнях. Указанные гендерные стереотипы содержатся в текстах социальной рекламы, которая соотносится логически с таргетируемыми социальными проблемами и не связана с ними концептуально. В текстах первого типа идентифицированные стереотипы способствуют созданию запоминающегося, резко негативного или утрировано позитивного образа, привлекая общественное внимание к таргетируемой социальной проблеме и предопределяя нужную оценку.

В текстах второго типа стереотипы решают ряд задач: экономят усилия реципиента по декодированию; определяют оценку таргетированной социальной проблемы в нужном ключе и способствуют языковой экономии, что важно в связи с ограниченным объемом текстов социальной интернет-рекламы статичного типа.

Ключевые слова: *гендер, гендерный стереотип, гендерное неравенство, социальная реклама, пропаганда, манипуляция.*

Постановка проблемы. Вопросы, касающиеся социальной рекламы, рассматриваются учеными разных научных направлений на протяжении нескольких десятилетий [Быкова, 2009; Гаврилов, 2017; Горбачева, 2013; Дыкин, 2009; Каменева, 2013; Матвеева, 2016; Пискунова, 2004; Янковой, 2018; Freimuth, 1985; Lynn, 1974]. Обзор научной литературы по данному вопросу позволил сделать вывод о том, что функциональный потенциал социальной рекламы рассматривается в большинстве случаев только в положительном ключе. Не было обнаружено работ, рассматривавших социальные или лингвистические аспекты текста социальной рекламы, в которых были бы проанализированы спорные моменты, способствующие двоякой оценке эффективности социальной рекламы и ее конструктивного воздействующего потенциала.

Согласно имеющимся теоретико-практическим данным, социальная реклама - действенное средство решения широкого круга социокультурных проблем, эффективный механизм воспитания, важный ресурс для профессиональной подготовки социальных работников различных сфер. Доказано, что социальная реклама – одно из эффективных средств детабуирования и привлечения публичного внимания к социальным проблемам, в том числе к проблемам гендерного неравенства [Акулич, 2010; Барябин, 2008; Быкова, 2009; Гаврилов, 2017; Горбачева, 2013; Дыкин, 2009; Каменева, 2013; Матвеева, 2016; Пискунова, 2004; Серебрякова, 2015; Янковой, 2018; Freimuth, 1985; Lynn, 1974]. Социальная реклама, среди прочего, нацелена на тиражирование нравственных общественных ориентиров [Пискунова, 2004; Lynn 1974], помогает патриотическому воспитанию и напоминает о гражданском долге, пропагандирует соблюдение традиций, привлекает внимание общественности к социальным проблемам, социализирует молодежь, призывает соблюдать социокультурные нормы [Atkin, 2001; Evans, 1978]. При этом в большинстве работ остается без внимания то, что социальная реклама, занимая ограниченное место в интернет-пространстве в связи со спецификой рекламного контента как такового, может опираться на стереотипы, эконо-

мя усилия реципиентов. Соответственно, было выдвинуто предположение о том, что, апеллируя к чувствам реципиента, социальная реклама гиперболизирует гендерные образы и может невольно актуализировать гендерные стереотипы в общественном сознании. Как известно, коммерческая реклама в большинстве случаев формирует и транслирует гендерные стереотипы [Гоголева, 2019; Исакова, 2012; Медведева 2019].

Закономерно возник вопрос о том, справедливо ли это в отношении социальной рекламы, и действительно ли воздействующий потенциал социальной рекламы исключительно конструктивен с позиции гендерной репрезентации. Гендер в данной работе рассматривается как создаваемая социокультурная, социально-экономическая и социально-политическая идентичность мужчины и женщины, включающая их стереотипные черты и предписываемые поведенческие модели поведения в обществе [Beauvoir, 1974; Sixous, 1998; Irigaray, 1985]. Подобная трактовка понятия «гендер» в исследованиях гендерной стереотипизации позволяет объединить статичный и динамический подходы ко второму базовому понятию работы «стереотип». С позиции статичного подхода, стереотип следует рассматривать как когнитивную схему, как автоматизированное средство, при помощи которого осуществляется защита сознания от перегрузок и происходит обработка поступающей информации [Берн, 2001; Маслова, 1990]. Отметим, что подобная экономия усилий реципиента может иметь двоякие последствия в случае восприятия информации о людях, объединенных такими социально-значимыми антропоцентрическими параметрами, как гендер, раса, возраст и т.д. Так, например, используя стереотипы, реципиент опирается на схематичное, усредненное представление о женщине или мужчине. Это представление - образ, который, как правило, устойчив и эмоционально окрашен [Тер-Минасова, 2000]. Он содержит принятое и привычное отношение в определенном социуме к женской или мужской гендерной группе. При этом вся информация, которая не соответствует стереотипному представлению о женщине или мужчине, игнорируется или воспринимается негативно [Берн, 2001]. Кроме того, мы приписываем женщинам и мужчинам те черты, которые, как нам кажется, должны быть у них как у представителей той или иной группы [Tannen, 1994], позитивно оцениваем только принятые, ожидаемые модели поведения в обществе. С позиции динамического подхода, стереотип рассматривается именно как устойчивые, регулярно повторяющиеся формы поведения [Байбурин, 1985], как программы поведения, которые реализуются в поведенческом тексте [Прокудина, 2002].

Итак, в данном исследовании ставились следующие задачи: установить, эксплуатируются ли в текстах русскоязычной социальной рекламы гендерные стереотипы; провести анализ лингво-визуального контекста актуализации женской гендерной группы в российской социальной рекламе; смоделировать стереотипный образ женщины на вербальном и визуальном уровнях. Из-за ограничений по объему работ подобного плана основное внимание было уделено стереотипизации женской гендерной группы в русскоязычных текстах социальной рекламы.

Материал и методы исследования. Для решения задачи по установлению наличия или отсутствия стереотипных образов женской гендерной группы из сети Интернет было отобрано 250 текстов русскоязычной социальной рекламы. При этом был применен прием сплошной выборки. Затем использование приема направленной выборки позволило отобрать тексты русскоязычной рекламы, визуальная часть которых содержит полный или усеченный женский образ. В ходе анализа было отобрано 109 текстов, которые в свою очередь были проанализированы на предмет содержания нейтральных и стереотипных образов женщин. Как показал анализ вербально-визуальной части рекламы, из 109 рекламных текстов 54 актуализируют стереотипный образ женщины. Для решения задачи по выявлению особенностей стереотипной репрезентации женщин был проанализирован лингво-визуальный контекст актуализации женской гендерной группы в статичных текстах русскоязычной социальной интернет-рекламы.

Результаты исследования. В исследование вошли тексты социальной рекламы следующей тематики: профилактика заболеваний, отказ от вредных привычек, проблемы семьи и демографии, пропаганда многодетных семей, профилактика социального сиротства, гармония в семье, жестокость и насилие в семье, жесткое обращение с животными, толерантность, защита окружающей среды, соблюдение чистоты в городе, агитация водителей и пешеходов соблюдать правила дорожного движения, призыв пассажиров соблюдать правила поведения в общественном транспорте, пропаганда пользы чтения.

Стереотипная репрезентация женской гендерной группы была выявлена в текстах социальной рекламы следующей тематики: профилактика заболеваний, отказ от вредных привычек, проблемы семьи и демографии, пропаганда многодетных семей, профилактика социального сиротства, гармония в семье, жестокость и насилие в семье, жесткое обращение с животными, защита окружающей среды, соблюдение чистоты в городе, соблюдение правил поведения в общественном месте. Проведенный ана-

лиз позволил установить спектр доминантных стереотипных черт женщины, актуализируемых в русскоязычной социальной рекламе.

Анализ лингво-визуального контекста актуализации женской гендерной группы позволил установить, что в текстах русскоязычной социальной рекламы женщина репрезентируется в первую очередь как мать. Иными словами, чаще всего актуализируется стереотип «женщина-мать», активирующий ассоциативный ряд: «предназначение всех женщин - родить ребенка, заботиться обо всех и обо всем, сохранять жизнь и здоровье детей, животных, заботиться о сохранении природы ради будущего человечества». Данная стереотипная репрезентация женщины выявлена как в социальной рекламе, таргетирующей проблемы семьи и демографии, так и в рекламе по защите окружающей среды, борьбе с пассивным курением, борьбе с алкоголизмом. При обращении к таким темам, как пропаганда многодетных семей, профилактика социального сиротства, гармония в семье чаще всего в рекламных текстах изображается счастливая женщина-мать в кругу семьи. Как показал анализ, на первом месте при обращении к образу женщины в рекламных текстах происходит ее одностороннее, то есть стереотипное восприятие женщины только с позиции родителя. При этом подкрепление данного стереотипного образа идет и на вербальном уровне. В текстах русскоязычной социальной рекламы, затрагивающей темы по увеличению рождаемости, гармонизации отношений в семье и профилактике социального сиротства встречаем такие слова и словосочетания: «подари жизнь», «впусти в свое сердце», «любовь», «забота», «счастье».

С одной стороны, в российской лингвокультуре образ матери и хранительницы домашнего очага исключительно позитивен. Женщина – мать, хранительница домашнего очага ассоциируется с добротой, заботой, терпением, самопожертвованием. Но при этом данный образ содержит не только ряд позитивных стереотипных социально-значимых качеств женщины, но и ожидаемых поведенческих паттернов. При тиражировании подобной репрезентации у реципиентов складывается мнение, что основная ценность женщины в обществе сводится к тому, чтобы родить ребенка, а лучше нескольких. Как результат, это может привести к формированию стереотипной шкалы оценки, по которой женщина без детей будет оцениваться негативно, женщина с одним ребенком - хорошо, а женщина с несколькими детьми получать максимальное одобрение в социуме.

Как показало проведенное исследование, в текстах социальной рекламы, агитирующей против употребления алкоголя и таргетирующей проблему пассивного курения, также идет активное обращение с стереотипу «женщина-мать». На вербальном и визуальном уровнях в тек-

стах социальной рекламы указанной тематики курящая или пьющая женщина изображается негативно, как вредитель или убийца. Негативную репрезентацию имеет образ женщины, которая курит и пьет, забывая о том, что она в первую очередь будущая мать, которая с такими пагубными привычками не сможет родить здорового ребенка. На вербальном уровне наиболее часто встречаются слова и словосочетания: «лишаешь ребенка кислорода», «задушишь», «болезни», «онкология», «выкидыш», «убийца», «смерть», «разрушает тебя и твоих детей». При этом отказ от курения и трезвость встречаются в контексте со словами: «красота», «здоровье», «счастье», «долголетие», «успех».

Как отмечалось, позитивную репрезентацию получает образ женщины, которая замужем, имеет несколько детей, терпелива, готова к самопожертвованию, добра и заботлива. Отметим, что заботливость женщины подается одной из доминантных социально одобряемых характеристик женщины. При этом не столь важно, заботится ли женщина о детях, муже, о природе или бездомных животных. Так, например, в тексте социальной рекламы, призывающей беречь природу, изображено красное яблоко, испачканное сажей. Яблоко поддерживается женской рукой на фоне закопченного дыма, идущего из промышленных труб. Гендерная принадлежность не вызывает сомнений у реципиентов и определяется по форме руки и длинным, покрытым красным лаком ногтям. Подобный контекст позволяет активировать стереотипное восприятие женщины и активировать ассоциативный ряд: «женщина – забота – бережное отношение ко всему живому».

На втором месте в русскоязычных текстах социальной рекламы актуализируется стереотип «женщина-красавица», активирующий ассоциативный ряд: «предназначение всех женщин быть ухоженными, модными, здоровыми и сексуальными». В рекламных текстах, призывающих вести здоровый образ жизни, отказаться от нездоровой пищи часто встречается изображение молодой, красивой женщины, занимающейся спортом. Стереотип «женщина-красавица» активно эксплуатируется в рекламе против курения, злоупотребления алкоголем. Как показал проведенный анализ, актуализация подобного образа женщины строится по принципу антитезы. В таких рекламных текстах даются два изображения, одно – стройная и красивая женщина из фруктов и овощей, другое – полная, непривлекательная женщина из сигарет, нездоровой пищи и вино-водочной продукции. Также в текстах противопоставляются молодые, красивые женщины и постаревшие, все в морщинах, с пожелтевшей кожей от курения и алкоголя. Подобная презентация показывает альтернативу и позволяет реципиенту делать правильный выбор.

На вербальном уровне также идет противопоставление красоты и уродства, сигарет и болезненного внешнего вида, алкоголя и увядшей красоты. Среди негативных слов и словосочетаний чаще встречаются: «страшная», «разрушает», «убивает», «лишает», «увядание», «разъедает».

Как показал проведенный анализ, стереотип «женщина-красавица» также актуализируется в рекламе по защите окружающей среды, вопросам озеленения городского пространства и защите зеленых насаждений в городе. Так, например, в рекламном тексте, призывающем озеленять города, реципиент видит девушку с венком из зелени на голове и надпись «Зелень городу к лицу».

С одной стороны, использование подобного образа помогает быстрее и четче донести идею о том, что города с зелеными насаждениями прекрасны и ценны для жителей. С другой, подобная эксплуатация образа женщины может усиливать стереотипное представление о том, что красота – одно из самых ценных достоинств женщины.

На третьем месте в русскоязычной социальной рекламе актуализируется стереотип «женщина-жертва». Данная стереотипная репрезентация женщины выявлена как в социальной рекламе, таргетирующей проблемы насилия в семье, так и в рекламе, агитирующей соблюдать водителями и пешеходами правила дорожного движения, соблюдать пассажирами правила поведения в общественном транспорте.

Как правило, в рекламных текстах таргетирующей проблемы насилия в семье, женщина изображена со следами побоев на лице. С одной стороны, подобная репрезентация женщины привлекает внимание к такой табуированной теме, как насилие в семье, с другой, может способствовать закреплению ассоциаций о том, что женщина – жертва.

Подобная ситуация обстоит и с рекламой, призывающей соблюдать правила поведения в общественном транспорте. Согласно полученным данным, как правило, женщина изображается с тяжелыми сумками, беременной, с маленьким ребенком на руках, стоящей в автобусе или метро рядом с местами для пассажиров с детьми и инвалидов, на которых сидят молодые мужчины. На вербальном уровне идет активация стереотипных образов: «женщина-жертва» и «мужчина-агрессор».

Выводы. Результаты проведенного исследования позволили подтвердить гипотезу о том, что русскоязычная реклама эксплуатирует устоявшиеся стереотипы «женщина-мать», «женщина-красавица» и «женщина-жертва». Данные стереотипы актуализируются на вербальном и визуальном уровнях. Данные стереотипы актуализируются не только в текстах социальной рекламы, соотносимой логически с таргетируемыми социальными проблемами.

В текстах социальной рекламы соответствующей тематики данные стереотипы способствуют созданию яркого, запоминающегося, резко негативного или утрировано позитивного образа, привлекая общественное внимание к соответствующей социальной проблеме и предопределяя нужную оценку.

В текстах социальной рекламы, концептуально не связанных с исследуемыми стереотипами: «женщина-мать», «женщина-красавица», «женщина-жертва», стереотипы решают ряд задач: экономят усилия реципиента по декодированию; способствуют языковой экономии, что важно в связи с ограниченным объемом текстов интернет-рекламы статичного типа; предопределяют оценку таргетируемой социальной проблемы в нужном ключе.

Исследование позволило подтвердить гипотезу о том, что социальная реклама гиперболизирует гендерные образы и актуализирует определенные гендерные стереотипы в общественном сознании из-за экономии когнитивных усилий реципиентов и обращения к их эмоциям.

Библиографический список

1. **Акулич К.В.** Социальная реклама в современной России как социально-политическая проблема // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. 2010. № 1. С. 213-215.

2. **Байбурин А.К.** Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 7 - 12.

3. **Барябин А.В.** Социальные функции рекламы как феномена повседневной культурной коммуникации // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. № 2 (15). С. 106-110.

4. **Берн Ш.** Гендерная психология. М.: Олма-Пресс, 2001. 320 с.

5. **Быкова Н.В.** Социальная реклама как инструмент социальной помощи населению России // Труд и социальные отношения. 2009. № 11. С. 104-108.

6. **Гаврилов В.В.** Российская социальная реклама как фактор управления социально-экономическими процессами: проблемы, возможности, эффективность // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 11. С. 35-38.

7. **Гоголева Е.Н.** Гендерные стереотипы в телевизионной рекламе как отражение гендерного неравенства // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 77-86. яю

8. **Горбачева О.Н.** Воздействие социальной интернет-рекламы посредством лексических стилистических средств // Вестник Челябин-

ского государственного университета. 2013. № 35 (326). Филология. Искусствоведение. Вып. 85. С. 47-50.

9. **Дыкин Р.В.** Эффективность социальной рекламы: некоторые аспекты проблемы // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009, №1. С. 141-149.

10. **Исакова И.А.** Транспортная реклама: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 89-96.

11. **Каменева В.А.** Манипуляция и/или пропаганда? Функциональные особенности социальной рекламы // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 35-39.

12. **Маслова Е.В.** Сознание и бессознательное и их роль в психической деятельности человека: автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1990. 20 с.

13. **Матвеева Т.Н.** Место социальной рекламы и PR в профессиональной подготовке специалистов социальной работы // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 9 (391). С. 104-109.

14. **Медведева Е.И.** Гендерные стереотипы и неомифологизмы в рекламе автомобилей // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 87-96.

15. **Пискунова М.И.** Социальная реклама как феномен общественной рефлексии // Паблик рилейшнз и реклама в системе коммуникаций. М., 2004. С. 171-194.

16. **Прокудина О.Н.** Гендерный дискурс – анализ речевых стратегий женской языковой личности: (на материале русской и английской диалогической речи): автореф. дис. канд. филол. наук. Кемерово, 2002. 19 с.

17. **Серебрякова М.В.** Социальная интернет-реклама: ценностно-ориентированные дискурсивные практики // Известия Уральского федерального университета. 2015. № 2(138). С. 97-100.

18. **Тер-Минасова С.Г.** Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 261 с.

19. **Янковой Н.Л.** Социальная реклама как механизм продвижения социокультурных ценностей в общественное сознание // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 6. С. 58-67.

20. **Atkin C.** Impact of public service advertising: Research evidence and effective strategies. Oregon, 2001. 47 p.

21. **Beauvoir S. de.** The second sex. New-York: Vintage Books, 1974. 814 p.

22. **Cixous H.** Stigmata: escaping texts. Essays. English. Selections. London; New York: Routledge, 1998. 198 p.

23. **Evans R.** Planning public service messages: An application of the Fishbein model and path analysis // Journal of Advertising, 1978. Vol. 7. № 3. P. 28-34.

24. **Freimuth V.S.** Developing the public service advertisement for nonprofit marketing // *Advances in Nonprofit Marketing*. Greenwich: JAI Press Inc., 1985. P. 55-93.

25. **Irigaray L.** *This sex which is not one*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1985. 223 p.

26. **Lynn J.R.** Effects of persuasive appeals in public service advertising // *Journalism Quarterly*, 1974. Vol. 51. P. 622-630.

27. **Tannen D.** *Gender and discourse*. New York: Oxford University Press, 1994. 203 p.

Образцы материала

<https://1soc.ru/>
<https://www.baby.ru/blogs/post/1624495-192592/>
<http://edu.zelenogorsk.ru/wordpress/wp-content/uploads/2012/02/9F2F0C85FC5D.jpg>
<http://sociama.ru/stati/kto-zakazyvaet-sotsialnuyu-reklamu-v-rossii/>
<http://prt34.uszn032.ru/deyatelnost-uchrezhdeniya/sotsialnaya-reklama.php>
<https://1soc.ru/news/view/2333>
<https://mgimo.ru/about/news/smi/36992/>
<https://www.sostav.ru/news/2008/05/22/r6/>
<https://academ.info/news/22894>
<http://sociama.ru/stati/kto-zakazyvaet-sotsialnuyu-reklamu-v-rossii/>
<http://www.xn——7sbtmejxqgdjgx6b2ixah.xn—p1ai/2019/07/18/mama-spasibo-za-vybor/>

V.A. Kameneva, O.N. Gorbacheva

CONTRADICTION POTENTIAL OF RUSSIAN-SPEAKING SOCIAL ADVERTISING IN ASPECT OF STEREOTYPIZATION OF FEMALE GENDER GROUP

Abstract. *This article presents the results of the analysis of the linguistic-visual context of the female gender group image in static Russian social advertising. The main goal of the study was to prove unintentional maintenance of established stereotypes about female role and identity by Russian-speaking social advertising. To verify the hypothesis, 250 texts of static Russian-language Internet advertising were analyzed. It was proven that in Russian-language social advertising aimed at combating a wide range of social problems (from environmental protection to compliance with traffic rules) a stereotyped image of a woman can be identified. The article shows how stereotypic, socially significant characteristics of a woman*

are represented at the visual and verbal level. The results of the study confirmed that the stereotypes “woman-mother”, “woman-beauty” and “woman-victim” are used in Russian-language advertising. These stereotypes are represented at the verbal and visual levels. These gender stereotypes are contained in the social advertising, which correlates logically with the targeted social problems and which is not conceptually related to them. In the texts of the first type, the identified stereotypes contribute to the creation of a memorable, extremely negative or positive image, drawing public attention to the targeted social problem and predetermining the desired assessment. In texts of the second type, stereotypes solve a number of problems: save the recipient’s efforts in decoding; predetermine the assessment of the targeted social problem in the right way and contribute to language savings, which is important due to the limited volume of the static online social advertising texts.

Key words: gender, gender stereotype, gender inequality, social advertising, propaganda, manipulation.

УДК 811.161.1’37

Т.Д. Каневская

КОНЦЕПТ «ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье анализируется концепт «эмоциональный человек» в русском языковом сознании. По данным толковых словарей русского языка выявляется и описывается семантическое поле «эмоциональный человек» в русском языке. На основе анализа речевого материала – романов Л.Н. Толстого «Война и мир» и Ф.М. Достоевского «Идиот» – выявляются средства создания речевой экспрессии и показатели аффективного состояния, используемые Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским при изображении вербального и невербального коммуникативного поведения Наташи Ростовой и Ипполита Терентьева, а также используемые Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским для описания этих персонажей в авторской и несобственно-прямой речи лексем, составляющие семантическое поле «эмоциональный человек» в русском языке.

Ключевые слова: концепт «эмоциональный человек», семантическое поле «эмоциональный человек», Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Наташа Ростова, Ипполит Терентьев.

Введение. Одним из коммуникативных типажей, важных для русской национально-речевой и национально-коммуникативной культуры, одновре-

менно – лингвокультурным концептом, имеющим четко выраженные понятийный, образный и ценностный аспекты, отраженным в русском языке и речи, является концепт «эмоциональный человек» (КЭЧ).

Несмотря на активное развитие лингвокультурологии [Бульгина, Шмелев 1997; Вежбицкая 1996; Воркачев 2001; Карасик, Дмитриева 2005; Красных 2003], данный концепт, насколько нам известно, еще не стал объектом специального лингвистического исследования.

КЭЧ образуют, во-первых, лексемы, составляющие семантическое поле «эмоциональный человек» в русском языке, во-вторых, находящееся в языковой и коммуникативной компетенции носителей языка обобщенное представление об эмоциональном человеке и характерном для него поведении. Мы считаем, что в произведениях русской художественной литературы широко отображены те, кого можно считать эмоциональными людьми. К ним относятся персонажи, при описании и авторской характеристике которых в авторской и несобственно-прямой речи (а также в оценках, даваемых им другими персонажами) используются лексемы, составляющие семантическое поле «эмоциональный человек» в русском языке, и вербальное и невербальное коммуникативное поведение которых содержит значительное количество показателей аффективного состояния:

- на лексическом уровне – ярко положительно оценочная лексика и фразеология и ярко отрицательно оценочная лексика и фразеология, модальные (лексические, морфологические, синтаксические) средства выражения эмоционального отношения говорящего к предмету речи, аффективы: междометия, эмоциональные частицы, на синтаксическом уровне – экспрессивная редупликация (повторы), неполные предложения, аффективные паузы и паузы гезитации, инверсия, осложнения интенсификаторами-аффективами: вводными конструкциями, междометиями, эмоциональными частицами;

- на прагматическом уровне – выбор конфликтных речевых жанров (*ссора, скандал, разрыв отношений*) и конфликтных речевых внутрижанровых стратегий и тактик (*злопожелание, обвинение, оскорбление, упрек, угроза*) а также речевых жанров и внутрижанровых стратегий и тактик интенсивного положительного эмоционального воздействия (*признание в любви, комплимент, похвала*), резкая и внезапная смена темы, типа высказывания и речевого жанра и – особенно – смена положительной оценки на отрицательную и наоборот, на фонетическом уровне – ярко выраженная необычная, нехарактерная для ситуации и высказывания такого типа интонационная окраска речи, отмечаемая

автором: *громко, визгливо, хрипло, задыхаясь* либо, наоборот, *неестественно спокойно, бесстрастно*, на уровне невербальных компонентов коммуникации – резкие, порывистые, не обусловленные ситуацией и прагматическими факторами и неожиданные движения, жесты, интенсивность мимики, жестикуляции выше нормы либо, наоборот, значительно ниже нормы.

Семантическое поле «эмоциональный человек» в русском языке

По данным толковых словарей русского языка нами было выявлено семантическое поле «эмоциональный человек» в русском языке.

Рассматриваемое семантическое поле образуют, прежде всего, прилагательные, характеризующие человека (*эмоциональный, нервный, страстный, вспыльчивый, чувствительный* и *чувственный, истеричный, неуравновешенный, экзальтированный, импульсивный, экспансивный*, или такие метафоры, как *горячий, пылкий*).

Существительные часто воспринимаются не только как редкие, но и как не очень естественные для русского языка словообразовательные производные именно от таких прилагательных: *невротик, истерик* (или *истероид*).

Кроме того, для данного поля являются важными глаголы, их производные (деепричастия) и слова состояния (предикативные слова, наречия, глаголы состояния, деепричастия и т.д.), называющие как эмоциональные действия, поступки, из которых, собственно, и состоит поведение эмоционального человека, так и признаки таких действий или добавочные действия – это как однократные действия, так и продолжительные действия и состояния.

«Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. - Абрамова (Internet-вариант) дает к слову *эмоциональный* следующие синонимы: *вдохновенный, взволнованный, возбужденный, воодушевленный, восторженный, исступленный, одушевленный, самозабвенный, трепетный, упоенный, фанатический, фанатичный, экспрессивный*.

Основным объектом лексико-семантического анализа для нас стал Большой академический словарь (БАС); в основном мы опираемся на его данные; в ряде случаев нами привлекались другие словари: Малый академический словарь (МАС), словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, словарь Д.Н. Ушакова.

Словари дают, с одной стороны, достаточно подробное и детальное членение качеств эмоционального человека и его поведения; с другой стороны, эти признаки часто толкуются друг через друга, при этом широко используются метафоры (чаще всего – *горячий* и *пылкий*), что, на

наш взгляд, является препятствием для ясного представления данного понятия, и отсутствует базовое однословное понятие, которое соответствовало бы четкому ядру данного семантического поля. Однозначно не относятся к данному полю, по данным словарей, *психопат* и *невротик*: они толкуются только как специальные физиологические термины, обозначающие болезненные состояния. Как такой же специальный психологический и физиологический термин толкуется и *холерик*.

Компонентный анализ лексем, составляющих семантическое поле «эмоциональный человек» в русском языке (прилагательные *эмоциональный, нервный, вспыльчивый, чувствительный (чувственный), истеричный (истерический), неуравновешенный, горячий*, выявил ряд сем (семантических компонентов), по нашему мнению, наиболее актуальных для ядра данного поля и в наиболее полной степени характеризующих эмоционального человека и его поведение, с точки зрения русской национальной культурно-языковой картины мира: это тот, кто (1) глубоко, сильно чувствует и (2) активно выражает свои чувства, тот, кто (3) принципиально неспособен (в данный момент) к интеллектуальной деятельности, рационально-логической оценке ситуации, кто (4) действует вопреки логике или здравому смыслу; в то же время это не пассивное, а (излишне) активное состояние. Эмоциональный человек (4) не думает об интересах собеседника, поэтому может казаться чрезмерно эгоистичным или невежливым или неудобен, доставляет собеседнику дополнительные трудности в общении. Эмоциональный человек противопоставлен «просто» человеку в смысле – нормальному человеку, и то, как он чувствует и как он себя ведет, предстает как (6) отступление от нормы.

Анализ текстового материала. Выбор текстового материала – романов Л.Н. Толстого «Война и мир» и Ф.М. Достоевского «Идиот» – продиктован рядом соображений. Во-первых, мы стремились к тому, чтобы дать по возможности комплексное представление об эмоциональном человеке, при этом эмоциональном мужчине и эмоциональной женщине; рассматриваемые художественные тексты в этом отношении имеют не только то преимущество, что это яркие высокохудожественные образы, но и то, что данные персонажи представлены в своих разнообразных коммуникативных и некоммуникативных проявлениях, подробно, в различных ситуациях, авторы изображают своих героев с сочувствием, много внимания уделяют их внутреннему миру.

Хотя выражение *эмоциональный человек* фактически отсутствует при характеристике обоих персонажей, авторы привлекают чрезвычайно

широкий набор средств языка – как общеупотребительных, так и не-общеупотребительных, используя как оценочную (положительно– и отрицательно) номинацию самих героев, так и качеств их характера, мышления, чувств, поведения. Представляют большой интерес названия их коммуникативных действий, стратегий и тактик, речевых жанров, событий и поступков, которые можно найти в текстах.

Во-вторых, высокая эмоциональность данных героев очевидна и всё время подчеркивается авторами: Наташа Ростова – человек, который «живет чувствами», и это очень важно для Толстого, в этом отношении противопоставление людей, живущих чувствами, обладающих непосредственной витальной энергией, и людей, руководящихся в жизни рациональным рассудком, оказывается для автора в целом гораздо важнее, чем деление людей на социальные классы, русских и французов и т.д.

Ипполит – трагический образ: это тяжелобольной человек, знающий, что ему вскоре предстоит умереть, несмотря на совсем юный возраст, при этом он сильно и безответно влюблен в Аглаю Епанчину. По этим причинам это человек явно и очевидно высокоэмоциональный. Он болезненно восприимчив к словам и мнениям окружающих, очень часто он ведет себя истерично, беспричинно агрессивно, нелогично и после до боли стыдится самого себя. Эти его особенности, вместе с физической болезненностью, вообще являются его главными (по крайней мере, наиболее заметными) отличительными чертами.

При описании персонажей мы опираемся на методику К.Ф. Седова, который разработал систему критериев портретирования языковой личности: социально-психологические параметры (темперамент и своеобразие функциональной асимметрии головного мозга, оппозиции: доминантность / недоминантность, мобильность / ригидность, экстраверсия / интроверсия); тип речевой культуры; профессия; используемые речевые жанры, а также вариативность речевого поведения языковой личности внутри жанрового сценария; языковая личность в информативном общении; языковая личность в речевой фатике; языковая личность по доминирующей установке на собеседника; статусно-ролевая дифференциация дискурсивного поведения [Седов 1999; см. также о принципах речевого портретирования: Ерофеева 1990].

Наташа Ростова, которую в начале мы видим тринадцатилетней беззаботной девочкой, а в конце – любящей женой и матерью, является в целом одним из самых ярких образов в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого. Живой, импульсивный «детский» склад Наташи способствует

ет включению ее без остатка в события, происходящие в данный момент. Именно с этим, пожалуй, связано то восхищенное обожание, которым окружают этот образ читатели. Впервые Наташа появляется на страницах произведения как «живая» девочка. Она находится *в том милом возрасте, когда девочка уже не ребёнок, а ребенок еще не девушка*. Любимица семейства Ростовых, Наташа и сама полна любви и ласки к окружающим. Случайно подсмотрев объяснение в любви Николая и Сони, она по-детски подражает им, просит Бориса поцеловать ее и спрашивает его: «Навсегда? до самой смерти?». Она уверена, что жизнь – это сплошной праздник, а весь мир – чудесная гармония. «Порох», «зелье девка», «казак» – так характеризуют ее другие люди.

Подрастая, Наташа превращается в обаятельную девушку, на которую обращают внимание благодаря ее жизнерадостности и непосредственности. С открытой душой Наташа Ростова принимает жизнь в ее богатстве и красоте. Ей чуждо желание постоянно сравнивать свои поступки с действиями других людей, ее не волнует мнение окружающих. В качестве внутреннего «ограничителя» этот принцип для нее просто не существует. И происходит это отнюдь не потому, что Наташа намеренно отвергает какие-либо жизненные нормы, просто она обладает духовной свободой и непосредственностью, которые начали проявляться с раннего детства. Девушка живет больше сердцем и чувствами, чем головой, рассудком. Пьер говорит о ней, что она *не умеет писать, потому что не могла постигнуть возможности выразить в письме правдиво хоть одну тысячную долю того, что она привыкла выражать голосом, улыбкой и взглядом*. Девушка не умела скрывать своих чувств и не понимала и не замечала, как это делают другие.

Самым сильным чувством для Наташи на протяжении всего романа является любовь. Любовь к отцу и матери, к Андрею, а позже к Пьеру, к Николаю и Соне. Каждое чувство отличается от другого, но все они глубоки и правдивы.

В эпилоге читатель, к своему удивлению, видит в Наташе примерную жену и мать, нашедшую свое счастье в семейной жизни. Она сильно изменилась по сравнению с девической порой своей жизни. *Черты лица ее определились и имели выражение спокойной мягкости и ясности*, но в ней не было уже огня того оживления, которое составляло ее прелесть раньше. Все ее интересы теперь сосредоточены на своем дому, муже, детях. Вне этого круга жизни для нее не существует.

На примере Наташи Ростовой Толстой показал, в чем, с его точки зрения, заключается предназначение женщины: каждая женщина, несмотря на ум, социальное положение, «живость» и стремление утвердиться в обществе, прежде всего предназначена для роли матери и жены.

Ипполит по понятной причине одержим идеей собственной смерти: бессердечный молодой врач объявил, что жить ему осталось лишь несколько недель. Страх смерти у него, однако, глубочайшим образом связан с боязнью унижения: Ипполит стыдится своего положения сына любовницы генерала Иволгина. Герой одержим мыслью о том, что думают о нем окружающие. Он выдает свои опасения, что собравшиеся презирают его за его чистосердечные излияния; он мучится тем, что не оставил никакого следа в мире. Его постоянная забота о том, каким его представляют люди, смещается в метафизический план, когда он сравнивает свое положение с положением Христа. Он воспринимает смерть Христа как торжество природы – более того, как насмешку природы: «зачем она создает самые лучшие существа с тем, чтобы потом насмеяться над ними?» Ипполит не может принять униженного Бога.

Языковые средства в изображении Наташи Ростовой и Ипполита Терентьева и их поведения в репликах персонажей и авторской речи

Анализ материала показывает, что при изображении своих героев Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский активно используют все средства создания речевой экспрессии и показатели аффективного состояния в речи и поведении эмоционального персонажа:

· ярко положительно оценочная лексика и фразеология и ярко отрицательно оценочная лексика и фразеология:

Ах, какая прелесть! Да проснись же, Соня, – сказала она почти со слезами в голосе. – Ведь такой прелестной ночи никогда, никогда не бывало.

Оставь, оставь меня. Я ненавижу тебя.

– Наташа! – испуганно взывала Соня.

– Ненавижу, ненавижу! И ты мой враг навсегда!

– Молчи, Петя, какой ты дурак!...

– Откладывает... ей нельзя, понимаю, понимаю... – перебил Ипполит, – как бы стараясь поскорее отклонить разговор. – Кстати, говорят, вы сами читали ей всю эту галиматью вслух; подлинно, в бреду написано и... сделано.

– Насчет статьи, – визгливо подхватил Ипполит, – насчет этой статьи я вам уже сказал, что я и другие не одобряем ее! Написал ее вот он, написал неприлично, согласен, написал безграмотно.

– **Вы ординарность напыщенная, ординарность не сомневающаяся и олимпийски успокоенная; вы рутина из рутин! Ни малейшей собственной идеи не суждено воплотиться ни в уме, ни в сердце вашем никогда. Но вы завистливы бесконечно; вы твердо убеждены, что вы величайший гений, но со – И впрямь... – согласился он тотчас же, как бы задумываясь, – пожалуй, еще скажут... да черт ли мне в том, что они скажут! Не правда ли, не правда ли? мнение всё-таки посещает вас иногда в черные минуты, и вы злитесь и завидуете.**

· модальные (лексические, морфологические, синтаксические) средства выражения эмоционального отношения говорящего к предмету речи, в том числе аффективы:

– **Соня! Соня!** – послышался опять первый голос. – **Ну как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ах, какая прелесть! Да проснись же, Соня, – сказала она почти со слезами в голосе. – Ведь такой прелестной ночи никогда, никогда не бывало.**

– **И впрямь...** – согласился он тотчас же, как бы задумываясь, – **пожалуй, еще скажут... да черт ли мне в том, что они скажут! Не правда ли, не правда ли?**

– **Впрочем, если не любишь человека, зачем ему дурного желать, не правда ли?**

– **Вы однако ж протянули мне руку? Стало быть, знаете, что я вам искренно ее пожимаю?.. Пожалуй, я не буду больше пить.**

· на синтаксическом уровне: экспрессивная редупликация (повторы), неполные предложения (в художественном отображении диалога – парцелляция), аффективные паузы и паузы хезитации, инверсия, осложнения интенсификаторами-аффективами: вводными конструкциями, междометиями, эмоциональными частицами, риторические вопросы и риторические обращения:

– **Не хотите? Ну, так подите сюда, – сказала она и глубже ушла в цветы и бросила куклу. – Ближе, ближе! – шептала она.**

– **Опять, опять!** – перебила Наташа.

– **Ведь такой прелестной ночи никогда, никогда не бывало.**

– **Так это вы... вы были, вы?**

– **Если вы думаете, что тут... что-нибудь таинственное или... запрещенное... одним словом...**

Господа, я... однако все эти господа и не слушают... я намерен прочесть одну статью, князь; закуска, конечно, интересное, но...

· на прагматическом уровне: резкая и внезапная смена темы, типа высказывания и речевого жанра (часто сопровождающиеся переби-

вом собеседника) и – особенно – смена положительной оценки на отрицательную и наоборот:

– Вы влюблены в меня? – **перебила** его Наташа.

Вбежав в Сонину комнату и не найдя там свою подругу, Наташа пробежала в детскую – и там не было Сони. Наташа поняла, что Соня была в коридоре на сундуке. Сундук в коридоре был местом печалей женского молодого поколения дома Ростовых. Действительно, Соня в своем воздушном розовом платье, приминая его, лежала ничком на грязной полосатой няниной перине, на сундуке и, закрыв лицо пальчиками, навзрыд плакала, подрагивая своими оголенными плечиками. **Лицо Наташи, оживленное, целый день именинное, вдруг изменилось:** глаза ее остановились, потом содрогнулась ее широкая шея, углы губ опустились.

– Соня! что ты?... Что, что с тобой? У-у-у!...

И Наташа, распустив свой большой рот и сделавшись совершенно дурною, **заревела, как ребенок, не зная причины и только оттого, что Соня плакала.**

Ипполит **вспыхнул.** У него было мелькнула мысль, что князь притворяется и ловит его; но взглядевшись в лицо его, он не мог не поверить его искренности; лицо его **прояснилось.**

– Господа, это... это вы увидите сейчас что такое, – прибавил для чего-то Ипполит **и вдруг начал чтение:** «Необходимое объяснение». Эпиграф: «Après toi le déluge»... **Фу, чорт возьми! – вскрикнул он, точно обжегшись: – неужели я мог серьезно поставить такой глупый эпиграф?.. Послушайте, господа!.. уверяю вас, что всё это в конце-концов, может быть, ужаснейшие пустяки! Тут только некоторые мои мысли... Если вы думаете, что тут... что-нибудь таинственное или... запрещенное... одним словом...**

– Так... не читать? – прошептал он ему как-то опасливо, с кривившеюся улыбкой на посиневших губах: – не читать? – пробормотал он, обводя взглядом всю публику, все глаза и лица, и как будто цепляясь опять за всех с прежнею, точно набрасывающеюся на всех экспансивностью: – вы... боитесь? – повернулся он опять к князю. ...

– **Читать!** – прошептал Ипполит, как будто раздавленный решением судьбы; он не побледнел бы более, если б ему прочли смертный приговор. – **А впрочем, – вздрогнул он вдруг, помолчав с полминуты, – что это? Неужели я бросал сейчас жребий? – с тою же напрашивающеюся откровенностью осмотрел он всех кругом. – Но ведь это удивительная психологическая черта! – вскричал он**

вдруг, обращаясь к князю, в искреннем изумлении: – это... это непостижимая черта, князь! – подтвердил он, оживляясь и как бы приходя в себя: – это вы запишите, князь, запомните, вы ведь, кажется, собираете материалы насчет смертной казни... Мне говорили, ха-ха! О, боже, какая бестолковая нелепость! – Он сел на диван, облокотился на стол обоими локтями и схватил себя за голову. – Ведь это даже стыдно!.. А чорт ли мне в том, что стыдно, – поднял он почти тотчас же голову. – Господа! Господа, я распечатываю пакет, – провозгласил он с какою-то внезапною решимостью, – я... я, впрочем, не принуждаю слушать!..

Речевые жанры и внутрижанровые речевые стратегии и тактики:

· оскорбление: *вы тип и воплощение, олицетворение и верх самой наглой, самой самодовольной, самой пошлой и гадкой ординарности! Вы ординарность напыщенная, ординарность не сомневающаяся и олимпийски успокоенная; вы рутина из рутин!*

· угроза: *Во-первых, предрекаю вам, что вы не достигнете известной особы...*

· объявление о разрыве отношений: – **Ненавижу, ненавижу! И ты мой враг навсегда!**

· на фонетическом уровне: ярко выраженная необычная, нехарактерная для ситуации и высказывания такого типа интонационная окраска речи, отмечаемая автором:

– Соня! что ты?... Что, что с тобой? У-у-у!...

– Видите?... Кукла... Мими... Видите.

И Наташа не могла больше говорить (ей всё смешно казалось).

– Ипполит Терентьев, – **неожиданно, визгливым голосом провизжал последний.**

На Ипполита же слова эти произвели впечатление ужасное: он так задрожал, что князь протянул было руку, чтобы поддержать его, и он наверно бы вскрикнул, если бы видимо не оборвался вдруг его голос. Целую минуту он не мог выговорить слова и, тяжело дыша, все смотрел на Рогожина.

– Так... не читать? – **прошептал** он ему как-то опасно, с кривившеюся улыбкой на посиневших губах

– Завтра «времени больше не будет»! – **истерически усмехнулся Ипполит.**

· на уровне невербальных компонентов коммуникации: резкие, порывистые, не обусловленные ситуацией и прагматическими фактора-

ми и неожиданные движения, жесты, интенсивность мимики, жестикуляции выше нормы либо, наоборот, значительно ниже нормы:

Вывернувшись от отца, она подбежала к матери и, не обращая никакого внимания на ее строгое замечание, спрятала свое раскрасневшееся лицо в кружевах материнной мантильи и засмеялась. Она смеялась чему-то, толкая отрывисто про куклу, которую вынула из-под юбочки.

– Видите?... Кукла... Мими... Видите.

И Наташа не могла больше говорить (ей всё смешно казалось). Она упала на мать и расхохоталась так громко и звонко, что все, даже чопорная гостья, против воли засмеялись.

Лицо Наташи, оживленное, целый день именинное, вдруг изменилось: глаза ее остановились, потом содрогнулась ее широкая шея, углы губ опустились.

– Соня! что ты?... Что, что с тобой? У-у-у!...

И Наташа, распустив свой большой рот и сделавшись совершенно дурною, заревела, как ребенок, не зная причины и только оттого, что Соня плакала.

Ипполит сильно поморщился

– Так... не читать? – прошептал он ему как-то опасливо, с кривившеюся улыбкой на посиневших губах

– Есть у кого-нибудь двугривенный, двадцать копеек? – вскочил вдруг

Ипполит со стула, точно его сдернули: – какая-нибудь монетка?

И во взгляде его мелькнула вдруг бесконечная ненависть, не смотря на всё еще не унимавшуюся в нем дрожь от испуга.

– А если так, то позвольте мне сесть, – прибавил Ипполит, преспокойно усаживаясь на стуле, на котором сидел генерал, – я ведь всё-таки болен; ну, теперь готов вас слушать, тем более, что это последний наш разговор и даже, может быть, последняя встреча.

Ганя побледнел, дрожал и молчал. Ипполит остановился, пристально и с наслаждением посмотрел на него, перевел свои глаза на Варю, усмехнулся, поклонился и вышел, не прибавив более ни единого слова.

Результаты анализа представлены в таблице. Отметим, что в списке лексем нами указаны только прилагательные, но в соответствующей графе ставится «плюс» и в том случае, если при характеристике персонажа было использовано прилагательное, и в том случае, если было использовано образованное от него наречие (это же касается и образованных от прилагательного существительных, однако такие случаи очень редки, напри-

мер, *экспансивный* → *экспансивность*). Глаголы, образованные от прилагательных и существительных, вынесены в отдельные графы.

лексема	характеристика Наташи	характеристика Ипполита
<i>эмоциональный</i>	–	–
<i>нервный</i>	–	+
<i>страстный</i>	+	–
<i>вспыльчивый</i>	–	–
<i>вспылить</i>	–	–
<i>чувствительный чувственный</i>	–	+
<i>истеричный истерический</i>	–	+
<i>неуравновешенный</i>	–	–
<i>экзальтированный</i>	–	–
<i>импульсивный</i>	–	–
<i>экспансивный</i>	–	+
<i>горячий</i>	+	+
<i>горячиться</i>	+	+
<i>пылкий</i>	–	–
<i>плакса</i>	–	–
<i>злока злочка</i>	–	+
<i>психопат</i>	–	–
<i>холерик</i>	–	–
<i>эпилептоид</i>	–	–
<i>порох</i>	+	–

Итак, анализ материала показывает, что при изображении своих героев Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский активно используют все средства создания речевой экспрессии и показатели аффективного состояния в речи и поведении эмоционального персонажа и далеко не все лексемы, составляющие семантическое поле «эмоциональный человек» в русском языке. Ни выражение *эмоциональный человек*, ни прилагательное *эмоциональный* не встречаются у Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского при описании Наташи и Ипполита (как и при описании других персонажей). При этом Ф.М. Достоевский, характеризуя в своей авторской и несобственно-прямой речи Ипполита, использует достаточно много лексем, относящихся к ядру данного поля; Л.Н. Толстой, характеризуя в своей авторской и несобственно-прямой речи Наташу, не использует лексем, относящихся к ядру данного поля – только к периферии.

Список словарей

БАС – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948 – 1965. Т. 1-17.

МАС – Словарь русского языка. М., 1981 – 1984. Т. 1-4.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.; Л., 1948. Т. 1-4.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринт. изд. СПб., 1996. Т. 1-4.

Библиографический список

Берлиоз С.В. Эмоциональность слова (фразеологические единицы) в плане дихотомии «язык-речь» // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып.2

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. / Пер. с англ. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1. С.64–72.

Ерофеева, Т.И. Речевой портрет говорящего / Т.И. Ерофеева // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990

Карасик, В.И., Дмитриева, О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В.И. Карасик, О.А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5-25.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 262с.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. – 375с.

Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. – 179 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

T.D. Kanevskaya

THE CONCEPT OF “EMOTIONAL PERSON” IN RUSSIAN

Abstract: The article analyzes the concept of “emotional person” in the Russian language consciousness. According to the explanatory dictionaries

of the Russian language, the semantic field “emotional person” in Russian is identified and described. Based on the analysis of speech material – novels by L.N. Tolstoy «War and Peace» and F.M. Dostoevsky’s “Idiot” – the means of creating speech expression and indicators of affective state used by L.N. Tolstoy and F.M. Dostoevsky in portraying verbal and non-verbal communicative behavior of Natasha Rostova and Ippolit Terentyev, as well as those used by L.N. Tolstoy and F.M. Dostoevsky to describe these characters in the author’s and improperly direct speech lexemes that make up the semantic field «emotional person» in Russian.

Key words: *concept “emotional person”, semantic field “emotional person”, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky, Natasha Rostova, Ippolit Terentyev.*

РАЗДЕЛ III.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСНЫХ ФОРМАЦИЙ И ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

УДК 811.161.1

Е. А. Селиванова

КОГНИЦИЯ И ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ В РУССКИХ КРОССВОРДАХ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию когнитивных механизмов и вербальных средств создания парадокса в жанре кроссворда, представляющего собой дискурс, посредником которого служит текст, имеющий природу гипертекста, определенную степень зашифрованности, ориентированный на разгадывание и предназначенный, как правило, для интеллектуального тренинга и развлечения. Парадоксальность в энигматическом дискурсе кроссворда выполняет две важнейшие функции: с одной стороны, усложняя декодирование задания, она становится средством шифровки, обуславливая интеллектуальное напряжение, с другой, абсурдность и внутренняя противоречивость заданий развлекает, обуславливая создание юмористического колорита. Средствами парадоксальности в кроссвордах являются омонимия, полисемия и окказиональная деривация.*

***Ключевые слова:** энигматический дискурс, кроссворд, парадокс, омонимия, полисемия, окказиональная деривация.*

Кроссворд как жанр энигматического дискурса опосредован знаком текста, по своей природе подобного гипертексту, ориентирован на разгадываемость и предназначен, как правило, для интеллектуального тренинга и развлечения (детальнее о категориальной системе жанра кроссворда см. [6: 7 – 24; 8; 9]). Задания кроссвордов нередко представляют собой высказывания или словосочетания, на первый взгляд, противоречащие здравому смыслу, логике и требующие поиска ответа в некоей, допускаемой многозначной логикой третьей виртуальной реальности. Ключом к таким заданиям служит осознание возможной парадоксальности языка, существование которой объясняется противоречием между одно-однозначным соответствием формы и содержания языковых знаков, с одной стороны, и асимметрическим дуализмом языкового знака, с другой. Подобные задания можно квалифицировать как парадоксальные, соответствующие «суждениям, которые

расходятся с общепринятыми представлениями и отрицают то, что есть безусловно правильным» [2: 143].

Целью статьи является исследование когнитивных механизмов и вербальных средств создания парадокса в дискурсе русских кроссвордов. Данная цель предполагает решение таких задач: 1) выявить используемые в кроссвордах когнитивные механизмы парадоксальности; 2) описать омонимию и полисемию как способы формирования парадокса в кроссворде; 3) охарактеризовать особенности окказиональной деривации в ракурсе парадоксальности дискурсивного жанра энигматики.

Объектом исследования послужили тексты русских кроссвордов, а предметом – проекция заданий и ответов кроссвордов на структуры знаний об обозначаемых.

Парадоксальность языковых выражений стала объектом исследования еще со времен античности (Аристотель, Зенон, Агриппа, Секст Эмпирик и др.) в риторике и философии. Ее использовали для достижения интеллектуального преимущества над собеседником в дискуссиях. Позднее парадокс стал предметом интеллектуальной игры, развлечения философов (Р. Декарт, Т. Гоббс, Г. Лейбниц, Б. Рассел и др.) и лингвистов. В лингвистике парадокс рассматривается как аномальное явление, возникающее тогда, когда разные компоненты в составе высказывания противоречат друг другу [1: 454; 5], и как результат псевдореференции (Б. Годар, Д. Вандервекен, А. Д. Шмелев).

Создавая парадоксальные высказывания, исследователи языка объясняли противоречивость их здравому смыслу и установленным языковым закономерностям несоответствием автономных синтаксических структур их возможной семантике в коммуникации. Так, в знаменитом примере американского лингвиста Н. Хомского *Бесцветные зеленые идеи яростно спят* [11: 412 – 527] парадоксальность создается путем абсолютизации формального синтаксиса и полного игнорирования значения.

Парадоксальность языковых единиц проецировалась также на три подхода к пониманию истинности высказываний: логический, лингвистический и прагматический [3: 246]. Данные подходы обуславливали интерпретацию предложения исходя из трех значений: референтного, прагматического и семантического. Высказывание *Есть пол мужской, женский и деревянный* истинно для первого и второго признаков и ложно для третьего из-за несоответствия логике классификации. Понимание данного парадокса возможно на основе языкового явления омонимии и связанной с ней символичности языкового знака, которая допускает такую омонимию.

Символичность знаков языка как невозможность их онтологического отождествления с обозначенной сущностью обуславливает как несоответствующее природе вещей использование единиц языка, так и игру с ними, создание абсурда – противоречивого высказывания, содержащего отрицание и утверждение одновременно (например, парадокс *Македонский был сыном бездетных родителей*). В символичности языка, связанной с апофатичностью бытия, т. е. его сокрытостью за произвольными языковыми знаками, заложена, с одной стороны, рациональность и упорядоченность языка относительно мира вещей (ср. высказывание А. Ф. Лосева: «Только символ есть точной и выточенной идеей, несмотря на присутствие иррациональных глубин сущности и благодаря им» [4: 152]), с другой стороны, возможность ошибочной, ложной фиксации связей сущностей или обозначения смысловой абракадабры, что присуще языку и сознанию и не приводит к их разрушению (ср.: «В бездне алогичного рождается миф, из непрерывной иррациональности музыки – строго оформленное число» [4: 152]).

Наиболее распространенным способом «снятия» парадоксов является их перенос в другую систему силлогизмов, аксиом, аналогий. Но при этом парадокс не исчезает, а лишь получает обоснование своего существования. Хотя считается, что апории Зенона Элейского «Стрела», «Ахиллес» и др. решены дальнейшим развитием философии и логики, антиномии И. Канта – диалектикой Гегеля, а парадокс А. Эйнштейна существует лишь для неэйнштейновской физики, однако и сегодня логики признают их настоящими парадоксами. Данные парадоксы рассматриваются как относительные по сравнению с абсолютными, не получившими пересмотра с изменением научной парадигмы, взглядов научного сообщества на то или иное явление.

Парадокс нередко отождествляют с каламбуром, однако не всякий каламбур парадоксален, а парадоксы далеко не всегда основываются на игре слов. Тем самым парадоксы и каламбуры находятся в отношении пересечения множеств. Парадоксальными по природе являются также высказывания, содержащие элементы пропозиционального и метафорического содержания, так как метафора, используя механизмы воображения, удаляет нас от реального положения дел и не согласуется с относительно объективной и непротиворечивой природой пропозиции и ее вербальной репрезентацией. Интеграция в одном контексте пропозициональных и ассоциативно-терминальных коррелятов базируется не на синтагматике, а на эпидигматике языковой системы, допускающей ассоциативно-деривационные связи языковых единиц.

Исходя из этого мы рассматриваем, наряду с синтагматическим и парадигматическим парадоксом, его эпидигматическую разновидность [7: 21 – 23; 10: 183 – 201].

Как уже отмечалось, метафора означает интериоризованный человеком мир реальности и на семантическом уровне соответствует логике этой интериоризации, переключая тем самым неистинность своего соотношения с реальными фактами на истинность виртуального возможного мира своего контекста. Понимание выражений с метафорическим компонентом основано на их вводе в соответствующую структуру знаний (домен), в которой метафорические знаки вступают в смысловые связи с пропозициональным ядром, снимая таким способом логическое противоречие.

Помимо метафорических компонентов, парадоксальность ряда заданий кроссвордов создается посредством омонимии и полисемии языковых знаков и окказиональной деривации.

Вербальными ключами, способствующими решению заданий кроссвордов, базирующихся на омонимии и полисемии, служит разграничение значений, закрепленных за одной знаковой формой.

Существуют даже особая разновидность кроссворда под заголовком «Или – или», в которой задания содержат два значения слова-ответа, соединенные разделительным союзом *или*: *выдержка из текста или наказание в виде отправки в Сибирь (ссылка), основное питание грудничка или белое поле мишени (молоко), настольная игра с костяшками или маскарадный костюм с капюшоном (домино)*.

В обычном кроссворде задания, основанные на омонимии или полисемии слова-ответа, построены как сочетания слов, нередко гиперонимов, соединенных сочинительной или разделительной связью: *и ткань, и вальс, и город (Бостон); коньяк или писатель (Камю)*. В первом примере разрастание значений создается за счет апеллятивизации (деонимизации), т. е. перехода собственного имени в нарицательное (ткань и вальс получили название от города на северо-востоке США), во втором – посредством трансонимизации, т. е. перехода из одного онимического разряда в другой (сорт коньяка назван в честь писателя А. Камю). Значения омонимов в заданиях могут быть не связаны: *морской пролив, и геометрическое тело, и французский поэт (Шар); столица и сарай (Рига); и попугай, и полубезьяна (лори)*. Связь значений ответа-полисеманта может реализоваться на основании одного признака, например, формы в задании *земной, воздушный, бильярдный (шар)*. Парадоксальность приведенных

выше заданий состоит в совмещении различных предметных областей (доменов) в описании ответа.

Парадоксальностью обладают задания кроссворда, в которых гиперонимы разных доменов формируют составное наименование, своего рода “слово-кентавр”. Каждая часть данного слова соотносится с ответом – гипонимом определенного класса. Гипонимы этих классов объединены ответом – омонимом или полисемантом: *планета-батончик (Марс), полуптица-зудок (сирена), турецкий богач-жаба (ага)*. Подобное сочетание гиперонимов возможно и в задании описательного характера: *футболист, вспоминаемый за чашкой растворимого кофе (Пеле – футболист, в честь которого назван сорт кофе)*. Иногда два связанных значения полисеманта интегрируются в задании с омонимом: *и бак, и ампула, и артерия (сосуд)*.

Парадоксальность реализуют задания, требующие ответа-полисеманта с прямым и метафорическим значениями. Например, задание *и гусар, и таракан* определяют поиск некоего общего, объединяющего данные предметы. Таким общим являются усы, служащие стереотипным атрибутом гусара и употребляющиеся в прямом значении, у таракана же конечности сегментов головы в результате метафорического переноса из домена ЧЕЛОВЕК названы усиками. Ответ *усач*, таким образом, разрешает парадокс, интегрируя данные два значения в мотиваторе.

Поиск ответа-омонима или полисеманта может осуществляться на основе вариативности задания, проецирующегося на две или три предикатно-актантные рамки, интегрированные в антецеденте-ответе, замещенном в задании местоимением: *спортсмен его кидает, а пулеметчик заряжает (диск – омоним); невежи его показывают, школьники изучают, разведчики захватывают (язык – полисемант); у терапевта он с 10 до 15, у самбиста – через бедро (прием – омоним); она бывает на елке и на лбу (шишка – полисемант)*.

Совмещение в задании лексем, обозначающих компоненты двух доменов, может создавать комический эффект на основе ввода стилистически маркированного фразеологизма: *на ней бывает сдвиг не только у электрика (фаза) – фаза* в значении «отдельная группа обмоток генератора, а также присоединенный к ней провод, передающий электрический ток (в электротехнике)» и в составе фраземы *сдвиг по фазе* – «состояние потери связи с реальностью, сумасшествия». Стилистическая окраска компонентов задания, как правило, порождает такую же маркировку ответа-омонима: *отказ или мордобой (отлуп)*.

Парадоксальность задания, предполагающего ответ-омоним, может быть обусловлена неожиданной сочетаемостью слов, одно из которых

проецируется на значение ответа, а другое – на его омоним, исключенный значением главного слова. При этом создается игра слов, каламбур: *взрывоопасная гримаса, взрывчатая рожица (мина)* – зависимые прилагательные в заданиях ориентированы на неактуальное для ответа омонимичное значение “боеприпас” и вербализуют его оценку и предикат, а главные слова поддерживают семантику слова-ответа. Составное наименование в задании *печка-капиталистка* предполагает ответ *буржуйка* со значением “отопительное устройство”, ориентированный на первый компонент задания. Второе существительное реализует ложный эффект синонимической связи с мотиватором ответа, утратив при этом свое исходное значение.

Многозначность или омонимия ответа нередко обуславливает словесную игру на основе ввода в задание компонентов домена неактуального значения данного слова: *вязкое имя певицы Тернер (Тина); пищевая церковная служба (обедня); копченая страна в Африке (Чад), влюбчивый каннибал (сердцеед)*. Такие компоненты служат подсказкой ответа, при этом используются социокультурные знания. Так, задание *мафиозное головоногое* предполагает выбор номена из отряда головоногих *спрут*, так как именно спрут отождествляется с разветвленной сетью чего-либо опасного, криминального, служит символом мафии (адресат ассоциирует ответ с названием телесериала, посвященного итальянской мафии).

Примечательно, что омоним или полисемант может использоваться не только в ответе, но и в задании. Поиск ответа в таких случаях требует исключения одного из значений, что осуществляется посредством конструирования в задании противительных отношений с отрицанием или отрицания определенных признаков: *липа, но не дерево (фальшивка); полка, но не бабочка (пани); финка, но не европейка (нож); магазин, в котором кончатся не товары, а патроны (обойма); несказочная невидимка (заколка); пробка, которая никакому штопору не по зубам (затор)*.

Отрицание может приобретать характер каламбура, основанного на метафорических значениях глагола *выходить* и на столкновении их с прямым значением, относящим данный процесс к человеку. В задании *выходит во двор, не выходя из дома* содержится отрицание и утверждение одного действия одновременно, такой парадокс разрешается с учетом полисемии глагола, реализующего к тому же окказиональное значение, и сочетаемостных особенностей ответа *окно (выходит во двор)*.

Прибегая к исключению значений омонима или полисеманта в пользу одного, соотносимого с ответом, составители кроссвордов используют

различные вербальные средства. Первое средство представлено предложно-падежной формой «без + родительный падеж существительного»: *такса без лап (тариф)*. С помощью этой конструкции, устраняющей один из признаков омонимичного значения «порода собаки» у слова-ответа, реализуется альтернативное значение.

Второе – поиск нужного значения омонима или полисеманта производится путем указания сферы использования предмета или какого-либо атрибута этой сферы: *ассорти в книжной обложке (альманах)*; *машина, едущая с огоньком (такси)*; *щелк по мышке (клик)*; *колхозница, что разлеглась на бахче (дыня)*. Такие средства поиска ответа создают комический эффект в случаях стилистической маркированности одного из значений полисемантов или омонимов: *потолок, установленный свыше (лимит)* – устранено нейтральное значение лексемы *потолок* – «верхнее внутреннее покрытие помещения», актуализировано переносное, разговорное «предел, предельная степень чего-либо». В задании *пернатый стукач в лесу (дятел)*, наоборот, ответ соположен с буквальным пониманием слова *стучач* в окказиональном значении, устранено разговорное значение «доносчик».

Третьим средством исключения одного из значений омонима или полисеманта является наличие в задании синонима ответа: *фрукт, он же субчик (тип)* – у слова *фрукт* исключено нейтральное значение «плод», актуализировано разговорное, сниженное «человек, тип, субъект» с помощью просторечного синонима *субчик*.

Четвертое средство предполагает столкновение коннотативных компонентов омонимичных или многозначных лексем в задании, в этом случае выбор коннотата ответа продиктован главным словом – часто гиперонимом: *специалист по тарелочкам (уфолог)*, – у слова *тарелочка* исключено значение «вид посуды» в пользу семантики «неопознанный летающий объект».

Столкновение различной стилистической маркированности значений омонима может создать парадокс на основе мерцающего значения одной из лексем в задании: *урок с матом и канатом (физкультура)* – интегрированы значения «ругань, брань» и «тюфяк, подстилаемый при различных спортивных упражнениях для предохранения от ушибов при падении».

Средством создания парадоксальности в кроссвордах служит также окказиональная деривация, представленная двумя планами.

Первый план – семантическая окказиональная деривация, характеризующаяся использованием уже существующего в языке знака исходя из значений его мотиваторов для создания у него в контексте задания ново-

го окказионального значения. Так, лексема *водохранилище* с системным значением «водоем (обычно искусственный), созданный для каких-либо целей путем перегораживания плотиной реки, ручья и т. п.» в задании *водохранилище для букета* на основе семантики мотиваторов *вода* и *хранить* и игры слов реализует окказиональное значение «сосуд с водой, предназначенный для цветов», что соответствует ответу *ваза*. В задании *мельничная «выходка»* кавычки сигнализируют об употреблении слова в окказиональном значении, связанном с мотиватором и базирующемся на игре слов (на выходе помола, осуществляемого на мельнице, – мука). Ответ *мука* в сочетании с системным значением слова *выходка* – «неожиданный, необычный, дерзкий поступок» создает комический эффект. В задании *лесная «сгущенка»* существительное на основе значения мотиватора *густой* получает окказиональное значение «густой, труднопроходимый лес», что определяет ответ *чаща*, при этом семантика слова *сгущенка* – «сгущенное молоко», нивелируется, придавая заданию юмористический колорит. Подобное явление наблюдаем в задании *выпускница пипетки*, где ответ *капля* обусловлен окказиональным значением существительного *выпускница*, мотивированным глаголом *выпускать* в значении «давать возможность жидкости вытечь» (ср. системное значение слова *выпускница* – «та, что окончила учебное заведение или учащаяся последнего курса, класса учебного заведения»).

Мотиваторы прилагательных или причастий нередко обеспечивают возникновение у мотивируемых слов окказиональных значений, создающих в заданиях кроссвордов парадоксальную синтагматику: *кровавый фактор (резус)*, *кровавый* – «покрытый, налитый, залитый кровью, кровоточащий, имеющий цвет крови», окказиональное значение – «имеющий отношение к крови»; *заземленное укрытие (окон)*, *заземленный* – «соединивший электрическую цепь (прибора, машин и т. п.) с землей», окказиональное значение – «вырытый в земле»; *нарезавшийся гвоздь (шуруп)*, *нарезавшийся* – «разг.-сниж. напившийся пьяным», окказиональное значение «имеющий нарезку, нарезь».

Различие предикатно-актантных рамок системного и окказионального значений слова в задании также обуславливает его парадоксальность. В задании *плата за бесплатный проезд (штраф)* сталкиваются две ситуации, в результате чего на системное значение слова *бесплатный* – «предоставляемый или получаемый без оплаты», наслаивается окказиональное «не оплаченный».

Окказиональное значение слова в задании может обеспечивать ответ исходя из определенного места знака мотиватора в предикатно-ак-

тантной рамке структуры знаний об обозначенном этим ответом. К примеру, задание «*чекист*» в магазине базируется на окказиональном значении слова *чекист* – «работник магазина, выбивающий чеки в кассе», так как в предикатно-актантной рамке ситуации слово *чек* является знаком объекта, при этом субъект соответствует ответу *кассир*. Столкновение окказионального и системного значений слова *чекист* – «1) работник ЧК; 2) разг. работник органов государственной безопасности (в СССР)», служит средством комического эффекта.

Такой эффект создается также на базе функционально-стилистической окраски системных значений слов, получающих в заданиях кроссвордов окказиональную семантику. Например, задание *проходимец по проводам* интегрирует разговорное, сниженное значение «плут, мошенник, пройдоха» с окказиональным «то, что движется, проходит по определенным каналам» исходя из значения мотиватора *проходить* – «продвигаться», что в сочетании со словом *провода* обуславливает ответ *ток*. В задании *острячка в 12 см под пяткой* парадоксальный каламбур создается на основе соположения двух системных значений: наименования женского пола от слова *остряк* – «разг. остроумный, любящий остричь человек», разговорного сниженного значения мотиватора *остряк* – «острый конец какого-либо предмета; острие» – и окказионального «женский род от острый конец какого-либо предмета», в данном контексте *шпилька*.

Окказиональное значение может возникать у слова на базе реконструкции устойчивого высказывания, включающего мотивирующую это слово лексему. Например, в задании *диктатор предложения* на фоне омонимии слова *предложение*, обозначающего процесс и результат процесса от глагола *предлагать*, а также законченную, грамматически оформленную единицу речи, лексема *диктатор* реализует окказиональное значение, обусловленное семантикой мотиватора *диктовать*. Данный мотиватор ассоциативно связывается с первым значением слова *предложение*, обуславливая актуализацию в сознании адресата устойчивого выражения *спрос диктует предложение*, что определяет ответ *спрос*.

При решении задания *сыроежка, заставившая петь ворону (лиса)* возникают ассоциации с интертекстом, слово *сыроежка* приобретает окказиональное значение «та или тот, кто ест сыр», что приводит к фокусировке в памяти басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица», где сыр, выпавший из клюва вороны, съела лиса. Интертекстовая мифологическая информация используется при поиске ответа на задание *бог-неединоличник*, где игра со словами-мотиваторами наталкивает адре-

сатов на поиск ответа в древнеримской мифологии, где богом с двумя лицами является Янус – бог дверей, входов и выходов, а также всяческих начинаний (*неединоличник* приобретает окказиональное значение – «имеющий не одно лицо»).

Актуальной в случае парадоксальных заданий с окказиональными дериватами является также фоновая информация. Так, в задании *столица пирамидальной страны* прилагательное реализует окказиональное значение «имеющее пирамиды», системное же значение «имеющий форму пирамиды» не может быть использовано в сочетании с существительным *страна*. Получение ответа *Каир* возможно при актуализации в памяти адресата стереотипной информации о Египте как стране пирамид.

Прилагательное может получать в контексте заданий кроссвордов окказиональное значение по причине замены в сознании адресата мотиватора данного слова. В задании *уступчивый водопад (каскад) уступчивый* воспринимается не как мотивированное существительным *уступка* в значении «готовый на уступки, сговорчивый», а как мотивированное словом *уступ* – «выступ, ступень, углубление», что обуславливает ответ. Задание *жалкий знак Зодиака (Скорпион)* также порождает окказиональное значение прилагательного – «жалящий», мотивированное словом *жалить*, а не *жаль*, служащее мотиватором системного значения лексемы *жалкий* – «вызывающий жалость».

Окказиональное значение слова может опираться на мотиватор просторечного статуса, создавая омонимию данного производного слова со стилистически нейтральным. Так, в задании *«жрец» в любое время* ответ *обжора* исходит из окказионального значения слова, обеспеченного грубым, просторечным мотиватором *жрать*. Комический эффект создается за счет столкновения такого значения с общеупотребительным – «лицо, совершающее жертвоприношения и другие обряды (в языческих религиях)».

Указанные случаи являются пограничными между первым и вторым планом окказиональной деривации, создающей парадоксальность в кроссвордах, так как несмотря на неизменность знака происходит замена не только его значения, но и самого мотиватора.

В отличие от первого плана окказиональной деривации, второй план предполагает не создание нового значения слова, а производство на базе уже существующих в языке знаков новых лексем, что влечет за собой парадоксальный характер заданий в кроссвордах.

Окказиональное словопроизводство в заданиях кроссвордов нередко базируется на паронимической аттракции – стилистической фигу-

ре, предусматривающей умышленное сближение слов, имеющих случайное и немотивированное подобие звучания. К примеру, случайное подобие корня слова *изумительный* и существительного *изюм* использовано в задании *изумительная сдоба к чаю*, ответ которого *кекс* базируется на знаниях об обычном компоненте этого кондитерского изделия – изюме. При этом пароним окказионализма *изумительный* все же возникает на втором плане сознания адресата, сливаясь с окказионализмом и придавая ему положительную оценку. В задании *библейский ковчегар* в существительном интегрируются слова *ковчег* и *ковчегар*, придавая окказиональной лексеме значение наименования лица, соотносящегося с ковчегом, что обуславливает ответ *Ной*. В задании *ПЛОВ-средство* ответ *рис* ассоциирован с корнем, а комический эффект вызывает возникающая у адресата ассоциация со словом *плавсредство*, хотя его значение в задании не актуализируется.

Несколько иное явление наблюдаем в задании *баранесса среди животных (овца)*, где окказиональное слово стало результатом соединения слова *баран* с деривационной моделью «наименование лица женского пола образовано от наименования мужского пола с помощью суффикса *-есс-*»: *барон – баронесса, поэт – поэтесса*. Задание *итраусиный танец* содержит окказиональное прилагательное, образованное от имени композитора, короля вальсов И. Штрауса (что определяет ответ *вальс*) по словообразовательной модели «притяжательное прилагательное, образованное от названия животного с помощью суффикса *-ин-*: *гусиный, страусиный, лебединый*» на основе подобия фамилии и названия птицы *страус*, которая может двигаться, как бы совершая танцевальные па. Задание *риальная страна в Азии (Иран)* содержит окказиональное прилагательное, образованное от названия денежной единицы в Иране *риал*, по форме подобное прилагательному *реальный*.

Подобие части слова обусловило его искажение в заданиях кроссвордов путем замены этой части иным мотиватором, интеграция с которым остальных слов или частей слова в задании и определяет ответ: *НОС-лаждение (аромат)* – основано на функции соматизма *нос* ощущать запах, а базовое существительное *наслаждение* придает позитивную оценку запаху; *МИД-брат (дипломат)* – первая часть слова указывает на профессиональную принадлежность, а вторая – на мужской пол (аналогия с *медбрат*); *космическая ХВОСТ-ушка (комета)* – мотиватор окказионализма метафорически обозначает часть кометы, а прилагательное определяет сферу существования предмета (базовое существительное *хвостушка* создает комический эффект);

ЛУПО-глазое стекло (линза) – существительное указывает на фактуру предмета, а окказиональное прилагательное соотносит предмет с лупой и глазом, устанавливая предназначение.

Многие окказиональные слова в заданиях кроссвордов созданы по определенным словообразовательным моделям. К примеру, задание *собачья вилялка* содержит окказионализм, образованный от глагола с помощью суффикса *-лк-*, который в системе русского языка имеет значение механизма, приспособления (ср.: *прялка, мялка*); по аналогии ответ *хвост* – приспособление для виляния у собаки. Окказиональное конфиксальное производное в задании *захребетник туриста* образовано по модели «произведено от существительного с помощью префикса *за-* и суффикса *-ник-* со значением предмета по его местонахождению», отсюда ответ *рюкзак*, уточняемый зависимым компонентом словосочетания. В задании *наносная оптика (очки)* окказиональное прилагательное образовано конфиксальным способом от слова *нос*, при этом сложность поиска ответа обусловлена отсутствием в тексте кроссвордов ударений, что создает омографическое совпадение с прилагательным, произведенным от глагола *наносить*.

В задании *ссорный мужик* окказиональное прилагательное базируется на модели «произведено от абстрактного существительного с помощью суффикса *-н-* со значением свойства (ср. *шумный*)», что определяет ответ *скандалист*. Задание *дворянин-подграфинник* требует поиска гипонима дворянского титула, ниже графа – *виконт*, на что указывает окказиональное существительное, образованное по модели *подстаканник, подоконник* со значением конфикса «предмет, находящийся под чем-то».

Иногда окказионализм в задании обуславливает коннотативную маркировку ответа: существительное *суперменистость* образовано суффиксальным способом от окказионального прилагательного (суффикс *-ист-* обозначает «наличие чего-либо в большей степени» (ср. *росистый*)), которое в свою очередь произведено от существительного *супермен*; ответом служит жаргонизм *крутизна*.

Окказиональное слово в задании может быть искаженным элементом интертекста, к примеру, компонентом стихотворной строки. Так, задание *Тютчевская особенность России* отсылает адресата к строкам из стихотворения Ф.И. Тютчева: *В ней есть особенная статья, в Россию можно только верить*; – от прилагательного *особенный* образовано окказиональное существительное по модели *жеманный – жеманница*, указывающее на определяемое слово цитаты *статья*, являющееся ответом.

Наибольшую продуктивность при создании окказионализмов в кроссвордах имеет композиция – слово- и основосложение, так как в двух мотиваторах композита содержится большее количество информации, служащей когнитивным ключом ответа. Например, задание *ливрееносец* построено по модели *орденоносец, знаменосец* и указывает на ответ *лакей*, форменной одеждой которого служит ливрея. Формально по такой же модели произведено окказиональное существительное в задании *звездоносец офицера (погон)*, однако оно обозначает не лицо, а предмет, что обусловлено фоновой информацией об экипировке офицера. В задании *шубоед (моль)* окказиональное слово образовано по модели, сочетающей глагол и существительное-объект (ср. *осоед, мироед*). Задание *дипломат-визовыдавалец (консул)* также содержит окказиональный композит, созданный интеграцией знаков предиката и объекта с помощью суффикса *-ец-*, обозначающего деятеля-субъекта.

Буквальную информацию передают окказионализмы-композицы в заданиях: *ветродуй после головомойки (фен)* – слово *головомойка* также выступает в окказиональном значении «мытьё головы», являющимся пропозициональной проекцией ономасиологических признаков предиката и объекта; *бравописание в рифму (ода)* – компонент *браво* указывает на восторженные и одобрительные крики актерам в театре, введение же знака в сферу поэзии определяет ответ – хвалебный жанр стихотворения; *яйцебитный праздник (пасха)* – окказионализм апеллирует к фоновым знаниям о религиозном празднике, атрибутом которого является освящение и поедание вареных яиц, а также битье их друг о друга как ритуал; *лечебное теломятие (массаж)* – окказиональное существительное фактически описывает процедуру массажа, ономасиологические признаки композита соответствуют предикату и объекту; *мячелов (вратарь), чеддеродел (сыровар), блюдоноша (официант)* – окказиональные композиты образованы по модели, интегрирующей знаки предиката и объекта и служащей описанием занятия именуемого лица.

Продуктивной в заданиях кроссвордов является аналоговая окказиональная композиция, позволяющая присоединить интернациональные термины-элементы к несвойственным их сфере компонентам. Например, в заданиях *чертеж радиовнутренностей (схема)* и *электрогруша (лампа)* элементы сферы техники интегрируются со знаками доменов ЧЕЛОВЕК и ПЛОД, что создает комический эффект. Задание *велобегоплавание (треборье)* содержит окказиональное существительное с интернациональным компонентом *VELO-*, присоединяемым к суммарному окказиональному композиту (содержание данного слова интегрирует значения всех ономасиологических признаков и опирается на знания в области спорта).

Иногда интернациональные термины применяются для уточнения субдомена в пределах одного домена. Так, задание *авиадепо (ангар)* указывает на различные наименования помещения для хранения и ремонта железнодорожного и воздушного транспорта. Компонент *ретро-* в задании *ретроглаз* определяет сферу поиска синонима второго компонента – устар. *око*.

Исследование парадоксальности в жанре кроссворда позволяет углубить наши представления о природе энигматики и способах ее порождения в языке. Парадокс выполняет две важнейшие функции в энигматическом дискурсе кроссворда: с одной стороны, усложняя декодирование задания, он становится средством шифровки, обуславливая интеллектуальное напряжение, с другой, абсурдность и внутренняя противоречивость заданий развлекает и служит средством создания юмористического колорита. Кроме того, нельзя отрицать и суггестивную функцию парадоксальности: при декодировании парадокса в заданиях кроссвордов их адресаты нередко обнаруживают неспособность сознательно разрешить внутреннее противоречие высказываний, что обуславливает включение подсознательных механизмов с возможным коммуникативным воздействием в целях рекламы, пиара и т. п. Обоснование и изучение данной функции парадоксальности энигматики является перспективой нашего исследования.

Библиографический список

1. **Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.** Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
2. **Горский Д. П., Ивин А. А., Никифоров А. Л.** Краткий словарь по логике / Под ред. Д.П. Горского. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
3. **Дэвисон А.** Лингвистическое или прагматическое описание: размышление о «Парадоксе перформативности» // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 246-265.
4. **Лосев А. Ф.** Философия имени. – М.: Изд-во Московского университета, 1990. – 269 с.
5. **Одинцов В. В.** Лингвистические парадоксы. – М.: Просвещение, 1976. – 128 с.
6. **Селиванова Е. А.** Категориальная система кроссворда как дискурсивного жанра энигматики // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отд. РАЛК / Под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. – Вып. 12. – Ч. 2. – С. 7-24.

7. Селиванова Е. А. Паремииологические парадоксы // Когнитивные сценарии коммуникации. На перекрестке языков и культур. – Парте- нит, 2002. – С. 21-23.

8. Селиванова Е. А. Энигматический дискурс: вербализация и когниция [монография]. – Черкассы: Изд-во Ю. Чабаненко, 2014. – 214 с.

9. Селиванова О. О. Світ свідомості в мові. Мир сознания в языке : [монография]. – Черкаси: Вид-во Ю. Чабаненко, 2012. – 488 с.

10. Селиванова О. О. Нариси з української фразеології (психологно- тивний та етнокультурний аспекти) : [монография]. – Київ”Черкаси: Бра- ма, 2004. – 276 с.

11. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвисти- ке. – М.: Прогресс, 1962. – Вып. 2. – С. 412-527.

E.A. Selivanova

COGNITION AND VERBALIZATION OF PARADOX IN RUSSIAN CROSSWORDS

Abstract. This article focuses on a research of cognitive mechanisms and verbal facilities of creation of paradox in the genre of cross-word. Crossword is a discourse, the mediator of which a text, having nature of hypertext, certain degree of code, serves, as rule, for the intellectual training and entertainment. Paradox in enigmatic discourse of crossword executes two major functions. The first function is mean of coding, stipulating intellectual tension and complicating decoding of task. The second function is entertainment, the base of which absurdity and internal contradiction of tasks serves, stipulating creation of humor. The facilities of paradox in crosswords are homonymy, polysemy, and creation of new word-formation.

Key words: enigmatic discourse, crossword, paradox, homonymy, polysemy, new word-formation.

УДК 81'37

С.Н. Бредихин, В.В. Бабаянц

СТРУКТУРНО-ЭКСПЛИКАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ТРАНСЛЯЦИИ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ВИРТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Настоящее исследование посвящено проблемам трансляции структурно-экспликативного потенциала комических обертонов в коротких высказываниях виртуального дискурса. Ядром интенсификации комического признается ситуация столкновения фреймов как в локутивной составляющей, так и в вертикальном контексте порожде-

ния высказывания. Зачастую введение комического компонента не является частью коммуникативной интенции автора, интенсификатором комического выступает вертикальный контекст. Частью экспликативного пространства юмора в виртуальной коммуникации становятся сторонние элементы, части интерфейса сайтов. Сохранение структуры юмористического акта практически не требует трансформаций по причине относительного единства когнитивных оснований смеховой апперцепции у всех представителей *homo loquens*.

Ключевые слова: виртуальный дискурс, фрейм, структурно-экспликативный потенциал, транслатологическая специфика, устно-письменная коммуникация, интенциональность/неосознанность.

Функциональная специфика виртуального дискурса личностно-ориентированного типа как в отечественной, так и в зарубежной практике, как правило, складывается в рамках «двусторонней асимметричной» модели. Данный факт объясняется спецификой индивидуально-личностных отношений и привнесения в дискретное как локально, так и темпорально коммуникативное пространство манипулятивных и комиссивных аспектов, регламентирующая роль модератора или постоянной рефлексии над локутивной составляющей речевого акта, что не может способствовать систематическому внедрению ассертивных моделей.

Особенности трансляции юмористических высказываний в виртуальном пространстве зависят от специфики самого текста, однако неизбежным остается то, что в тексте находится так называемый юмористический акт. Юмористическими являются высказывания, имеющие существенную комическую составляющую. Комическое базируется на элементе несоответствия фреймов. Можно подойти к рассмотрению вопроса структуры юмористического высказывания с общей точки зрения. Сам процесс трансляции затрагивает ту среду, в которой происходит столкновение этих фреймов – юмористический акт. Структура юмористического акта является одной из самых главных деталей структуры юмористического высказывания вообще [Игнатченко 2014: 219]. Основой порождения юмористического акта является совокупность компонентов бифуркации исходного и юмористического фрейма. В данном случае, исходный фрейм – тот, который сознание реципиента осознает первым, а юмористический – тот, который включается позже и создает эффект несовместимости, заменяя исходный. Оба эти понятия являются довольно общими, и в разных ситуациях их можно рассматривать по-разному, однако по большей части

можно считать, что юмористический фрейм – видоизмененный исходный [Минский 1998: 54]. Сам же юмористический акт можно рассмотреть в трех аспектах, совпадающих с подходом Ч. Морриса: 1) семантический аспект – рассматривается структурно-информативное содержание фрейма, репертуар его слотов (единиц информации) и отношений между ними; 2) синтаксический аспект – рассматривается сочетаемость между исходным и юмористическим фреймами и возможные ограничения в сочетаемости; 3) прагматический аспект – отношение реципиента (интерпретатора) к фреймам и его возможности при активации этих фреймов [Моррис 1982: 58-59]. Фактически, главной задачей транслятора подобного высказывания, основанного на столкновении фреймов, является сохранение их информативного содержания, сочетаемости между собой, и репрезентации отношения контркоммуникантов в оригинале [Бредихин, Пелевина 2019].

Более детально юмористические высказывания можно рассмотреть со стороны жанров, которые имеют определенное влияние на механику создания юмористического эффекта. Во всяком случае, в большинстве работ структура коротких юмористических текстов рассматривается именно с этой стороны – с делением их на жанр. По классификации А. Вежбицкой, жанры юмористических текстов таковы: анекдот, шутка, острота, насмешка, ироничное высказывание [Вежбицка 1997: 99]. Так, по внешним структурным признакам высказывания в социальных сетях и мессенджерах являются короткими текстами с юмористическим компонентом – например, их можно попробовать соотносить с анекдотами. Анекдот принадлежит, по определению В. И. Карасика, к устным жанрам словесности, и строится по законам жанра фольклорных текстов, а нацелен он на репрезентацию разных элементов (зачастую культурно окрашенной по тематике или источнику) действительности. Он пишет, что в общем смысле их целью является создание комической ситуации, нацеленной на веселье [Карасик 1997: 145]. В исследуемом материале можно найти примеры, когда тексты имеют заметные общие черты с анекдотами:

Здесь и далее перевод автора: *Я ОЧЕНЬ хорош в постели... На другую сторону не переворачиваюсь и одеяло почти никогда не снимаю.*

В данном случае текст является одиночным обновлением на странице в Lamebook, и не является диалогом, в отличие от многих других примеров. Здесь автор явно нацеливается на создание комического эффекта, обыгрывая пресуппозицию читателя, используя фрейм «goodinbed», намекающий на тематику описания полового акта. Такой конфликт представлений является часто используемым приемом в построении анекдотов. Перевод таких текстов довольно прямолинеен, так как юмористическая наполняющая сама по себе и является смыслом сообщения. Сохранение структуры юмористического текста не требует каких-либо особых трансформаций. В этом тексте единственной действительно заметной трансформации является дифференциация «bed» в «постель», так как в русском языке пресуппозиция описания полового акта лучше привносится лексемой «постель», а не «кровать». Еще один пример схожести можно найти в другом коротком сообщении (SMS):

Перевод: **Папа:** *Ты телефон дома забыла*

Здесь роль нарративного описания, часто присутствующей в анекдотах, играет контекст – данный текст является сообщением, который отец девушки отправил на ее же телефон. Очевидное столкновение фрейма, которое эксплицируется в абсурдной ситуации общения с дискретной пустотой [Бредихин 2018] напоминания о забытом телефоне и фрейма отправления сообщения на забытый же телефон создает ситуацию несоответствия вывода, типичную для анекдотов – в данном случае фиксация рефлексии по осознанию комического эффекта происходит на моменте принятия отцом решения отправить сообщение. Сохранение структуры не требует особых трансформа-

ций и здесь – используемая здесь перестановка осуществлена лишь для сохранения привычного для принимающей языковой системы синтаксиса. Юмористическая и смысловая составляющие этого высказывания могли быть донесены даже с использованием нулевых трансформаций. В конце концов, встречаются и случаи, когда тексты по сути являются самыми настоящими анекдотами, а оригинальность в них привносят контекстуальные детали:

Перевод: Люк ***: *Падает самолет. Пассажирка вскакивает с места и заявляет: «Если уж умирать, то хочу умереть как женщина!» Она раздевается и спрашивает: «Есть на борту мужчина, готовый дать мне почувствовать себя женщиной?» Мужик встает, снимает рубашку и говорит: «Вот, возьми погладь!»*

Люк *** **сменил статус с «находится в отношениях» на «не занят».**

В данном случае текст представляет собой совокупность двух записей в Facebook – оригинального сообщения, и смены статуса, за ним последовавшего. Содержащийся в первом сообщении анекдот, сам по себе написанный – и переведенный – по правилам составления анекдотов, является исходным фреймом, а юмористический фрейм заключается в смене статуса отношений Люка. Для адекватного перевода анекдота было применено несколько опущений (например, «Anairplaneisabouttocrash» – «Падает самолет», что обосновано более лаконичным строем анекдотов на русском языке) и дифференциация («a man» – «мужик», слово, придающее ситуации подходящие обертоны вульгарности). Тем временем, комическая составляющая само-

го текста не опирается на анекдот, а на тот факт, что сразу после размещения анекдота о женщинах, Люк больше не находится в отношениях. Для перевода строчки обновления статуса было использовано смысловое развитие («wentfrombeing» – «сменил статус», «single» – «не занят»), так как данное сообщение является автоматическим и написано в более сухом, безэмоциональном стиле, что выглядит иначе на языке перевода по сравнению с языком оригинала.

Однако нельзя не заметить, что именно анекдотами эти тексты назвать все же сложно – в них отсутствует нарративный элемент, различия, диктуемые средой, в которой были созданы эти тексты [Бредихин, Махова 2018].

Стоит подойти к рассмотрению структуры коротких юмористических высказываний с другой стороны. Широко принятые жанры юмористического дискурса не вполне адекватно определяют разнообразие находимых в материале структур. Поскольку материал исследования принадлежит к так называемому устно-письменному жанру речи, возможно рассмотреть эти тексты как высказывания, или цепочки высказываний. Виктор Раскин выделил восемь типов юмористических высказываний и предоставил к ним примеры: 1) намеренное высмеивание («Кто тот джентльмен, с которым я видел тебя вчера вечером?» – «Это был не джентльмен, а сенатор») 2) мягкое, любящее высмеивание в стиле Марка Твена («Мама, я уйду в армию.» – «Ладно, только не приходи домой поздно») 3) смех над самим собой (Преступник, которого ведут на казнь в понедельник, говорит: «Неплохо начинается неделя!») 4) пренебрежительный смех над собой (Медсестра: «У вас сильный кашель. Что вы принимаете от него?» – Пациент: «А вы что мне предложите?») 5) загадка («Какой рукой нужно помешивать кофе – левой или правой?» – «Нужно пользоваться ложкой») 6) головоломка с каламбуром («Почему вырванный зуб похож на позабытую вещь?» – «Потому, что из головы вон») 7) чистый каламбур («Первое, что поражает новичка в Нью-Йорке, это наехавший автомобиль») 8) юмор как сублимация протеста («Конкурс на лучший политический анекдот в Москве. Первый приз – 25 лет в колонии строгого режима») [Ruch 1998: 284]. В самом деле, данная классификация позволяет подойти к вопросу особенностей работы над структурой текстов материала с другой стороны. Например, легко найти примеры высмеивания:

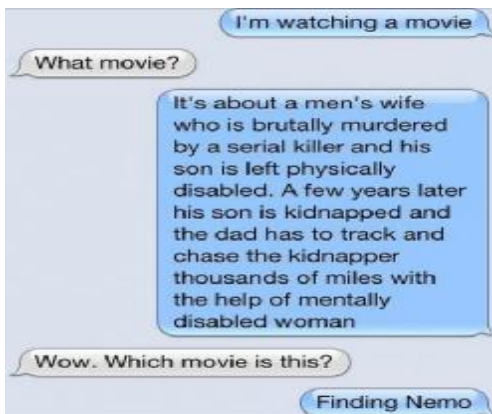

Перевод: ААА: *можешь мне позвонить у меня телефон в кровати задевался.*

Мама: *У тебя друзей других нет что ли*

Этот текст является простым обменом SMS-сообщениями, который не требует синтаксических изменений – единственная особенность формата заключается в контекстуальной информации о том, что автору отвечает его мама (в оригинальном сообщении сверху написано название контакта). Четко прослеживается элемент высмеивания в шутовском ответе матери, который при этом не является чрезмерно жестким – в том, как она сформировала свой ответ, нет враждебности или желчи, заметна лишь некоторая раздраженность, которую она разряжает юмором. По этой причине были оправдано применение антонимического перевода и модуляции, так как результат прямого перевода («Я что, твоя единственная подруга») звучал бы более напряженно, а также сужал бы значение по половому признаку.

Также есть случаи применения загадки:

Перевод: ААА: *Я смотрю фильм ВВВ: Про что?*

ААА: *Тут у мужика маньяк жестоко убил жену и оставил сына калекой. Через несколько лет его сына похищают и мужик вместе с ненормальной женщиной через тысячи миль ищут кто его похитил ВВВ: Вау. Как называется?*

ААА: *В поисках Немо*

В этом диалоге легко прослеживается конфликт исходного фрейма, задаваемого детальным описанием, и юмористического, в котором раскрывается двусмысленная природа исходного. Структура и суть загадки и самой переписки передается без необходимости в трансформациях, так как разгадка известна и для русскоязычного реципиента.

Конечно же, легко находятся примеры чистых каламбуров:

Перевод: ААА: *Ты домашка?*

ААА: *Я же над тобой не еб*сь, а надо*

ВВВ: *Я б* диплом за ночь до защиты*

В этой переписке используется обценная лексика, что позволяет перевести сам каламбур, который основан, в оригинале, на многозначности слова «doing». Функциональная замена самого каламбура, приводящая к конкретизации его значения, позволяет сохранить структуру текста – юмор до сих пор опирается на использование автором каламбура, который затем с энтузиазмом поддерживается собеседником.

Проанализировав достаточное количество эмпирического материала, можно отметить, что в то время, как по классификации Раскина можно типизировать намного больший сонм высказываний по сравнению с попыткой рассмотрения их как анекдотов, однако, достаточное количество составляют те, которые не подпадают ни под один из типов высказываний. Многие тексты слишком велики, вы-

ходя за пределы обычного высказывания, а многие завязаны на более простых ситуациях несоответствия, незнания и непонимания. Частотны случаи ненамеренного создания юмористического компонента, и структуру таких текстов все же сложно отнести к рассмотренным в этой классификации. Внимание ученых, работавших над темой юмора и его перевода, почти всегда отдавалось текстам, где юмористическая составляющая была создана намеренно. Например, можно встретить подобные случаи:

Перевод: OwlKing в Twitter: *Вчера ночью я так напился что ответил на свою же СМСку*

OwlKing: *Ты сейчас в городе*

OwlKing: *Не я дома (пишет сам себе)*

В записи в Twitter, послужившей источником этого текста, автор поясняет, что в состоянии алкогольного опьянения сам же ответил на вопрос, который задал кому-то из своих контактов. Юмористическая составляющая этого текста сохраняется только при добавлении этого контекста – недостаточно перевести лишь сам случайный монолог. Исходный фрейм вопрошания и юмористический фрейм ответа на этот вопрос самим задающим сталкиваются по чистой случайности, которая осознается лишь в контексте. При отображении на телефоне, оба сообщения отображаются одним цветом, в сугубо текстовом же формате стоит применить компенсацию, поясняя, что автор пишет сам себе. Контекст требуется не всегда. Например:

Перевод: Стивен ***: *Слушаю хорошую песню?*

Джефф ***: *я тоже? d^_^b*

Стивен ***: *Как сделать B наоборот?*

Джефф ***: *...*

В этой переписке на сайте Facebook комический элемент заключается в экспликации замешательства Стивена, который не понимает, что ‘b’ и ‘d’ – две разные буквы латинского алфавита. Исходным фреймом здесь является факт замешательства человека, чей родной язык – английский, а юмористический – вербальная экспликация подобного просчета. Фактически, сама ситуация лишь помогает усилить юмористический эффект, так как эти фреймы могли столкнуться во множестве иных случаев. По этой причине структура этого текста не требует обязательных трансформаций, а примененная модуляция во втором сообщении Стивена лишь помогает сделать разговор более естественным в русской системе языка.

Итак, на основе анализа эмпирического материала, можно сделать выводы о структурно-экспликативном потенциале юмористического высказывания. В первую очередь они отличаются тем, что более чем в 30% случаев внедрение в текст шутки не является частью коммуникативной интенции авторов, т.е. сам вертикальный контекст является интенсификатором комического, а значит и саму субстанцию понимания дискурсивного события составляет именно модель коммуникативного и объективного поведения коммуникантов [Манаенко 2016: 280]. Также их частью могут быть сторонние элементы, например, части интерфейса сайтов. Встречаются случаи, когда высказывания формируются на одной платформе, но полностью реализуются после распространения и добавления пояснения на другой. В рам-

ках выявления структурных особенностей следует подчеркнуть примарность самого юмористического акта, заключающегося в столкновении исходного и юмористического фреймов, в создании комического компонента. Сохранение самой структуры юмористического акта относительно редко требует использования трансформаций (около 35% случаев), что происходит по причине относительного единства когнитивных оснований смеховой апперцепции у всех представителей homo loquens, однако в случае их необходимости чаще всего применяются функциональная замена и модуляция.

Библиографический список

1. **Бредихин С.Н.** Игровой абсурд: трансляционная специфика сохранения перлокутивного эффекта // Вторые Щеулинские чтения материалы всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина (Липецк, 30 марта 2018 г.). – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. – С. 130-134.

2. **Бредихин С.Н., Махова И.Н.** Комплексная когнитивно-перцептивная модель в анализе юмористических оборотов смысловой иерархии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – №3(31). – С. 94-103.

3. **Бредихин С.Н., Пелевина Ю.И.** Реализация перлокутивного эффекта в различающихся лингвокультурах (на материале знаков фонографической деривации) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2019. – №12. – С. 28-36.

4. **Вежбицка А.** Речевые жанры // Жанры речи. – №1. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 99-112.

5. **Игнатченко И.Р.** К вопросу о структуре юмористического акта // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – №3 (25). – С. 218-221.

6. **Карасик В.И.** Анекдот как предмет лингвистического изучения / Жанры речи. – №1. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 144-153.

7. **Манаенко Г.Н.** Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен и его структура // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. – Белгород: Эпицентр, 2016. – С. 280-287.

8. **Минский М.** Остроумие и логика когнитивного бессознательно-го // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1998. – С. 52-92.

9. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов. – М.: Радуга, 1982. – С. 56-60.

10. *Ruch W.* The Sense of Humor: Explorations of a Personality Characteristic. – Berlin, N.Y.: Mouton deGruyter, 1998. – 498 p.

S.N. Bredikhin, V.V. Babayants

STRUCTURAL-EXPLICATORY POTENTIAL IN THE TRANSLATION OF HUMORISTIC SPEECHES WITHIN VIRTUAL DISCOURSE

Abstract. This study is focused on issues related to translating the structural-explicatory potential of comic overtones in short statements within virtual discourse. The core of the comic intensification is generally found in the situation of the frames collision, both in the locutionary component and in the vertical context of the utterance generation. The introduction of the comic component is often not part of the author's communicative intention; it is the vertical context that acts as an intensifier of the comic. Part of the humor explicatory space in virtual communication belongs to third-party elements, the site interface parts. Preserving the structure of a humorous act basically requires no transformation due to the relative unity of the cognitive bases of the laugh-bound apperception in all homo loquens.

Key words: virtual discourse, frame, structural-explicatory potential, translational specifics, verbal and written communication, intentionality/ the unconscious.

УДК 81'27

Е.Г. Малышева, В.А. Егوشкина

КОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСКУРСИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ВЕДУЩЕГО РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЙ РАДИОПРОГРАММЫ*

***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и
Правительства Омской области в рамках научного проекта
№ 18-412-550001.**

Аннотация. Темой статьи стало рассмотрение параметров, которые характеризуют дискурсивную языковую личность ведущего развлекательной радиопрограммы. В рамках данного исследования проанализированы следующие коммуникативные параметры: экспликация личной позиции радиоведущего по отношению к затрагиваемым в программе темам и проблемам и коммуникативные установки дискурсивной языко-

вой личности, применяемые к соведущим, слушателям, оппонентам. Сделаны выводы о том, что в развлекательных радиопрограммах степень выраженности позиции дискурсивной языковой личности ведущего в контексте затрагиваемых тем и проблем крайне низка и что радиокommunikация данного типа протекает в рамках промежуточного типа дискурса, для которого характера слабо выраженная институциональность и статусная ориентированность. Подчеркнуто, что систематизация характеристик дискурсивной языковой личности того или иного субъекта исследуемого дискурса обладает практической значимостью и важна для тех журналистов, которые сегодня осуществляют дискурсивные практики в современном радиоэфире.

Ключевые слова: развлекательный радиодискурс, дискурсивная языковая личность, ведущий развлекательной радиопрограммы, коммуникативная характеристика.

Введение

На организацию коммуникации в русском развлекательном радиодискурсе значительное влияние оказывает дискурсивная языковая личность ведущего, для которой характерны, на наш взгляд, следующие коммуникативные черты: коммуникабельность, остроумие, ироничность, позитивная коммуникативная интенция, умение легко входить в контакт с аудиторией, избегание конфликтных ситуаций в общении со слушателями.

Целью предпринятого нами исследования является разработка параметров коммуникативного описания и анализ дискурсивной языковой личности ведущего развлекательных радиопрограмм.

Эмпирическим материалом исследования послужили выпуски радиопрограмм «Бригада У» («Европа +») с 2014 по 2019 гг., «Подъемники» («Наше радио») с 2016 по 2019 гг., «Вейкаперы» («Record») с 2017 по 2019 гг., «Йети-шоу» («Радио Сибирь» г. Омск) с 2016 по 2019 гг., «Сергей Стиллавин и его друзья» («Маяк») с 2015 по 2019 гг. Заметим, что все эти программы позиционируются радиопрограммами как утренние развлекательные шоу и, несомненно, являются базовыми для русского развлекательного радиодискурса.

Под дискурсивной языковой личностью вообще мы понимаем «такую языковую личность, специфические индивидуальные характеристики и коммуникативные компетенции которой проявляются в дискурсивной деятельности в рамках дискурса определённого типа» [Мальшева 2011: 307].

Анализ дискурсивной языковой личности ведущего развлекательных радиопрограмм предлагается проводить по выявленным нами дискурсивным параметрам, которые позволяют, как кажется, эксплицировать

коммуникативную и прагматилистическую специфику исследуемого феномена: степень экспликации личной позиции радиоведущего по отношению к затрагиваемым в программе темам и проблемам; коммуникативные установки дискурсивной языковой личности, применяемые к соведущим, слушателям, оппонентам; стратегии речевого поведения дискурсивной языковой личности в ситуации конфликта; лексико-стилистическая специфика речи радиоведущего, в том числе установка на языковую игру и использование прецедентных феноменов.

В настоящей статье проанализируем коммуникативную специфику дискурсивной языковой личности ведущего развлекательных радиопрограмм, заострив внимание на коммуникативных установках журналистов, работающих в исследуемом жанре, и степени выраженности личной позиции радиоведущего по отношению к обсуждаемым в эфире темам и проблемам.

Коммуникативные характеристики дискурсивной языковой личности ведущего развлекательной радиопрограммы

Итак, коммуникация в развлекательном радиодискурсе протекает преимущественно в форме свободного, практически неограниченного с точки зрения выбора темы полилога, что дает ведущим простор для речетворчества.

Ведущие исследуемых радиопрограмм имеют общую главную цель – развлечение слушателя. Обычно они не ставят перед собой задачи сообщить серьезную информацию или провести анализ каких-либо общественно значимых событий, поэтому выбирают для обсуждения несерьезные, порой шуточные темы: *«А сегодня мы поговорим о самом сокровенном: о мечтах! О, мечты и грезы... Рассказывайте, пишите, делитесь своими мечтами. А мы через пару минут расскажем вам о своих»* (Бригада У. 02.05.2017); *«... мы с Красиным хотим знать, кем бы вы хотели стать в следующей жизни, или вас устраивает эта, и вы ничего не хотите менять, или же вы вообще не верите в реинкарнацию...»* (Вейкаперы. 21.04.2017).

Даже если в ходе беседы ведущие упоминают о каком-то актуальном или спорном вопросе, то они не станут детально, аргументированно и основательно в нем разбираться. Обычно они иронизируют, отшучиваются и переключаются на другую тему.

В структуру всех исследуемых программ входят новостные сообщения. Однако почти все они практически не касаются глобальных политических, экономических, социальных вопросов. Исключение может составить разве что новостной блок на радио «Маяк». Однако

отметим, что в рамках программы «Сергей Стиллавин и его друзья» есть рубрика, посвященная новостям, которые готовят и зачитывают ведущие. Эта подборка новостей, так же как и в других рассматриваемых программах, более тяготеет к инфотейнменту, нежели к новостям в чистом виде. Новости отбираются таким образом, чтобы они соответствовали концепции передачи и могли настроить слушателя утренней программы на позитивный лад, создать хорошее настроение, послужить поводом для шутки.

Таким образом, можно отметить, что в развлекательных радиопрограммах степень выраженности позиции дискурсивной языковой личности ведущего в контексте затрагиваемых тем и проблем крайне низка. Для развлекательной радиокommunikации нехарактерны обстоятельное обсуждение какой-либо проблемы, ее анализ и аргументированность позиции коммуниканта. Ведущие выражают свою точку зрения преимущественно через шутки, ироничные реплики, с помощью стилистически окрашенных лексических единиц и под. В развлекательной радиокommunikации поднимаются преимущественно несерьезные темы, которые можно обсуждать без предварительной подготовки или специальных знаний. Это связано с рядом факторов: формат программы рассчитан на развлечение слушателя, а не на информирование или анализ сложных, общественно значимых вопросов; радиокommunikация предполагает активный диалог со слушателем посредством звонков в студию, проведения игр или отправки сообщений, поэтому темы должны быть доступны для адресата и вызывать положительные эмоции. Даже если в ходе беседы будут затронуты какие-либо серьезные вопросы, обстоятельного обсуждения не последует. Ведущие, как показывают наблюдения, вероятнее всего обмениваются малоинформативными репликами, дадут поверхностные комментарии и завершат обсуждение данного вопроса.

Стоит также заметить, что сами ведущие не обладают уникальными знаниями в той или иной области, не являются экспертами в какой-либо сфере, поэтому не могут подробно и детально разбираться в затронутом вопросе. Безусловно, у них довольно широкая эрудиция, которая позволяет им общаться практически на любые темы. Но это общение имеет поверхностный характер, а большая часть аргументов сводится к личному опыту. Более того, нередко ведущие допускают фактические ошибки, на которые им указывают слушатели.

Как показывают наши наблюдения, активная вовлеченность ведущего в процесс обсуждения той или иной темы, попытка доказать свою точку зрения по какому-либо вопросу или, более того, убедить оппо-

нента принять ее – все это является нетипичным для развлекательной радиокommunikации. Если ведущий позволяет себе подобное коммуникативное поведение, это говорит о том, что его личностная доминанта выражена сильнее, чем это необходимо в рамках развлекательного радиийного дискурса.

Характеризуя коммуникативные установки дискурсивной языковой личности, применяемые к соведущим, слушателям, оппонентам, подчеркнем, что радиокommunikация протекает в рамках промежуточного типа дискурса, для которого характера слабо выраженная институциональность и статусная ориентированность. Однако ведущие не могут позволить себе в эфире произносить то, что было бы уместно в рамках, например, бытового диалога. Они понимают, что их речь публична и они несут ответственность за сказанное слово, поэтому вынуждены соблюдать нормы приличия, избегать слов и выражений, имеющих бранное значение, не смотря на возникающие сложные коммуникативные ситуации:

– Тема-то на самом деле серьезная. Про то, где проходит грань измены, мы сегодня говорим, я напоминаю. Так вот, представьте, идете вы со своей женщиной в гости, заходите, например, в дом, а там мужик выходит навстречу, хозяин дома. И они вдруг как-то вот слишком долго, вот знаешь, не так, чтобы в щечку, в лобик, в ручку, целуются.

– Так и называйте: рот в рот.

– **Не надо так вот опощлять.**

– А как это?

– **Культурно себя ведите. Не надо тут высказываться абы как.**

– Вот приходит сообщение: «Главное, чтобы два мужика глубоко не целовались. Особенно в этой Европе».

– *Ну, тихо, тихо! Нас не волнует сейчас Европа. Мы в своем доме, и нам здесь наводит порядок* (Сергей Стиллавин и его друзья. 02.06.2017).

На этом достаточно коротком отрезке коммуникации Сергей Стиллавин стремится удержать общение в рамках приличия и не нарушить этические нормы, поэтому не дает своим коллегам высказывать неприемлемые, на его взгляд, комментарии. Он трижды останавливает своих соведущих, которые, по всей видимости, очень увлеклись затронутой темой и позволили себе двусмысленные и неуместные для публичной коммуникации реплики.

Ведущие крайне редко позволяют себе высмеивать своих собеседников, будь то слушатель или гость программы, или иронично комментировать их высказывания. Однако такие ситуации все же случа-

ются, и поведение ведущих в данном случае нельзя назвать приемлемым. В качестве примера можно привести диалог, который состоялся в эфире программы «Вейкаперы» во время проведения викторины:

– Следующий вопрос: как называется танцевальный шаг в балете? Ну, подсказываю, слово из двух букв (после продолжительной паузы).

– Не знаю, может быть, аб?

– Как, как (продолжительный смех)? Я так давно не смеялась. **Какое аб? Что за чушь? Вы с какой планеты вообще? Это же даже школьники знают! Ой, ребята, видимо, нет сегодня победителя у нас. Никакие из вас театралы, поэтому билет дарить не буду. Он вам уже не поможет. Аб! Это же надо** (смех)! (Вейкаперы. 06.06.2018). Разумеется, подобное поведение является некорректным и может обидеть слушателя, что противоречит нормам профессиональной этики и главной цели программы, а также выходит за рамки развлекательного дискурса.

Ведущие чаще всего иронизируют и шутят друг над другом. Многие из них не один год работают вместе и знают подробности личной жизни своих коллег, поэтому их шутки всегда остры и задевают за живое:

«Танечка у нас, конечно, в любовных делах ас. Во-первых, ей уже и лет много, навидалась старушка наша, а во-вторых, сколько раз ты была замужем, напомни?» (Подъемники. 18.05.2016). Реплика ведущего о том, что его коллега разбирается в тонкостях любовных взаимоотношений, на первый взгляд, кажется безобидной и может быть расценена как комплимент. Однако в следующей фразе становится очевидна ирония ведущего, т.к., с его точки зрения, подобный опыт его коллеги связан с возрастом и неоднократным замужеством. Комментарии относительно возраста женщины с точки зрения этикета считаются неприличными, а интимные подробности личной жизни ведущей вообще не могут становиться предметом обсуждения в публичной коммуникации.

Иронично-шутливый стиль общения ведущего утренней развлекательной радиопрограммы уже стал нормой для адресата и не воспринимается как нечто некорректное. Слушатель привык к форме обращения на «ты», к использованию уменьшительно-ласкательной или даже окказиональной формы своего имени в эфире радиопрограммы, к не всегда корректным вопросам ведущего. Возможно, это свидетельствует о том, что сама картина мира адресанта и адресата претерпела изменения: в настоящее время даже в деловой сфере все чаще встречается так называемый американизированный стиль общения, который предполагает обращение к собеседнику только по имени, быст-

рый переход от вы-коммуникации к ты-коммуникации, поверхностные ответы на этикетные вопросы. Например, вопрос «как дела?» в развлекательной радиокommunikации предполагает краткий ответ «хорошо/отлично/прекрасно», что свойственно в большей степени американской культуре, нежели подробный ответ, который ранее был наиболее приемлем для менталитета русского человека. Незнание этих новых реалий нередко приводит к коммуникативным неудачам. Примером может послужить рассмотренный нами ранее диалог из выпуска программы «Сергей Стиллавин и его друзья» от 24.08.2017, где слушатель подробно рассказывает о своей проблеме, предполагая, что ведущие проявят к нему сочувствие, но в итоге такая неуместная для развлекательного радиозэфира откровенность приводит к недопониманию и коммуникативной неудаче.

Согласно данным опросов, проводимых томскими исследователями [Ермоленкина 2011; Нестерова 2015], для части целевой аудитории подобное коммуникативное поведение ведущего не совсем приемлемо. Респонденты отметили, что для них немаловажным является соответствие речи радиоведущего этическим нормам общения. По их мнению, ведущий должен обладать такими качествами, как вежливость, тактичность, корректность, воспитанность, внимательность и т.д. Кроме того, такие параметры, как грамотная речь, верная постановка ударений, знание правил русского языка также являются весьма существенными для формирования образа «идеального» радиоведущего. Однако часть респондентов отметила, что при выборе радиостанции они руководствуются такими качествами ведущего как «чувство юмора, оригинальность, умение подавать информацию скандально и эпатажно» [Ермоленкина 2011: 269].

Таким образом, можно предположить, что для реальной целевой аудитории радиoproграммы, согласно классификации А.А. Шереля [Радиожурналистика 2000: http://evartist.narod.ru/text5/47.htm#%D0%B7_05], свободное, фамильярное поведение ведущих, в репликах которых преобладают разговорные элементы разных уровней, приемлемо и привычно. А для потенциальной аудитории, в которую могут входить представители старшей возрастной группы, люди с более высоким уровнем образования или социального статуса, такое коммуникативное поведение ведущих может вызвать непонимание и неприятие.

В заключение подчеркнем, что как проанализированные коммуникативные параметры, так и прагматилистические характеристики (см. подробнее об этом: [Егошкина 2014]) являются универсальными для

дискурсивной языковой личности ведущего развлекательной радиопрограммы. Некоторые из них могут быть репрезентированы в большей или меньшей степени, что определяет специфику конкретной дискурсивной языковой личности. Тем не менее очевидно, что систематизация характеристик дискурсивной языковой личности того или иного субъекта исследуемого дискурса обладает практической значимостью и важна для тех журналистов, которые сегодня осуществляют дискурсивные практики в современном радиоэфире.

Библиографический список

1. ***Егошкина В.А.*** Прагмастилистическая специфика развлекательного радионного дискурса // Коммуникативные исследования. Тематический выпуск: традиционные и новые медиа в современной России. – 2014. – № 2. – С. 181-189.
2. ***Ермоленкина Л.И.*** Развлекательное радио как источник психоэмоционального опыта молодёжной аудитории: коллективная монография // Картины русского мира: современный медиадискурс / под ред. З.И. Резановой. – Томск: ИДСК, 2011. – С. 261-276.
3. ***Малышева Е.Г.*** Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: дис. ... д-ра филол. наук, Омск, 2011. – 403 с.
4. ***Нестерова Н.Г.*** Феномен радиодискурса: современные дискурсивные практики: дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2015. – 459 с.
5. ***Радиожурналистика:*** учебное пособие для вузов [Электронный ресурс] / под ред. А.А. Шереля. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text5//44.htm> (дата обращения: 17.06.2019).

E.G. Malysheva, V.A. Egoshkina

COMMUNICATIVE CHARACTERISTICS OF THE DISCOURSE LANGUAGE PERSONALITY OF THE LEADING ENTERTAINING RADIO PROGRAM

Abstract. *The topic of the article was the consideration of the parameters that characterize the discursive linguistic personality of the leading entertainment radio program. In the framework of this study, the following communicative parameters were analyzed: the explication of the personal position of the radio host in relation to the topics and problems addressed in the program and the communicative attitudes of the discursive language personality applied to co-hosts, listeners, and opponents. It is concluded that*

in entertainment radio programs the degree of severity of the position of the discursive linguistic personality of the presenter in the context of the topics and problems touched is extremely low and that radio communication of this type proceeds within the framework of an intermediate type of discourse, for which the character is weakly expressed institutionality and status orientation. It is emphasized that the systematization of the characteristics of the discursive linguistic personality of a particular subject of the studied discourse has practical significance and is important for those journalists who today carry out discursive practices in modern radio broadcasting.

Key words: *entertaining radio discourse, discursive linguistic personality, leading entertaining radio program, communicative characteristic.*

УДК 811.161.1

Т.А. Сидорова

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ ПОЛИТИКА СЕРГЕЯ МИХЕЕВА

***Аннотация.** Основная задача исследования – выявление специфических признаков когнитивного стиля конкретного политика, чьё коммуникативное поведение становится маркером нового типажа дискурсивной личности.*

В процессе анализа уточняется понятие «когнитивный стиль» в корреляции с политическим дискурсом, выделяются компоненты когнитивного стиля, объективированные в коммуникативном поведении дискурсивной личности, определяется специфика компонентов когнитивного стиля.

В центре внимания исследователя – когнитивно-дискурсивный анализ языковых и ментальных структур (пресуппозиций, смысловых доминант, смысловых конструкторов, ценностных ориентиров, идей и др.), осмысливаемых как устойчивые смыслообразования, детерминируемые ценностными установками, потребностями дискурсивной личности, её мировоззрением и мировосприятием.

Исследование показало, что каждый из компонентов когнитивного стиля Сергея Михеева имеет специфические признаки. Манера подачи информации в дискурсе характеризуется особой эмоциональной напряжённостью, что обусловлено широким использованием оценочных средств, прецедентных феноменов, стереотипных образов и ситуаций, установок на аксиологию народа. Среди когнитивных механизмов особую роль играет вторичная концептуализация признаков, совмещение концептуальных сфер, трансформация в другую концептуальную сферу. Среди структур знаний центральное место занимают смысловые доминанты, смысловые конструкторы, стереотипы, ценностные установки и оппозиции.

***Ключевые слова:** когнитивный стиль, дискурсивное поведение, дискурсивная личность, смысловая доминанта, смысловой конструкт, когнитивные механизмы, пресуппозиции.*

Работа посвящена исследованию проблемы живого языка во взаимосвязи с когнитивным, коммуникативно-деятельностным и социокультурным факторами. Объект исследования – дискурсивная личность политика Сергея Михеева. Предмет исследования – особенности когнитивного стиля дискурсивной личности политика Сергея Михеева. Цель исследования – когнитивно-дискурсивное описание компонентов когнитивного стиля дискурсивной личности Сергея Михеева. Материалом исследования послужили выступления Сергея Михеева по теме «Россия – Запад» (Первый канал. «Вечер с Владимиром Соловьёвым». 16.07.2017; 23.04.2017; 10.10.2017).

Традиционное понятие «когнитивного стиля» – «способ репрезентирования знаний, связываемого с типами личности; манера подачи и представления информации, особенности её расположения и структуризации в тексте / дискурсе, связанные со специфическим отбором когнитивных операций или их предпочтительным использованием в процессах построения и интерпретации текстов разных типов» [Кубрякова 1996: 109]. Полагаем, что для политического дискурса когнитивный стиль можно осмыслить как совокупность когнитивных механизмов формирования, кодирования и интерпретации смыслов дискурса в аспекте его смысловой целостности, маркирующих индивидуальные способы восприятия и репрезентации мира дискурсивной личностью.

Когнитивный стиль политика – это то, каким образом дискурсивная личность воспринимает, оценивает, воспроизводит, передаёт и интерпретирует политическую действительность (свою и чужую). Отсюда и следующие компоненты когнитивного стиля: когнитивные механизмы концептуализации (в том числе и оценочной) и интерпретации смыслов в политическом дискурсе, способы восприятия реалий действительности, структуры знаний, объективированные в дискурсе, манера подачи информации в политическом дискурсе.

Среди известных структур знания особое внимание обращаем на пресуппозиции, смысловые доминанты и смысловые конструкты. Под смысловыми доминантами мы понимаем ментальные структуры сознания, коррелирующие с групповыми ценностями и предназначенные для регуляции познавательной и интерпретационной деятельности носителей лингвокультуры. Согласно Дж. Келли «конструкты суть способы истол-

кования мира» [Келли 2000: 14]. Созданию конструктов предшествует личностный опыт человека. Смысловые конструкты – это устойчивые смыслообразования, которые детерминируются ценностными установками, потребностями дискурсивной личности, её мировоззрением и мировосприятием. Это критерии интерпретации смысловых доминант, выделяющихся на основе анализа когнитивных и языковых механизмов выражения смыслов [Сидорова 2018: 107 - 112]. Смысловые конструкты актуализируют специфику языкового сознания политика.

В поведенческом аспекте дискурсивная личность может быть рассмотрена с позиции целей, мотивов, стратегий общения, поведенческих стереотипов, а также способов речевого воздействия [Карасик 2004; Леонтьев 1977: 5-14]. Все они тоже формируют когнитивный стиль. По наблюдениям И.Н. Борисовой, одной из существенных характеристик речевого поведения является интенциональность [Борисова, 2001: 76-82]. Полагаем, что интенции участвуют в формировании когнитивного стиля наряду с другими факторами. Таким образом, компоненты когнитивного стиля конкретного политика формируются под воздействием определённых факторов, связанных с особенностями дискурсивного поведения личности: коммуникативная цель, стратегии, тактики, интенции, социокультурный контекст. Именно социокультурный контекст детерминирует ценностные смыслы дискурса. Основной прагматической установкой дискурса С. Михеева является не сообщение о событии, а его интерпретация и оценка. Функция такого дискурса - побуждение адресата к изменению своей точки зрения, своего поведения, оценки и т.п. Эту функцию Е.И. Шейгал назвала регулятивной [Шейгал 2000: 134].

Охарактеризовав в целом дискурс политика С. Михеева, попробуем описать компоненты его когнитивного стиля. Покажем пресуппозиции как структуры знания, на которых базируются смысловые доминанты. Так, смысловая доминанта «либеральные идеи наносят вред России» объективируется в различных высказываниях: *Вообще меня, конечно, всегда поражал тот нравственный релятивизм, вот относительность всего, который российские либералы практикуют в нынешней нашей действительности.*

Семантическая пресуппозиция - *российские либералы придерживаются релятивизма.* Логическая пресуппозиция – *либералы не руководствуются нравственными принципами, а поступают так, как им удобно.* Прагматическая пресуппозиция – *релятивизм характерен для западного сознания и чужд для русского.*

Права человека? – это касается только того, что происходило в исторической России. Вот то, что в исторической России происходило, - этого забывать нельзя, да, господин Сытин? У этого нет срока давности и никогда не будет. Мы всегда должны об этом помнить. А там – это другое дело.

Семантическая пресуппозиция – *мы забываем то, что происходило в исторической России*. Прагматическая пресуппозиция – *кто забывает прошлое, у того нет будущего*. Логическая пресуппозиция – *либералы практикуют двойные стандарты*. Обращение к Сытину – знак ориентации, маркирует отнесение Сытина к либералам, чьи ценности Говорящий не приемлет.

Потому что им дай волю, они поставят на площади гильотину и будут рубить головы. Головы будут рубить. Тем, кто против либерализма.

Семантическая пресуппозиция – *либералы готовы рубить головы противникам либерализма*. Логическая пресуппозиция – *либералы противоречат себе*. Прагматическая пресуппозиция – *либералы не терпят альтернативной точки зрения, готовы уничтожать несогласных*. Эстетическая пресуппозиция – *использование образа гильотины как символа радикализма, жестокости*. Это агональный знак семиотического пространства дискурса, маркирующий «чужих» (чуждых) по мировоззрению либералов.

Абстрагируясь от пресуппозиций, мы выделили следующие смысловые доминанты выступлений С. Михеева на тему «Россия и Запад»: *Запад не хочет относиться к России как равному партнёру; Россия для Запада – это враг; Россия зависит от мнения Запада; Россия проводит дружественную внешнюю политику; Люди, живущие на Западе, считает себя избранными; Запад проводит агрессивную политику по отношению к России; Запад руководствуется двойными стандартами; Либеральные идеи наносят вред России; Европейские ценности – миф*.

На основании смысловых доминант определяем следующие смысловые конструкты: *Идея несовместимости интересов России и Запада с позиции Запада; Идея мирного урегулирования противоречий (позиция России); Идея паритетности, взаимоуважения в отношениях между странами; Идея несостоятельности западной модели управления всей планетой; Идея неприемлемости западных ценностей для России; Европа не имеет морального права навязывать нам свои ценности; Запад хочет видеть Россию зависимой от него; Нужна модель управления, учитывающая многообразие интересов в мире*.

Кратко охарактеризуем компоненты когнитивного стиля политика С. Михеева.

1. **Способы восприятия политической картины мира**, характеризующие дискурсивную личность С. Михеева, - рациональный, наглядно-чувственный, оценочный, рефлексивный.

2. **Когнитивные механизмы репрезентации и кодирования информации:**

- доминирует нравственно-этическая направленность концептуализации;

- отождествление концептуальных сфер: *Они на Януковиче сыграли, как на пианино; Для них эти люди – мусор, Люди – это мясо для экономики; ценность – это твои штаны* и др.;

- программирующие вопросы: *А что мы видим в политике США? Какая свобода слова сейчас в отношении России? Мог бы Китай запустить ракету в Сирии, как США? И почему мы (Россия) должны меняться так, как им (Западу) хочется?*

- смещение прагматического фокуса: *навязывание, принуждение – это свобода выбора; подавление России – это ценность; свобода слова – признание лишь собственной точки зрения; Они агрессией называют речь Путина, а не агрессия – это лапки кверху; Убийство тех, кто не разделяет их цель – это хорошо;*

- вторичная концептуализация: *западные ценности* (концептуализируются признаки *конъюнктура, антиценность*); *Если бы не было Холокоста, давно бы он (Гитлер) уже был европейским национальным героем. И в этом есть, на самом деле, в значительной степени, европейские ценности;*

- рефлексивные этнокультурные пресуппозиции. Речь идёт об имплицитной информации, которая извлекается из эксплицитной при помощи ментальных (когнитивных) схем, представленных в готовом виде в языковом сознании носителя языка [Баранов 2007: 41]. И.А. Стернин назвал эти схемы восприятия скрытого смысла «рецептивными схемами (моделями) восприятия и понимания» [Стернин 2011: 290-291]. В дискурсе С. Михеева, на наш взгляд, реализуются именно этнокультурные пресуппозиции, которые возникают в языковом сознании адресата в процессе рефлексии. Ср.: *Кто не с нами, мы знаем о них не хотим. Пусть их, как мясо, как бы шинкуют. Они для нас не существуют.* Рефлексивная этнокультурная пресуппозиция (для Запада): **кто не с нами, тот против нас; Они ищут проблемы во вне, а не в себе.** Рефлексивная этнокультурная пресуппозиция: **Чем**

кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться (И.А. Крылов);

- трансформация одной концептуальной сферы в другую. Например: *Чувство исторической обиды и вот этой мести. Это всё, что у них есть (у латышей). Больше нечего продавать. Ну, товара другого нет... И мозгов хватает только на то, чтобы **продавать эту геополитическую роль**, потому что иначе их вообще никто не заметит; **Превращение общества в зоопарк**, где выживает тот, кто первый сожрёт; Хорошо там, где больше кладут в тарелку. Часто бытовые образы используются Михеевым для концептуализации сферы бытия;*

- рефрейминг (в основе механизма лежат социальный опыт и знания): *Им дай волю, они поставят на площади гильотину и будут рубить головы. Головы будут рубить. Тем, кто против либерализма. И посадят всех в либеральный ГУЛАГ; Дедушку Гитлера несомненно реабилитируют, если идти дальше. Так как он же тоже боролся против Советского Союза. Какие проблемы?*

- использование программных заявлений с модусом необходимости: *Но **надо** все-таки немножко самих себя отрезвить от откровенной революционной мифологии; Для того чтобы им управлять, **необходимо** подняться на уровень осознания его реальных интересов; Но политик **должен** понимать, что эти массы, если он несет ответственность за этих людей, они будут думать свое, а вы думайте о них; Для этого **нужна** трезвая оценка ситуации и т.п.;*

- концептуальная интеграция: *направить в **кровавое русло**; расставить все **точки над «ё»**; полный отрыв от действительности характеризует этих **новых чубайсят**; экономический фашизм; геополитический расизм и др.;*

- смешение модусов восприятия: *Понимаете разницу? Чувствуете или нет?*

3. Структуры знаний, характеризующие дискурс С. Михеева:

- presuppositions (прагматические, социокультурные, логические, семантические, эстетические);

- смысловые доминанты;

- смысловые конструкторы (см. примеры выше);

- sentences: *Индивидуальность создаётся только на фоне общества; Нельзя разрушить старое и построить быстро новое; Нельзя думать, что Запад благороден – у них ничего, кроме злобы, не осталось и др.;*

- implicit meanings, containing stereotypical phenomena (images, behavior, speech): *Секунду, я тебя слушал (смысл - Сне пере-*

бивай меня); *Проехали* (смысл - Схватит об этом говорить); *Слушайте, ну вы взрослые люди* (смысл – Сне ведите себя наивно, как дети); *Давайте называть вещи своими именами* (смысл – Сне лукавьте);

- специфические категории дискурса: **экспрессивность** (*Убивайте, убивайте, убивайте! Как говорил кто? – Геббельс*); **интертекстуальность** (*Слава богу, я не читаю израильских газет, но, тем не менее... Я никаких газет не читаю*); **социальная оценочность**, включающая **идеологическую** (*Действительно, люди, живущие на Западе, считают себя избранными. На самом деле наши либералы, по большому счёту, хуже тех фашистов, что были там; С этой элиткой, которой мозгов не хватает на другое*); **категоричность** (безапелляционная оценка, навешивание ярлыков, механизм **диспозиции** с конечным «всё» или «вот и всё»); **интенсивность** (реализуется приёмами градации, преувеличения, гипертолами, повтором смыслов, слов, фраз: *Вот мы не так объяснили, у нас не такая история, мы не так что-то делаем, мы не те книги читаем и т.д.*); **ситуативность** реализуется недосказанностью (*То, что это существо чудовищное (=Чубайс) на плаву, удивляет*), свободным порядком слов (*Какой-то момент был исторический после распада советского блока, когда это управление было абсолютным*), непринуждённостью, реализуемой разговорно-просторечными средствами (*ничё, щас, нету*), дискурсивными словами (*на самом деле, так сказать, ну, вот, лично я, ни разу, просто и др.*), неполными синтаксическими конструкциями и т.п.

Особое место в дискурсе С. Михеева занимает категория **взаимодействия с адресатом**: обращение по фамилии к адресату, по имени, использование местоимений «вы», «они», знаков интеграции: *Только что вы говорили..., Господин Топорнин, вы европейские ценности разделяете? А вот посмотрите... Давайте честно скажем... Просто возьмите лист бумаги..., Вы правда считаете... Слушайте, вот это ли не мания величия?* Эта категория тесно связана со следующим компонентом когнитивного стиля.

4. Манера подачи информации. Подача информации осуществляется посредством **фреймовой парадигмы**, инвариантом которой является схема: событие – интерпретация события – доказательства интерпретации – выводы. Варианты парадигмы: событие – объяснение – предложение – параллель с другим событием / сопоставление / отождествление, противопоставление и т.п. – вывод / оценка. Доказательства могут быть выстроены и маркируются вводными словами «во-первых», «во-вторых» или «первое», «второе», «третье» и т.д. Зачас-

тую политик завершает интерпретацию события категоричным «вот и всё» (с повышением тона). Реализуется лингвориторический механизм **диспозиции**. Распространены и **вопросно-ответные высказывания**: *Что хочет Запад? – Им нужна Россия как враг; Способна ли элита соответствовать тем идеалам, которые были в Великой Отечественной войне? – Нет.*

Важным лингвориторическим механизмом подачи информации является **элокуция**. Выбор языковых средств и приёмов воздействия обусловлен целеустановкой политика, его мировоззрением, особенностями языкового сознания, конкретной ситуацией общения, социальными и коммуникативными ролями субъектов коммуникации. Назовём лишь наиболее часто встречающиеся средства: аллегория (*Он удочку свою не нашёл. Это не ответ – надо дать человеку возможность найти своё место*), ирония (*Чубайс – занятный мужичок. Про экономик у него ни разу не думал. Да у него не выросло то, чем отстраивают*), гипербола (*Если вы боролись когда-то против исторической России, то вам прощается сразу всё и навсегда, навечно*), перифразы (*авангард прогресса, империя просвещённых (=Запад)*), метонимия (*сидеть на экономике, заиграться идеологемами*), метафоры (*распил экономики, себя копать*), градация (*подчинить, покорить, заставить действовать под контролем*), сравнение (*сыграть, как на пианино*), устойчивые выражения (*пупок надрывать, почить в бозе, лапки кверху, приползти на брюхе, профессион де фуа* и т.п.), прецедентные феномены (*Обольём зелёной и выбросим; Они называли Трампа земляным червяком; Энгельс, Гегель, Маркс... Это что, русские или граждане России? Вот и всё; Разговор о европейских ценностях для меня всегда праздник, профессор...*), просторечие и жаргон (*лохануться, облажаться, впарить, фигня* и т.п.), эмоционально-оценочная лексика (*подонки, вонючая жижа, шестёрки, младший подползающий, экономический фашизм* и т.п.). Поскольку мы анализируем устный дискурс, следует отметить и механизм **акцио**. Для дискурса С. Михеева характерны «идиоматические жесты», сопровождающие речь. Термин впервые употреблён в книге [Parril 2007]. Жестов, заменяющих какие-либо слова, не отмечено нами. Для политика характерно повторение мысли, слова, фразы: *Ну и что, что они убивали, ну и что, что они насиловали, ну и что, что они кишки вынимали и на шею наматывали*. С. Михеев иногда выделяет слово и произносит его по слогам, для акцентирования внимания: *ев-ро-пей-ский, благо-сос-то-я-ние*). У политика чёткая дикция, ускоренный темп речи

(100 слов в минуту), доминируют интонационные конструкции ИК-2 и ИК-3. В целом для него характерна чёткая дикция, гибкость тона, выразительность интонации, тональность доверительности, искренности, но присутствует и эмоциональная напряжённость. Поэтому следует отметить смешение стилей.

Дискурс характеризуется то модусом недоверия, то поучительности, назидательности и аксиологией народа, так как политик опирается на этнокультурные нравственно-этические установки, использует образы национальных реалий, культурно значимых объектов. Каждый из компонентов когнитивного стиля имеет специфику, детерминируемую языковым сознанием и мировоззрением политика.

Библиографический список

- 1. Баранов А.Н.** Лингвистическая экспертиза текста. М., 2007. 592 с.
- 2. Борисова И.Н.** Русский разговорный диалог: проблема интегративности: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 430 с.
- 3. Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Языки славянской культуры, 2004. 477 с.
- 4. Келли Дж.** Теория личности: психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 249 с.
- 5. Кубрякова Е.С.,** Демьянков В.З., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. С. 109
- 6. Леонтьев А.А.** Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. 351 с.
- 7. Сидорова Т.А.** Объективация духовной культуры поморов в региональной языковой картине мира // Язык как отражение духовной культуры народа: материалы Международной научной конференции. 18-20 октября 2018 г. Архангельск: КИРА, 2018. 335 с.
- 8. Стернин И.А.** Рецептивные схемы в анализе скрытых смыслов в лингвокриминалистике // Бытие в языке: сб. научных трудов к 80-летию В.И. Жельвиса / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Т.Г. Кучиной. Ярославль: Издательство ЯГПУ, 2011. 342 с.
- 9. Шейгал Е.И.** Семиотика политического дискурса: монография. М. - Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
- 10. Parril F.** Metageature: An analysis of theoretical discourse about multimodal /eds. Duncan S., Cassell J., Levy E. // Gesture and the dynamic dimension of language. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 83-89.

FEATURES OF COGNITIVE STYLE OF POLITICIAN SERGEY MIKHEEV'S

Abstract. *The main goal of the study is to identify specific features of the cognitive style of a particular politician, whose communicative behaviour is becoming a sign of a new type of discourse personality.*

In the process of analysis, the concept 'cognitive style' is being specified in correlation with political discourse, the components of the cognitive style objectified in the communicative behaviour of the discourse personality are being identified, the specific character of the cognitive style components is being determined.

The study is focused on the cognitive discourse analysis of language and mental structures (such as background knowledge, dominant ideas, semantic constructs, value orientations, thoughts etc.), conceptualized as stable semantic formations determined by value orientations, needs of a discourse personality, his or her view of the world and world perception.

The study has shown that each component of Sergey Mikheev's cognitive style has its specific features. The way of presenting information is characterized by special emotional tension, which is conditioned by extensive use of appraisive means, precedent phenomena, stereotype images and situations, adjustments for axiology of people. Among cognitive mechanisms secondary conceptualization of signs, alignment of conceptual spheres, transformation into another conceptual sphere are of special importance. Among knowledge structures dominant ideas, semantic constructs, stereotypes, value orientations and oppositions are centre stage.

Key words: *cognitive style, discourse behaviour, discourse personality, dominant idea, semantic construct, cognitive mechanisms, background knowledge.*

УДК 81:1

К.Н. Руденко

ФЕНОМЕН ПОВЕСТКИ ДНЯ В СМИ, ЕЕ ФУНКЦИИ И ИНСТРУМЕНТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена определению термина «информационная повестка дня», анализу его качественных характеристик в современном медиапространстве.*

Ключевые слова: *повестка дня, информационное пространство, массовая коммуникация, гражданское общество, медиапространство.*

В современном научном пространстве образовался ряд основных подходов к определению повестки дня, природе ее происхождения,

механизмам формирования, функциях средств массовой информации и отдельных медиа в данном процессе. Авторами теории формирования повестки дня выступили американские ученые М. Маккобс и Д. Шоу, которые установили действительную взаимосвязь между тематическим наполнением сообщений СМИ и уровнем внимания аудитории к освещаемым вопросам [Маккобс, Шоу 1993]. В основу теории было положено мнение американского историка науки Б. Коэна, который считал, что «средства массовой коммуникации не могут указывать людям, о чем им думать, но они обладают сильным потенциалом для наведения на мысль, о чем думать» [Брайант, Томпсон 2004].

В широком смысле повестка определяется как «комплекс наиболее важных социально — экономических проблем и политических вопросов, отражающих потребности всего общества или отдельных групп, которые вынесены на общее обсуждение и требуют участия представителей государственной власти» [Ямалнеев 2014]. Также, под повесткой дня понимается совокупность наиболее важных вопросов, которые стали предметом обсуждения в СМИ и требуют решения. Региональная повестка складывается из локально ограниченных проблем, актуальных и важных для территории конкретного государственного субъекта, социальной страты или общественного объединения [Никовская, Якимец 2011]. Информационная повестка дня на региональном уровне представляет собой общность проблем, наиболее важных для конкретного субъекта или муниципалитета, решение которых как правило не требует участия общественных и политических деятелей федерального и международного уровня [Гельман, Рыженков 2010].

В постиндустриальном обществе, на переходе к обществу информационному средства массовой информации укрепляют за собой статус отдельного института гражданского общества. Роль информации в системе управления и коммуникации существенно возрастает, а административное, государственное, политическое и силовое воздействие частично или полностью замещается воздействием информационным. Электронные СМИ, оперативные новые медиа становятся основным каналом коммуникации в обществе.

Развитие медиакратии накладывает существенно расширяет горизонты изучения процессов формирования повестки дня в СМИ. При этом интерес специалистов и исследователей распределяется на два вектора. Первый — непосредственное формирование повестки дня, второй — анализ тематического наполнения уже сформированной повестки в медиа [9]. Первое направление также имеет два пути исследования

теории установления повестки дня. Как пишет Е.Г. Дьякова, это изучение внешних условий становления повестки дня, оказывающих непосредственное влияние на моделирование, и анализ самих механизмов и методов процесса становления повестки [Дьякова 2004].

Также при изучении повестки дня в СМИ следует учитывать тот факт, что несмотря на общность территории, единой повестки для всех социальных слоев быть не может, также как в различных информационных ресурсах на региональном и федеральном уровнях могут формироваться различные повестки дня в зависимости от формы собственности СМИ, редакционной политики руководства медиа и его ведущих сотрудников.

Прикладной характер носит исследование таких показателей как уровень актуальности, широты, глубины и эффективности формируемой повестки дня, уровень соответствия созданной средствами массовой коммуникации повестки тем потребностям, которые существуют в обществе, а также анализ трансформации источников коммуникации и государственного контроля, как факторов, оказывающих непосредственное влияние на становление повестки дня в СМИ.

В своих работах ведущий испанский социолог Мануэль Кастельс представляет развернутую аналитику современного этапа массовой коммуникации и обозначает возросшую роль масс-медиа в этом процессе [Кастельс 2016]. Заключение этого исследователя широко применяются в работах, посвященных анализу повестки дня. Исходя из них, ведущую роль в агрегировании и трансляции ключевых тем в условиях современной действительности являются средства массовой информации. Сформированное и эффективное информационное пространство стало одним из важных элементов государственного развития. Через него можно консолидировать общество, выстраивать взаимодействие различных территориальных и социальных групп, вести диалог различных уровней власти и бизнеса, а также чутко реагировать на формирующиеся общественные настроения. В числе задач, которые способны решать средства массовой информации, в процессе формирования актуальной повестки дня:

- полноценное и всесторонне освещение проблем и вопросов внутренних территорий, отдельных муниципалитетов, социальных слоев;
- представление объективной социальной, экономической, политической картины в отдельном субъекте государства и на территории всей страны;
- консолидация различных социальных страт в решении наиболее важных общественных вопросов;

- выявление наиболее острых социальных и политических проблем и содействие их решению;

- прогностическая работа, формирование перспективных моделей развития событий, предоставление экспертных оценок.

По мнению исследователя М.В. Данилова: «Формирование повестки дня выступает основной целью артикуляции и агрегирования общественных интересов, преобразует социальные эмоции и ожидания в оформленные требования, способствует согласованию частных потребностей, устанавливает их иерархию; выступает фильтром общественно-политических проблем, т.е. при её формировании происходит расстановка приоритетов в развитии страны и ранжирование основных проблем, контроль над системой принятия решений, отбором тем для обсуждения и их реализацией» [Данилов 2011].

Весь спектр факторов, влияющих на формирование повестки, возможно разделить на четыре основных направления:

- социальные;
- экономические;
- политические;
- духовные.

Кроме того, можно выделить территориальные факторы, влияющие на региональную информационную повестку: внешние (общеземельные и международные), общие (региональные), внутренние (на уровне муниципалитетов отдельного субъекта государства). В отношении акторов региональные повестки в СМИ могут носить объективный и субъективный характер.

Процесс выбора тем, вопросов или проблем для информационной повестки дня включает в себя последовательный набор этапов [4]. На первом этапе устанавливается сам факт существования очевидной для большинства проблемы, требующей решения. На втором этапе под влиянием административных структур, политических акторов, активной общественности, а главное — средств массовой информации, происходит включение выбранного вопроса в актуальную повестку дня. Как правило, этому процессу сопутствует обобщение знаний и мнений о существующем проблемном явлении. Третий этап включает в себе оформленный общественный интерес в обозначенном вопросе. На третьем этапе вопрос закрепляется в повестке дня, а средства массовой информации стимулируют и поддерживают широкий интерес к нему. На этом же этапе можем меняться проблемный уровень: вопрос может приобретать федеральный масштаб или, напротив, решаться на местном уровне.

Четвертый этап определяет комплекс возможных решений вопроса, механизмы урегулирования проблемных ситуаций. Пятый — заключительный — этап определен снятием проблемы с повестки дня в связи с ее решением, вытеснением более актуальными вопросами или переходом на другой уровень. В случае неразрешенности, проблема может быть снова актуализирована через действия общественности или средства массовой информации. «Для достижения положительного эффекта субъектам формирования повестки дня необходимо уметь поддерживать необходимый интерес к проблеме, правильно формулировать предпочтения в принятии решений и осознавать последствия игнорирования реакции общественности и других субъектов» [Дьякова 2004].

На формирование актуальной повестки дня в СМИ влияние оказывает целый комплекс социальных, экономических, духовных и политических факторов. Кроме того, при анализе информационной повестки стоит учитывать территориальную специфику, субъективность и объективность акторов медиапространства. А степень эффективности информационной повестки во многом зависит от уровня информационной культуры в обществе.

В целом, процесс формирования информационной повестки дня можно охарактеризовать как сложный механизм взаимодействия средств массовой информации с обществом, направленный на решение социально важных проблем.

Библиографический список

1. ***Брайант Д., Томпсон С.*** Основы воздействия СМИ. М.: Вильямс, 2004. С.162.
2. ***Гельман В.Я., Рыженков С.И.*** Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политэкс, 2010. С. 16.
3. ***Данилов М.В.*** Властные механизмы политизации социальной повестки дня в России // Актуальные проблемы политологии. 2011. №19. С. 209 — 213.
4. ***Джанда К., Берри Дж.*** Трудным путём демократии М.: РОС-СПЭН. 2006. С. 288.
5. ***Дьякова Е. Г.*** Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 109-120.
6. ***Дьякова Е. Г.*** Установление повестки дня как электоральная технология в современном электоральном цикле // Политическая наука и государственная власть в РФ и ННГ. Екатеринбург, 2004. С. 178.

7. **Кастельс М.** Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 141.

8. **Маккомбс М., Шоу Д.** Эволюция исследования по определению повестки дня: двадцать пять лет на рынке // Журнал коммуникации. 1993. Vol. 43. № 2. С. 58-67.

9. **Медиакратия: современные теории и практики** / под ред. А. С. Пую, С. С. Бодруновой. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 355 с.

10. **Никовская Л.И., Якимец В.Н.** Политика региональных властей в России: типы, субъекты, институты и современные вызовы // Полис. 2011. №1. С. 80 — 96.

11. **Ямалнеев И.М.** Политическое содержание феномена «повестка дня. Некоторые её особенности. // Наука вчера, сегодня, завтра: сб. ст. по матер. XVIII-XIX междунар. науч.-практ. конф. № 11-12(17). — Новосибирск: СибАК, 2014. 247 с.

K.N. Rudenko

PHENOMENON AGENDA-SETTING IN THE MEDIA, FUNCTIONS AND DESIGN TOOLS

Abstract. The article is devoted to the definition of the term “agenda-setting”, the analysis of its qualitative characteristics in modern media.

Key words: agenda-setting, mass media, mass communication, civil society.

УДК 070:778.5

Н.И. Чирва

ОБРАЗЫ КИНОСОБЫТИЙ В ДИСКУРСЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИА

Аннотация. Статья посвящена анализу современной дискурсивной эволюции медийного пространства в среде региональных медиа. Уникальной ее делает уже полноправный в мировой культуре предмет искусства, десятилетиями притягивающий к себе публику и формирующий в XXI веке совершенно новые концепции, как поводы к медийной огласке.

Ключевые слова: дискурс, медиасреда, журналистика, жанр, кинематограф, искусство, анализ, эволюция.

Задача работы – отметить специфику медийного представления кинособытий с учетом особенностей региональных СМИ. Как показывает история, XXI век оказался богат на события, и этому есть вполне логичное объяснение. Развитие информационной структуры в ми-

ровом масштабе напрямую способствует оперативному освещению актуальных событий в плоть до текущих, благодаря стриминговым сервисам. При росте объема современных информационных потоков закономерны многогранность и богатство инфоповода, как ключевого феномена, не обходящего стороной и кинематографическую область.

Для явного раскрытия сути многогранности инфоповода рассмотрим несколько примеров на почве ежегодного Российского кинофестиваля «Вечевой Колокол» и победы в нем кубанского режиссера Батраевой Н. в редакционном материале «Лица недели» газеты «Вольная Кубань» №132, ноябрь 2018, с.3 и статье Шульги О. «Если не будет бога в нашей душе — не будет жизни на Земле» журнала «Родная Кубань» №4, 2018, с.115-122.

В обоих изданиях целенаправленно рассматривается характеристика и комментарии фестиваля православных фильмов «Вечевой Колокол» в рамках которого получила гран-при режиссёр Наталья Батраева, представившая фильм «Донецкая Вратарница».

Дискурс статьи газеты «Вольная Кубань» предельно лаконично повествует о фестивале, его рамках и призёре. Статью дополняет портретное фото режиссёра, что логично обусловлено тематикой колонки. Большую долю дискурса занимает описание сюжета самого кинофильма, с заключением о зрительском и авторском отношении к картине: «Несмотря на то, что съемки захватывают военные действия, в кадрах стрельба, разрывы снарядов, развалины монастыря, домов, аэропортов – он о счастье. Автор и зрители делают этот вывод неожиданно для себя» [5: 3]. Концовка же выражает отношение редакции к работе режиссёра: «Пожелаем Наталье Батраевой новых достойных работ – светлых, добрых фильмов и интереса к ее творчеству спонсоров и властей» [5: 3].

Дискурс журнала «Родная Кубань» сложнее. Он рассказывает больше о реализованном кинопроекте, но в единстве с этим описывает и премьерный показ фильма. Сюжетная составляющая кино описана поверхностно. Автор уделит внимание деталям показа, комментариям режиссера и приглашенных лиц. Среди них автор не раз акцентирует внимание на В.И. Лихоносове, дискурс которого процитирован следующими строками: «Когда смотришь фильм, то чувствуешь себя как-то виноватым. Какие лица... Вы заметили? Какие лица! Горе раскрывает красоту. Божественную красоту...» [3: 116].

Сопоставительный анализ показал эволюционные возможности медиaprостранства, напрямую зависимые от жанровой специфики. Современный кинематограф, стремительно развивающийся с применением

новых технологий вещания, буквально стимулирует СМИ к развитию медийного пространства многогранным контентом и идейно-культурными особенностями. Из процесса стимуляции в данном случае подтверждается само определение медиапространства в труде Ткаченко О.Н. «Специфика творчества в медиапространстве»: «Для точного определения понятия «медиапространство» важно выяснить, что понимается под пространством. Отметим, что в научной литературе встречается также синонимичное понятие «медиа-среда» (мы также будем считать данные понятия синонимами). Если рассматривать понятие «пространство» в соотношении с понятием «среда», то под пространством можно рассматривать не только форму (вместе со временем) существования бесконечно развивающейся материи, но и некую область распространения чего-либо. Выбранному типу происходящих событий может ставиться в соответствие свое пространство: культурное, экономическое, информационное и прочее. Так, совокупность событий по поводу производства, распространения и потребления массовой информации может рассматриваться как медиапространство (медиасреда)» [3: 91].

Отдельно стоит отметить выразительность дискурса анализируемых материалов. Совершенно неоднозначные модели представления кинособытия демонстрируют дискурсивное многообразие в медиа. Можно полагать, что для рассматриваемых региональных СМИ справедлива мысль о том, что «действительно, дискурс не просто поток речевого общения как одной из сторон социального взаимодействия, но речевое поведение субъекта идеологии, ограниченное в своем проявлении конкретными обстоятельствами жизни человека в определенном социуме в хронологически очерченных рамках этапа его развития»[1: 91].

Таким образом, можно наметить взаимосвязь между многогранным предметом искусства, таким как кинематограф, и медиапространством, где оба объекта безусловно могут существовать обособленно, но именно при тесной взаимосвязи они достигают наибольшей своей эффективности.

Библиографический список

1. ***Манаенко Г.Н.*** Лингвистические координаты понятия «дискурс» // Вопросы когнитивной лингвистики. №4, 2011. С. 83 – 92.
2. **Редакционный материал.** Лица недели. // Вольная Кубань, ноябрь, 2018. С.3.
3. ***Ткаченко О.Н.*** Специфика творчества в медиапространстве // Омский научный вестник. №1 (135). 2015. С. 91 – 94.

4. **Чирва Н.И.** Представление феноменов кино в СМИ с участием фотоматериалов // Вестник Адыгейского государственного университета. №3(242). 2019. С.199 – 204.

5. **Шульга О.** Если не будет бога в нашей душе — не будет жизни на Земле // Родная Кубань. №4, декабрь, 2018. С. 115 – 122.

N.I. Chirva

FORMS OF CINEMA EVENTS IN THE DISCOURSE OF REGIONAL MEDIA

Abstract. The article is devoted to the analysis of the modern discursive evolution of the media space in the media. In this story, completely new concepts were created that were laid out in the 21st century.

Key words: discourse, media, journalism, genre, cinema, art, analysis, evolution.

УДК 81'42

Е.М. Какзанова

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ДИСКУРС (на примере писем Моцарта)

Аннотация. В статье рассматривается эпистолярный дискурс и разграничиваются понятия *эпистолярный жанр* и *эпистолярный дискурс*. Предметом статьи являются письма Моцарта. Цель работы – выявление смысловых характеристик эпистолярия и особенностей стиля Моцарта. Методика работы заключалась в описании личных отношений участников общения, обстоятельств общения, целей коммуникации и выбора Моцартом языковых средств для отображения его манеры речевого поведения. Результатом исследования явилось знакомство с Моцартом как с автором не только музыкальных, но и эпистолярных произведений. Полученные результаты могут быть использованы в дискурсивных исследованиях, в переводоведении, а также при написании биографии композитора. На основании проанализированных писем делаются выводы об искренности Моцарта, которая помогала ему подняться над нормами и условностями и раскрыть свой талант.

Ключевые слова: эпистолярный дискурс, Вольфганг Моцарт, письма, Леопольд Моцарт, Констанца Моцарт, *Bäse*.

В последние десятилетия интерес исследователей вызывают различные эпистолярные тексты, в том числе и частные неофициальные письма, к которым относятся рассматриваемые в настоящей статье письма Вольфганга Моцарта.

Исследование эпистолярия, т.е. совокупности писем и коммуникативных ситуаций, позволяет учитывать такие дискурсивные параметры, как обстановка, время и место написания письма, предмет, цель и повод коммуникации, социальные и индивидуальные характеристики участников речевого общения, а также ролевые и личностные отношения между адресатом и адресантом.

Разграничивая понятия «дискурс» и «текст», Л.-Л.-В.Й. Александер справедливо подчёркивает, что эпистолярный дискурс отражает динамический, разворачивающийся по времени характер речевого общения [Александер 2016: 16], в то время как текст письма – это результат дискурсивной деятельности, составная и неотъемлемая часть эпистолярного дискурса.

По отношению к письмам гораздо привычнее говорить об эпистолярном жанре, а не об эпистолярном дискурсе. Американские учёные Р. Уэллек и О. Уоррен в труде «Теория литературы» определяют жанр как условную группу литературных произведений, в которых теоретически выявляется общая «внешняя» (размер, структура) и «внутренняя» (настроение, отношение, замысел, иными словами — тема и аудитория) форма [Уэллек и др. 1978: 248]. По отношению к письмам Моцарта нас в этом определении смущают и внешняя, и внутренняя форма, т.к. и размер, и структура писем Моцарта могут быть самыми разными, а замысел может вообще чётко не прослеживаться. Поэтому по отношению к письмам Моцарта мы предпочитаем говорить об эпистолярном дискурсе, ориентируясь на дискурсивные параметры, перечисленные выше. В то же время мы полностью согласны с мнением Л.-Л.-В.Й. Александер, подчёркивающей, что эпистолярный дискурс формируется многочисленными письмами, каждое из которых представляет собой частный случай эпистолярного жанра в зависимости от его жанровой принадлежности [Александер 2016: 21].

Полное пятитомное издание писем Моцарта было впервые опубликовано в 1914 году Л. Шидермайром [Schiedermaier 1914]. К достоинствам издания А.В. Бояркина относит сохранение орфографии и оборотов речи оригинала, наличие краткого комментария упоминаемых в письмах событий и лиц. Среди недостатков издания А.В. Бояркина называет отсутствие хронологии и чередование писем Моцарта с письмами его родственников [Бояркина 2006: 7].

К 200-летию со дня рождения В.А. Моцарта было издано полное семитомное собрание писем и заметок Моцарта, составленное В.А. Бауэром и О.Э. Дойчем с комментариями Й.Х. Айбля [Mozart 1962-

1975]. А.В. Бояркина отмечает, что в данном издании письма располагаются в хронологическом порядке (первые четыре тома), три последних тома представляют собой развёрнутые комментарии, которые затрагивают не только содержательную сторону писем, но и языковые явления [Бояркина 2006: 8].

К 250-летию юбилею В.А. Моцарта впервые было издано Полное собрание писем композитора на русском языке [Моцарт 2006]. В это издание вошли все полные сохранившиеся письма композитора в переводе на русский язык за исключением приписок, списков сочинений и заметок – всего 317 писем. Больше количество писем адресовано отцу композитора – Леопольду Моцарту – всего 161. Леопольд Моцарт был не только отцом для Вольфганга, но и его учителем. Именно благодаря отцу Вольфганг получил разностороннее светское образование, сформировался как композитор и музыкант. Первое адресованное отцу письмо датируется 1777 годом, Моцарту 21 год. В этом письме (как и в последующих письмах) сын подробно сообщает отцу о своих действиях, делится своими впечатлениями. Чтобы отец не волновался, Вольфганг пишет: «*ich bin der anderte Papa. ich gieb auf alles acht*».

И.С. Алексеева говорит о графическом хаосе в письмах Моцарта [Алексеева 2006: 20]. Даже на примере этих двух коротеньких предложений мы видим отсутствие знаков препинания (запятой) и прописных букв в начале предложения. В то же время обращение *Papa* написано с большой буквы в знак искреннего почтения. Любящий сын хочет, чтобы отец был здоров: «*uns gehet nichts ab als der Papa, je nu, gott wills so haben. es wird noch alles gut gehen. ich hoffe der Papa wird wohl auf seyn, und so vergnügt wie ich, ich gebe mich ganz gut drein*».

Правила орфографии уже во времена Моцарта требовали, чтобы существительные, и тем более имена собственные, писались с прописной буквы [Розинкина 2000: 9], но Моцарт упорно игнорирует эти правила, написав даже существительное *gott* (*Бог*) с маленькой буквы.

Последнее письмо Моцарта отцу датируется 1787 годом. Оно написано за полтора месяца до смерти Леопольда Моцарта. Вольфганг уже знает, что его отец серьезно болен, поэтому половина его письма посвящена рассуждениям о смерти и надежде на то, что отцу станет лучше: «*Ich hoffe und wünsch, daß Sie sich während ich dieses schreibe, besser befinden werden; sollten Sie aber wider alles Vermuthen nicht besser sein, so bitte ich Sie bei ..... mir es nicht zu verhehlen, sondern mir die reine Wahrheit zu schreiben oder schreiben zu lassen, damit ich so geschwind als es menschenmüglich ist, in Ihren Armen sein kann*».

Матери, Анне Марии Моцарт, Вольфганг написал всего четыре письма. С одной стороны, это можно объяснить тем, что во время путешествий с сыном письма жене писал Леопольд. Об этом Вольфганг пишет в своём первом письме, адресованном матери, от 7 ноября 1772 года: «*Erschrecken sie nicht, da sie anstat der schrift meinespapa meine finden*». С другой стороны, небольшое количество писем Моцарта матери можно объяснить её ранней смертью. Анна Мария Моцарт умерла в декабре 1778 года в возрасте 58 лет. Последнее письмо Моцарта матери написано за 11 месяцев до её смерти. Письмо шутивное, в стихах. Сообщая в самом конце, что в ближайшее время они увидятся, Моцарт употребляет глагол *embrassiren*. Возникновение этого и подобных глаголов связано с тем, что Моцарт много путешествовал и использовал в своих письмах отдельные слова и целые фразы из других языков, чаще всего, из французского. Моцарт воспользовался французским глаголом *embrasser* (*обнимать, целовать, заключать в объятия*), онемечив его, т.е. проспрядав на немецкий лад, присоединив к его корню немецкий суффикс.

Самое раннее из дошедших до нас писем Моцарта датируется 1769 годом, когда композитору было 13 лет. Это письмо адресовано подруге сестры Моцарта Наннерль Марии Анне Катарине фон Гиловски (175-1802). Письмо написано под влиянием вчерашнего разговора с девочкой. Целью Моцарта было «*allerhand, lateinische worte, Zeilen herzuschreiben*». Как видим, существительное *Zeilen* написано с прописной буквы, а существительное *worte* – со строчной.

Это единственное письмо Моцарта, адресованное подруге сестры. Своей старшей сестре Наннерль (Марии Анне Вальбурге Игнатии) Вольфганг написал 19 писем, не считая приписок, адресованных ей в письмах матери и отцу. Основная тематика писем сестре – рассказ о своих впечатлениях от посещения концертов и спектаклей. Иногда Моцарт даже посылает ей ноты. Также Моцарт сообщает сестре, над чем он в настоящий момент работает. В письме от 13 февраля 1782 года из Вены он подробно описывает свой распорядок дня («*meinen Lebenslauf*»). Письмо от 13 июля 1783 года написано в стихах. Цель стихов – напоить сестру пуншем. Письмом от 18 августа 1784 года Моцарт поздравляет сестру с бракосочетанием и в шутивном стихотворении даёт ей некоторые напутствия.

Смерть отца и его распоряжение о разделе наследства между детьми никак не повлияли на отношение Моцарта к сестре («*Sey versichert, meine Liebe, daЯ, wenn Du Dir einen guten, Dich liebenden und schützenden*

Bruder wünschest, Du ihn gewiß bey jeder Gelegenheit in mir finden wirst»), хотя темой нескольких писем к ней были именно наследные дела.

41 письмо Моцарт написал своей жене Констанце. Самые первые письма датируются 1781 и 1782 годами, когда Констанца была ещё в статусе невесты. Остальные 39 писем написаны за 2 года до смерти Моцарта. Констанца часто болеет и много времени проводит на водах близ Вены. В письмах к ней Моцарт неизменно весел и заботлив, заверяя жену в своей неослабевающей любви к ней [Моцарт 2006: 433]. По мнению П. Вудфорд, Моцарт отрицал, что влюблён в Констанцу, но на самом деле обожал её [Вудфорд 1999: 94]. В письме от 8 апреля 1789 года Моцарт пишет: «*Denkst Du wohl so oft auf mich, wie ich auf Dich? – alle Augenblicke betrachte ich Dein Portrait – und weine – halb aus Freude, halb aus Leide! – erhalt mir Deine mir so werthe Gesundheit und lebe wohl, Liebe!*».

Многие биографы Моцарта говорят о его любви к словесным играм, называя при этом юмор и иронию, отражающиеся в его письмах. Практически в каждом его письме присутствует подпись-перевертыш «*Трацом*», реже встречается анаграмма «*Роматиц*» вместо «Моцарт». В письме к жене от 13 апреля 1789 года Моцарт использует целый ряд игривых словечек, обращаясь к Констанце. Во-первых, он называет её *Штанцерль* (*Stanzerl*). Австрийский диминутивный суффикс *-erl* аналогичен диминутивным суффиксам *-chen* и *-lein* и придаёт имени эмоционально-экспрессивный оттенок мелиоративной (ласкательной, доверительной) направленности [Антропова 2006: 62]. Буквосочетание *st* в начале слов и корней произносится как *um*. Исключения составляют слова иностранного происхождения. Имя «Констанца» образовано от интернационального прилагательного *konstant*, в котором буквосочетание *st* произносится как *st*. Моцарт убирает приставку *кон-*, буквосочетание *st* оказывается в начале слова и произносится по правилу немецкого произношения как *um-*. Далее Моцарт любя называет Констанцу несколькими ласковыми словами, некоторые из которых придуманы им самим: *Spitzbub* – *Krallerballer* – *Spitzignas* – *Bagatellerl* – *schluck und druck*. Существительное *Spitzbub* присутствует в словаре в форме *Spitzbube*. Его словарные значения «озорник», «плутишка», «мазурик». В письмах Моцарта на русском языке в издании 2006 года существительное переведено словарным вариантом «плутишка» [Моцарт 2006: 443], в издании 2000 года – вариантом «озорнишка» [Розинкина 2000: 330]. Существительное *Krallerballer* Моцартом придумано. Оно состоит из двух рифмованных корней, причем в

словаре есть только второй, *Baller*, в значении «игрок». Вряд ли Моцарт имел в виду именно это. В издании 2000 года существительное *Krallerballer* переведено как «хлопогромка» [Розинкина 2000: 330]. Логика переводчика понятна: скорее всего, он опирался на знакомые слова *knallen* «хлопать хлопушкой» и *ballern* «хлопать дверью». Перевод в издании 2006 года совсем другой – «вырви-глаз» [Моцарт 2006: 443]. В русском языке фразеологизм «вырви-глаз» обозначает кислятину, а также всё то, что как-то (чаще негативно) выделяет человека, например, безвкусный наряд или необычная причёска. Оба переводчика по-своему правы. Сейчас трудно утверждать, что же на самом деле имел в виду Моцарт. Далее в письме следует придуманное Моцартом слово *Spitzignas*, но оно, по крайней мере, состоит из понятных корней: *spitzig* – «острый», *Nas* – усеченная форма от *Nase* – «нос». В издании 2000 года слово переводится как «вроноскока» [Розинкина 2000: 330], в издании 2006 года – «вроносок» [Моцарт 2006: 443]. Следующее слово в этом ряду *Bagatellerl*. Без австрийского диминутивного суффикса *-erl* в немецких словарях представлены два существительных – *die Bagatelle* «мелочь, пустяк, безделица; багатель» и *das Bagatell* «незначительный, низкий». Второе существительное согласно словарной помете употребляется только в юриспруденции. Поэтому при переводе использовались значения лексики *die Bagatelle* – в издании 2006 года «безделушечка», в издании 2000 года «багателька». Конечно, переводчики придали разные смыслы употребленному Моцартом слову. Ведь «багатель» – лёгкая в исполнении на фортепьяно инструментальная пьеса – это не «безделушечка». Заканчивает ряд двойной рифмованный фразеологизм *schluck und druck*. Придуманый композитором фразеологизм состоит из двух существующих слов, причем это могут быть как существительные (*Schluck* «глоток», *Druck* «давление, нажатие»), так и глагольные формы повелительного наклонения. Учитывая то, что на момент написания этого письма Моцарт уже стал использовать прописные буквы для написания существительных, а в письме слова написаны с маленькой буквы, предположим, что речь идёт о глагольных формах. Очевидно, именно такая логика была у переводчика писем, изданных в 2000 году, потому что его перевод звучит как «Глотни-Сожми». Не будем забывать, что в оригинале Моцарт обращается к своей жене, называя её всякими ласковыми словами. И здесь понятней логика переводчика писем, изданных в 2006 году, потому что в его переводе Моцарт называет Констанцу «горюшко моё!». Всё-таки, исходя из значений упот-

реблённых Моцартом слов, создаётся ощущение, что разлученный с женой муж просто хотел обнять её и проглотить.

Биографы Моцарта отмечают, что щедрее всего словесные шалости представлены в письмах к кузине Вдсле (Марии Анне Текле Моцарт). Г. Аберт отмечал, что в отношении Моцарта к Вдсле при всей задушевности и сердечности господствовала резко бросающаяся в глаза склонность к примитивизму [Аберт 1983: 22]. Все его рифмованные *bdsle hdsle* («сеструха-страшнуха»), *gesund hund* («здоровы-коровы»), *brief trief, vetter retter* и т.д. – те же игры со словом, что и в письмах к Констанце. Моцарт целые письма мог написать в рифму [Луцкер и др. 2008: 432]. Слово-эхо, создавая рифму, контрастирует по значению с первым, основным словом и создаёт атмосферу игрового абсурда [Алексеева 2006: 16].

К кузине Моцарт написал 10 писем. Мария Анна Текла Моцарт, дочь младшего брата Леопольда Моцарта – Франца, была моложе Вольфганга на два с половиной года. Первый раз они встретились, когда Моцарту было семь лет. Следующая встреча состоялась через три года. Уже взрослыми людьми (Марии Анне шёл девятнадцатый год) они встретились и по-настоящему познакомились, проведя вместе две недели. С этого момента между ними завязывается переписка [Розинкина 2000: 385, 386]. В связи с наличием разного рода непристойностей эти письма вплоть до середины XX века не были доступны читателю. Лучше других зная склонность Моцарта к проказам и понимая безобидность содержания этих писем, вдова Моцарта Констанца в 1799 году в письме к издателям «Брайткопф и Хертель», готовившим к публикации биографию Моцарта, так выражает свои сомнения: «... конечно, безвкусные, но тем не менее смешные письма к его двоюродной сестре несомненно заслуживают упоминания, однако, не полной публикации» [Розинкина 2000: 381-382].

Своей первой любви, юной певице Алоизии Вебер, с которой познакомился в Мангейме, (кстати, она была старшей сестрой будущей жены Моцарта Констанцы) Моцарт написал только одно письмо, причем на итальянском языке. Мечты Вольфганга поехать с Алоизией Вебер вместо Парижа в Италию шли вразрез с мечтами его отца, который связывал с посещением Парижа большие надежды. В письме к Алоизии Моцарт практически не говорит о своей любви, зато превозносит талант певицы и просит её взяться за написанную им для неё сцену Андромеды, потому что «она ей подойдёт и принесет много славы» [Моцарт 2006: 443]. Мы обнаружили письмо к Алоизии в Полном собрании писем Моцарта на русском языке [Моцарт 2006: 151-

153]. В собрании писем Моцарта, составленном Л. Шидермайром, письмо к Алоизии Вебер отсутствует [Schiedermaier 1914].

Конечно, какая-то часть писем Моцарта утеряна. Об этом свидетельствуют отсылки самого композитора к собственным письмам. Так, в единственном письме отцу Констанцы и Алоизии Фридолину Веберу от 29 июля 1778 года Моцарт пишет: «*Nur muЯ ich sie noch befragen, ob sie mein schreiben von 29ten junni auch erhalten haben? – ich habe ihnen gleich 3 briefe nacheinander geschrieben; – von 27ten, gerade an sieaddressirt – von 29ten an Hr: Heckmann, und von 3ten julli an ebendenselben*». В Полном собрании писем Моцарта есть только одно письмо, адресованное Фридолину Веберу, остальные письма отсутствуют.

После смерти отца основным адресатом писем Моцарта становится, не считая Констанцы, Михаэль Пухберг, собрат Моцарта по масонской ложе. Известны 19 писем к Пухбергу, в которых Моцарт, в основном, жалуется на нехватку денег и просит помочь ему: «*ich bin in einer Lage, die ich meinem drgsten Feinde nicht wьnsche; und wenn Sie bester Freund und Bruder mich verlassen, so bin ich unglьcklicher und unschuldigerweise sammt meiner armen kranken Frau und Kind verlohren*».

Одним из адресатов поздних писем Моцарта является также Жакен Готфрид, ученик и друг композитора, служащий одной из придворных канцелярий. Опубликованы пять писем Моцарта Жакену Готфриду. Письма Жакену Готфриду по тематике очень напоминают письма Моцарта отцу – то же подробное описание своей жизни, сочиненных произведений, своих впечатлений от светских мероприятий.

Пять писем написано почитательнице Моцарта баронессе Марте Вальдштеттен. В письме, датированном 28 сентября 1782 годом, Моцарт употребляет большое количество французских глаголов, добавляя к ним немецкий суффикс *-ieren*, пародируя, таким образом, насыщенную галлицизмами светскую болтовню [Моцарт 2006: 345]: «*Martin das Angerl welches in vielen Stьcken mirobligirt zu seyn glaubt, will mich absolutement mit einem Dinue Tractiren; – ich glaubte es gestern noch anders Tourniren und folglich nach meinem Wunschaccomodiren zu kunnen; allein es war nicht muglich, weil das Angerl schon alles bestellt und arrangirt hatte, und folglich umsonst die depense machen mьste; – mithin und derohalben werden mich Euer gnaden dermalen pardoniren, und wenn mir Euer gnaden permittiren, so werden wir zwey kьnftigen Dienstag die Ehre haben hochdieselben zu complimentiren und zu veneriren, und die frl: v: Auerhammer zu klystiren, wenn sie ihr zimmer nicht besser wird fermiren*». Искажённая форма *Tractiren*, скорее всего, всходит к французскому глаголу *traiter* – «потчевать»; *Tourniren* – от

французского глагола *tourner* – «менять направление»; *accomodiren* – от французского глагола *accomoder* – «приспособиться»; *arrangiren* – от французского глагола *arranger* – «улаживать»; *pardoniren* – от французского глагола *pardonner* – «извинять»; *permettiren* – от французского глагола *permettre* – «разрешать, позволять»; *complimentiren* – от французского глагола *complimenter* – «хвалить»; *veneriren* – от французского глагола *venerer* – «почитать, уважать»; *klystiren* – от французского существительного *clysture* – «клизма» в значении «делать клизму»; *fermiren* – от французского глагола *fermer* – закрывать.

Остальные адресаты представлены одним или двумя письмами.

Г. Аберт считает, что в своих письмах Моцарт вряд ли когда-либо открывает сокровенную тайну своей натуры, а за большинством его шуток скрывается желание вырваться за пределы тех норм и условностей, которые бульшая часть его современников воспринимала с такой серьёзностью [Аберт 1983: 15, 23]. Нам же Моцарт показался очень искренним в своих письмах, потому что тематика его писем полностью отражает главное дело его жизни – музыку, в которой нет ни одного фальшивого звука.

Библиографический список

Аберт Г. В. А. Моцарт. Часть вторая, книга первая. Перев. с нем. М.: Издательство «Музыка», 1983. 518 с.

Александр Л.-Л.-В.Й. Лингвокультурологические особенности эпиталярного дискурса (на примере писем композиторов Л. ван Бетховена и Р. Вагнера)/Дисс. .. канд. филол. наук: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2016. 170 с.

Алексеева И.С. Предисловие. Чужие письма?//Моцарт В.А. Полное собрание писем. Пер. на русский. М.: Международные отношения, 2006. С. 11-22

Антропова Н.А. Разговорно-маркированные суффиксы в системе немецкого разговорного словообразования // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. С. 62-68

Бояркина А.В. Вступительная статья. Источники, переводы на русский язык // Моцарт В.А. Полное собрание писем. Пер. на русский. М.: Международные отношения, 2006. С. 7-10

Вудфорд П. Иллюстрированные биографии великих музыкантов. Моцарт. Перев. с англ. Челябинск: Урал LTD, 1999. 155 с.

Луцкер П., Сусидко И. Моцарт и его время. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2008. 624 с.

Моцарт В.А. Полное собрание писем. Пер. на русский. М.: Международные отношения, 2006. 536 с.

Розинкина А. (сост.). Вольфганг Амадей Моцарт. Письма. М.: АГ-РАФ, 2000. 448 с.

Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1978. 328 с.

Mozart W.A. Briefe und Aufzeichnungen. Gesamtausgabe / Hrsg. von der Internationalen Stiftung Mozarteum Salzburg. Gesammelt von W.A. Bauer und O.E. Deutsch. Auf Grund deren Vorarbeiten erldutert von J.H. Eibl. Bde I-VII. Kassel, 1962-1975.

Schiedermair L. Briefe W.A. Mozarts und seiner Familie. 5 Bde. Мьнchen/Leipzig, 1914.

E.M. Kakzanova

EPISTOLARY DISCOURSE (case study Mozart's letters)

Abstract. This paper presents the epistolary discourse and distinguishes between terms epistolary genre and epistolary discourse. The research subject is Mozart's letters. The goal of research is to reveal the logical behavior of the collection of letters and special features of Mozart's style. The study methods were to describe personal relationships of communication members, communication circumstances, communication goals and Mozart's choice of linguistic means for reflection of his verbal behavior. The study result is to know Mozart not only as the author of music pieces but one of the epistolary. These results can be used in discourse studies, in the science of translation and for the writing of the composer's biography. On the grounds of analyzed letters we conclude about Mozart's sincerity, which helped him to rise above norms and conventionalities and to bring his talent to light.

Key words: epistolary discourse, Wolfgang Mozart, letters, Leopold Mozart, Constanze Mozart, Bäsle.

УДК 811.161.1'243(072):[378.4:78]

Е.В. Михайлова, Н.А. Герасимова

УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ВУЗЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ

Аннотация. Предметом исследования в настоящей статье является учебно-педагогический дискурс в процессе преподавания русского языка как иностранного в вузе музыкального профиля. Данный дискурс имеет несколько

составных частей и взаимодействует с другими типами дискурса. Цель работы – анализ учебно-педагогического дискурса с точки зрения отражения в нем особенностей учебного процесса в творческом вузе.

Исследование проводится при помощи анализа эмпирических данных, лингвокультурологического и социолингвистического анализа дискурса. В данной статье экспликация учебно-педагогического дискурса рассматриваются на материале текстов разных типов – текстов учебника, текстов творческих работ учащихся и т.д. Учебно-педагогический дискурс в вузе музыкального профиля реализуется, прежде всего, при помощи лингвистической, музыкальной и общенаучной терминологии, разных тематических групп лексики, он связан с музыкальным, научным и художественным дискурсами. Область применения результатов исследования – преподавание основного курса – русского языка как иностранного – и междисциплинарные исследования гуманитарных наук.

Ключевые слова: *учебно-педагогический дискурс, русский язык как иностранный, вуз музыкального профиля.*

В настоящее время когнитивно-дискурсивная парадигма считается одной из ведущих при исследовании языка и текста. Каждая человеческая личность индивидуальна, и у нее в процессе жизни и изучения новой информации формируется определенная картина мира (концептуальная схема) «...на основе познавательных и коммуникативных процессов, в частности, отражательного и репрезентативного характера» [Манаенко 2009: 17]. Организующиеся концепты лежат в основе индивидуальных ментальных пространств каждого человека. Каждое такое пространство представляет собой либо дискурс, либо его часть. Дискурс, «...будучи одновременно и потенцией, и реализацией, суть явление амбивалентное, т.е. аморфное, неопределенное, нечетко очерченное в своих границах» [Приходько 2009: 23]. Дискурс следует понимать как «...многомерное социо- и лингвокультурное явление, в пределах которого осуществляется вербальная коммуникация в определенной предметно-тематической сфере» [Приходько 2009: 24]. Его можно интерпретировать как языковое, социокультурное и коммуникативно-прагматическое явление.

Теория дискурса соотносится со многими лингвистическими, литературоведческими, философскими и другими проблемами, в частности, с вопросами интертекстуальности. Этим вопросам уделено значительное внимание в работах отечественных и зарубежных ученых (М.М. Бахтин, Ю. Кристева, Р. Барт, М. Фуко и др.). Указанные проблемы яв-

ляются многоаспектными и побуждают лингвистов к рассмотрению межкультурного взаимодействия. Исследование текста в поле интертекстуальности связывает последний с понятием дискурса. Особенно тесно коррелирует с понятием дискурса проблема текстообразования.

Современная социокультурная среда позволяет выделить различные типы дискурсов: «...дискурсы профессиональных страт (педагогический, дипломатический, спортивный, политический, экономический, юридический, медицинский и пр.), корпоративных и субкультурных страт (банковский, религиозный, эзотерический, сакральный, лаудативный / героический/, революционный, партизанский, террористический, криминальный)...» [Приходько 2009: 26]. Данный список является открытым.

Применительно к научному тексту, «...анализируемому с точки зрения процесса взаимодействия (чередования) в нем старого и нового знания ... интертекстуальность реализуется посредством чередования высказываний, принадлежащих разным авторам: с одной стороны, это высказывания автора создаваемого текста, с другой – высказывания иных авторов, выступающие в речевой ткани как цитаты из предшествующих источников» [Данилевская 2009: 43 – 44]. Дискурс реализуется в диалоге между имеющимся и новым знанием.

Дискурс – это «...связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в событийном аспекте...» [Арутюнова 1990: 136]. Текст является сложным феноменом, в нем могут реализовываться различные типы дискурсов. Дискурс-анализ связан с экстралингвистическими факторами. Рассмотрение высказывания (текста) как дискурса «...способствует воссозданию картины мира (исторической, политической, экономической, национальной и др.) носителей языка, реконструкции духа времени» [Данилевская 2009: 40]. При этом необходимо учитывать различные контексты, в которых эксплицируется конкретное высказывание.

В вузе музыкального профиля одной из форм педагогического общения является учебно-педагогический дискурс. Учебно-педагогический дискурс – это «...взаимодействие учителя и учащихся в рамках замкнутой, целостной коммуникативной ситуации (например, урока), погруженной в сферу организованного обучения» [Габидуллина 2008: 464]. Он состоит из таких текстов: «...1) текста предмета знания (например, учебника); 2) текстов учащихся; 3) метатекста учителя...» [Габидуллина 2008: 464]. На занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ) этот тип дискурса способствует реконструкции культур-

ной реальности при текстообразовании. Наша задача – установить основные признаки, границы этих текстов (дискурсов).

В.И. Карасик считает, что лингвокультурологическое изучение дискурса «...имеет целью установить специфику общения в рамках определенного этноса, определить формальные модели этикета и речевого поведения в целом, охарактеризовать культурные доминанты соответствующего сообщества в виде концептов как единой ментальной сферы, выявить способы обращения к прецедентным текстам для данной лингвокультуры» [цит. по: Полякова 2009: 89], социолингвистический подход к его исследованию «...предполагает анализ участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения в широком социокультурном контексте» [цит. по: Полякова 2009: 90].

При общении преподавателя и иностранных учащихся в Республике Беларусь на занятиях по РКИ на продвинутом этапе обучения культурными доминантами являются концепты «добро», «уважение», «музыкальное искусство», «белорусская культура», «мировая культура» и др.; прецедентные тексты – произведения русских, белорусских и мировых композиторов-классиков, поэтов- и писателей-классиков и др.

Студентам и преподавателю как представителям определенных социальных групп присущи особенности общения, взгляды на мир, социальные функции (у педагога – обучающая, контролирующая, воспитывающая и др.; у студентов – функция реципиентов обучения, получающих знания и овладевающих профессией). При их прямом общении осуществляется диалог, при работе учащегося с учебником (учебным пособием) – автодиалог, при занятиях преподавателя с группой после прочтения учебника (учебного пособия) – диалог интерпретаций. Человек «... всю жизнь несет на себе отпечаток определенной культурной среды и ощущение принадлежности к ней» [Стоянова 2013: 21]. Адаптация иностранцев к новой культуре – сложный и длительный процесс, т.к. «... человек и в новой культурной среде продолжает ощущать себя частью той социокультурной системы, в которой он формировался, и поэтому пытается изо всех сил приспособить заложенные и приобретенные стереотипы к новой обстановке» [Стоянова 2013: 22]. Опишем составные части учебно-педагогического дискурса, реализующегося на занятиях по РКИ в вузе музыкального профиля.

Дискурс учебного пособия по РКИ, предназначенного для иностранных студентов и магистрантов учреждений высшего образования по специальностям музыкального искусства, представлен коммента-

риями, заданиями, учебными текстами, текстами художественных произведений [Михайлова 2014]. Часть текстов указанной книги составлена по нескольким источникам, поэтому такие тексты рождены в диалоге и даже в полилоге различных картин мира. Научный дискурс реализован практически во всех текстах учебного пособия благодаря наличию общенаучной терминологии, различных синтаксических конструкций и др., музыкальный дискурс проявляется в них при употреблении музыкальных терминов и др.

Для примера проанализируем текст «Опера А.П. Бородина “Князь Игорь”» [Михайлова 2014: 135–136], также созданный на основе нескольких – трех – источников. Выделим семантические константы данного текста. В нем реализуется ряд следующих концептуальных схем: «Опера “Князь Игорь” – самое известное произведение А.П. Бородина», «Для создания оперы композитор прошел путь древних слагателей былин», «Поражение Новгород-Северского князя Игоря Святославича, захотевшего добиться победы без помощи других князей и потерпевшего поражение», «Фольклорные особенности оперы», «Индивидуально-авторские особенности оперы», «Структура оперы», «Творческое наследие М.И. Глинки в опере “Князь Игорь”», «Национально-культурные особенности оперы», «Опера “Князь Игорь” – одно из лучших творений оперной классики» и др.

Положительная эмоциональная направленность текста выражается следующими словосочетаниями: *замечательный памятник древнерусской литературы, певучий эпос, творческая индивидуальность, прекрасная возможность, большой успех, человеческая мудрость об очищении героической души через ее страдание, благородный положительный герой, мощь русского народа* и др.

Национально-культурный компонент реализуется в таких словах и словосочетаниях, как *памятник древнерусской литературы, безвестный средневековый сказитель, летописи, былины, слагатель былин, плясовые и задравные песни, плачи-причитания, благовест, погребальный звон, набат* и др.

Ключевые слова текста: *А.П. Бородин, опера «Князь Игорь», «Слово о полку Игореве», князь Игорь Святославич, жанры фольклора, персонажи древнерусского мира, действия, пролог, картина, музыка, ария* и др.

В письменных работах иностранных учащихся (магистрантов из Китая) – резюме исследуемого текста – употребляется музыкальная терминология (*опера, премьера оперы, действия, пролог, ария в трехчастной форме, большая хоровая сцена, самая популярная музыка*

оперы, мелодия, звучать, заключительная ария, финальный хор, лучшее творение оперной классики, жанры фольклора, сцена Мариинского театра, былина, плясовая песня, заздравная песня, плач-причитание, драматическая линия оперы и т.д.). Используются модели предложений из учебника: 1. *Премьера оперы состоялась...;* 2. *В поэме описывается история...;* 3. *Опера состоит из...;* 4. *В арии воплощен неординарный образ...;* 5. *Композитор не успел написать...;* 6. *Завершается опера финальным хором...* и др. Иностранцы обратили внимание в основном на музыкальные и фольклорные особенности оперы «Князь Игорь», что объясняется их специальностью и важной ролью фольклора в китайской культуре. В работах магистрантов имеется лексика, принадлежащая к различным тематическим группам. На занятиях по РКИ (и в других сферах общения) в дискурсе иностранных учащихся используются, в частности, следующие тематические группы слов и словосочетаний:

Профессии: *преподаватель, учитель, врач (доктор), медсестра, продавец, инженер, юрист, водитель, рабочий, экономист, бухгалтер, переводчик, журналист, милиционер, военный. Музыкант, дирижер, композитор, аккомпаниатор, аранжировщик, концертмейстер, музыковед, оркестрант, пианист(ка), певец (певица), скрипач(ка), альтист(ка), виолончелист(ка), арфист(ка), гитарист(ка), мандолинист(ка), контрабасист(ка), трубач, тромбонист(ка), тубист(ка), валторнист(ка), флейтист(ка), саксофонист(ка), гобоист(ка), кларнетист(ка), фаготист(ка), барабанищик (барабанищица), цимбалист(ка), литаврист(ка), ксилофонист(ка) и др.*

Музыкальные инструменты: *пианино, рояль, скрипка, альт, виолончель, контрабас, арфа, гитара, мандолина, труба, тромбон, туба, валторна, флейта, саксофон, гобой, кларнет, фагот, барабан, цимбалы, литавры, ксилофон и др.*

Музыкальные жанры и формы: *песня, романс, ария, вокализ, соната, сюита, симфония, ноктюрн, баркарола, этюд, фантазия, токката, fuga, вальс, полонез, мазурка, марш и др.*

Певческие голоса: *тенор, баритон, бас, сопрано, меццо-сопрано, контральто и др.*

Ансамбли: *дуэт, трио, квартет, квинтет, секстет, септет, октет, нонет, хор, оркестр и др.*

Теория музыки: *бекар, бемоль, высота (звука), гамма, громкость (звука), длительность (звука), диез, лад, мажор, минор, нота, октава, партитура и др.*

Виды искусства: музыка, литература, живопись, архитектура, скульптура, дизайн и др.

Лингвистические термины: звук (гласный, согласный), буква (гласная, согласная), алфавит, слог, слово, существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, причастие, деепричастие, предлог, союз, частица, междометие, род (мужской, женский, средний), число (единственное, множественное), падеж (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный), время (настоящее, прошедшее, будущее), вид глагола (совершенный, несовершенный), наклонение глагола (изъявительное, повелительное, условное), словосочетание, предложение (простое, сложное, односоставное, двусоставное, союзное, сложносочиненное, сложноподчиненное, бессоюзное), подлежащее, сказуемое, определение, дополнение, обстоятельство, члены предложения (однородные), конструкции (вводные и вставные), оборот (причастный, деепричастный), фраза, текст, диалог и др.

Дискурс преподавателя включает обращения к обучающимся, формы речевого этикета, музыкальные термины, аксиологическую составляющую – оценки деятельности иностранных учащихся, лингвистические термины, образную речь, слова пассивного словарного запаса и т.д. Существует также метадискурс педагога, в рамках которого он может описать виды своей профессиональной деятельности и деятельности учащихся на занятиях по РКИ:

Виды деятельности преподавателя: подбор и дозировка учебных материалов, формирование и активация словарного запаса иностранных учащихся по тематическим группам, составление и адаптация учебных текстов, составление и подбор упражнений для закрепления знаний, умений и навыков, проверка правильности выполнения домашних заданий, осуществление промежуточного и итогового контроля знаний, организация самостоятельной работы учащихся, использование наглядных пособий (карточки, фото, таблицы, учебные фильмы и др.), написание учебно-методических пособий, ознакомление иностранных учащихся с речевым этикетом, введение знаний по лингвострановедению, использование межпредметных связей, осуществление дифференцированного подхода к учащимся и др.

Виды деятельности учащихся: артикулирование звуков, написание букв, чтение (по слогам, выразительное, по ролям), письмо (списывание, диктант, изложение, сочинение), перевод (слов, предложений, текстов), изучение грамматики, выполнение лексико-граммати-

ческих упражнений, ответы на вопросы, участие в беседе, выполнение домашних заданий, тестов, написание контрольных работ, рефератов, участие во внеурочной работе (экскурсии, литературно-музыкальные вечера и др.), участие в научной работе и др.

Художественный текст опосредованно влияет на научный текст музыкального профиля – текст-биографию композитора, текст о музыкальном произведении и т.д. – через художественно изложенные факты жизненного и творческого пути творческой личности, либретто оперы или балета и т.д.

В художественном тексте дискурс индивидуализируется. Духовные константы текстов на музыкальные темы формируют истинные ценности – идеи добра, справедливости, любви, сострадания и т.д. Концепты, реализованные в таких текстах, маркируются личностью автора (авторов) источников текстов. Индивидуально-авторская номинация наращивает эстетические обертоны смысла. Динамический ракурс «...языковой картины мира на индивидуальном, субъективном уровне реализации позволяет антропогенно задействовать те моменты обозначения, которые свидетельствуют о проявлении иного, чем лексикоцентрический способ номинации, а именно номинационно-синтаксического, когда субъективное восприятие характеризует не просто динамический аспект мировидения, а высший уровень динамической языковой картины мира – индивидуально-авторский. Именно здесь приоткрывается вечная тайна ментальной константы» [Буров, Бурова 2015: 99].

На занятиях по РКИ в вузе музыкального профиля в результате взаимодействия учебно-педагогического дискурса с научным, музыкальным и художественным создается новая реальность. Работая с учебником самостоятельно и в аудитории, выполняя устные и письменные задания, создавая собственные монологические высказывания и тексты, преподаватель и иностранные учащиеся вносят в эту реальность свои концептуальные схемы, реализуют свои части учебно-педагогического дискурса и свои личностные особенности как представителей определенной социальной группы, профессии и культуры. Таким образом создается огромное количество новых текстов – устных и письменных вербальных текстов и текстов культуры. Эти тексты также могут вступать в диалогические отношения между собой и с другими текстами (уже существующими и теми, которые будут созданы). Следовательно, взаимодействие дискурсов, являясь активным текстообразующим процессом, способствует совершенствованию учебного процесса по РКИ и другим дисциплинам в вузе музыкального про-

филя, повышению речевой и профессиональной культуры иностранцев, стимулирует их интерес к познанию языков и культуры и к овладению новыми знаниями вообще.

Библиографический список

1. **Арутюнова Н.Д.** Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.

2. **Буров А.А., Бурова Г.П.** Концепт в художественном тексте: аспект индивидуализации // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставроп. отд-ния РАЛК / Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов, Ставроп. отд-ние, Ставроп. отд-ние междунар. распредел. лаборатории когн. лингвистики и концепт. исследований (Кемерово – Севастополь – Ставрополь – Армавир), ФГАОУ ВО «Северо-Кавк. федер. ун-т»; под ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – Вып. 13. – С. 91–102.

3. **Габидуллина А.Р.** Категория связности в учебно-педагогическом дискурсе // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф., 25–26 апр. 2008 г., Челябинск / М-во образования и науки Рос. Федерации, ГОУ ВПО «Челяб. гос. ун-т», Общерос. обществ. орг-ция «Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов»; редкол.: Л.А. Нефедова (отв. ред.) [и др.]. – Челябинск, 2008. – Т. 2. – С. 464–467.

4. **Данилевская Н.В.** Научный текст в аспекте теории дискурса / / Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставроп. отд-ния РАЛК / Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов, Ставроп. отд-ние, Ставроп. гос. пед. ин-т; под ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – Вып. 7. – С. 37–46.

5. **Манаенко Г.Н.** «Мир коммуникации»: взаимодействие значений «мира текста» и смыслов «мира дискурса» // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставроп. отд-ния РАЛК / Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов, Ставроп. отд-ние, Ставроп. гос. пед. ин-т; под ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – Вып. 7. – С. 17–22.

6. **Михайлова Е.В.** Русский язык как иностранный: модуль профессионального владения. Музыкальное искусство Минск: Белорус. гос. акад. музыки, 2014. 359 с.

7. **Полякова Л.С.** Теоретические подходы к определению понятия «дискурс» / Л.С. Полякова // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставроп. отд-ния РАЛК / Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов, Ставроп. отд-ние, Ставроп. гос. пед. ин-т; под ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – Вып. 7. – С. 87–91.

8. **Приходько А.Н.** Таксономические параметры дискурса // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставроп. отд-ния РАЛК / Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов, Ставроп. отд-ние, Ставроп. гос. пед. ин-т; под ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – Вып. 7. – С. 22–30.

9. **Стоянова Е.** Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. – Шумен: Университетско издателство «Константин Преславски», 2013. – 276 с.

E.V. Mikhailova, N.A. Gerasimova

THE EDUCATIONAL AND PEDAGOGICAL DISCOURSE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT THE HIGHER EDUCATION INSTITUTION SPECIALIZED IN MUSIC

***Abstract.** The scope of research in this paper is an educational and pedagogical discourse in teaching Russian as a foreign language at higher education institutions specialized in music. This discourse has several components and interacts with other types of discourse. The research objective is to analyze the educational and pedagogical discourse from the view point of reflection of the peculiarities of the teaching and learning process in the specialized higher education institution. The research is carried out by means of an empirical data analysis, linguoculturological and sociolinguistic analysis of discourse. In this paper, the explications of educational and pedagogical discourse are considered in various types of texts – texts of textbooks, texts of students' creative works, etc. An educational and pedagogical discourse at the higher education institution specialized in music is implemented, first of all, by using linguistic, musical and general scientific terminology, various thematic groups of vocabulary; it is associated with music, scientific and artistic discourse. The scope of application of the research results is teaching of the core course – Russian as a foreign language – and interdisciplinary studies of humanities.*

***Keywords:** educational and pedagogical discourse, Russian as a foreign language, higher education institution specialized in music.*

РАЗДЕЛ IV.

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

УДК 82-193

Е.А. Нильсен, Т.С. Воложанина, Н.Г. Талашова

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ФЕВРАЛЬ. ДОСТАТЬ ЧЕРНИЛ И ПЛАКАТЬ! ...» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена лингвостилистическим особенностям перевода ранней лирики Б.Л. Пастернака. В первой части статьи дается оценка творчества русского поэта, а также описываются специфические черты, характерные для его произведений. Авторы отмечают разницу между русским и английским языками. Рассматривается роль переводчика в передаче концептуальных образов оригинального текста на язык перевода. Во второй части статьи проводится анализ перевода стихотворения «Февраль. Достать чернил и плакать!...» на английский язык. Делается вывод об успешности перевода стихотворения в целом и передаче смыслов, заложенных великим русским поэтом, на английский язык.

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак, перевод, поэзия, лингвокогнитивный образ, концепт.

Борис Леонидович Пастернак – писатель, поэт, переводчик, один из ярчайших представителей русской литературы, внесший значительный вклад в развитие мировой культуры XX века. Его творчество не перестает привлекать внимание литературоведов, философов и переводчиков. В настоящее время публикуется множество статей и диссертаций, посвященных его произведениям [Батурина 2013, Двизова 2014].

Переводы зарубежной классики Б.Л. Пастернака знакомы каждому, однако, ранняя лирика русского поэта в переводе на английский язык известна лишь узкому кругу литераторов и любителей его творчества. Перевод стихов Пастернака связан с огромными сложностями, поскольку Борис Пастернак при всей своей космополитичности в творчестве

всегда оставался русским поэтом. И проблема перевода его стихов на английский язык всегда заключалась не только в языковом барьере, но и в несовпадении национальных стереотипов. Помимо этого, Б.Л. Пастернак по-своему обращается с языковыми средствами, ученые отмечают характерные черты его лирики, которые доставляют немало трудностей переводчику [Воложанина, Талашова 2019: 68].

Анализ переводов стихов Бориса Пастернака убедительно показывает, насколько сложно добиться адекватности, и насколько тонким должно быть языковое чутье переводчика, ведь именно через его когницию происходит «дистанцированное взаимодействие двух разных когнитивных структур адресанта и адресата» [Усачева 2011: 136]. Перевод состоит из строго «логических, алгоритмизированных операций и интуитивно-эвристических действий», в которых имеют место «непредсказуемые озарения, догадки, ассоциации», исходящие из когнитивного опыта переводчика [Тарнаева 2008: 156]. Играя роль посредника в адаптации текста оригинала к условиям культуры языка перевода, переводчик стремится адекватно передать национальные особенности исходного текста, поэтому ему необходимо обладать не только профессиональными переводческими компетенциями, но и языковой интуицией.

Отличительной особенностью Б.Л. Пастернака является умение облекать мысли в стихотворную форму, используя яркие визуальные образы. Предметные мотивы автора – это ситуации и объекты, являющиеся наглядными воплощениями единства и великолепия мира. А.В. Жолковский, советский и американский лингвист и литературовед, отмечал в лирике Пастернака «единство разного», которое демонстрируется обилием «контактов» между противоположностями, такими как человек/природа, дом/внешний мир, земля/небо, близкое/далекое, материальное/нематериальное, малое/большое и т.д. [Жолковский 2011: 522]. Способы контакта тоже многообразны: сходство, тождество, соседство, касание, оставление следа, проекция. Такие мотивы разворачиваются в типовые события, лежащие в основу целых стихотворений.

Для передачи образов и смыслов переводчику следует найти переводческие соответствия, которые будут иметь отличное от языка оригинала языковое выражение, сделав таким образом различные языковые преобразования с учетом характерных черт языка оригинала и языка перевода. Так, например, в русском языке преобладает большое количество многосложных слов, тогда как в английском – чаще встречаются краткие односложные. Английский язык изобилует глагольными формами, а русский – именными. Более того, русский язык, по мне-

нию С.В. Тюленева, эмоционален, а английский более прагматичен [Тюленев 2004: 54]. Языки различаются по способу сочетания слов, по их стилистическим характеристикам, по общей структуре предложения. Переводчику необходимо проделать серьезную работу, чтобы читатель перевода погрузился в то же самое состояние, что и читатель оригинала, чтобы концептуальные образы, выраженные средствами одного языка, стали столь же успешно отображаться средствами другого.

Некоторые лингвисты полагают, что эта задача практически невыполнима [Marouzeau 1956: 150]. Говоря о творчестве русских писателей, они полностью отрицают успешность перевода их произведений. Известная британская писательница и критик Вирджиния Вульф писала, что в случае перевода русских произведений русские писатели лишаются не только одежды как будто в результате землетрясения или железнодорожного происшествия, но и также чего-то более трудно уловимого и важного – своего стиля, отличительных особенностей [Woolf 2003: 173].

Целью настоящей работы будет сопоставление текста оригинала одного из стихотворений ранней лирики Б.Л. Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!...» с текстом перевода на английский язык и выявление его лингвостилистических и лингвокогнитивных особенностей. Данное стихотворение было написано поэтом в 1912 году, однако Б.Л. Пастернак вносил в него изменения и финальная версия, которая будет рассматриваться в статье, была опубликована в 1928 году. Перевод произведения на английский язык выполнен сестрой поэта Лидией Пастернак-Слейтер. Перейдем к анализу стихотворения:

*Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.
Black spring! Pick up your pen, and weeping,
Of February, in sobs and ink,
Write poems, while the slush in thunder
Is burning in the black of spring.*

Первая строфа русского произведения интегрирует в сознание читателя следующие образы: «февраль», «чернила», «написание произведения», «плач», «черная от тающего снега весна». Данные образы в несколько иной последовательности представлены и в переводе, что дает возможность утверждать, что лингвокогнитивные образы переданы точно и понятно.

*Достать пролетку. За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик колес,*

*Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.
Through clanking wheels, through church bells ringing
A hired cab will take you where
The town has ended, where the showers
Are louder still than ink and tears.*

К сожалению, перевод второй строфы нельзя назвать столь безупречным как перевод первой. Переводчику удалось (опять-таки, нарушая порядок следования) репрезентировать в тексте перевода концепты «пролетки», «клика колес», «ливня», «чернил» и «слез». Однако ритм и рифмы английского произведения не позволили включить в ткань повествования образ «шести гривен», таким образом, здесь мы можем констатировать стандартную ситуацию опущения при переводе. Также в данной строфе мы видим и обратную ей операцию добавления образа «конец города», которая в оригинале представлена разве что имплицитно. К тому же в данной строфе наблюдается и искажение, которое считается серьезной переводческой ошибкой. Национально-специфический, особенный для каждого русского человека концепт «благовест» представлен достаточно нейтральной английской лексемой «church bells», которая никак не может передать всю эмоциональную и ценностную составляющие русского концепта, репрезентированного лексемой «благовест».

*Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.
Where rooks, like charred pears, from the branches
In thousands break away, and sweep
Into the melting snow, instilling
Dry sadness into eyes that weep.*

Перевод третьей строфы в общем и целом можно назвать удачным. Переводчику хорошо удалось передать образ «грачей» сохранив и метафорические и количественные параметры данного образа. Сложный и непрозрачный образ «сухой грусти» так же удачно репрезентирован словосочетанием «dry sadness». Однако переводческий прием смыслового развития, к которому переводчик прибегнул два раза при работе над рассматриваемой строфой вызывает некоторые сомнения. Так, если в первом случае, идея «луж» еще укладывается в вариант перевода «melting snow» (снег тает – образуются лужи), то во втором случае образ «глубины глаз» в оригинале стихотворения никак не вызывает у русского читателя образа «плачущих глаз», который эксплицитно представлен в переводе.

*Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.
(Б.Л. Пастернак. Стихотворения и поэмы)
Beneath - the earth is black in puddles,
The wind with croaking screeches throbs,
And-the more randomly, the surer
Poems are forming out of sobs.
(B.L. Pasternak. Poems of Boris Pasternak)*

Анализируя последнюю строфу, нельзя не отметить прием смыслового развития, многократно использованный здесь переводчиком. Так, смутные неясные образы «ветра» в русском произведении получают достаточно однозначные и точные характеристики вороньего крика и сильной пульсации сердца в английском варианте. Также процесс написания стихов, лишь слегка отмеченный идеей плача, в русском неразрывно сливается с данной идеей, которая стала его материалом, в английском. И даже простые проталины, которые для русского сознания представляют собой просто голую черную землю без снега, наполняются водой в английском варианте, увеличивая количество влаги и бурных эмоций слез во всей строфе.

Таким образом, проанализировав данное произведение, мы можем прийти к выводу, что переводчику не всегда удавалось «перевести» концептуальные образы одной культуры в концептуальные образы другой. Задача эта, безусловно, чрезвычайно сложная даже для перевода прозаического произведения, а когда речь заходит о поэзии, то миссия переводчика становится почти невыполнимой, так как разница ментальных построений двух лингвокультур должна быть устранена без потери «всеопределяющих» ритма и рифмы.

И все-таки, на наш взгляд, переводчику стихотворения в целом удалось хорошо перевести данное произведение, воссоздав в иноязычной культуре оригинальные образы, а также обеспечить континуальность текста оригинала. Переводчик, как медиатор, последовательно «переводил» концептуальные образы русского произведения в английские, «рисую» в сознании иноязычного читателя ту же картину, но используя при этом средства, кисти и краски другого языка.

Библиографический список

1. **Батурина О.А.** Репрезентанты концепта «Любовь» в русском языке (на материале произведений Б. Л. Пастернака) // Филология и

лингвистика: проблемы и перспективы: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2013 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2013. – С. 38-40.

2. **Воложанина Т.С., Талашова Н.Г.** Лингвостилистические особенности перевода стихотворения Б.Л. Пастернака «Душная ночь» на английский язык // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции, Симферополь, 25-27 апреля 2019 г. / гл. ред. М.В. Норец. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. – 492 с.

3. **Двизова А.В.** Ситуация чувственного восприятия и способы ее языковой репрезентации в поэзии Б.Л. Пастернака: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Двизова Анна Владимировна. – Томск, 2014. – 399 с.

4. **Жолковский А.К.** Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 608 с.

5. **Пастернак Б.Л.** Стихотворения и поэмы. М.-Л.: Советский писатель, 1965. – 732 с.

6. **Тарнаева, Л.П.** Когнитивная парадигма и современное переводоведение / Л.П. Тарнаева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №16. – С. 152-158.

7. **Тюленев С.В.** Теория перевода. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.

8. **Усачева А.Н.** Перевод: от лингвистической теории к когнитивной модели / А.Н. Усачева // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 2, Языкознание. – 2011. – №1 (13). – С. 131-136.

9. **Marouzeau J.** La Traduction // Cahiers de l'Association international des etudes francaises, 1956. – Numero 1. Стр 150.

10. **Pasternak B.L., Pasternak S.L.** Poems of Boris Pasternak. London: Unwin Paperbacks, 1984. – 110 p.

11. **Woolf V.** The Common Reader. Volume I. London, Vintage, 2003. – 288 p.

E.A. Nilsen, T.S. Volozhanina, N.G. Talashova

TO THE ISSUE OF THE TRANSLATION OF B.L. PASTERNAK'S POEM “BLACK SPRING! PICK UP YOUR PEN, AND WEEPING...” INTO THE ENGLISH LANGUAGE: LINGUOSTYLISTIC AND COGNITIVE ASPECTS

Abstract. The article is devoted to linguostylistic characteristics of the translation of the early B.L. Pasternak's poetry. The first part of the article assesses the writing of the Russian poet and describes specific features of his works. The authors note the difference between the Russian language and

the English language and study the role of the translator in the interpretation of the conceptual images into the language of translation. The second part of the article analyzes the translation of the poem "Black spring! Pick up your pen, and weeping..." into the English language. It is concluded that in general the translation is done properly and the implication created by the great Russian poet is interpreted into the English language successfully.

Key words. *B.L. Pasternak, translation, poetry, linguo-cognitive image, concept.*

УДК 81'42

Хем Чандра Панде

СВИДАНИЕ СО СМЕРТЬЮ: ОТРАЖЕНИЕ ПРИБЛИЖАЮЩЕЙСЯ СМЕРТИ В ПОВЕСТИ «ПОСЛЕДНИЙ СРОК» ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

***Аннотация.** Статья является попыткой лингвистического анализа отражения предсмертного состояния главного героя повести В. Распутина «Последний срок». Эта тема, протекающая через всю повесть, сразу привлекает внимание читателя. Это, как бы, живое изображение старухи, находящейся у порога смерти, свидетелями которой являются ее сыновья и дочери, приехавшие навестить мать.*

***Ключевые слова:** лингвистический анализ, предсмертное состояние, сюжет, ключевые слова, лексические средства, контекстуальные средства.*

Наша статья является попыткой анализа выражения предсмертного состояния старухи Анны в повести Валентина Распутина «Последний срок», для которого автор использует не только лексические средства, но и другие способы выражения этого состояния. Следует подчеркнуть, что сюжет повести крутится вокруг именно этой темы в присутствии членов семьи. Поэтому данная тема представляет особый интерес для анализа. Авторское описание приближающейся смерти старухи прямо и через диалоги персонажей сразу привлекает внимание читателя. Анализ данного произведения с этой точки зрения до сих пор не выполнен. Очевидно, что приближающаяся смерть старухи объединена единым содержанием, хотя систему повторения ключевых слов здесь мы не находим, которая является, пожалуй, необходимым условием для формирования семантики концепта [1: 81]. Надо отметить, что наша тема требует привлечения длинных цитат из произведения, что представляется необходимым для объяснения основного направления статьи.

Само начало повести задает тон тому, что разворачивается дальше в повести: *Старуха Анна лежала на узкой железной кровати возле русской печки и дожидалась смерти, время для которой вроде пришло: старухе было под восемьдесят. ... оставшись совсем без силенок, она сдалась и слегла* [3: 256]. Выделенные выражения указывают на то, что старуха Анна уже при смерти: *дожидалась смерти; время... пришло.; сдалась и слегла*. Уже в начале повести мы также узнаем, что за свою жизнь старуха много рожала, но живых осталось только пятеро. Поэтому *смерть повадилась ходить к ним в семью как хорек в курятник*.

Состояние Анны никак не обнадеживало. Уже с лета *старуха стала обмирать*; было видно, что она вряд ли доживет до зимы *...все шло к тому, что старухе не перезимовать; только уколы доставали ее с того света* [3: 256].

Анна сама знает, что жить остается недолго, поэтому она говорит: *дайте мне самой на спокой уйти* [3: 257]. Все признаки указывали, что конец приближается: *... ее стал одолевает сон... Тронут ее – откроет глаза, глянет мутно, ничего не видя перед собой, опять заснет... Высохла и ближе к концу вся пожелтела – покойник покойником, только что дыхание не вышло* [3: 257].

Когда окончательно стало ясно, что старуха не сегодня-завтра отойдет, Михаил пошел на почту и отбил брату и сестрам телеграммы – чтобы приезжали [3: 257].

По получении телеграммы от самого младшего брата Михаила о тяжелом состоянии мамы две сестры Варвара и Люся и старший брат Илья сразу приезжают в родную деревню наведываться к матери. Не приехала самая младшая дочь Таня, которую мама ждала до самого конца своей жизни. Приехав в родную деревню, где прошли их детство и юность, братья и сестры стали вспоминать прошлые дни, как обычно бывает на таких редких встречах. На них нападает ностальгия. Вспоминая прошедшие дни, они иногда подшучивают, а иногда раскидываются колкостями. Хотя события в повести происходят вокруг умирающей старухи всего три дня, они охватывают читателя и производят на него глубокое впечатление. Было бы уместно отметить, что прототипом старухи Анны была родная бабушка писателя [2: 211].

Все сошлись у старухиной кровати, и мы видим, как искусно нарисовал писатель очень наглядную картину состояния почти умирающего человека.: *Старуха лежала недвижимо и стыло – то ли в самом конце жизни, то ли в самом начале смерти*.

Варвара ахнула:

- *Не жива*. [3: 258]

... все испуганно зашевелился

... Люся торопливо поднесла ладонь к открытому рту старухи и не почувствовала дыхания [3: 258].

Тогда Люся просила подать зеркало. ...та торопливо опустила осколок к бескровным старухиным губам и с минуту подержала. **Зеркальце чуть запотело.**

– **Жива**, – с облегчением выдохнула она. – **Жива** наша мама [3: 258].

Так находится старуха на грани жизни и смерти, но всё-таки она ещё жива.

Готовясь к последнему моменту, Люся даже начинает говорить о черном платье: *у меня, как назло, ни одного черного платья* [3: 262]. Она стала шить чёрное платье, когда все, кроме Варвары, легли спать. Перед тем как укладываться, Михаил *подёргал мать за плечо, и тогда... донесся стон не стон, хрип не хрип,...* *будто, занятая своим делом, огрызнулась смерть* [3: 262-263]. Видно, что вся обстановка такая, как будто смерть уже у двери. Когда Люся шила себе черное платье, в ходе разговора Варвара говорит: *Сидели бы, разговаривали – всё веселей. Чует мое сердце – не к добру это* [3: 264].

С каждым моментом состояние старухи ухудшалось: *Ей (Люсе) показалось, что с прошлого раза они (т.е. толчки дыхания) стали еще слабей и шли не подряд, а через один* [3: 264].

Время от времени состояние старухи вызывало страх – жива ли она или нет. К ночи состояние старухи было такое: *Старуха была все так же: жива и не жива. Все умерло в ней, и только сердце, разогнавшись за долгую жизнь, продолжало шевелиться. Но видно было: совсем-совсем мало осталось ему держаться. Может, только до утра* [3: 265].

Утром Варвара *прошла ко второй половине* и она увидела *что-то – живое или уж мертвое – находилось под одеялом, а пройти вперед, взглянуть Варвара не осмелилась и подалась обратно...* [3: 266].

Потом Варвара с Люсей подошли к матери и ... *научившись распознавать жизнь, она [Люся] подняла старухину руку и тут же уронила ее, отшатнулась: старуха вдруг тонко и жалобно простонала и опять застыла* [3: 267].

Прибежал в кальсонах Михаил, спрсонья не понял:

– **Отмаялась?** [3: 267].

Люся, нащупав у матери пульс, облегченно сказала:

– **Жива** [3: 267].

Время от времени состояние старухи вызывало страх - *старуха уже опять впала в беспамятство, но перед тем она вдруг выговорила ка-*

кое-то слово, какое – не расслышали, а когда Люся и Варвара подбежали, она еще смотрела перед собой, но глаза уже смыкались [3: 276].

Все присутствующие сыновья и дочери были рядом. Они стояли вокруг матери, со страхом смотрели, не зная, что думать, на что надеяться, и **этот страх совсем не походил на все прежние страхи**, которые выпадали им в городской и деревенской жизни, потому что **он был всего страшнее и шел от смерти** – казалось, теперь она заметила всех их в лицо и больше уже не забудет. Страшно было еще и видеть, как это происходит: когда-нибудь это должно было произойти и с ними, а они считали, что это то самое, и не хотели смотреть, чтобы не помнить о нем постоянно, и все-таки не могли отойти или отвернуться.

К концу повести В.Распутин дает нам знать, как старуха была уже готова к свиданию со смертью, что они со смертью стали подружками, старуха знала смерть, как себя. Вот так описывает автор свидание старухи со смертью:

*В эту же ночь, не откладывая, **старуха решила умереть**. Делать больше на этом свете ей было нечего и **отодвигать смерть стало ни к чему** [3: 384]. Пока ребята здесь, пускай похоронят, проведут, как заведено у людей, чтобы в другой раз не возвращаться им к этой заботе. ... Теперь бы уж давно готовенькая лежала и забыла, что она была, жила – **обо всем бы забыла, от всего освободилась...** Пора [3: 384].*

Старуха мысленно продолжает разговаривать со своей подружкой, и писатель знакомит читателя с раздумьями Анны о смерти:

Старуха лежала в кровати и ждала, когда затихнет изба, потому что знала: **смерть у нее боязливая** и на шум не пойдет.

Старуха много раз думала о смерти и знала ее, как себя. За последние годы они стали подружками, старуха часто разговаривала с ней, а смерть, пристроившись где-нибудь в сторонке, слушала ее рассудительный шепот и понимающе вздыхала. Они договорились, что старуха отойдет ночью: сначала уснет, как все люди, чтобы не пугать смерть открытыми глазами, потом та тихонько прижметя, снимет с нее короткий мирской сон и даст ей вечный покой [3: 385].

Дальше В. Распутин продолжает рисовать образ смерти, параллель которому мы нигде не находим:

*Это неправда, что на всех людей одна **смерть– костлявая, как скелет, злая старуха с косой за плечами**. Это кто-то придумал, чтобы*

пугать ребятнишек да дураков. Старуха верила, что у каждого человека своя собственная смерть, созданная по его образу и подобию, точь-в-точь похожая на него. Они как двойняшки, сколько ему лет, столько и ей, они пришли в мир в один день и в один день сойдут обратно: смерть, дождавшись человека, примет его в себя, и они уже никому не отдадут друг друга. Как человек рождается для одной жизни, так и она для одной смерти, как он, не научившись жить раньше, сплошь и рядом живет как попало, не зная впереди себя каждый новый день, так и она, неопытная в своем деле, часто делает его плохо, ненароком обижая человека мучениями и страхом [3: 385].

К третьему дню приехавшие из других мест сёстры и брат уже собираются к себе домой, обещая приехать в ближайшее время. Михаил пошёл их проводить. *Старуха слышала, как прозвучали за окном шаги... Потом всё стихло, и старуха закрыла глаза [3: 412].*

... Ей хотелось спать. Глаза у неё смыкались. До вечера, до темноты она ещё несколько раз открывала, но ненадолго, только чтобы вспомнить, где она была.

Ночью старуха умерла [3: 412].

Итак, старуха Анна, дожидаясь смерти, время для которой вроде пришло, умерла ночью в присутствии младшего сына, с которым она жила в деревне.

Можно сказать, что в повести «Последний срок» наглядно описывается предсмертное состояние старухи, очевидцами которого являются члены семьи. Поэтому время от времени в их чувствах само собой выражается какой-то страх. Нигде в своей повести В. Распутин не говорит о том, что идёт какая-нибудь борьба между человеком и смертью. Наоборот, старуха Анна не боялась смерти, с которой она договорилась, когда она *снимет с нее короткий мирской сон и даст ей вечный покой [3: 385].*

Анализируя вышеприведённые цитаты, мы замечаем, что здесь использованы как лексические, так и контекстуальные средства для выражения приближающейся смерти старухи. К лексическим средствам выражения предсмертного состояния относятся следующие: *дождалась смерти; сдалась и слезла; обмирать; покойник покойником, только дыхание не вышло; в самом конце жизни; в самом начале смерти; огрызнулась смерть; жива и не жива; все умерло в ней, и только сердце продолжало шевелиться; что-то - живое или уж мертвое; старуха решила умереть; отодвигать смерть стало ни к чему.* К контекстуальным средствам выражения предсмертного состояния относятся: *время... пришло...; не пережить; доставали с того*

света; ее стал одолевать сон; высохла; пожелтела; стон не стон, хрип не хрип; зеркальце чуть запотело; не к добру это; мало осталось ему держаться; жалобно простонала; застыла; впала в беспомыслие; давно готовенькая лежала, последний срок.

Выражений, относящихся к самой смерти, в повести немного. Среди них тоже можно различить лексические средства и контекстуальные средства. К лексическим средствам выражения смерти относятся: *Не жива; отмаялась; страх шёл от смерти; умерла.* К контекстуальным средствам выражения смерти относятся: *на покой уйти; не почувствовала дыхания; глаза уже смыкались; это должно было произойти; а они считали, что это то самое; обо всем бы забыла; от всего освободилась; отойдет ночью; снимет с нее короткий мирской сон; даст ей вечный покой.*

В конце мы хотели бы сказать, что само название повести – «Последний срок» – может относиться либо к предсмертному состоянию, либо к самой смерти. Мы считаем целесообразным отнести его к предсмертному состоянию, лежащему в основе главного пафоса повести. Наш анализ произведения «Последний срок» с точки отражения предсмертного состояния старухи еще раз подтверждает художественное мастерство художника великого современного русского писателя В. Распутина.

Библиографический список

1. **Брунёва, Ю.А.** Концепт *Чудо* в сочетских рассказах. / М.В. Пименова (Отв. ред.) // Лингвистика XXI века: сборник научных статей. Выпуск 23 / под общей ред. М.В. Пименовой. СПб.: Изда-во СПбГЭУ, 2019. – 479 с. (Серия «Концептуальные исследования»). Данный выпуск. С. 80-89. - ISBN 978-5-7310-4641-1.

2. **Зайцев, И.А. и Герасименко, А.П.** История русской литературы второй половины XX века. М.: «Высшая школа», 2004. – 455 с. 4000 экз. - ISBN 5-06-004235-9.

3. **Распутин, В.** Избранные произведения (Том-1). М.: «Художественная литература», 1990. – 416 с. 100 000 экз. - ISBN 5-280-01079-0 (Т.1).

Hem Chandra Pande

MEETING WITH DEATH: DEPICTION OF APPROACHING DEATH IN THE NOVELLA OF VALENTIN RASPUTIN “BORROWED TIME”

Abstract. *The article is an attempt to linguistically analyze how V. Rasputin has depicted the impending death of the hero of his novella “Borrowed Time”.*

This theme runs through the entire novella, and it immediately grips the reader. We come across a vivid depiction of the old woman at the threshold of her death witnessed by her sons and daughters who have come to see their mother.

Key words: *linguistic analysis, deathbed, plot, key words, lexical means, contextual means.*

УДК 811.111

И.Г. Лукс, В.Н. Рябов

ОБРАЗОВАНИЯ, ПОСТРОЕННЫЕ ЧЕРЕЗ ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЙ ИХ СТРУКТУРИРОВАНИЮ, КАК ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ – АСИСТЕМНОСТИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ ПОВЕСТИ А.Н. ТОЛСТОГО «ГАДЮКА»

***Аннотация.** Образования, построенные через преодоления противодействий, да и содействий их структурированию в повести А.Н. Толстого «Гадюка», помогли автору повествования представить предметом изображения не только судьбы героев, но и исторические события гражданской войны в России, великого и страшного 1918 года, по сути социальные потрясения эпохи. Интерес к этому времени закономерен. Оно отчётливо перекликается с тем, что переживает наша страна и в основе своей весь мир в нынешние дни – почти сто лет спустя. Анализируемые конструкции – это образования асистемные, особенно в тех случаях, когда в художественном тексте задействованы как элимантемы.*

***Ключевые слова:** язык, речь, система, асистемность, А.Н. Толстой, повесть «Гадюка», лакуны интраязыковых, элимантемы.*

Главная героиня повести «Гадюка», еще совсем недавно гимназистка из старообрядцев, Ольга Вячеславовна Зотова получила свое прозвище с подачи влюбленного в нее и знающего про нее почти все красного командира Дмитрия Васильевича Емельянова, который сказал однажды видному бойцу своего полка: «Живучи вы, Ольга Вячеславовна, как гадюка». Чудом уцелев после расстрела в больнице, героически пройдя гражданскую войну, Зотова, вместе с этим, оказалась совершенно не приспособленной к нравам послевоенного времени. Соседи по коммунальной квартире, для которых «*Ольга Вячеславовна была предметом ежедневных пересудов*», относятся к ней с ненавистью и опаской. Как награжденный орденом боец красной армии для них она олицетворяла суровую, но возможно справедливую власть большевиков, которую многие из коммуналки ощутили на личном опыте. К при-

меру, некая Роза Абрамовна Бязикович, не вызывающая, скорее всего, у читателя никаких симпатий, практически всегда, «буквально чувствовала себя худо при виде Ольги Вячеславовны». Муж Бязикович, как пишет иронично А.Н. Толстой, «проживал в сибирских тундрах». По какой причине он там в деталях «проживал» писатель разрешает великодушно читателю домысливать самому. То, что он там пребывал в заключении, будучи арестованным советской властью, по-видимому, за реальные преступления, догадаться нетрудно любому внимательному читателю. Достаивая или даже перестраивая, переосмысливая описанные в повести события, читатель при посредстве необычных, в т.ч. самостоятельных слов или форм слов, удаляет, точнее, элиминирует, как правило, в основе своей именно текстовую лакуну.

Итак, как не домысливай, вчерашняя гимназистка, хорошо образованная Зотова не могла не влюбиться в настоящего мужчину, пусть и командира красноармейцев Емельянова. И она влюбилась, и читатель это понимает – иное понять крайне трудно. Более того, прекрасно образованная хрупкая женщина «с осиной талией» и плечами, «как у подростка», Ольга Вячеславовна влюбилась настолько в человека из простолудинов, что, будучи вполне воспитанной, легко принимает речевые и другие образования, т.е. в т.ч. слова и формы слов, которые Дмитрий Емельянов использует, общаясь с другими, зачастую далеко совсем не образованными людьми. На интересное слово *отворял* мы наталкиваемся в повести в сцене, когда Емельянов приходит в купеческий дом, реквизированный им для Зотовой. Мы узнаем, что «ударом ноги наш Емельянов *отворял* двустворчатые двери». Ну и пусть, что он, чтобы растопить камин для раненой девушки, разломил дубовый орган. Зотова влюблена в красноармейца. Каковы пределы этой влюбленности, А.Н. Толстой разрешает домыслить читателю самому – здесь все, конечно, зависит от качеств и желаний читателя. Примечательно, что Емельянов, впервые попавший в особняк, именно *отворял* двустворчатые двери, а не то, что было бы точнее, логичнее, *отворил* их. Наверное, глагол несовершенного вида *отворял* позволяет читателю, помимо прочего, думать, что при таком употреблении глагола содержится акцент и на будущее, а не только единичное посещение Емельяновым новоприобретенного жилья для раненой девушки, в которую он безусловно влюблен. Читая текст дальше, мы узнаём, что именно так красный командир *отворял* тяжелые двери купцов Старобогатовых, приходя к Зотовой. Что важно, он *отворял* двери не в конкретный момент, а просто *отворял*, без акцента, без указа-

ний на то, когда и сколько именно раз. Такой прием подачи информации вырывает событие из причинной и хронологической цепи, определяя ему статус возможного повторения.

Обилие многоточий в повести «Гадюка» является следствием компактности текста и безусловно помогает читателю многое домысливать. Многоточия как элимантемы текстовых лакун использованы в произведении почти одновременно и как психологический прием описания воспоминаний из жизни Зотовой. В этом аспекте характерен пример из повести, который сопровождает героиню неотступно, когда она встречается у пруда двух белогвардейских, а значит, вражеских солдат. А.Н. Толстой пишет: *«В лозьяках заныряли две головы, и на берег выскочили всадники – двое. Остановились. Это был разъезд, но чей? Наши или белый? У одного лошадь нагнула голову, сгоняя слепня с ноги, всадник потянулся за поводом, а на плече его блеснула золотая полоска... «Тикать!» Ольга Вячеславовна ударила ножнами коня, пригнулась, - и полетели кустики полыни, сухие репья навстречу... За спиной слышался тяжелый наступавший топот... Выстрел... Она покосилась – один из всадников забирал правее, наперерез ей. Конь его рыжий донской, махал, как борзая собака... Опять выстрел сзади...»* и т.д. Примечательно, что в данном контексте писатель не сразу описывает когда-то случившееся, а именно подготавливает читателя к сцене погони, заостряя его внимание на мелких деталях (слепень, повод, что способствует подробному детальному восприятию ситуации).

Представляя случившееся, А.Н. Толстой внимание читателя фокусирует и на деталях, сопровождающих случившееся во время погони, во время схватки (кустики полыни, сухие репья, топот, выстрел и т.д.), дабы убедительно живописать сумятицу, дискретность внимания героини, оказавшейся в напряженной, немыслимой ситуации, и тем самым обеспечить читателя подсказкой, не позволяющей ему в том числе избыточных интерпретаций ситуации при неизбежном домысливании. А.Н. Толстой в итоге с помощью, скажем так, ломаной ритмики повествования передает специфическую логику стресса, фиксируя событийный и эмоциональный контексты, на фоне которых разворачиваются в повести события. Скомканность повествования, когда из плотного, перенасыщенного событиями потока информации выхватываются отдельные эпизоды, составляющие собственно и саму повесть, наделяет, цементирует текст дополнительной выразительностью и даже суггестивной нагрузкой, помогает увидеть жизнь обязательно существующую, которая по своему объему, а это главное, многократно превышает текст, свидетель

чему его, по сути любой читатель. Читатель, предлагая интерпретации текста, очень часто, скорее всего, преодолевает противодействия, а то и содействия, его структурированию, особенно в тех случаях, когда речь идет о найденных в повести необычных словах или формах слов как способах элиминирования интраязыковых лакун.

Исходя из сказанного, важно понимать, что феномен лакунарности основан на разграничении языка и мышления – невербальности мышления.

Имеем в виду, что понятие получает соответствующее языковое выражение, если востребовано коммуникантами в процессе общения, т.е. порою оно может существовать в народном сознании, но в то же время и не быть вербализованным. С точки зрения исследовательницы Г.В. Быковой, лакуна представляет собой семему, т.е. достаточно необычную «виртуальную лексическую единицу, занимающую соответствующее место в лексической системе... Лакуны – это семемы, для которых в данном языке существуют только потенциальные лексемы, готовые в то же время, в случае востребованности коммуникантами, стать актуальными лексемами или элиминированными лакунами» [1: 6], элимантемами. А.Н. Толстой сумел представить в повести «Гадюка» время переходного периода в истории России, когда на месте разрушенной страны возводились новые здания, сумел увидеть это время именно в таком аспекте.

В описанной сцене боестолкновения Зотовой с белогвардейцами именно в речи героини мы встречаем неожиданное в ее речи слово «тикать», слово, непривычное, нетипичное для языка образованного человека. Используя многоточия, писатель позволяет вдумчивому читателю при домысливании учитывать в полном объеме специфику бытия героини, «не бояться» простонародных образований. Переосмысление привычной структуры глаголов, глагольных форм, построенных через преодоление содействий и противодействий их структурированию, возможно, если умеешь разобраться в художественном потенциале таких элимантемов, знаешь, таким образом, как разглядеть семантический и стилистический аспекты произведения.

Большое количество глагольных форм несовершенного вида или как бы несовершенного вида в повести «Гадюка» появляется, скажем так, не вдруг. Внедряя их в речь Зотовой, писатель фиксирует, к примеру, что с помощью глагола *расслышивала* Ольга Вячеславовна подмечает недоброжелательное отношение к себе со стороны коллег и соседей любого порядка. А.Н. Толстой сообщает, что ссориться с Зотовой соседи опасались, «но она затылком чувствовала... недобрые взгляды».

За ней укрепились клички «гадюка», «клейменная», «эскадронная шкура» - она *расслышивала* их в шепоте, читала на промокашке». Умение Зотовой в шепоте недоброжелателей различать обидные клички А.Н. - Толстой передает в принципе достаточно обычным и в тоже время, с точки зрения общих правил русского слово- и формообразования, глаголом *расслышивала*. Автору нужно подчеркнуть именно периодическую повторяемость всвой адрес случаев оскорбления, подмечаемые героиней. Конечно, слово *слышала* как глагол несовершенного вида для этих целей также подходит, но не передает важности совершаемого усилия, обязательного напряжения *слуха*, результатом которого становится явное, отчетливое и членораздельное различение *слышимой* речи. И что важнее, это слово всё же не фиксирует в деталях, оставляемых на суд читателя, недоброжелательного, настороженного, скрытного отношения коллег к Зотовой, на которое А.Н. Толстой обращает наше внимание фразой: «ссориться с ней опасались». Обнаружение оскорблений передается в повести и фразой «читала на промокашке», которую она находила и дома, и на работе. Писателю важно проинформировать читателя, что если бы героиня *слышала* посылаемое в ее адрес, то это говорило бы о непосредственном восприятии ею насмешек, а глагол *расслышивала* сообщает, что ей приходилось напрягать *слух*. Выходит, что А.Н. Толстой своего добился – Зотова отлично *расслышивала* оскорбительные клички, именно прилагая обязательно для этих целей усилия, *прислушиваясь*. Писатель при посредстве образований, построенных через преодоление противодействий их структурированию, в т.ч. и тех, которые мы обнаружили в повести и проанализировали, увеличил содержательный потенциал текста при сравнительно малом объеме (всего сорок страниц), задействовав в принципе для этих целей возможности и реальных, и потенциальных читателей.

Слово *позванивать* встречается в повести трижды; два раза в форме *позванивали* и один раз как деепричастие *позванивая*. Как и *расслышивала* – это глагол несовершенного вида или, точнее, как бы несовершенного вида. Глагол *позванивать* все три раза в повести явлен в значении негромкого, периодически возобновляемого звона. Любопытно, что и в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова [3], в словаре времени выхода повести «Гадюка», в свет и в по сути последнем «Словаре русского языка» советского времени С.И. Ожегова за 1990-ый [2] год оба глагола в качестве заглавных слов не представлены. В повествовании А.Н. Толстого слово *позванивать* мы обнаружили в следующем контексте: «В необитаемом доме через разбитые окна гулял ветер по анфи-

ладе комнат с расписными потолками и золоченой, уже ободранной мебелью. «*Позванивали* жалобно хрусталики на люстрах... Хрусталики, колеблемые ветром, по-видимому, *звенели*, затихали и снова *звенели*. Этот нераздражающий *звон, перезвон*, меланхоличный, усиливает тоскливую и ненастную атмосферу бытия несчастной девушки, атмосферу «мертвого» дома (так его называет автор повести), где Зотова будет в одиночестве дожидаться Дмитрия Васильевича, человека, в которого она влюблена. Таким минорным антуражем А.Н. Толстой предвораляет неожиданное, хотя и долгожданное появление Емельянова «ударом ноги» открывающего двери и бойко принимающегося за обустройство жизни своей любимой, при том еще и своей боевой подруги, тем самым фиксируя, очерчивая контраст между двумя сценами, между двумя характеристиками бытия Ольги Вячеславовны.

В другой ситуации глагол *позванивали* также задействован для того, чтобы ярче обозначить контраст, подчеркнуть произошедшую с героиней перемену. В тюремной камере, где пребывала невинная Зотова, «пыльные стекал *позванивали* тихо, высохшие пауки колебались в паутине». Важно, что до этого шло описание пыток в соседней камере, которые Зотова невольно слышала, дорисовывая в воображении сцены, картины страшных зверств. У безусловно невинной юной девушки «эта ночь, когда человек мучил человека, закрыла тьмой всю ее робкую надежду на справедливость». Вместе с исчезающей надеждой на справедливость, что также очень важно, исчезала у девушки и робкая надежда на возвращение мирной жизни в родном доме на улице Проломной. Мы видим, как на смену семнадцатилетней гимназистке приходит Зотова, познавшая, привыкшая, привычная к ужасам войны. Случившуюся с героиней метаморфозу А.Н. Толстой фиксирует, подтверждает описанием качеств ее камеры. Стекла в ней тихо *позванивали*, в т.ч. сотрясаемые «громкими раскатами» пушек. Зотову уже не пугает происходящее. Стекла в камере, как ни странно, именно *позванивали*, как будто равнодушные к пушечной стрельбе. Построенное с преодолением противодействий его структурированию, необычное образование призвано подчеркнуть обыденность сложившейся, наблюдаемой в стране атмосферы, будничную естественность войны и пыток, обозначая перемены в бытии героини, для которой артиллерийская канонада стала привычной, словно капризы погоды. Одна из жизней Ольги Вячеславовны Зотовой, как видно, именно подходит к концу. Другая же начинается после страшного расстрела героини повести и встречи с Емельяновым.

В третий раз *позванивать*, что правда, несколько странно, будет уже и сама Зотова. Напомним, что, выживая после расстрела героиня быстро оправившись от ранения под руководством Емельянова овладела навыками верховой езды, превратилась, как это ни нелепо, в солдата. Однако, вместе с этим, все одно осталась девушкой, и ни казарменный быт, ни военная форма не могли, не способны были скрыть ее красоты. А.Н. Толстой, в связи со сказанным, пишет: «Молодые кавалеристы крутили носами, задумывались матерые, когда Зотова, тонкая и высокая, с темной ладной шапочкой волос, в полушубке, натуго перехваченном ремнем, *позванивая* шпорами, проходила в махорочном дыму казармы». Здесь анализируемое деепричастное образование *позванивая* обозначает *звон*, важно, что негромкий, возобновляемый в такт шагов героини, через определенные промежутки времени. В итоге получается, что шпоры *позванивали* в такт шагов Зотовой, придавая ее облику оттенок некой шегольской молодцеватости, *позванивали*, конечно, ни сами по себе, а как дополнение к звукам от такта шагов. Это уже другая Зотова, в которой читателю непросто узнать недавнюю семнадцатилетнюю гимназистку. Отметим в итоге, что научный интерес к лакуне при в принципе небольшом количестве работ, посвященных лакунарности во внутриязыковом аспекте, - задача востребованная и сегодня. Выявление и описание пустых клеток в системе языка, путей и приемов их заполнения или удаления, в т.ч. с помощью элимантем, построенных чрез преодоление противодействий, да и содействий их структурированию, обнаруженных нами и любым внимательным читателем в повести «Гадюка», в любом случае служит воплощению художественных задач, поставленных автором произведения, установлению формально-семантической значимости составляющих анализируемого художественного текста, является в сущности своеобразным знаком признательности в адрес замечательного писателя А.Н. Толстого, настоящего Мастера.

Библиографический список

1. **Быкова Г.В.** Лакунарность в условиях одноязычной ситуации и межкультурном диалоге [текст]// Г.В. Быкова – Благовещенск, 2008 г. – 10 с.
2. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка/Под ред. Н.Ю. Шведовой, -23-е изд., испр. – М.: Рус. язык, 1990. – 917 с.
3. **Ушаков Д.Н.** Толковый словарь русского языка. – М.: Альма-Пресс, 2005. Т. 1-4. – 1216 с.
4. **Толстой А.Н.** Гадюка // Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. С.180–221.

FORMATIONS BUILT THROUGH OVERCOMING THE RESISTANCE TO THEIR STRUCTURING AS THE REFLECTION OF SYSTEMIC – ASYSTEMIC CHARACTER OF THE LANGUAGE AND SPEECH IN THE LONG SHORT STORY «THE VIPER» («ГАДЮКА») BY A.N. TOLSTOY

Abstract. Formations built through overcoming the resistance to as well as cooperation with their structuring in the long short story «The Viper» («Гадюка») by A.N. Tolstoy helped the author of the narration to represent the object of portraying not only the characters' fate but the historical events of the Civil war in Russia, the great and horrible year of 1918, in fact – the social staggering events of the epoch. The interest to that time is justifiable. It is sure to have much in common with what our country is going through to-day as well as the whole world nearly 100 years later. The analyzed constructions are asystemic patterns especially in the situations when they are used as elimantemes in the text of fiction.

Key words: language, speech, system, asystemic character, A. N. Tolstoy, the short long story, «The Viper», intralinguistic lacunae, elimantemes.

УДК 811.161.1

Г.Г. Хусамова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВОПРОСНО-ОТВЕТНОЙ ФОРМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

Аннотация. Статья посвящена характеристике основных функционально-семантических типов вопросно-ответной формы поэтического диалога с позиций актуального членения предложения. Материалом для анализа послужили вопросно-ответные диалогические единства, функционирующие в русской поэзии I половины XIX века.

Ключевые слова: поэтический диалог, вопросно-ответные диалогические единства, актуальное членение предложения, напевный стих, разговорной стих.

Поэтический синтаксис привлекал внимание многих исследователей, занимающихся спецификой стихотворной формы речи [2]. Несмотря на то, что в стихе обычные синтаксические законы усложнены ритмическими требованиями, изучение стихотворного текста возможно не только с позиций собственно стиховых единиц, но и коммуникативных. Поэтому важным представляется обращение к тексту стиха с точки зрения его семантико-синтаксической организации в за-

висимости от видов речи — диалогической, монологической. Поэтический диалог — составная часть художественного текста, и вместе с тем он близок разговорной речи, поскольку в нем воспроизводится целый ряд черт, присущих разговору [3]. Диалог может быть дан в виде прямой речи персонажей, органично сочетающейся с авторским повествованием. Иногда перемежающиеся диалогические реплики составляют основу драматизированных сцен поэтических произведений. В качестве структурно-семантической единицы диалога является диалогическое единство, которое представляет собой реплики, взаимообусловленные лексически, грамматически, интонационно и выступающие как единое целое [1: 10].

Важнейшим видом диалогического единства являются вопросно-ответные реплики. Цель статьи — выявить основные функционально-семантические типы вопросно-ответной формы поэтического диалога. Материалом послужили лирические и лироэпические произведения поэтов I половины XIX века Жуковского, Батюшкова, Баратынского, Пушкина, Лермонтова. Исследование материала показало, что функционально-семантические типы вопросно-ответных единств предопределены структурно-семантическими особенностями вопросительного предложения, занимающего начальную позицию в диалогическом единстве, поэтому разграничение функционально-семантических типов диалогических единств правомерно проводить на основе структурно-семантической классификации вопросительных предложений. Так как в диалогических единствах наиболее ярко выражается логическая функция вопросов, то оптимальной представляется классификация, связанная с характером ожидаемого ответа (реплики-реакции) и со структурой вопроса (реплики-стимула): каждый функционально-семантический тип предложения имеет определенные средства выражения. Поскольку коммуникативную структуру высказывания наиболее отчетливо проявляет актуальное членение, то и анализ вопросно-ответного единства проводится в аспекте актуального членения предложения.

Актуальное членение предложения — это процесс смысловой сегментации на то, что в нем при данном коммуникативном задании является исходным пунктом высказывания (тему), и то, что о теме сообщается (рему) [4: 23-24].

По характеру коммуникативного назначения собственно-вопросительные предложения, функционирующие в составе вопросно-ответного единства поэтического диалога, можно разделить на две большие группы: специальные и общие вопросительные предложения. Це-

левым назначением специальных вопросов является выяснение неизвестных фактов действительности:

*Княжна со страхом пред собою
Младую незнакомку зрит;
В смятенье, трепетной рукою,
Ее подьемаля, говорит:
«Кто ты? ...Одна, порой ночью,
Зачем ты здесь?» — «Я шла к тебе,
Спаси меня, в моей судьбе
Одна надежда мне осталась...*

(Пушкин. Бахчисарайский фонтан)

Коммуникативная задача собственно-вопросительных предложений состоит в том, чтобы подтвердить или опровергнуть основное содержание сообщения:

*— Не видала ль, девица,
Коня моего?
— Я видала, видала
Коня твоего.*

(Пушкин. Не видала ль, девица)

Данный тип вопроса может быть нерасчлененным и расчлененным на тему и рему. Если специальные собственно-вопросительные предложения направлены ко всему содержанию ответного высказывания, то они актуально не расчленяются и все предложение воспринимается как один член — рема:

*Велик аллах, от злой отравы
Он светлым ангелом своим
Велел беречь тебя для славы!»
«Что нового?» — спросил Селим,
Подняв слабеющие вежды,
И взор блеснул огнем надежды...*

(Лермонтов. Беглец)

В условиях диалогической речи возможно использование специально-вопроса, сокращенного до одного вопросительного слова. Такое предложение тесно связано с предшествующей ответной репликой, уточняя ее:

*Спокойствия рачитель на часах
У будки пробудился, восклицая,
«Кто едет?»—«Муза!» — «Что за черт! Какая
Ответа нет. Но вот уже пруды...*

(Лермонтов, Сашка)

Неполное предложение «Какая?» с точки зрения актуального членения разбивается на два компонента: позиция ремы замещена вопросительным местоимением, тема остается| неозвученной, но она есть в контексте предыдущей реплики («Муза»). Разговорно-бытовая интонация всей строфы создается тем, что третья строка воспроизводит реплики диалога, она расчленяется на интонационные группы: каждая реплика диалога (однословная либо двусловная) отделена от другой понижением голоса и более сильной паузой.

Анализ материала показывает, что большинство специальных вопросов является коммуникативно расчлененными тему и рему, эксплицитно представленных в предложении, однако объем компонентов актуального членения бывает различным. Рема расчлененного вопроса всегда однословна, если вопросительное слово стоит в середине или в конце предложения, то есть не на обычном месте:

*Горячий капал жир в копчёное корыто,
И лопал на огне печеный ростовщик.
А я: «Поведай мне: в сей жизни что сокрыто?»
Вергилий мне: «Мой сын, сей казни смысл велик
Одно стяжение имев всегда в предмете,
Жир должников своих сосал сей злой старик
И их безжалостно крутил на вашем свете».*

(Пушкин. И дале мы пошли)

Кроме вопросительного слова, в состав ремы вопроса может входить глагольное сказуемое:

*И свет дрожащего огня,
Упав на смуглые ланиты,
Черкесу придал вид сердитый:
«Чего ты хочешь от меня?» —
«Гостеприимства и защиты!» —
Пришлец бесстрашно отвечал.*

(Лермонтов. Измаил-Бей)

Говорящий не только направляет свои усилия на выяснение неизвестного факта, но и подчеркивает в вопросе те обстоятельства, которые будут информативно значимы в связи с вопросом:

— *Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».*
— *Ах, я свет возненавидел
И безжалостных людей.
— Что ж ты видел там худого?»*

— *Кучу пламенных сердец:
Деве смех тоска милого,
Для детей тиран отец.*

(Лермонтов. Два сокола)

Второе вопросительное предложение почти дублирует по своему составу первый вопрос, но во второе предложение включается уточняющее предшествующий ответ слово, которое является интонационно выделенным и входит в рему вопроса, Тогда как рема первого вопросительного предложения однословна — это вопросительное местоимение. Ответная реплика второго вопроса содержит рему высказывания в форме неполного предложения, тогда как тема не обозначена, но она ясна из стимулирующей реплики (*я видел ...*).

В качестве реплики при ответе на специальный вопрос самостоятельно употребляется придаточная часть сложного предложения:

— *Он вам знаком. Скажите, кстати,
Зачем он так не терпит знати?
— Затем, что он не дворянин.* —

(Баратынский. Эпиграмма)

Главное предложение не восстанавливается в ответе потому, что представляет собой тему высказывания, которая известна из содержания вопроса, поэтому структурная неполнота ответного предложения не обуславливает смысловой неполноты всего предложения.

Общевопросительные предложения в контексте диалога приобретают некоторые оттенки значений в зависимости от степени осведомленности спрашивающего в получаемой им информации.

Вопросы в составе диалогического единства могут иметь удостоверительное и предположительное значение.

В составе диалогического единства вопросы служат для удостоверения совершившегося или совершающегося факта:

*«Ты побледнела, Клара?» — «Я больна»
И в комнату свою спешит она.*

(Лермонтов. Литвинка)

Актуальное членение вопроса совпадает с его синтаксическим членением: тема соответствует подлежащему, рема — сказуемому. Рема ответного предложения не только удостоверяет правильность суждения, но и сообщает нечто новое, которое помогает понять состояние собеседника.

В диалогических единствах с удостоверительными расчлененными вопросами налицо совпадение интонационно-логического центра и воп-

росительного слова — ремы вопроса. В качестве доказательства служит ответ, в котором повторяется именно это слово:

— *Как! Жив еще Курилка журналист?*

— *Живёхонек! все так же сух и скучен*

И груб, и глуп, и завистью замучен...

(Пушкин. Жив, жив Курилка)

Коммуникативно нерасчлененными являются удостоверительно вопросительные предложения, оформленные с помощью вводномодальных слов:

— *Прощай, Елецкой: ты не весел,*

И рассветает уж давно;

Пошло мне впрок твоё вино:

Ух! я встаю насилу с кресел!

Не правда ль, братцы, по домам?

— *Нет пусть попляшет прежде нам*

Его цыганка.

(Баратынский. Цыганка)

Вся стимулирующая реплика воспринимается как рема, так как вопрос относится ко всему содержанию высказываемой мысли.

Общевопросительные предложения в контексте диалогического единства могут выражать некоторое предположения относительно характера информации, которой располагает собеседник. Предположение в большей степени выражается в вопросительных предложениях, содержание которых так или иначе обусловлено соответствующей ситуацией или контекстом. Смысловой и интонационный центр в таких предложениях совпадают: интонационно-логический и смысловой центр вопроса располагается на предикативной части высказывания, относительно которой делается предположение:

Елецкой.

Твое здоровье! Рад душою ...

И вот — ни капли нет на дне.

Надеюсь, ты довольна мною?

Сара

Спасибо! Сядь теперь ко мне,

Поговорим о старине.

(Баратынский. Цыганка)

Ремой вопроса является информативно-важный, логически ударяемый компонент высказывания, значение предположения маркировано с помощью вводного слова, которое привносит оттенок уверенности в вопрос,

спрашивающий как бы желает приобщить собеседницу к своему мнению. Ответная реплика содержит подтверждение данного предположения.

Актуально нерасчлененные предположительные вопросы содержат только рему высказывания:

— *Куда вы? за город, конечно,
Зефиром утренним дышать
И с вашей музой мечтать
Уединенно и беспечно?»*
— *Нет, я собираюсь на базар,
Люблю базарное волнение...*

(Пушкин. Чиновник и поэт)

Смысл предположительного вопроса обусловлен предшествующим специальным вопросом, после которого употребляется.

Таким образом, в контексте поэтического диалога употребляются функционально-семантические типы единств, в которых функционируют специальные и общие собственно-вопросительные предложения, направленные либо на выяснение неизвестных фактов действительности, либо на подтверждение (отрицание) имеющейся информации.

Однако средства актуализации коммуникативной структуры общих и специальных вопросов в разных эмоционально-стилистических типах стиха неоднозначны. В напевном стихе порядок слов, лексико-грамматические показатели и контекст выступают решающими факторами в выражении актуального членения предложения:

*«Ты видел ли замок на бреге морском?
Играют, сияют над ним облака;
Лазурное море прекрасно кругом».*
*«Я замок тот видел на бреге морском,
Сияла над ним одиноко луна;
Над морем клубился холодный туман».*

(Жуковский. Замок на берегу моря)

Логические акценты в стихе подчинены ритму, рема вопроса выявляется с помощью частицы «ли», порядка слов, контекста.

В говорном стихе, кроме порядка слов, лексических средств и контекста, релевантна интонация:

*Обедня кончилась, пришла Параша.
«Что, маменька?» — «А, Пашенька моя!
Маврушка... — «Что, что с ней?» —
Кухарка наша...
Опомнись досель не в силах я...
За зеркальцем... вся в мыле... —*

— Воля ваша.
Мне, право, ничего понять нельзя;
Да где ж Мавруша?» — Ах, она разбойник!
Она здесь брллась! ...точно мой покойник!
(Пушкин. Домик в Коломне)

Рема в говорном стихе оказывается сильно акцентированной в смысловом отношении. Логическое ударение, которое получает выделенное слово, способствует прозаизации интонационной структуры стиха, созданию эффекта разговорности.

Итак, в структуре поэтического текста функционируют различные типы диалогических единств, семантика которых предопределяется семантикой стимулирующей реплики – вопроса и семантикой реплики-ответа. Рема вопроса, будучи динамическим центром высказывания, имеет четкую тенденцию к препозиции по отношению к остальной части высказывания, однако в силу ритмико-интонационных особенностей поэтического текста она может перемещаться в коммуникативной структуре высказывания. Рема вопроса наполняется конкретным содержанием в ответной реплике поэтического диалога.

Библиографический список

1. **Борисова И.Н.** Русский разговорный диалог: проблема интегративности: автореф. ... дисс. докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 46 с.
2. **Ковтунова И.И.** Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – 206 с.
3. **Полищук Г.Г., Сиротинина О.Б.** Разговорная речь и художественный диалог //Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 188-199.
4. **Янко Т.Е.** Коммуникативные стратегии русской речи. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 392 с.

G.G. Khisamova

FUNCTIONAL-SEMANTIC TYPES OF POETIC QUESTION-AND-ANSWER DIALOGUE FORMS

Abstract. The article is devoted to the description of basic functional-semantic question-answer types of poetic dialogue from the perspective of the actual division of the sentence.

The material for the analysis was the question-and-answer dialogical unity that functioned in Russian poetry in the first half of the 19th century.

Key words: poetic dialogue, question-and-answer dialogical unity, actual division of sentences, chant verse, spoken verse.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ СИНОНИМЫ АДЪЕКТИВА НЕУЛОВИМЫЙ КАК СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ЕГО СЕМАНТИКИ

Аннотация. В статье рассматривается возможность изучения семантики неуловимого через контекстуальные синонимы, выступающие в качестве однородных членов лексемы «неуловимый» (в её переносном значении ‘еле заметный’) и уточняющие её смысл. Анализ адъективных слов-синонимов лексемы «неуловимый» позволил выявить ряд её неочевидных сем, актуализируемых контекстом: ‘нечёткость восприятия’, ‘слабость восприятия’, ‘мимолётность восприятия’, ‘несовпадение объекта восприятия с известными субъекту классами объектов’ и др. Важным результатом является тот факт, что чаще всего лексема «неуловимый» соседствует с адъективами типа «явный», «ощутимый», «несомненный», что позволяет рассматривать «неуловимое» как неотъемлемую часть процесса категоризации, а языковые единицы с семантикой неуловимого – как вербализаторы «неуловленного», неформившегося, неясного перцептивного образа.

Ключевые слова: перцептивный образ, категоризация, семантика неуловимого, контекстуальные синонимы.

Одним из важных когнитивных процессов является восприятие – «психический процесс, при помощи которого мы понимаем ощущение и наделяем его смыслом» [Гейвин 2003: 52]. Как правило, формирование перцептивного образа «представляет собой процесс, включающий ряд фаз (переходов): от нерасчленённого восприятия (“что-то мелькнуло”, “что-то коснулось кожной поверхности”, “появился какой-то звук”, “чем-то пахнет” и т.д.) к формированию дифференцированного целостного предмета (или явления), адекватного оригиналу» [Психологический словарь 1997: 57]. Однако далеко не всякое восприятие заканчивается «приданием смысла» информации, получаемой от органов чувств, и приводит к формированию адекватного оригиналу образа – восприятие может так и остаться нерасчленённым, неузнанным, непонятым, не подлежащим вербализации. В тех случаях, когда либо «на входе», при получении сенсорных ощущений, либо «на выходе», при попытке подвести данный комплекс ощущений под какую-либо известную категорию, возникают проблемы, можно говорить о том, что восприятие было «не уловлено» и не

привело к однозначному пониманию воспринятого и формированию узнаваемого перцептивного образа. Ср. в связи с этим семантическое развитие общеславянского корня *ęti, *jъtl в глаголах *поймать* и *понять* [ТСРЯ 2008].

Каким образом вербализуются случаи невозможной или затруднённой категоризации, какие типы и виды «неуловимых» феноменов отражаются в языке? Ответить на эти вопросы позволит изучение семантики неуловимого, представляющей собой модусную категорию полевой структуры, формирующуюся вокруг суперконцепта НЕУЛОВИМОЕ [ср., напр., Калинина 2016; Калинина, Трушков 2017].

Одним из способов изучения семантики неуловимого может быть разноаспектный анализ функционирования в речи её ядерного репрезентанта – лексемы *неуловимый* во втором словарном значении «еле заметный, плохо различимый, неясный» [ССРЛЯ 1958: 1239].

Цель настоящей статьи – охарактеризовать семантику неуловимого через контекстуальные синонимы адъектива *неуловимый*.

Сразу отметим, что использование синонимов – не единственный способ экспликации семантики неуловимого. Она может раскрываться при помощи сравнений и сравнительных оборотов (*что-то неуловимое, словно аромат одеколona «Шипр»*), придаточных предложений (*неуловимое желание, от которого краснели её щёки*), отношений подлежащего и сказуемого (*что-то неуловимое изменилось в обстановке; свобода – нечто неуловимое*) и др. Реже встречаются контексты без всяких пояснений, рассчитанные на опыт или воображение адресата (*что-то в его манере было неуловимое*).

Материалом данного исследования послужили 200 контекстов, в основном извлечённых из Национального корпуса русского языка [НКРЯ] – та часть нашего языкового материала, в которой лексема *неуловимый* (-ая, -ое, -ые) употребляется в одном ряду с другими адъективными словами, выступающими в качестве синонимов и каким-либо образом (через уточнение, разъяснение, сопоставление, противопоставление, градацию) раскрывающими её значение.

Анализ языкового материала позволяет прийти к следующим заключениям. Чаще всего (в 55 контекстах из 200, т.е. в 27,5% случаев) *неуловимое* характеризуется как несомненно имевшее место, но не осмысленное субъектом восприятие. Можно условно обозначить такого рода контексты формулой «**неуловимое, но явное / явное, но неуловимое**», так как в них подчёркивается одновременно факт наличия вос-

приятия и невозможность опознать объект этого восприятия и присвоить ему определённый «ярлык». В тексте это чаще всего передаётся с помощью однородных определений, связанных противительным союзом *но*: *неуловимый, но несомненный; неуловимый, но различимый; неуловимый, но осязаемый; неуловимый, но чувствуемый; стойкий, но неуловимый; неуловимая, но заметная; неуловимое, но явное; неуловимое, но осязаемое; страшное, но неуловимое; узнаваемое, но неуловимое; неуловимое, но ясное; неуловимое, но осязаемое; сладостные, но неуловимые* и др. Ср., напр.: *Его ноздри вдыхали благоухание духов и тот почти неуловимый, но оглушающий и различимый для каждого запах женской кожи* (А. Толстой. Хождение по мукам); *У Анискина на лице было то самое выражение, когда нельзя было понять, о чём он думает и чего он хочет, когда казалось, что глаза участкового источают что-то неуловимое, но осязаемое, пугающее и густое* (В. Липатников. Деревенский детектив); *И именно в тот момент все увидели, что в нём произошла какая-то неуловимая, но несомненная перемена* (А. Чаковский. Блокада).

Этот же смысл может выражаться и без участия союза *но*, когда в тексте присутствуют единицы *и*, *и при этом*, *и в то же время*, *а на самом деле* и подобные, ср.: *неуловимый (и при этом, и в то же время, а на самом деле...) благородный, важный, вездесущий, грозный, знакомый, могучий, могущественный, несомненный, новый, пугающий, страшный, существенный, твёрдый, явный* и др. Ср., напр.: *Что-то неуловимое и твёрдое не могло раствориться в ней, мешая выйти слезам* (А. Грин. Блистающий мир); *Скрытая жизнь материала, простые на вид, а на самом деле неуловимые превращения* (И. Бабель. Статьи в газете «Заря Востока»); *Разница была почти неуловимая и тем не менее существенная* (Э. Рязанов. Подведённые итоги); *...люди были разные... но во всех было нечто их объединяющее, неуловимое и явное в то же время, какой-то флюид «непочтенности»...* (Г. Иванов. Петербургские зимы).

Преобладание контекстов такого типа подтверждает высказанную нами ранее [Калинина 2017] мысль о том, что *неуловимое* должно рассматриваться как неотъемлемая часть процесса категоризации: субъект нечто ощущает, воспринимает (то есть показания его органов чувств «больше нуля»), но не может понять и, следовательно, ясно выразить, что именно он ощущает и воспринимает.

Второе место по частотности делят две группы контекстов, которые мы условно обозначили как «неуловимое, потому что неясное» и «не-

уловимое, потому что слабо проявленное». Обе эти группы включают по 40 контекстов (по 20% материала).

В группу **«неуловимое, потому что неясное»** включены контексты, в которых уточняющими синонимами для прилагательного *неуловимый* выступают лексемы *загадочный, запутанный, зыбкий, неведомый, неопределённый, неопределимый, неясный, размытый, расплывающийся, скрытый, смутный, спутанный, тайный, таинственный, туманный, эфемерный* и др. Почти все они говорят о некой «размытости», нечёткости восприятия, из-за чего воспринимаемый или возникающий перед мысленным взором объект невозможно с уверенностью категоризировать, и он остаётся для субъекта «загадочным» и «таинственным». Нередко такой ряд однородных определений предваряется местоимением *какой-то*. Ср., напр.: *Он видел неуловимые, расплывающиеся лица, и ему казалось, что лица эти расплываются в счастливых улыбках* (Б. Васильев. Не стреляйте в белых лебедей); *Неясные, почти неуловимые ухом звуки наполняли сонный воздух* (В. Арсеньев. Дерсу Узала); *Какие-то неуловимые и смутные видения носились перед её глазами* (А. Шеллер-Михайлов. Господа Обносковы); *Какие-то неуловимые звуки, неопределённые: то будто шум пронесётся в воздухе; не было ветра* (Н. Помяловский. Мещанское счастье).

Проблему для осуществления категоризации может создавать и малая, недостаточная для идентификации ощущения «степень сигнала». Эту группу примеров мы обозначили как **«неуловимое, потому что слабо проявленное»**. Контекстуальными синонимами для прилагательного *неуловимый* в данном случае выступают единицы *воздушный, едва заметный, еле видный, еле осязаемый, лёгкий, малый, мелкий, мельчайший, мягкий, незначительный, неосязаемый, тихий, тонкий, тончайший, чуть заметный, чуть приметный* и др. Ср.: *От реки потянулся лёгкий, почти неуловимый запах, чуть отдалённо напоминающий запах тления* (Л. Чарская. Золотая рота); *...формы предмета теряют свою пластическую определённую и улещиваются в воздушный, неуловимый для осязания образ* (В. Боткин. Стихотворения А.А. Фета); *...только под усами у него скользила чуть заметная, почти неуловимая улыбка* (А. Куприн. Памяти Чехова); *Она была осторожна, хитра и коварна, вкрадчиво цепляясь за неуловимые, едва заметные мелочи, осень пробиралась в лето и исподволь вытесняла его собой* (А. Варламов. Купавна); *Как будто впервые становятся доступными обонянию тонкие ароматы, совершенно не-*

уловимые в обычном состоянии (А. Воронский. Марсель Пруст. К вопросу о психологии художественного творчества).

Далее отметим возможность выделения группы **«неуловимое, потому что странное»** (37 контекстов, 18,5%). В этом случае проблемой является отсутствие в опыте субъекта какого-то точного аналога, образца, с опорой на который можно было бы произвести категоризацию – воспринимаемый объект чем-то отличается от возможных аналогов, имеет какие-то нетипичные для такого рода объектов характеристики. Об этом говорят лексемы *дивный, диковинный, иной, непонятный, необъяснимый, особенный, странный*, выступающие в качестве контекстуальных синонимов прилагательного *неуловимый* (при нередком участии местоимения *какой-то*). Ср., напр.: *Княжна стояла над ним... пристально глядела в его... глаза, и что-то такое неуловимое, диковинное, что было в эту минуту в парне, сообщилось вдруг и ей* (Е. Салиас. На Москве); *...какой-то странный, неуловимый след остался в наборной после ухода мальчишки* (А. Серафимович. Инвалид); *Кажется, с год, не более, простояла Калинова сторожка на затянувшихся березкой рощистях, пока вслед за хозяином не растворилась, точней, по слову Калины, не переплавилась в какие-то иные, неуловимые формы существования* (Л. Леонов. Русский лес).

Ещё одна причина неуловимости восприятия – его краткость, мгновенность, быстрая изменчивость, из-за чего субъект не успевает осознать, что именно он ощутил и как это можно назвать. Данную группу, представленную 23 контекстами и составляющую 11,5% примеров, можно условно обозначить **«неуловимое, потому что быстротечное»**. Синонимами для адъектива *неуловимый* здесь выступают лексемы *быстрый, быстротекущий, живой, короткий, летучий, мимолётный, моментальный, переливающийся, стремительный, струящийся, текущий, ускользающий, улетучивающийся, хрупкий, юркий* и др. Ср., напр.: *Быстрые, почти неуловимые движения Симы сменялись мгновенной остановкой в позе* (И. Ефремов. Лезвие бритвы); *Почти неуловимый, шелестящий и струящийся звук стекал с иглы репродуктора* (Б. Хазанов. Я воскресение и жизнь); *Был и третий след, который весь этот вид оставил тогда на душе моей, – неуловимый, мимолётный, но глубокий след!* (М. Авдеев. Тамарин); *Ум такая неуловимая и улетучивающаяся составная часть, что измерить её, взвесить и положительно определить невозможно* (П. Вяземский. Старая записная книжка).

Далее выделять в оставшемся материале какие-то группы представляется нецелесообразным ввиду относительной малочисленности их состава. Просто назовём, какие ещё коннотации «неуловимого» могут привноситься контекстуальными синонимами прилагательного *неуловимый*.

Восприятие может характеризоваться как неуловимое ввиду его **сложности, комплексности**, невозможности выделить в воспринимаемом объекте главное и второстепенное (*неуловимый + бесчисленный, пёстрый, разнообразный* и др.). Примечательно, что и **однотонность, однородность, «монохромность»** восприятия, когда глазу или уху «не за что зацепиться», тоже могут способствовать характеристике восприятия как неуловимого (*неуловимый + бесцветный, бледный, тёмный, тягучий* и др.). Неуловимыми также могут быть **переходные, «пограничные»** восприятия (*неуловимый + вплотную соприкасающийся, находящийся на границе* и др.). Ср., напр.: *Сновидения вились цветочною вязью... иль нет, между ними не было никакой связи; то были чудные образы, выпадающие в калейдоскопе, столь же пёстрые, столь же неуловимые* (А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек); ... *в туманной дали уже начинают появляться те бледные неуловимые огоньки, которые всегда мелькают перед напряжёнными глазами* (И. Бунин. В поле); *Один, закрыв глаза, чуть слышной, тоненькой фистулой напевает что-то тягучее, неуловимое по мотиву* (Ф. Крюков. Полчаса); *Шум этот, почти неуловимый вначале, находящийся где-то на зыбкой границе слышимого и ультразвука, медленно и совсем незаметно креп* (Д. Глуховский. Метро).

Таким образом, анализ контекстуальных синонимов адектива *неуловимый* подтверждает необходимость рассматривать «неуловимое» как отправную точку процесса категоризации («неуловимое, но явное») и позволяет выделить такие составляющие семантики неуловимого, как нечёткость восприятия; слабость ощущений; нетипичность, странность каких-либо признаков воспринимаемого объекта; быстротечность восприятия и/или постоянная изменчивость объекта; сложность, комплексность восприятия; однотонность, однородность воспринимаемого объекта (трудность разграничения «объекта» и «фона»); пограничный характер восприятия.

Библиографический список

Гейвин Х. Когнитивная психология. – СПб.: Питер, 2003. – 272 с.

Калинина Л.В. Изучение семантики неуловимого как лингвистическая и когнитивная проблема // Вестник ВятГГУ. Научный журнал. – №3. – Киров, 2016. – С. 63–67.

Калинина Л.В. *Что-то неуловимое и нечто неуловимое* как точка отсчёта на шкале категоризации // Семантика. Функционирование. Текст: Межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Издательство ООО «Радуга-ПРЕСС», 2017. – С. 101–109.

Калинина Л.В., Трушков М.А. «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. – № 2. – С. 78–89.

Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/new/>

Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – М.: Педагогика-Пресс, 1997. – 440 с.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 7. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 117 с.

L. V. Kalinina

CONTEXTUAL SYNONYMS OF AN ADJECTIVE *IMPERCEPTIBLE* AS MEANS OF EXPLICATION OF ITS SEMANTICS

Abstract. The article considers the possibility of studying the semantics of imperceptible through contextual synonyms, acting as homogeneous members of the lexeme «неуловимый imperceptible» (in its figurative meaning ‘barely noticeable’) and clarifying its meaning. Analysis of adjective synonyms of the lexeme «неуловимый imperceptible» has revealed a number of non-obvious seme, updated by context: ‘blurred perception’, ‘weak perception’, ‘transience of perception’, ‘mismatch between the object of perception and the classes of objects known to the person’, etc. An important result is the fact that the lexeme «неуловимый imperceptible» most often is adjacent to the «explicit», «perceivable», «undeniable» adjectives, which allows to consider the «imperceptible» as an inherent part of the categorization process, and language units with semantics of imperceptible as verbalizers of the «missed», unformed, obscure perceptual image.

Key words: perceptual image, categorization, semantics of imperceptible, contextual synonyms.

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ В РАННИХ РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы номинации героев в художественном тексте, т.к. имя собственное в произведении не является случайным, а служит системообразующим звеном, связывающим героев, пространство и время. На материале ранних рассказов А.П. Чехова рассмотрены основные принципы номинации персонажей, выявлены функции онимов и определена их роль в формировании замысла произведения.

Ключевые слова: ономастика, фамильный оним, имя собственное, ономастическое пространство.

В нашей статье мы обращаемся к исследованию принципов номинации героев в ранних рассказах А.П. Чехова. Великий сатирик пишет о будничном, мелком, но в его рассказах проявляется протест против униженности человека. Он реально создает картину действительности, говорит о социальной подлости и извращении человеческой личности, и большую роль в этом представлении играют имена собственные.

Рассказ «*Цветы запоздалые*», напечатан А.П. Чеховым в 1882 году в журнале «Мирской толк». На наш взгляд, это произведение стоит особняком в раннем творчестве А.П. Чехова, т.к. в нем сквозь иронию просачивается глубокая грусть. В докторе Топоркове можно увидеть прообраз доктора Старцева из более позднего произведения, как и герой «Ионыча», он не заслуживает личного имени. По ходу повествования повторяется только его фамилия, тем самым автор подчеркивает бездушность главного героя. Его стремление к накопительству и отсутствие в нем живой души. И только в финале произведения мы слышим уничижительно-ласкательное «Миколаша» из уст «его купчихи».

Главная героиня, напротив, названа автором нежно, ласково – *Маруся*. Но в то же время в этой разговорной форме имени *Мария* Чехов показывает то несвойственное положение, в котором находится главная героиня (обнищание княжеской семьи), низводя княжну в положение обычной горничной, которая как раз и могла бы зваться Марусей.

Егорушка – брата Маруси. Это развратившийся, нравственно и физически, человек. В уменьшительно-ласкательном использовании этого имени также отражен упадок – материальный, нравственный, духовный. Иногда Маша называет его Жоржем, пытаясь как-то всколыхнуть то, что осталось от гусарской чести и княжеского достоинства (которые, она счита-

ла, были в нем). Но эти попытки не увенчались успехом. Егорушка так и останется черствым, недалеким человеком, которому все сходит с рук, и даже смерть сестры не пробуждает в нем никаких чувств.

Фамилии главных героев, использованные автором, имеют символическое значение. Аpellлятивно-мотивированной является фамилия князей *Приклонских*, мотивируется нарицательным словом «приклоняться», в значении приклоняться перед кем-то: «Умоляли они так, как только могут умолять несчастные плачущие женщины» [2: 297]. Истинная мотивация. Князья Приклонские вынуждены в создавшейся ситуации всем кланяться, даже своему бывшему слуге – Топоркову. Фамилия *Топоркова* говорит нам о «непробиваемости», «бестолковости» героя, который за стяжательством совершенно не замечает светлого и чистого чувства Маруси. Пробуждение происходит слишком поздно, практически ничего не меняя во внутреннем мире Топоркова. «Впрочем, можно заметить в нем перемену. Он, говоря с женщиной, глядит в сторону, в пространство... Почему-то ему страшно делается, когда он глядит в женское лицо... [2: 300].

В произведении обыгрываются комический эффект в *ониме Карелия Ивановна – Кавалерия*. Таким образом автор гиперболизирует ничтожность, пошлость этой женщины, ставя ее в один ряд с «мертвыми» душами произведения *Топорковым, Егорушкой*.

Ономастическое пространство данного рассказа представлено 29 именами, большинство из которых это имена персонажей, затем представлены фамилии, всего два героя именуются в произведении по имени и отчеству, но это именование носит иронически, а не уважительный характер (Калерия Ивановна, Иван Адольфович).

В данном произведении автор использует имена литературных героев (Рудин), библейских персонажей (Христа), а также фамилию представителя искусства (Шопен), но эти словоупотребления единичны и играют роль культурных маркеров в тексте.

В рассказе «*Смерть чиновника*», опубликованном в журнале «Осколки» в 1883 году с подзаголовком «Случай», А.П. Чехов продолжает традиции классической литературы XIX века по представлению «маленького человека». Но в отличие от гоголевского героя, чеховский *Червяков* не вызывает сочувствия и сострадания. Чеховский персонаж вызывает в нас чувство брезгливости и омерзения, чему в немалой степени способствует фамилия главного героя – *Червяков*. В данном *ониме* складывается несколько семантических аспектов. Во-первых, это сравнение героя с червяком по его положению, низмен-

ности его души, во-вторых, физическое отвращение, связанное с восприятием червяка, как ползушей неприятной, скользкой твари. Все эти аспекты нашли отражение в самом герое, удвоив тем самым иронический эффект понимания сущности персонажа.

Фамилия *Брижжалов* тоже не вызывает приятных ощущений, таким выбором автор еще в большей степени подчеркивает абсурдность сложившейся ситуации. Ономастическое пространство данного произведения состоит из 6 онимов, где главный герой назван по всем традициям русского официального именования (имя + отчество + фамилия) – *Иван Дмитрич Червяков*. Чиновник, на которого чихнул Червяков номинируется только фамильным онимом. Несмотря на небольшое ономастическое пространство рассказа (как и сам рассказ), онимы обладают семантической насыщенностью, позволяя читателю глубоко прочувствовать чеховского персонажа.

Рассказ «*Певчие*», опубликованный в журнале «Осколки» в 1884 году, имеет небольшой объем онимов (15). Именные онимы в произведении имеют представители крестьянства *Василий, Геннадий*. Формула «имя + отчество» традиционно оформляет именование представителя дворянства – граф *Владимир Иванович*, псаломщик *Алексей Алексеич* и учитель *Сергей Макарыч*, т.е. онимы выполняют в произведении не только номинативную функцию, они являются маркерами социального положения главных героев (Сергей Макарыч – учитель (имя + отчество), а также играют сатирическую роль (Евлампий Авдисов).

Рассказ «*Маска*» опубликован в 1884 году в журнале «Развлечение». Произведение имеет яркую сатирическую окраску, обличая чиновничество, измененность человеческой личности, самодурство. Общество прекрасно понимает, что Пятигоров ведет себя низко, но, узнав, кто это человек, никто ему не перечит: «Негодяй, подлый человек, подлый человек, но ведь – благодетель!.. Нельзя» [2, с.26]. В этом произведении использованы говорящие фамилии с целью усиления комического эффекта. В фамилии *Пятигоров* отражена материальная мощь (пять гор), которая дает ему право совершать неблагоприятные поступки. А оним *Жестяков* – ложно мотивирован, т.к. ни о какой жесткости по отношению к Пятигорову речи нет.

Ономастическое пространство произведения состоит из одно- и двухкомпонентных онимов (7): фамилии, имя+отчество (*Пятигоров, Жестяков; Егор Нилыч, Евстрат Спиридоныч*). Все онимы, как и в предыдущих рассказах, выполняют номинативную функцию, но что более важно для автора – сатирическую и экспрессивную.

Юмористический рассказ «*Брак по расчету*» напечатан в журнале «Развлечение» в 1884 году под заглавием «За человека страшно», с подзаголовком «Роман в 2-х одинаково плачевных частях». Автор сознательно подбирает антропонимы для своего произведения, т.к. благодаря их использованию достигается юмористический эффект. Фамилия *Мырина* говорит читателю о том, что мать невесты либо внешне «далека от совершенства», либо, что, скорее всего, обделена нравственными и духовными качествами (об этом говорит эпизод, где ей жалко не дочь, а перину). «Перины жалко! – отвечает за нее мать. – Три пуда, голубчик! И пух-то какой! пушинка к пушинке – ни одного перышка!» [1, с. 86].

Главная героиня названа *Дашенькой* не потому, что автор симпатизирует ей, а совершенно по другой причине. «Невеста Дашенька, у которой на лице написаны все добродетели, кроме одной – способности мыслить, вспыхивает...» [1:165]. В фамилии *Апломбов* (апломб – излишняя самоуверенность в поведении [1, с.26] как нельзя лучше соответствует герою, т.к. он ничего из себя не представляет, но хочет казаться образованным и сведущим, бравируя терминами.

Помимо фамилий и имен персонажей в произведении используется комический прием – употребление мифонимов. «Розовоперстая Аврора застаёт еще Гименея в Пятисобачьем переулке, но вот настает серое утро и дает автору богатый материал для...» [2: 84]. Таким образом, ономастическое пространство данного произведения состоит в основном из антропонимов и мифонимов, которые гармонично сочетаясь, создают целостную онимическую систему произведения.

Произведение «*Страшная ночь*» опубликовано в журнале «Развлечение» в 1884 году. В этом рассказе ранний Чехов не уходит от своих принципов именования персонажей говорящими фамилиями. В данном произведении такие онимы представляют целую систему, цель которой усилить комический эффект произведения. Во-первых, большинство фамилий «*Страшной ночи*» семантически восходят к реалиям, характеризующим обряд похорон (*Панихидин, Трупов, Упокоев, Погостов*), во-вторых, топонимы тоже относятся к лексико-семантической группе «смерть» (*Мертвый переулок, Успение-на-могильцах*). Таким образом, все онимическое пространство составляет единое гармоническое целое, которое подчинено одной цели – заинтриговать читателя и подвести его к совершенно непредсказуемой развязке. На наш взгляд, именно поэтому фамилия героя, по вине которого в квартирах

появлялись гробы, не имеет отношения к загробной жизни (*Челюстин*). Этот оним является ключевым в развязке произведения.

Одним из ярких как с литературной, так и с лингвистической стороны, является рассказ «*Лошадиная фамилия*». В одном произведении сконцентрировано большое количество онимов, которые мотивированы понятием «лошадь» и все, что с ней связано. В фамилиях нашли отражение различные семантические значения.

1. Фамилии, восходящие к слову «лошадь»: *Лошадинин, Лошадинский, Лошадкевич, Лошадников и др.*

2. Фамилии, связанные со словом «жеребец»: *Жеребенко, Жеребковковский, Жеребовский, Жеребчиков и др.*

3. Фамилии, восходящие к слову «кобыла»: *Кобылкин, Кобылеев, Кобылин, Кобылянский и др.*

4. Фамилии, связанные со словом «конь»: *Коненко, Конявский.*

5. Некоторые фамилии восходят к названиям конской упряжи: *Уздечкин, Чересседельников.*

6. Фамилии, отражающие масть лошади: *Буланов, Гнедов.*

7. Единичны фамилии, отражающие другие реалии, связанные с «миром лошади»: *Тройкин, Коренной, Рысистый.*

Наряду с онимами, входящими в разряд «лошадиных», в тексте встречаются фамилии, не имеющие отношение к этой лексико-семантической группе: *Конченко, Кобелев*. Таковой является и фамилия-разгадка – *Овсов*, к «лошадиной» не имеющая никакого отношения.

Ономастическое пространство данного рассказа представлено 50 онимами, 43 из которых фамилии, предложенные героями в качестве нужной. Помимо фамилий в тексте присутствуют двухкомпонентные именованья: *Иван Евсеич, Яков Василич*. Все антропонимическое поле сформировано таким образом, чтобы заинтриговать читателя, рассмешить и привести к непредсказуемой развязке.

Рассказ «*Канитель*», опубликованный в 1885 в журнале «Осколки», построен на ономастическом материале, т.е. вся сюжетная «канитель» связана с перечислением имен, которые принадлежат простым крестьянам. В устах Федосьи они приобретают еще и разговорную форму (*Митрий, Антипа, Авдотья*), которую пытается исправить дьячок *Отлукавин*, фамилия которого говорит сама за себя. С нее и начинается повествование. Что позволяет читателю представить сущность дьячка. Даже без подробного портрета. «На клиросе стоил дьячок Отлукавин и держит между вытянутыми жирными пальцами огрызненное гусиное перо [2, с.26].

Ономастическое пространство данного рассказа составляют 23 онима, 22 из которых именные и один фамильный. Имени дьячка мы не знаем, как и в большинстве своих произведений Чехов лишает его «бездушных» героев, так происходит и с Отлукавиным. Он не заслуживает имени, т.к. ему не дано понять и почувствовать, что за этими простыми русскими именами скрыта судьба человека, чаще всего трагичная.

Таким образом, роль онимов ранних произведения А.П. Чехова сложно переоценить, т.к. создают неповторимое, гармоничное ономастическое пространство небольших по объему рассказов. ИС в произведениях неслучайны, каждый из онимов играет определенную, чаще всего характерологическую роль (Отлукавин, Топорков, Приклонские), либо создает комический эффект (Калерия Ивановна), либо представляет собой целую систему онимов, которые являют сюжетообразующими (например, «Лошадиная фамилия») и т.д. В ранних произведениях А.П. Чехов продолжает традицию, начатую в классической литературе, – это использование «говорящих фамилий».

Библиографический список

1. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. М.: Русский язык, 1991. 917с.
2. **Чехов А.П.** Собрание сочинений в двенадцати томах. Т1. М.: «Правда», 1985.

T.B. Kuznetsova, T.G. Borisova

PRINCIPLES OF NOMINATION OF PERSONAGES ARE IN THE EARLY STORIES OF A.P. CHEKHOV

Abstract. The article deals with the investigation of the heroes' nomination problem in the linguistic and cultural paradigm. Proper name in the text often serves as a key to the holistic perception of the work, the understanding of the actions of the characters. A.P Chekhov. He considered family onms, their semantics and role in the formation of the idea of the author's work and design were defined on the material of the novel.

Key words: onomastics, surname, Proper name, onomastic space.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ДИСКУРСА В ТЕКСТАХ НА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ТЕМЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ-МУЗЫКАНТОВ

Аннотация. Предметом исследования в настоящей статье являются проявления музыкального и научного дискурсов в текстах на музыкальные темы. В таких текстах, которые используются при обучении русскому языку иностранных учащихся-музыкантов, происходит взаимодействие различных типов дискурса. Цель работы – анализ оптимального текстового пространства для иностранцев, овладевающих русским языком. Исследование проводится при помощи анализа эмпирических данных, лингвистического анализа научного текста. В данной статье взаимодействие различных типов дискурса рассматривается на материале учебных текстов разных типов. Музыкальный дискурс реализуется, прежде всего, при помощи музыкальной терминологии, научный – посредством простых и сложных предложений различных типов, разнообразных тематических групп лексики. Область применения результатов исследования – преподавание основного курса – русского языка как иностранного – и междисциплинарные исследования гуманитарных наук.

Ключевые слова: дискурс, текст, музыка, русский язык как иностранный, учащийся-музыкант.

В процессе преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в вузе музыкального профиля используются различные материалы, в том числе и учебные тексты. Роль таких текстов на занятиях очень значительна: помимо того, что они являются организующими центрами уроков, они содержат огромное количество информации, необходимой иностранным студентам. Если же основа текста – материалы какой-либо книги (книг), в них проявляются различные дискурсы.

В русскую «...лингвистическую традицию слово “дискурс” как термин вошло через работы лингвистов, философов-структуралистов и постструктуралистов (Сёрля, Ван Дейка, Фуко, Бенвениста, Халлидея и др.)» [Полякова 2009: 87]. Определение дискурса «...до сих пор остается в центре внимания современных научных обсуждений, в этом и есть его актуальность и научная ценность» [Касумова 2009: 86]. Дискурс – это «...связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в событийном аспекте...» [Арутюнова

1990: 136]. Текст является сложным феноменом, в нем могут реализовываться различные типы дискурсов.

Лингвокультурное изучение дискурса «...имеет целью установить специфику общения в рамках определенного этноса, определить формальные модели этикета и речевого поведения в целом, охарактеризовать культурные доминанты соответствующего сообщества в виде концептов как единой ментальной сферы, выявить способы обращения к прецедентным текстам для данной лингвокультуры...» [Полякова 2009: 89].

На занятиях по РКИ в вузе музыкального профиля «...используются следующие виды текстов: 1) текст-биография композитора или музыканта; 2) текст-характеристика музыкального произведения; 3) текст-характеристика эпохи, направления, стиля в музыкальном искусстве; 4) текст-характеристика музыкального жанра; 5) текст-характеристика музыкального инструмента и др.» [Михайлова, Назарко 2005: 154]. В данной статье взаимодействие различных типов дискурса будет рассмотрено на материале текста-биографии композитора и текста-характеристики его творчества, текста-характеристики эпохи в музыкальном искусстве, текста-характеристики музыкального инструмента.

Текст на музыкальную тему должен быть доступным и интересным для учащихся, содержать максимум информации по их специальности, иметь стройную композицию, быть логичным и законченным. Учебный текст имеет ряд особенностей. Информация источника подвергается компрессии, в определенной степени – переработке, из текста-первоисточника могут быть исключены непонятные слова, лексика пассивного словарного запаса и т.д. Если источников учебного текста несколько, то происходит синтез разных стилей и т.д., несколько микро-текстов объединяются. В учебном тексте реализуются как синтагматические, так и парадигматические внутритекстовые связи.

Биографические тексты занимают важное место в формировании коммуникативной компетенции иностранных учащихся. Тексты, содержащие информацию о творчестве выдающихся композиторов и музыкантов, способствуют развитию учебно-профессиональной деятельности студентов вуза музыкального профиля. Кроме того, тексты-биографии и тексты-характеристики творчества композиторов и музыкантов обладают высоким культурологическим потенциалом. Текст о какой-либо эпохе в музыкальном искусстве содержит сведения не только музыковедческого, но и искусствоведческого характера. В тексте о музыкальном инструменте имеются данные как о технических харак-

теристиках инструмента, так и о его использовании в произведениях различных композиторов.

В качестве примера текста-биографии рассмотрим текст «Станислав Монюшко» [Михайлова 2014: 104–105], составленный по: Капілаў А.Л., Нісневіч С.Г. Манюшка Станіслаў // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т. – Мінск: БелСЭ, 1986. – Т. 3. Карчма–Найгрыш / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – С. 437–438; Карповіч Т.А. Культурнае жыццё Мінска I паловы XIX стагодзя. – Мінск: Рыфтур, 2007. – 64 с. Музыкальный дискурс в данном тексте эксплицируется благодаря следующим группам музыкальных терминов, употребленных как одиночно, так и в сочетании с другими словами: ‘теория музыки’ (*ноты, звуки, композитор* и др.), ‘музыкальные жанры’ (*песни, опера, романсы* и др.), ‘специальность музыканта’ (*скрипачка, пианистка* и др.), ‘музыкальное образование’ (*урок музыки, обучать игре на фортепиано* и др.), ‘великие композиторы’ (*Ф. Шуберт, В.А. Моцарт* и др.) и др. Выделяются и другие семантические группы слов и словосочетаний: ‘окружение Монюшко’ (*семья Монюшко, родственники, друзья* и др.) и ‘Минск’ (*минский учитель музыки, минский фортепианный и органний мастер* и др.) и др. В данном тексте содержатся простые предложения («В сентябре 1830 г. семья Монюшко переехала в Минск» [Михайлова 2014: 104] и др.), различные виды сложных: сложноподчиненные («Дом Монюшко стал местом, где собирались минские любители музыки» [Михайлова 2014: 104] и др.), бессоюзные («В Минске у С. Монюшко сложились сердечные отношения с творческой средой: зародилась дружба с начинающим композитором К. Кжижановским и начинающим драматургом В.И. Дуниным-Марцинкевичем, которая быстро переросла в творческий союз» [Михайлова 2014: 104] и др.), а также неполные предложения («Здесь [в Минске – Е.М., Е.Н.] жили его [С. Монюшко – Е.М., Е.Н.] родственники, друзья, недалеко, в Ротковщине, – родители» [Михайлова 2014: 104] и др.), предложения, осложненные деепричастным («Получив новые ноты из Вильно (в Минске в то время не было музыкальных магазинов), она [Альжбета – Е.М., Е.Н.] садилась за фортепиано и охотно исполняла песни Ф. Шуберта, отрывки из опер В.А. Моцарта, Дж. Россини, В. Беллини, романсы» [Михайлова 2014: 104]) и причастными оборотами («Он [Д. Стафанович – Е.М., Е.Н.] открыл Стасю наслаждение, роскошь самовыражения в звуках, привил потребность к ежедневному труду, обратил его внимание на богатство, скрытое в народных песнях и танцах» [Михайло-

ва 2014: 104] и др.), включающие однородные члены предложения («Он [С. Монюшко – Е.М., Е.Н.] регулярно высылал в Минск Д. Стафановичу и Ф. Миладовскому экземпляры своих произведений» [Михайлова 2014: 105] и др.) и вводное слово («Возможно, ее [Альжбеты – Е.М., Е.Н.] музыкальные способности передались в наследство сыну Стасю» [Михайлова 2014: 104] и др.) и др. В анализируемом тексте имеет место и метафоризация («Он [Д. Стафанович – Е.М., Е.Н.] вдохновенно отдавался музыке...» [Михайлова 2014: 104] и др.).

Данный текст носит повествовательный характер. Материал о С. Монюшко дается последовательно. Также в нем присутствует фоновая и социокультурная информация. В конце текста подводится итог жизненного и творческого пути композитора, резюмируется его вклад в мировую музыкальную культуру.

При создании текста «Творчество С. Монюшко» [Михайлова 2014: 108–111] использованы следующие источники: Конен В.Д. История зарубежной музыки. – М.: Музыка, 1976. – Вып. 3. Германия, Австрия, Италия, Франция, Польша. С 1789 года до середины XIX века. – 4-е изд. – 534 с.; Сто опер. История создания. Сюжет. Музыка / Г. Абрамовский [и др.]; ред.-сост. М. Друскин. – Л.: Музыка, Ленингр. отд-ние, 1976. – 6-е изд. – 480 с. Музыкальный дискурс в этом тексте реализуется при помощи следующих групп музыкальных терминов: ‘вокальные и танцевальные жанры’ (*опера, романсы, романская музыка, песня, мазурка, краковяк* и др.), ‘части музыкального произведения’ (*вокальная партия, сольный эпизод оперы, хор* и др.) и др. Художественный дискурс представлен следующими группами слов и словосочетаний: ‘культура’ (*собственная творческая сфера, история польской культуры, творчество* и др.), ‘литература’ (*романтическая поэзия, тексты А. Мицкевича, поэзия, писатель* и др.) и др. В тексте ярко выражен национально-культурный компонент (*польский народ, национальная опера, золотой фонд польской культуры* и др.). В исследуемом тексте есть предложения, осложненные причастными («Ему [С. Монюшко – Е.М., Е.Н.] обязан этот [польский – Е.М., Е.Н.] народ также появлением романсной лирики, воплотившей богатство образов национальной польской поэзии» [Михайлова 2014: 108] и др.) и деепричастными оборотами («Напрасно Ионтек, опасаясь панского гнева, пытается увести обезумевшую от горя девушку» [Михайлова 2014: 109] и др.), однородными членами предложения («Многие песни написаны в жанре польского фольклора – мазурки, краковяка и т.п.» [Михайлова 2014: 108] и др.), вводным словом («В арии Ионте-

ка “Итак, ты веришь” взволнованность сменяется затаенной нежностью» [Михайлова 2014: 110]), сложносочиненные предложения («Опера “Зачарованный замок” (1861–1864) знаменует собой не только рождение польской музыкальной комедии, но и вершину мастерства самого композитора» [Михайлова 2014: 110] и др.), есть сложноподчиненные («1 января 1848 г. “Галька” была исполнена в концерте силами местных любителей музыки, так как в Вильно не было оперного театра» [Михайлова 2014: 109] и др.) и бессоюзные предложения («Тяжело у нее на душе – давно не виделась Галька с возлюбленным» [Михайлова 2014: 109] и др.), назывные предложения («Тихий летний вечер в горах» [Михайлова 2014; 109] и др.), неполное предложение («В толпе – Галька» [Михайлова 2014: 109]) и др. Учитывая, что при описании творчества С. Монюшко передается содержание оперы «Галька», в тексте используются метафоры («Однако в душу Гальки закрадывается сомнение» [Михайлова 2014: 109] и др.).

Текст «Творчество С. Монюшко» имеет четкую структуру. В начале его дается оценка того вклада, который сделал композитор в польскую музыкальную культуру своим творчеством. Прослеживается история создания двух выдающихся произведений С. Монюшко, а именно оперы «Галька» и «Песенника». В основной части текста содержится либретто оперы «Галька», дается образная и музыкальная характеристика героев оперы и музыкального языка композитора. В конце текста говорится о последующих достижениях С. Монюшко в оперном и вокально-драматическом жанрах.

Рассмотрим текст «Музыкальная культура эпохи Возрождения» [Михайлова 2014: 14–15]. Он составлен по источнику: Энциклопедический словарь юного музыканта / сост. В.В. Медушевский, О.О. Очковская. – М.: Педагогика, 1985. – 352 с. Музыкальный дискурс в этом тексте проявляется в наличии музыкальной терминологии (слов и словосочетаний), которую представляют в основном группы ‘теория музыки’ (*композитор, музыкальный теоретик, древнегреческий музыкальный трактат, стиль, фактура произведений* и др.), ‘музыкальные жанры’ (*опера, жанры церковной музыки, месса, мотет* и др.) и др. Другие семантические группы слов и словосочетаний, воплощающие научный дискурс: ‘культура’ (*период, история культуры, культура нового времени*), ‘виды искусства’ (*античное искусство, античная драма, изобразительное искусство, архитектура, литература, музыка* и др.), ‘новизна’ (*новое мировоззрение, новые, капиталистические отношения, новое мироощущение* и др.) и др.

В описанном тексте встречаются предложения, осложненные причастными оборотами («Возрождение, или Ренессанс, – период в истории культуры Западной и Центральной Европы, охватывающий примерно XIV–XVI вв.» [Михайлова 2014: 14] и др.), двусоставные предложения («Появившаяся в конце XVI – начале XVII в. опера ориентировалась на законы античной драмы» [Михайлова 2014: 15] и др.), предложения, осложненные однородными членами («Небывалого расцвета достигли изобразительное искусство, архитектура, литература» [Михайлова 2014: 15] и др.), бессоюзные сложные предложения («Изменяется фактура произведений, число голосов увеличивается до четырех, шести и более» [Михайлова 2014: 15]), предложения, в которых подлежащее и сказуемое выражены именами существительными («Основные жанры церковной музыки – месса и мотет – многоголосные полифонические произведения для хора без сопровождения или в сопровождении инструментального ансамбля» [Михайлова 2014: 15] и др.), односоставное предложение («Из инструментов предпочитали орган» [Михайлова 2014: 15]), сложноподчиненные предложения («В полифонических песнях (мадригале – в Италии, шансон – во Франции) композиторы рассказывали о любви, обо всем, что встречается в жизни» [Михайлова 2014: 15]) и др. В тексте употребляются и метафоры («В эпоху Возрождения родилось новое мировоззрение – гуманизм...» [Михайлова 2014: 15] и др.).

Данный текст хорошо структурируется, в нем выделяется начало – описание эпохи Возрождения во временном, общекультурном и экономическом плане; основная часть, посвященная развитию музыкального искусства, появлению нового в нем – индивидуализации стиля, возникновению понятия «композитор», изменению фактуры произведений и т.д., направлениям развития музыки эпохи Возрождения, росту любительского музицирования, возрастанию значения искусства танца, формированию национальных музыкальных школ; и конец – завершение эпохи Возрождения.

В тексте «Барабан» [Михайлова 2014: 40–42] (составлен по: Музыка: энциклопедия. – М.: ОЛМА-Пресс, 2001. – 287 с.; Энциклопедический словарь юного музыканта / сост. В.В. Медушевский, О.О. Очаковская. – М.: Педагогика, 1985. – 352 с.), рассказывается об ударном музыкальном инструменте. Музыкальная терминология в данном тексте представлена группами ‘музыкальные инструменты’ (*барабан, ударные музыкальные инструменты, древние инструменты мира, литавры, тамбурины* и др.), ‘теория музыки’ (*неопределенная высота звука,*

ритм, музыкальная практика и др.). Другие семантические группы слов и словосочетаний: ‘материал для имитации или изготовления барабана’ (*кости мамонта, деревянный брусок, глиняные кувшины* и др.), ‘части барабана’ (*цилиндрическая рама, кожа, специальная подставка, деревянная колотушка, наконечник* и др.), ‘звук’ (*выбивать ритм, греметь, ударять, слышаться, глухой низкий звук* и др.), ‘виды оркестров’ (*духовой оркестр, симфонический оркестр, эстрадный оркестр, военный оркестр*). В данном тексте имеются предложения, в которых подлежащее и сказуемое выражены именами существительными («Барабан – ударный музыкальный инструмент с неопределенной высотой звука» [Михайлова 2014: 40] и др.), предложения, осложненные однородными членами («Барабаны, литавры, тамбурины гремели во время военных походов, торжественных церемоний, шествий и народных праздников» [Михайлова 2014: 41] и др.), сложноподчиненные предложения («Большой барабан с виду представляет собой цилиндрическую раму, на которой с двух сторон натянута кожа» [Михайлова 2014: 41]), бессоюзные сложные предложения («Исполнитель ударяет деревянной колотушкой с наконечником в виде шара из войлока или резины по натянутой коже, при этом слышится глухой низкий звук» [Михайлова 2014: 41] и др.), предложение, осложненное вводным словом («Например, Л. ван Бетховен в “Битве при Виттории”, чтобы изобразить пушечные выстрелы, включил в оркестр большие барабаны» [Михайлова 2014: 41]), предложения, осложненные деепричастными оборотами («На барабане эффектно звучат отдельные удары, подчеркивая особенно яркие акценты» [Михайлова 2014: 41] и др.), сложносочиненные предложения («Звук инструмента получается сухим и трескучим, но особенно выразительна быстрая четкая дробь – игра с быстрым и четким последованием ударов...» [Михайлова 2014: 41]), предложения, осложненные причастными оборотами («Существует множество разновидностей малого барабана, различающихся размерами и характером звучания: пикколо, сопрановый, альтовый, теноровый» [Михайлова 2014: 41] и др.) и др. В исследуемом тексте употреблены метафоры («В Европу большой барабан пришел с Востока, поэтому в практике его называют турецким» [Михайлова 2014: 41] и др.).

Данный текст имеет начало (барабан – ударный инструмент, существование двух типов барабанов); основную часть, посвященную описанию сначала большого барабана – строения, звучания, происхождения, роли в оркестре и в произведениях различных композиторов; а затем малого барабана – использования с древних времен, размера,

строения, звучания, возможности приглушения звука, роли в оркестре и в музыкальных произведениях. Общего итога текст не содержит, он заканчивается описанием области применения малого барабана, что объясняется, видимо, различием двух типов барабанов.

Среди источников рассмотренных учебных текстов преобладают энциклопедические издания, имеется монография и учебник. Тексты имеют различную структуру, т.е. своеобразно выполняют функцию сообщения новой информации, но все они содержат музыкальную терминологию и другие семантические группы слов и словосочетаний; во всех четырех текстах научный дискурс реализуется посредством односоставных и двусоставных предложений, простых предложений, осложненных причастными и деепричастными оборотами, однородными членами и вводными словами, сложных союзных и бессоюзных предложений. Каждый тип предложений выполняет свою роль в пространстве учебного текста: в односоставных предложениях (неопределенно-личном, номинативных) не выражается категория субъектности, двусоставные предложения способствуют логичности речи, в бессоюзных сложных предложениях усиливается динамика речи и т.д.

В текстах на музыкальные темы, используемых при обучении русскому языку иностранных учащихся-музыкантов, музыкальный дискурс реализуется, прежде всего, при помощи музыкальной терминологии, научный – посредством простых и сложных предложений различных типов, разных тематических групп лексики.

Языковой механизм организации дискурсивного пространства в рассмотренных учебных текстах заключается во взаимодействии музыкального и научного дискурсов, в тексте о творчестве С. Монюшко – еще и с участием художественного дискурса (либретто оперы). Во всех текстах имеются метафоры – изобразительно-выразительное средство. Указанные типы дискурса как бы сливаются в едином учебном текстовом пространстве. Литература и музыка – виды искусства, усиливающие культурный смысл текстов, поэтому метафоризация в текстах на музыкальные темы является эффективным и действенным способом понимания и усвоения универсалий, относящихся к определенному историческому периоду и культуре.

В каждом учебном тексте на русском языке организован «возможный мир», т.е. своя версия, модель реального мира, поэтому иностранные учащиеся имеют возможность общения в ином измерении. У каждого учащегося есть социальная роль, которая определяет его поведение и способы выражения эмоций и чувств. Текст позволяет ему по-

чувствовать себя на новых субъектных позициях. Это способствует формированию способностей к воображению и критическому анализу.

В процессе дискурсивно-динамического взаимодействия педагога и обучаемых на занятиях по РКИ происходит диалог личностей; когда учащийся работает с текстом, осуществляется автодиалог, при котором он познает себя; если преподаватель и студент общаются после работы с учебником, имеет место диалог прочтений определенного текста. Все типы проанализированных текстов являются представителями конкретной культуры (тексты о С. Монюшко – польской, текст об эпохе Возрождения – европейской, текст о барабане – восточной и европейской). Каждая культура существует не обособленно, она взаимодействует с другими культурами и включена в целостный контекст эпохи. В этом полилоге – источник функционирования и развития культуры. Учебные тексты также существуют в диалоге текстов и культур и во взаимодействии различных дискурсов. Таким образом, взаимодействие дискурсов – активный текстообразующий процесс.

Библиографический список

1. ***Арутюнова Н.Д.*** Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.

2. ***Касумова М.Ю.*** Дискурс как объект междисциплинарного исследования // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставроп. отделения РАЛК / Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов, Ставроп. отд-ние, Ставроп. гос. пед. ин-т; под ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. Вып. 7. С. 81–86.

3. ***Михайлова Е.В.*** Русский язык как иностранный: модуль профессионального владения. Музыкальное искусство. Минск: Белорус. гос. акад. музыки, 2014. 359 с.

4. ***Михайлова Е.В., Назарко Е.В.*** Национально-культурный компонент в специальных текстах на занятиях по русскому языку как иностранному // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы докл. III Междунар. науч. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 7–9 апр. 2005 г.: в 3 ч. Ч. 3 / отв. ред.: А.В. Зубов, С.М. Прохорова. Минск: МГЛУ, 2005. С. 154–155.

5. ***Полякова Л.С.*** Теоретические подходы к определению понятия «дискурс» // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставроп. отделения РАЛК / Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов, Ставроп. отд-ние, Ставроп. гос. пед. ин-т; под ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. Вып. 7. С. 87–91.

**INTERACTION OF DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE
IN TEXTS ON MUSIC TOPICS IN TEACHING RUSSIAN
TO FOREIGN STUDENTS-MUSICIANS**

***Abstract.** The scope of research in this article is manifestation of musical and scientific discourses in texts on music topics. In such texts used in teaching Russian to foreign students-musicians there occurs an interaction of different types of discourses. The objective of the research is the analysis of an optimal text space for foreigners who master Russian. The research is carried out by means of analysis of the empirical data and linguistic analysis of the scientific text. The article considers the interaction of these types of discourses on the material of educational texts of various types. A music discourse is implemented, first of all, with the help of musical terminology, while a scientific discourse is realized by means of simple and complex sentences of different types and various thematic groups of vocabulary. The area of application of the research results is the teaching of the Russian core course as a foreign language and interdisciplinary studies of the humanities.*

***Key words:** discourse, text, music, Russian as a foreign language, student musician.*

РАЗДЕЛ V. РЕЦЕНЗИИ

УДК 81-139

Л.Г. Васильев

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К АРГУМЕНТИРУЮЩЕМУ ДИСКУРСУ / Rec ad op.: В.С. Григорьева. Интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе (на примере бытовых дискурсивных жанров): Дисс. ... д. филол. н. / 10.02.19 – теория языка. – Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2018. – 350 с.

Ключевые слова: дискурс, интеракциональность, интегративность, аргументация, прагматика, когнитивность, речевое взаимодействие, диалогический дискурс.

Современное изучение дискурса в гуманитарных науках характеризуется поступательным выдвижением идей, задающих исследовательские микропарадигмы. К таковым можно отнести по меньшей мере три идеи, которые потенциально обуславливают выдвижение крупных исследовательских задач, значимых для гуманитарной науки в целом.

В первую очередь, следует выделить идею интерпретации, которая ярко проявила себя в герменевтике и различных семиотико-ориентированных концепциях, дав стимул к появлению ярких научных школ и направлений.

Идея интеракциональности вызвала расцвет лингвистической и социопрагматики с появлением в отечественной науке целого сонма микронаправлений, многие из которых берут начало в идеях, выдвинутых в 1980-е гг. в тверской семантико-прагматической школе проф. И.П. Сусова.

Идея о когнитивном характере языка, унаследовавшая многие достижения двух вышеназванных направлений, в известной мере является объединяющей и обладающей существенными перспективами, многие из которых – особенно основанные на достижениях психологии и теории речевого воздействия – несмотря на кажущуюся очевидность и немалое количество работ, только начинают разрабатываться как отдельный пласт исследований в России.

Именно интегративный характер когнитивного подхода позволяет по-новому посмотреть на излюбленный российскими лингвистами объект

изучения – дискурс. А фактическая неисчерпаемость интегративности задает этому направлению достаточно лучезарную перспективу.

В этой связи актуальным представляется исследование теоретического плана, ориентированное на анализ методологического инструментария существующих концепций. Для плодотворного использования идей интерпретативизма и прагматики важна подробнейшая критическая оценка и доказательная демонстрация их претензий и реальных результатов – с экспликацией внутритеоретических недоработок, действующих в пределах сферы охвата концепций, с объяснением экс-территориальной недостаточности категориального и критериального аппарата этих направлений. Это может дать не-умозрительный и не когнитивистическо-имманентный методологический инструментарий: последний, рассмотренный вне названной перспективы, остается лишь одной из исследовательских возможностей – имеющей безусловное право на существование, но не имеющей безусловного методологического приоритета.

Сказанное следует расценивать скорее как сетование на сегодняшнее состояние нашей науки, а не как недостаток рецензируемого сочинения: такого рода недоработки обусловлены не в последнюю очередь соображениями объема диссертационного сочинения – не говоря уже о значительных дополнительных трудозатратах соискателя, которые, вообще говоря, могут перевесить собственно конструктивную часть работы.

Интегративный подход к исследованию дискурса в рамках когнитивистики, который определяет пафос и саму теоретическую значимость диссертации и который отстаивает В.С. Григорьева, сам по себе сомнений вызвать не может: ибо, если дискурс понимается как интерактивная деятельность социально-культурных личностей, его изучение и должно затрагивать все подразумеваемые параметры. Конечно, в таком случае приходится выделять приоритеты и расставлять акценты – невозможно в равной мере изучить, описать и объяснить параметры культуры, социума, личности (пусть даже не языковой, а дискурсивной, хотя последняя в значительной мере наследует признаки первой). В этом отношении представляется весьма удачным предпринимаемое диссертантом разделение дискурса на два основных типа – аргументирующий и информационный. Думается, что предлагаемый автором термин *интегративное взаимодействие* в этой связи более интересен для аргументативного дискурса, нежели для информационного. Не случайно ведь превалирующая часть диссертации исследует именно аргументирующий дискурс. Это и неудивительно: в последнем можно пронаблюдать по меньшей мере два аспекта интегративности.

Первый касается внутри-коммуникативного параметра и связан с тем, что коммуниканты самой своей диалогической деятельностью обеспечивают интегративность: процедуры интеракции оказываются неизбежно связанными с процедурами инициативной и реактивной трансакции, которая немыслима вне параметра интегративности – задействуются ведь самые разнообразные релевантные «точки» эпизода межличностного языкового общения.

Однако и для второго – информационного – типа дискурса могут быть установлены интегративные черты: просто предлагаемая диссертантом эквиполентная оппозиция дискурсов требует предварительной «арг-подготовки» с введением привативно-оппозитвного параметра: [±аргументативный]. То, что от одной оппозиции мы сразу переходим к другой – явление малосимпатичное для системно-структурного подхода, но вполне обоснованное для когнитивно-прагматического: исследуются ведь не изолированные единицы, а дискурс, обеспечивающий взаимодействие. А уже интегративность взаимодействия обеспечивается экплицитно-диалогическим характером объекта. Вот если бы речь шла о поверхностно-монологическом дискурсе, то тогда аспект интегративности пришлось бы обосновывать отдельно. Ибо интегративность в этом случае пришлось бы рассматривать, например, в плане внутреннего монолога – но тогда она принимала бы иной, (по счастью) не отраженный в диссертации характер: особенно это интересно в случае само-рефлексивного (т.е., по существу, шизофренического) дискурса – в нем мы пытаемся установить собственно личностные черты по речевым сигналам, которые сами же продуцируем, но продуцируем их на основе наших собственных психо-личностных характеристик, которые можно установить лишь посредством вербальных манифестаций в наших же дискурсивных практиках – ну и, *regressio ad infinitum*.

Научная новизна работы определяется уже самим «попаданием» тематики диссертации в инновационную исследовательскую среду: ни интеракциология, ни дискурсология на сегодняшний день не являются окончательно устоявшимися парадигмами. Это означает, что в них отсутствует системное описание значительного количества речевых языковых явлений, а те, что есть, дают лишь приближение к формированию этих направлений в более-менее окончательном виде. Связано это в числе прочего и с разрозненностью исследовательских методик, объединить которые провозглашается насущной задачей диссертации. Такое объединение реализуется на основе принимаемого общеметодологического постулата антропоцентричности и предлагаемой

В.С. Григорьевой когнитивной базы речевого взаимодействия, представленной как дискурсивно-матричный анализ. Последний предполагает особый, принципиально междисциплинарный формат трактовки единицы знания, а также самой модели изучения речевого общения, предполагающий системно-комплексное изучение параметров последнего. Когнитивная основа модели обуславливает возможность применения (а) прототипического ракурса изучения речевых единств как моделей коммуникации и (б) объяснительного аспекта, связанного с тем, что языковые манифестации деятельности общения увязываются с характеристиками личности общающихся.

Теоретическая значимость диссертации определяется интегрированием достижений когнитивистики и лингвистической прагматики с получением особой объяснительной системной модели изучения речевого взаимодействия. Эта система предполагает получение знаний о дискурсивных интенциональных типах и их моделях, об алгоритмах описания взаимодействия представленных в этих типах концептов и о возможностях их языковой манифестации. Также важным представляется задаваемый предлагаемой моделью выход в социокультурную сферу когнитивно-языковой деятельности коммуникантов, что позволяет объяснить на качественно ином уровне манифестационные проявления речевого взаимодействия. Очевиден также вклад полученных автором результатов в лингвистическую теорию концептуализации и категоризации.

Практическая ценность диссертации видится прежде всего в учебной сфере – его результаты дают возможность не только усовершенствования курсов теории дискурса и речевого общения, но и создания отдельных университетских микрокурсов по большинству решенных в диссертации задач.

Оценка основных результатов, полученных в диссертационном исследовании, может быть представлена в следующем виде.

1. Проведен квалифицированный анализ имеющихся подходов к изучению дискурса как продукта речевого взаимодействия, на основе чего сделан логичный вывод о том, что последнее обусловлено использованием разных типов знаний и ведущей ролью человеческого фактора. Данный вывод позволяет говорить о принципиальной обоснованности рассмотрения взаимодействия на основе структуры и экстенционально-интенционального содержания концептуальных систем коммуникантов.

2. Результирующая идея автора об интегративности формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе вполне логично задает

необходимость привлечения к анализу дискурса комплексной методологии когнитивного, коммуникативного и интерпретирующего подходов.

3. Системно-комплексное применение данных подходов дало возможность автору: (а) непротиворечиво сформулировать основные положения теоретической концепции интегративности формата представления знаний в диалогическом дискурсе; (б) предложить убедительное описание структур репрезентации различных видов знаний, которые определяют речевые стратегии коммуникантов и выбор конкретных языковых манифестаций в конкретных дискурсивных практиках; (в) выявить интерпретирующий потенциал таких практик и репрезентирующих их языковых средств.

4. Рационализация сведений о специфике знаний и их разноплановости позволила дать обоснованное представление-модель в виде дискурсивной матрицы с набором «координат» как ее основных компонентов: тематической, сценарной, интеракциональной, личностной, социокультурной, этнокультурной, фатической, языковой. Координатами эти элементы названы не только в силу исследовательской позиции автора диссертации, но и в результате акцентирования именно диалогического формата коммуникации, т.е. рассмотрения речевого общения с функциональных позиций и выявления в нем взаимосвязанных компонентов, что неизбежно влечет вывод об их влиянии на организацию дискурсивной деятельности и на структуру диалога как ее манифестанта.

5. Трактовка дискурса как специфической совокупности составляющих *онтология* (языковая личность с индивидуальностью ее концептуальной системы) + *телеология* (интенциональные задачи личности) + *эпистемология* (матричное представление о концептуальной основе речевого взаимодействия) привело автора к разработке и обоснованию оригинального специального метода дискурсивно-матричного анализа. В его рамках предложена 8-компонентная совокупность приемов исследования речевого взаимодействия: (а) установление типа социокультурной среды, в которой протекает диалог; (б) определение социумно-личностных характеристик; (в) определение цели общения, стратегий и тактик их достижения; (г) выявление потенциала используемых в диалоге языковых средств; (д) определение и иллюстрирование коммуникативной схемы общения; (ж) установление интерпретирующего потенциала используемых высказываний; (з) идентификация знаний, активируемых в актуальных актах коммуникации; (и) выявление взаимосвязи между компонентами концептуального формата речевого взаимодействия.

6. На основе идеи о когнитивно-матричной базе концептуальной структуры диалогического взаимодействия получена непротиворечивая совокупность основных принципов формирования диалогического дискурса – (а) тематического, (б) субъектного, (в) инструментального, (г) интенционального, (д) антропо-хронотопного. В этом комплексе: параметр (а) задает тематическое оформление дискурса; параметр (б) позволяет изучить параметры знаний адресата и адресанта (картину мира, языковые и рече-прагматические знания, прогнозируемые знания адресанта об адресате как комплексной личности и аналогичные знания адресата об адресанте); параметр (в) позволяет выявить стратегии и тактики коммуникантов для осуществления их целей, мотивов и желаний; параметр (г) помогает установить макроинтенции общающихся; параметр (д) описывает темпорально-локусные черты дискурса и статус коммуникантов.

7. Не вызывает возражений и сомнений в обоснованности полученная автором картина функциональной системы речевой коммуникации, предполагающей взаимодействие языковых личностей (с параметрами *индивидуальная картина мира* и *установки*, задающими конкретный набор тем общения и стратегий и тактик их достижения и успешность реализации интенций). Доминирующая интенция как организующий фактор общения определяет направленность коммуникации – информационную, аргументативную, экспрессивную и социально-ритуальную.

8. Отдельное описание аргументативной коммуникации, которое в диссертации представлено в речевжанровом аспекте с характеристикой жанров *просьба, совет, требование, предупреждение* и др., выполнено с позиций макро-аргументативного подхода с акцентом на прагматические составляющие, обеспечивает целостность когнитивно-прагматического описания.

9. Формирование, передача и понимание дискурсивных смыслов считаются основой речевого взаимодействия. Для их формирования механизмов для таких смыслов применяются когнитивные механизмы *профилирование, перспективизация, инференция, генерализация, спецификация, импликация, концептуальная метафора* и *концептуальная метонимия, добавление знаний, активизация знаний, оценка событий и убеждений, сравнение, каузация, создание достоверности*. Для их реализации используются языковые механизмы *номинация, словообразование, семантико-синтаксическая сочетаемость слов, структура предложения, речевые стратегии и тактики, коммуникативные средства оформления диалогического дискурса*.

10. Из обоснованного теоретически явления взаимодействия разных факторов и типов знания, влияющих на формирование дискурса, из идеи о многомерности концептуальных и языковых связей, возникающих в результате интеграции знаний тематического, сценарного, интеракционного, личностного, социокультурного, этнокультурного, фатического, языкового характера в едином формате речевого взаимодействия В.С. Григорьева делается логичный вывод о многоуровневом характере концептуального и языкового взаимодействия общающихся, которое получает последующее описание в диссертации.

11. Идея интегративности тематических, сценарных, интеракционных, личностных, социокультурных, этнокультурных, фатических, языковых знаний, представленных соответствующими дискурсивными координатами, положена В.С. Григорьевой в основу изучения формирования дискурса, который рассматривается в диссертации как феномен, порождаемый в ориентации на принципы интенциональности, тематичности, субъектности, интеракционности, антропохронотопности. Представляется, что такое коммуникатороцентрическое представление о дискурсе, составляет известную конкуренцию текстоцентрическому синергетическому подходу. В этом я вижу важную сторону методологической ценности результатов исследования.

12. В диссертации с высокой степенью научной достоверности установлено, что эффективность понимания и убеждения в диалоге обеспечивается интегративностью формата речевого взаимодействия в рамках дискурсивных координат. Можно согласиться с автором, что когнитивное рассогласование элементов дискурсивных координат, которое обуславливает помехи и сбои в речевом общении, связано с концептуальной валентностью этих координат относительно друг друга. Доказано, что условиями удачи в интеракции является триединство: (а) статическая составляющая – структурное и содержательное соответствие концептуальных систем коммуникантов, степень владения коллективным знанием и языковым опытом; (б) общединамическая составляющая – соответствие принципов и механизмов формирования и понимания смыслов; (в) конкретно-динамическая составляющая – адекватная оценка концептуальной системы собеседника и его интенций, активизация одинаковых концептов и межконцептуальных связей.

13. Разработана и эксплицирована подробная непротиворечивая характеристика когнитивных механизмов достижения эффективности и взаимопонимания в диалоге – *профилирования, перспективизации, генерализации, инференции, импликация, спецификации, сравнения,*

актуализации знаний, каузации, концептуальных метафоры и метонимии, добавления знаний, оценки событий и убеждений, механизм создания достоверности в диалоге. На основе русско- и немецкоязычных манифестаций названных механизмов установлены конкретные механизмы концептуального взаимодействия элементов языковой, сценарной, тематической, интеракциональной, личностной, социокультурной, этнокультурной и фатической координат.

14. С использованием названных когнитивных механизмов исследованы и описаны как базовые когнитивные единицы хранения информации пропозициональные структуры токенов двух важнейших гипер-жанров дискурса – информационного и аргументативного: жанров «просьба», «требование», «предложение», «совет», «предупреждение», и варианты их репрезентации на языковом уровне с учетом используемых в них интеракциональных высказываний, конкретных языковых средств, а также механизмов взаимодействия разных дискурсивных координат.

15. Для аргументативного гипер-жанра подробно изучены и описаны (а) базовые и (б) вариативные модели дискурсивных жанров (нижеследующая рефлексивизация наблюдений В.С. Григорьевой – моя – Л.В.).

Для субжанров₀ (с нейтральной оценкой события): (A₀) *просьба*: (а) базовая *каузативная* модель экспликация + обоснование, (б) вариативные структурно-ориентированная (*конзекутивная, полиаргументная*) и семантико-ориентированная модели (*имплицитная, настоящая, просьба-упрашивание*); (B₀) (B-1a) *предложение*: базовая модель *предложение – обоснование* предложения, вариативные модели – (B-1б) структурно-ориентированная (*полиаргументная*) и семантико-ориентированная (*имплицитное и настоящая* предложения); (B-2a) *совет*: базовые модели *запрос – сам совет* и *предупреждающий совет*; вариативные модели – (B-2б) структурно-ориентированная (*поэтапная каузация, комплиментарные высказывания*) и семантико-ориентированная (*аналогия, сравнение, описание негативной перспективы*)

Для жанров₍₋₎ (с негативной оценкой события) это: (A₍₋₎) *требование* – это модели (а) базовая (*каузативная*) и (б) вариативные модели, структурно-ориентированная (*конзекутивная*), и семантико-ориентированная (*требование-упрек, требование-угроза*); (B₍₋₎) *предупреждение*: базовые – *модель с положительным результатом* и *модель с негативным результатом*; вариативные модели автором отдельно не прописаны; (B₍₋₎) *угроза*: этот дискурсивный комплекс у В.С. Григорьевой не считается отдельным (самостоятельным) дискурсивным жанром – его пропозициональная структура конкретно не прописана, что

увязывается с перлокутивным доминированием, а перлокуции с трудом поддаются исчислению (см. об этом: [Богданов 1990]).

16. Информационный тип дискурса характеризуется, согласно автору диссертации, передачей новых данных, принятых, понятых и оцененных адресатом. Его базовой моделью считаются дискурсивные инициаторо-ориентированные варианты (А) запрос информации – информирование (инициатор – преимущественно адресат) и (Б) информирование₁ – запрос дополнительной информации – информирование₂ (инициатор – адресант); вариативные модели не выделены, хотя В.С. Григорьева дает характеристику спектра когнитивных механизмов, которые возможно использовать для такого выделения. Сам информационный тип прописан в диссертации намного менее детально, чем аргументативный – впрочем, это объяснимо в силу явного несовпадения их частотности в реальных диалогических событиях.

17. Выявлен общий линейный принцип (а фактически – суперструктурная модель: *зд. термин мой – Л.В.*) работы когнитивных механизмов в диалогическом дискурсе – в нем, согласно диссертанту, задействованы когнитивные механизмы вторичной интерпретации, которая трактуется как интерпретация знаний о мире в языке. Эти механизмы подчинены четырем основным принципам (нумерация механизмов – диссертанта, рефлексивизация принципов моя – Л.В.). Сначала используется принцип идентичности – (1) механизм установления тождественности когнитивных картин мира собеседников. При отсутствии или недостаточности знания в картине мира адресата используется принцип аддитивности – (2) механизм добавления знаний и принцип активации – (3) механизм актуализации знаний позволяет активизировать знания собеседника, стертые временем. Наконец, используется принцип реформатирования – (4) механизм субституции знаний в картине мира адресата достигается с помощью интерпретации и оценки событий.

Таковы основные аспекты содержательной части рецензируемой диссертации. Их совокупность позволяет говорить о несомненной инновационности и проработанности подхода.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ДИССЕРТАЦИИ

(1) Формулирование задач исследования.

Положение 1. Описание смыкающихся исследовательских областей: «дискурса, разговорного анализа, диалога». Такая формулировка задачи свидетельствует о неразличении объектов разного уровня абстракции: если *дискурс* может быть соотнесен с *диалогом* по ли-

нии род – вид, то *конверсационный анализ* не соотносится с ним никак. Такая постановка задачи обеспечивает ее неразрешимость, и мне представляется, что дело здесь в неудачно проведенной терминовой операции эллипсиса, поскольку речь идет, как мне представляется, об *исследовании* (что сопоставимо с *анализом*) дискурса и диалога, а не о них как таковых.

(2) Формулировка положений, выносимых на защиту.

Положение 3. Автор указывает: «Нарушение интегративности формата речевого взаимодействия, когнитивное несоответствие избранных дискурсивных координат, рассогласование на том или ином уровне обуславливают непонимание, коммуникативную неудачу и конфликтность речевого общения». Из этой формулировки непонятно, в каких отношениях находятся противочлены «недочеты» – «отрицательные результаты»: в отношении парциального или совокупного следования; иными словами, означает ли авторская формулировка, что имеют место следующие причинно-следственные цепочки: (а) *нарушение интегративности формата речевого взаимодействия* '! непонимание; (б) *когнитивное несоответствие избранных дискурсивных координат* '! *коммуникативная неудача*; (в) *рассогласование на том или ином уровне* '! *конфликтность речевого общения* или что наличествует недифференцированное по внутренним элементам соотношение блоков А и Б; (А) *нарушение интегративности формата речевого взаимодействия* + *когнитивное несоответствие избранных дискурсивных координат* + *рассогласование на том или ином уровне* → (Б) *непонимание* + *коммуникативная неудача* + *конфликтность речевого общения*?

· Положение 5. Из формулировки «Аргументативный дискурс ... представлен субжанрами просьбы, требования, предложения, совета, предупреждения и т.п.» следует, что аргументативный дискурс является (речевым) жанром. Но ведь РЖ – это не дискурс, а дискурсивная практика: почему не разграничиваются термины?

· В Положении 8 в числе когнитивных механизмов, обеспечивающих процесс общения приведены *инференция, генерализация, спецификация, концептуальная метафора и концептуальная метонимия, сравнение, импликация, каузация*. Учитывая, что согласно Положению 7, разделяются лингвокогнитивные и лингвопрагматические механизмы и что последние доминируют в аргументирующем дискурсе, получается, что выделенные курсивом механизмы доминируют в информационном дискурсе. Однако вся мировая наука по аргументо-

логии, начиная уже с Аристотеля, утверждает, что эти механизмы характерны как раз для аргументации!

(3) Следствие из сформулированных задач исследования.

Из изложения В.С. Григорьевой следует, что можно выделить дискурсивные типы по признаку РЖ, а затем – дискурсивные типы по видам и организации в них речевых действий. А что, если коммуникативные действия будут совпадать в разных дискурсивных типах? Тогда вторая классификация будет акцио-моделирующей (ориентированной на процесс), а первая – интенциональной (ориентированной на статику, т.е. на спектр жанрообразующих признаков). Насколько приемлема такая неоднородность для исследовательского подхода автора?

(4) Формулировка существа интегративной теории.

Основу этой теории, по В.С. Григорьевой, составляют три аспекта – репрезентативный (концептуализация и категоризация), семиотический (знаковое представление в языке) и интерпретационный. В связи с этим:

– следует ли считать, что интерпретация относится к семиотическому аспекту и предстает как процедура символического перекодирования (манifestация) или она относится к моделированию как когнитивной процедуре?

– как соотносятся структура и содержание интегративной теории со структурой и содержанием (а) систем знаний и (б) речевого взаимодействия?

(5) Описание когнитивных механизмов.

Представляется, что нуждается в отдельной дополнительной характеристике механизм каузации. Дело в том, что представленный как когнитивный механизм он выглядит недифференцировано: сюда отнесены и «добавления» (с. 150, где эти термины фактически используются как синонимы), и дескрипция неудовлетворительного положения вещей, т.е. косвенное обоснование (с. 222 Схема 7). Однако не приведено уточнение, в каком отношении каузация находится, например, с корреляцией, с инференцией и с экспликацией.

Эти моменты, на наш взгляд, нуждаются в пояснении, потому что каузация в аргументологии считается разновидностью обоснования (ср. *Warrant* в модели Тулмина) и представляет собой не эвристическую, а рефлексивную процедуру. В связи с этим возникает вопрос: когнитивные механизмы суть осознаваемые явления или нет? Для аналитико-сопоставительного механизма «установление тождественности когнитивных множеств» коммуникантов (с. 157) мы имеем безусловно рефлексивную процедуру; а для, например, аддитивного механизма

«пополнение знаний» – какую? Если в обоих случаях имеется осознанность, то для них будут совершенно разные уровни рефлексивизации, и нужны скалярные процедуры их описания; если нет – то тем более нужна дифференциация когнитивного механизма *каузация*. Мне представляется, что причина указанной недостаточной дифференциации кроется еще и в том, что когнитивные механизмы рассмотрены в ориентации преимущественно на гипер-механизм ассоциации, а процессы гипер-механизма диссоциации (в исходном понимании от Х. Перельмана) остались вне поля внимания автора.

Сделанные замечания не умаляют высокого аналитического уровня рецензируемой диссертации, не оказывают влияния на существо защищаемых положений и не опровергают ни принимаемого диссертантом подхода, ни результатов исследования. Диссертационное исследование выполнено в русле новейших научных тенденций. В.С. Григорьева успешно справилась с поставленными задачами, продемонстрировала профессиональное владение литературой вопроса и высокий уровень методологической состоятельности. Это работа безусловно докторского уровня.

L. G. Vasilyev

A COGNITIVE APPROACH TO ARGUMENTATIVE DISCOURSE /

Rec ad op.: V.S. Grigoryeva. The Integrative Format of Speech Interaction of Dialogical Discourse (For Everyday Discursive Genres): A Philology Doctoral Dissertation / 10.02.19 – The theory of language. – Tambov: Derzhavin Tambov State University, 2018. – 350 p.

Key words: *discourse, interactionality, integrativity, argumentation, pragmatics, cognitivity, speech interaction, dialogical discourse.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабаянц Владислав Владимирович – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия; kafedra.tipp@mail.ru

Babayants Vladislav V. – senior lecturer of the Department of theory and practice of translation, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Борисова Татьяна Григорьевна – профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, доктор филологических наук, доцент. ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», Россия. ddis@bk.ru

Borisova Tatyana G. – Professor of Russian language and methods of its teaching Department, doctor of Philology, associate Professor. GBOU VO “Stavropol State Pedagogical Institute”, Russia.

Бредихин Сергей Николаевич – доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия; bredichinsergey@yandex.ru

Bredichin Sergey N. – associate professor, Theory and Practice of Translation Department, North Caucasus Federal University. Stavropol, Russia.

Васильев Лев Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, Россия; vasilevlg@tksu.ru

Vasilyev Lev G. – PhD, ScD, professor, Head of Department of Linguistics and Foreign Languages Tsiolkovsky Kaluga State University, Russia.

Воложанина Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия; evita22@bk.ru

Volozhanina Tatiana S. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the English Language and Translation of St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia.

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия; svork@mail.ru

Vorkachev Sergey G. – doctor of philology (advances doctorate), professor, professor of the foreign languages department, Kuban state technological university, Krasnodar, Russia.

Герасименко Юрий Анатольевич – преподаватель кафедры русского языка; Медицинская академия имени С.И. Георгиевского Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Симферополь, Россия. yuange@yandex.ru

Gerasimenko Yuri A. – teacher of the Russian language Department; S. I. Georgievsky Medical Academy V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Simferopol, Russia.

Герасимова Наталья Александровна – старший преподаватель подготовительного отделения учреждения образования «Белорусская государственная академия музыки»; Минск, Республика Беларусь, Gernata@tut.by

Gerasimova Natalya A. – a senior teacher of the Preparatory Department of the Educational Institution of Belarusian State Academy of Music; Minsk, the Republic of Belarus.

Горбачева Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, учитель иностранного языка, средняя общеобразовательная школа № 19, Кемерово, Россия, olga-go2005@yandex.ru

Gorbacheva Olga N. – Candidate of Philological Sciences, Teacher of Foreign Languages, School № 19, Kemerovo, Russia.

Дементьев Вадим Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского национального исследовательского государственного университета, Россия, dementevvv@yandex.ru

Demetyev Vadim V. – Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics. Place of employment: Saratov State University, Russia.

Джиоева Варвиллина Павловна – аспирант Северо-Осетинского государственного университета, Владикавказ, Россия, jio.varvilina@mail.ru

Dzhioeva Varvilina P. – Post-graduate student, North-Ossetian state university, Vladikavkaz, Russia.

Егошкина Виолетта Александровна – старший преподаватель кафедры журналистики и медиалингвистики ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», Россия; v.egoshkina@yandex.ru

Egoshkina Violetta A. – lecturer of the Department of Journalism and Medialinguistics, Omsk State University Dostoyevsky's name, Russia.

Карзанова Евгения Михайловна – доктор филологических наук, доцент, научный референт Всероссийского института научной и технической информации РАН, Москва, Россия, kakzanova@post.ru

Kakzanova Evgeniya M. – Dr. habil. Of Linguistics, Ass. Prof., Scientific referent of Russian Institute for Scientific and Technical Information (Russian Academy of Sciences), Moscow, Russia.

Калинина Людмила Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета, Киров, Россия; grifon.kalinina@yandex.ru

Kalinina Liudmila V. – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of the Russian Language, Speech Culture and Teaching Methods, Vyatka State University, Kirov, Russia.

Каменева Вероника Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, russia_science@mail.ru

Kameneva Veronika A. – Doctor of Philological Sciences, Professor, professor of the Department of Romano-Germanic Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Каневская Татьяна Дмитриевна – учитель русского языка и литературы ГБОУ РШИ № 32, Москва, Россия, tdk69@mail.ru

Kanevskaya Tatyana D. – teacher of Russian language and literature GBOU RSHI No. 32, Moscow, Russia

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, Москва, Россия; профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков; ykarasik@yandex.ru

Karasik Vladimir I. – Advanced Doctor of Philology, Professor of General and Russian Linguistics Department, Pushkin State Institute of the Russian Language, Moscow, Russia; Professor of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, China.

Кондратьева Ольга Николаевна – доктор филологических наук, профессор; Кемеровский государственный университет; г. Кемерово, Россия, Kondr25@rambler.ru.

Kondratieva Olga N. – doctor of Philology, Professor; Kemerovo state University; Kemerovo, Russia

Красса Сергей Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия; skrassa@yandex.ru

Krassa Sergei I. – PhD in Linguistics, Associate Professor at Linguistics and Linguodidactics Department, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Кузнецова Татьяна Борисовна – доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, кандидат филологических наук, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», Россия. kuznecova_t@list.ru

Kouznetsova Tatyana B. – Associate Professor of Russian language and methods of its teaching Department, candidate of philology, GBOU VO “Stavropol State Pedagogical Institute”, Russia.

Луке Ирина Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, доцент, Sprachakademie Karlsruhe, Германия; phil@kubsu.ru

Luks Irina G. – doctor of Philology, Professor, associate Professor of Sprachakademie Karlsruhe, Germany.

Маликова Ю. В. – магистрант, Кемеровский государственный университет; г. Кемерово, Россия, kondr25@rambler.ru.

Malikova Yu. V. – master’s degree student, Kemerovo state University; Kemerovo, Russia

Малышева Елена Григорьевна – доцент, доктор филологических наук; заведующий кафедрой журналистики и медиалингвистики ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», Россия; malysheva_eg@mail.ru

Malysheva Elena G. – doctor of philology, associate professor; head of the chair of Department of Journalism and Medialinguistics; Omsk State University Dostoyevsky’s name, Russia.

Манаенко Геннадий Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия; manaenko@list.ru

Manaenko Gennadiy N. – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Манаенко Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры русской речи Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия; manaenko@list.ru

Manaenko Svetlana A. – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian speech Culture, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Михайлова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Белорусская государственная академия музыки»; Минск, Республика Беларусь; ev2mikhailova@mail.ru

Mikhailova Elena V. – Ph. D. in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Social Studies at the Educational Institution of Belarusian State Academy of Music; Minsk, Republic of Belarus.

Назарко Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Белорусская государственная академия музыки», Минск, Республика Беларусь; alenyska3011@yandex.ru

Nazarko Elena V. – a senior lecturer of Department of Humanities and Social Studies of the Educational Institution of Belarusian State Academy of Music, Minsk, the Republic of Belarus.

Нильсен Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ), Санкт-Петербург, Россия; janenilsen@mail.ru

Nilsen Evgeniia A. – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the English Language and Translation, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia.

Панде Хем Чандра – Магистр гуманитарных наук, профессор, Центр русских исследований, Университет имени Джавахарлала Неру, Нью Дели-1100067, Индия, hcpande@yandex.ru

Pande Hem Chandra – Master of Arts (M.A.), Professor, Centre of Russian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi-110016, India.

Пономаренко Елена Аликовна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка; Медицинская академия имени С.И. Георгиевского Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Симферополь, Россия. altai2005@yandex.ru

Ponomarenko Elena A. - doctor of Philology, associate Professor of the Department of Russian language; S. I. Georgievsky Medical Academy V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Simferopol, Russia.

Рахматулаева Татьяна Гамзатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка, Северо-Осетинский государственный университет. г. Владикавказ, Россия, t.rach@yandex.ru.

Rakhmatulaeva Tatyana G/ – candidate of philological sciences, associate professor of the French language department, North Ossetian State University; Vladikavkaz, Russia.

Романова Татьяна Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор департамента прикладной лингвистики и иностранных языков; Нижегородский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Нижний Новгород, Россия. tvromanova@mail.ru

Romanova Tatiana V. – professor, departament of applied linguistics and foreign languages, National research university, High school of economics, Nyzhny Novgorod, Russia.

Руденко Ксения Николаевна – преподаватель кафедры публицистики и журналистского мастерства, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия, rudenkoksuxa@yandex.ru

Rudenko Kseniya N. - lecturer of the chair of Journalism mastery department, Federal State Educational Establishment of Higher Professional Education “Kuban State University”, Krasnodar, Russia.

Рябов Вячеслав Николаевич – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, Кубанский государственный университет, г.Краснодар, Россия; phil@kubsu.ru

Ryabov Vyacheslav N. – Doctor of Philology, professor of general and Slavic linguistics, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Селиванова Елена Александровна – Заслуженный работник образования Украины, доктор филологических наук, профессор, заведующий ка-

федрой теории и практики перевода Черкасского национального университета им. Богдана Хмельницкого, Черкассы, Украина oselivanova@ukr.net

Selivanova Yelena A. – Honorary Educator of Ukraine, PHD in Linguistics, Professor, chairperson of Theory and Practice of Translation Department in Bogdan Khmel'nitskij National University, Cherkassy, Ukraine.

Сизгал Кирилл Яковлевич – доктор филологических наук, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН, Москва, Россия; kjseagal@yandex.ru

Seagal Kirill Ya. – Doctor of Philology, Head of Department of Experimental Speech Researches, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Сидорова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия; t.sidorova@narfu.ru

Sidorova Tatyana A. – doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian language and speech culture of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia.

Талашова Наталия Григорьевна – кандидат филологических наук, ведущий специалист отдела разработки тестовых материалов Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия; miss.talashova@yandex.ru

Talashova Natalia G. – Candidate of Philology, Lead Specialist of Test Development Department, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Тамерьян Татьяна Юльевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия; tamertu@mail.ru

Tameryan Tatyana Yu. – Doctor in Philology, Professor, professor of Department of Foreign Languages for Non-linguistic Specialties, North-Ossetia state university, Vladikavkaz, Russia.

Хисамова Галия Гильмулловна – доктор филологических наук, доцент, Факультет башкирской филологии, востоковедения и журналистики, Башкирский государственный университет, Уфа, Россия; galiya.khisamova@yandex.ru

Khisamova Galiya G. – Doctor of Philology, Associate Professor at Bashkir Philology, Oriental Studies and Journalism Department Bashkir State University, Ufa, Russia.

Чирва Николай Игоревич – аспирант факультета журналистики, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия; nikoshasto@mail.ru

Chirwa Nikolay I. – postgraduate student of the faculty of journalism of the Kuban state University, Krasnodar, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНОМ АЛЬМАНАХЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАЛК «ЯЗЫК. ТЕКСТ. ДИСКУРС»

Уважаемые коллеги!

Готовится к изданию семнадцатый выпуск научного альманаха Ставропольского отделения РАЛК «Язык. Текст. Дискурс» под редакцией проф. Г.Н. Манаенко.

Разделы альманаха:

1. Теоретические и методологические аспекты исследования языка, текста и дискурса.
2. Социокультурные измерения исследования языка, текста и дискурса.
3. Проблемы исследования дискурсных формаций и дискурсивных практик.
4. Дискурсивная специфика исследования языковой системы и языковой компетенции.
5. Рецензии.

Статьи принимаются до 31 августа 2020 года.

Требования к оформлению

Объем до 0,5 п.л.; шрифт Times New Roman, 14 кегль, интервал – 1,5; поля по 2 см; текст должен быть предоставлен в электронном виде (редактор Word 97 – 2003) по адресу: E-mail: manaenko@list.ru.

Для публикации статья помимо основного текста должна содержать:

1. Сведения об авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество автора, должность, звание, ученая степень; полное и точное место работы; подразделение организации; контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.
2. Название статьи на русском и английском языках.
3. Аннотация на русском и английском языках, включающая 100-250 слов (по ГОСТу – 850 знаков, не менее 10 строк) и отражающая следующие аспекты содержания статьи: предмет, тему, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
4. Ключевые слова на русском и английском языках.
5. Наличие обязательной тематической рубрики – УДК.

6. Библиографический список – на русском языке. Источники даются в алфавитном порядке и стандартном оформлении.

Речевые иллюстрации набираются курсивом, выделения делаются жирным шрифтом. Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется следующим образом: [Арутюнова 2003: 25].

Ссылка на источник фактического материала оформляется следующими способами: (В. Пелевин. Желтая стрела), (АиФ. 2009. №5.), (Первый канал. Вести. 07.08.2009), (<http://demotivators.to/p/759951/pes-tyi-moi-uspokoitelnyie-ne-videl.htm>).

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5"2008).

Научное издание

ЯЗЫК. ТЕКСТ. ДИСКУРС
НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ
ВЫПУСК 17

Дизайн обложки Ю.П. Бударин, Н.А. Дмитриенко
Компьютерная верстка П.Г. Немашкалов

	Подписано в печать 27.12.2019	
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$	Усл.печ.л. 17,21	Уч.-изд.л. 16,34
Бумага офсетная	Тираж 500 экз.	Заказ 279

Отпечатано в ООО "Идея +"